

UNIwersytet WArmińsko-MAzurski w OLSZTYNIE
UNIVERSITY OF WARMIA AND MAZURY IN OLSZTYN

PRZEGLĄD

Wschodnioeuropejski

X/2
2019

Wydawnictwo
Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego
w Olsztynie

Rada Programowa

Saule Abisheva (Almaty), Zbigniew Anculewicz (Olsztyn), Selim Chazbijewicz (Astana), Milosav Čarkić (Belgrad), Jim Dingley (London), Victor Dönninghaus (Lüneburg), Włodzimierz Dubiczyński (Charków/Warszawa), Michael Fleischer (Wrocław), Helmut Jachnow (Bochum), Andrzej de Lazari (Łódź), Piotr Majer (Olsztyn), Adam Maldzis (Mińsk), Rimantas Miknys (Wilno), Iwona Ndiaye (Olsztyn), Żanna Niekraszewicz-Karotkaja (Mińsk), Aleksander Nikulin (Moskwa), Alvydas Nikžentajtis (Wilno), Marek Melnyk (Olsztyn), Predrag Piper (Belgrad), Andrzej Sitarski (Poznań), Aleś Smalańczuk (Grodno), Klaus Steinke (Erlangen), Henryk Stroński (Olsztyn), Andrzej Szymt (Olsztyn), Józef Śliwiński (Olsztyn), Daniel Weiss (Zürich), Alexander Zholkovsky (Los-Angeles), Bogusław Żyłko (Gdańsk)

Adres redakcji

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie
Centrum Badań Europy Wschodniej
ul. Kurta Obitzka 1, 10-725 Olsztyn
tel. ++48 602175802, fax ++48 89 5351486 (87)
e-mail: komunikacjam@uwm.edu.pl
<http://www.uwm.edu.pl/cbew/p.wschodnioeuropejski.html>

Tytuł angielski: EAST EUROPEAN REVIEW

Kolegium Redakcyjne

Aleksander Kiklewicz (redaktor naczelny), Roman Jurkowski (sekretarz naukowy),
Norbert Kasperek, Helena Pociechina, Dariusz Radziwiłłowicz, Marek Szczepaniak

Recenzenci

Adam Bezwiński (Bydgoszcz)	Tomasz Kośmider (Warszawa)
Károly Bibok (Szeged)	Michaił Kotin (Zielona Góra)
Rustem Ciunczuk (Kazań)	Ałła Kożynowa (Mińsk)
Rafał Czachor (Polkowice)	Walentyna G. Kulpina (Moskwa)
Michaił Darwin (Moskwa)	Oleg Leszczak (Kielce)
Michaił Dymarski (Sankt Petersburg)	Marta Pančíková (Ostrava)
Piotr Fast (Katowice)	Tacciana Ramza (Mińsk)
Joanna Gierowska-Kałużur (Warszawa)	Ludmiła Safronowa (Ałmaty)
Michał Głuszkowski (Toruń)	Władimir Szajdurow (Sankt Petersburg)
Sergiusz Grinev-Griniewicz (Białystok)	Dariusz Tarasiuk (Lublin)
Wojciech Kajtoch (Kraków)	Björn Wiemer (Moguncja)
Roman Kisiel (Olsztyn)	Anatolij Zahnitko (Donieck/Winnica)
Zbigniew Klimiuk (Warszawa)	Władimir Zaika (Nowogród Wielki/Białystok)
Eugeniusz Koko (Gdańsk)	Marina Zagidullina (Czelabiński)
Natalia Korina (Wiedeń)	Marzenna Zaorska (Olsztyn)
Mariusz Korzeniowski (Lublin)	Arkadiusz Żukowski (Olsztyn)

Redaktorzy językowi

Język polski – Katarzyna Zawilska
Język angielski – Katarzyna Kokot-Góra
Język białoruski – Aleksander Kiklewicz
Język niemiecki – Alina Kuzborska
Język rosyjski – Helena Pociechina
Język ukraiński – Mirosława Czetyrba-Piszczako

Redakcja informuje, że wersją pierwotną czasopisma jest wydanie papierowe.

Czasopismo wdrożyło procedurę zabezpieczającą przed zjawiskiem ghostwriting:
<http://www.uwm.edu.pl/cbew/p.wschodnioeuropejski.html>

Strona internetowa czasopisma

<http://www.uwm.edu.pl/cbew/p.wschodnioeuropejski.html>

Zasady recenzowania

<http://www.uwm.edu.pl/cbew/p.wschodnioeuropejski.html>

Projekt okładki

Maria Fafińska

ISSN 2081–1128

Wydawnictwo UWM
ul. Jana Heweliusza 14, 10-718 Olsztyn
tel. ++48 89 523 36 61; fax ++48 89 523 34 38
www.uwm.edu.pl/wydawnictwo/
e-mail: wydawca@uwm.edu.pl

Nakład: 105 egz.; ark. wyd. 27; ark. druk. 23
Druk: Zakład Poligraficzny UWM w Olsztynie, zam. nr 505

SPIS TREŚCI

HISTORIA

ELENA KUCHERYAVAYA (Warszawa)	
Столетие революции 1917 года в России – формирование исторической памяти в современной ситуации	11
IRINA SMIRNOVA (Moscow)	
Metropolitan Philaret (Drozdov) and Russian Church Policy in the Holy Land in the 1850s–1860s	25
ВАЛЕНТИНА ВЕРЕМЕНКО, ЛЮБОВЬ САМАРИНА (Санкт-Петербург)	
Мужская прислуга в России второй половины XIX – начала XX века: от дворни к артели	35
ROMAN JURKOWSKI (Olsztyn)	
Współczesne białoruskie, polskie i rosyjskie badania biograficzne dotyczące dziejów Europy Środkowo-Wschodniej w XIX wieku	51
MARIUSZ KORZENIOWSKI (Lublin)	
Polacy w Kijowie wobec Rządu Tymczasowego (marzec – lipiec 1917 r.)	67
JOANNA MARIA GARBULA (Olsztyn)	
Historia życia i działalności Benedykta Dybowskiego – wielkiego zoologa, lekarza, antropologa, działacza niepodległościowego, zesłańca syberyjskiego	77
ЕЛЕНА БОРЦ (Екатеринбург)	
Русская «авторская» иллюстрация 1790-х годов: проблема рецепции французских аналогов	89

SPOŁECZEŃSTWO, POLITYKA, STOSUNKI MIĘDZYNARODOWE

OLEG LESZCZAK (Kielce)	
Polska i Polacy we współczesnym ukraińskim etnicznym obrazie świata. Część II: Przegląd dyskursu medialnego	101
PAWEŁ LETKO (Olsztyn)	
Powstanie i działalność Rosyjsko-Litewskiej Komisji Historyków (2006–2018)	115
ELENA KHLYSCHEVA, SERGEI KHRAPOV, SVETLANA KRYUCHKOVA (Astrakhan/Moscow)	
The Neostranger Phenomenon: to the Problem about Transformation of Immigrant's Adaptation Practices in the Socio-Cultural Space of Europe and Russia	123
МАДИНА СУЛТАНОВА, ЖАНЕРКЕ ШАЙГОЗХОВА (Алматы)	
Казахстанская Полония вчера и сегодня: особенности культурного взаимодействия (культурологический контекст)	137
СЕРГЕЙ ВОРОБЬЕВ, ЕВГЕНИЙ АВДЕЕВ (Ставрополь)	
Глобализация и модернизация в развитых и развивающихся странах: характерные черты и основные стратегии	149
ОКСАНА ГОЛОВАШИНА (Тамбов)	
Модели интеграции украинских мигрантов в Польшу в условиях конфликта исторических нарративов	161
ИЛЬДУС ЗАГИДУЛЛИН (Казань)	
Регламентация правового положения мусульманского духовенства Таврической губернии во второй трети XIX века	169

PIOTR OLECHOWSKI (Warszawa)	
Początki działalności Konsulatu Generalnego RP w Kijowie po II wojnie światowej (1947–1949)	179
PAWEŁ PIETNOCZKA (Olsztyn)	
Priorytety programowe kandydatów na urząd prezydenta Ukrainy w 2019 roku	193

KULTURA, LITERATURA, MEDIA

ARNOLD McMILLIN (London)	
The Prose and Drama of an Outstanding Poet, Volha Hapiejewa	205
ANDRIEJ KOTIN (Zielona Góra)	
W poszukiwaniu utraconej metody, czyli Włodzimierz Sołowjow a idea sofijna w nowej książce Henriecke Stahl „Sophia im Denken Vladimir Solov’evs. Eine Ästhetische Rekonstruktion”	221
IRINA BAKLANOVA (Moscow)	
The Image of Recipient of Journalistic Text Within Newspaper Headlines	231
OKSANA PUKHONSKA (Kyiv)	
Травматична пам’ять в українській літературній рецепції: симптоми постзалежності	241
MAGDALENA ŻMIJKOWSKA (Olsztyn)	
Problematyka kaliningradzka na łamach „Gazety Olsztyńskiej” w latach 2015–2019	251
ШАЙЗАДА ТОХТАБАЕВА (Алматы)	
Образ кузнеца в традиционном мировоззрении казахов XIX – 1-ой пол. XX вв.: Миф и реальность	263

JĘZYK

ALEKSANDER KIKLEWICZ (Olsztyn)	
Польская и русская школы культурной лингвистики: сходство и различие подходов	273
АННА БАЛАКАЙ (Новокузнецк)	
Речевая характеристика современного блогера (на материале блогеров-вышивальщиц российского видеохостинга You Tube)	293
ЕЛЕНА МАРИНОВА (Нижний Новгород)	
Конфликт нормы и кодификации в период языковой нестабильности (на материале новых несклоняемых существительных русского языка)	305
JEKATERINA WLIZNIUK-BISKUP (Warszawa)	
«Русские мужики? Какие же, как не русские...», или Почему трудно переводить Гоголя	315
ИРИНА ПУШКАРЕВА (Новокузнецк)	
Медиаобраз языка в современной российской городской газете (на материале газеты «Кузнецкий рабочий»)	325
ТЕТИАНА PETROVA (Kharkiv)	
Melioration Terminology in Ukrainian Scientific Picture of the World	337
АЛЛА КАМАЛОВА, ГЕННАДИЙ БЕРЕСТНЕВ (Ольштын/Калиниград)	
Эмоции как предмет лингвистического изучения (на материале русского языка)	349

RECENZJE, OMÓWIENIA

ТЕТЯНА КОСМЕДА, ОЛЕНА ГОМЕНЮК (Poznań)	
Р. Тимошук, В. Сосновський, М. Яскот, Ю. Ганошенко, <i>Лексикон польської та української активної фразеології</i> , Варшава: KJV Digital, 2018; 309 с.	363

TABLE OF CONTENTS

HISTORY

ELENA KUCHERYAVAYA (Warszawa)	
The 100th Anniversary of the Russian Revolution of 1917 – the Historical Memory Formation in Contemporary Situation	11
IRINA SMIRNOVA (Moscow)	
Metropolitan Philaret (Drozdov) and Russian Church Policy in the Holy Land in the 1850s–1860s	25
VALENTINA VEREMENKO, LUBOV SAMARINA (S. Petersburg)	
Male Servants in Russia in the Second Half of the 19th – at the Beginning of the 20th Century: from Domesticity to Workmen’s Cooperative Association	35
ROMAN JURKOWSKI (Olsztyn)	
Contemporary Belarusian, Polish and Russian Biographical Studies on the History of Central and Eastern Europe in the 19th Century	51
MARIUSZ KORZENIOWSKI (Lublin)	
Attitude of Kyivan Poles towards the Provisional Government (March – July 1917)	67
JOANNA MARIA GARBULA (Olsztyn)	
The Story of Life and Work of Benedykt Dybowski – an Eminent Zoologist, Physician, Polish Independence Activist, Siberian Deportee	77
ELENA BORSHCH (Ekaterinburg)	
Russian “Author’s” Illustration of 1790th Years: a Problem of Reception of the French Analogues	89

SOCIETY, POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

OLEG LESZCZAK (Kielce)	
Poland and Poles in Modern Ukrainian Ethnic View of World. Part II: Review of Media Discourse	101
PAWEŁ LETKO (Olsztyn)	
The Establishment and Activity of Russian-Lithuanian Commission of Historians (2006–2018)	115
ELENA KHLYSCHEVA, SERGEI KHRAPOV, SVETLANA KRYUCHKOVA (Astrakhan/Moscow)	
The Neostranger Phenomenon: to the Problem about Transformation of Immigrant’s Adaptation Practices in the Socio-Cultural Space of Europe and Russia	123
MADINA SULTANOVA, ZHANERKE SHAIGOZOVA (Almaty)	
Polonia of Kazakhstan Yesterday and Today: Features of Cultural Interaction (Cultural Context)	137
SERGEY VOROBOIEV, EVGENII AVDEEV (Stavropol)	
Globalization and Modernization in Developed and Developing Countries: Typical Features and Main Strategies	149
OXANA GOLOVASHINA (Tambov)	
Models of Integration of Ukrainian Migrants in Poland in the Context of the Conflict of Historical Narratives	161
IL’DUS ZAGIDULLIN (Kazan)	
Regulation of the Legal Status of the Muslim Clergy of the Taurian Province in the Second Third of the XIX Century	169

PIOTR OLECHOWSKI (Warszawa)	
The Beginnings of Diplomatic Operation of Consulate General of the Republic of Poland in Kyiv after the Second World War (1947–1949)	179
PAWEŁ PIETNOCZKA (Olsztyn)	
Program Priorities of Candidates for the Office of President of Ukraine in 2019	193

CULTURE, LITERATURE AND MEDIA

ARNOLD McMILLIN (London)	
The Prose and Drama of an Outstanding Poet, Volha Hapiejewa	205
ANDRIJ KOTIN (Zielona Góra)	
In Search of Lost Method, or Vladimir Solovyov and the Sophiological Thought in Henriecke's Stahl New Book "Sophia im Denken Vladimir Solov'evs. Eine Ästhetische Rekonstruktion"	221
IRINA BAKLANOVA (Moscow)	
The Image of Recipient of Journalistic Text Within Newspaper Headlines	231
OKSANA PUKHONSKA (Kyiv)	
Traumatic Memory in Ukrainian Literary Reception: Symptoms of Post-dependence	241
MAGDALENA ŻMIJKOWSKA (Olsztyn)	
(The issue of Kaliningrad in "Gazeta Olsztyńska" in the years 2015–2019)	251
SHAIZADA TOKHTABAYEVA (Almaty)	
Image of a Blacksmith in the Traditional World View of Kazakhs in 19th – first Half of 20th Centuries	263

LANGUAGE

ALEKSANDER KIKLEWICZ (Olsztyn)	
Polish and Russian School of Cultural Linguistics: Similarity and Differences of Approaches	273
ANNA BALAKAY (Novokunetsk)	
Speech Characteristics of Modern Blogger (Based on the Material of Bloggers-Embroiderers of Russian Video Hosting YouTube)	293
ELENA MARINOVA (Nizhny Novgorod)	
Conflict between the Norm and Codification in the Period of Language Instability (a case Study of New Indeclinable Nouns of Russian Language)	305
JEKATERINA BLIZNIUK-BISKUP (Warszawa)	
"Russian Muzhiks – Who Else if not Russians...": Why Gogol is so Difficult to Translate	315
IRINA PUSHKAREVA (Novokuznetsk)	
The Media Image of Language in the Modern Russian Newspaper (on the Material of the City Newspaper "Kuznetskiy Rabochiy")	325
TETIANA PETROVA (Kharkiv)	
Melioration Terminology in Ukrainian Scientific Picture of the World	337
ALLA KAMALOVA, GENNADY BERESTNEV (Olsztyn/Kaliningrad)	
Emotions as an Object of Linguistic Study (on the Material of the Russian Language)	349

REVIEWS, ELABORATIONS

TETYANA KOSMEDA, OLENA GOMENIUK (Poznań)	
Р. Тимошук, В. Сосновський, М. Яскот, Ю. Ганошенко, <i>Лексикон польської та української активної фразеології</i> , Варшава: KJV Digital, 2018; 309 с.	363

HISTORIA

ELENA V. KUCHERYAVAYA

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6139-4635>

Akademia Pedagogiki Specjalnej im. Marii Grzegorzewskiej

СТОЛЕТИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В РОССИИ – ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ

The 100th Anniversary of the Russian Revolution of 1917 – the Historical Memory Formation in Contemporary Situation

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиа-дискурс, историческая память, 100-летие революции 1917 года в России

KEYWORDS: media discourse, historical memory, 100th anniversary of the Russian Revolution of 1917

ABSTRACT: The article presents selected outcomes of the international research project “From the Enemy of the People to New Martyr”, investigating the memory of the Russian Revolution of 1917 and of the Great Terror, and its place in contemporary discourse in Russia. The research is sponsored by the Polish National Science Centre and is conducted at the Maria Grzegorzewska Pedagogical University in Warsaw (2017-2020 years). The one of the project’s stages was the investigation of shaping the historical memory by authorities in contemporary Russia, conducted with using research method of discourse analysis in 2017 year. The results of the analysis of the public discourse demonstrate how the perception of the Revolution of 1917 changes in Russia nowadays, and how in the year of the 100th anniversary new understanding of the historical events are being shaped. It also demonstrates the impact of the contemporary political situation on the creation of new discourse about Revolution.

1. Введение

В 2017 г. исполнилось 100 лет революции¹ в России – события, изменившего жизнь не только в этой стране, но и во всем мире. Цель статьи – представить избранные результаты исследований, проведенных в рамках проекта

¹ В современной России, как показал анализ, нет единства относительно терминологии: как называть революционные события столетней давности (встречаются определения: «Февральская революция и Октябрьский переворот», «Русские революции 1917 года», «столетний юбилей Великой русской революции», но чаще всего – нейтральное: «революция 1917 года»). В данной статье понятие «революция 1917 года» включает в себя все революционные события 1917 г. как единый процесс.

«От врага народа к святому мученику – анализ 100-й годовщины революции 1917 года и 80-летия Большого террора в России»². Автором проанализирован российский медиа-дискурс³ и юбилейные мероприятия с целью определения, какие ритуалы памяти предлагаются органами государственной власти и Русской Православной Церковью (РПЦ) в год юбилея революции, и как изменились уже существующие. В исследованиях заметна особая роль РПЦ, поскольку многие мероприятия юбилейного года проводились совместно государством и Православной Церковью. Сотрудничество власти и Церкви в области формирования исторической памяти в России наблюдается на протяжении многих лет (Bogumil/Moran/Harrowell 2015). Основной гипотезой исследования было предположение, что юбилейный год приведет к окончательному изменению интерпретации революции 1917 г., и это станет следствием компромисса между государственной властью и РПЦ в сфере формирования исторической памяти.

В рамках исследования уделено особое внимание содержанию выступлений представителей власти и церковных деятелей, с целью анализа: какое значение государство и РПЦ придают историческим событиям столетней давности. В течение юбилейного года анализировалось содержание официальных сайтов Президента РФ, Государственной Думы и Московской Патриархии, а также государственных и православных СМИ, с целью определения точек соприкосновения или отсутствия таковых в интерпретации прошлого.

Следует заметить, что 80–100 лет – это период, определяющий так называемый *floating gap*, когда происходит преобразование коммуникативной памяти в культурную, основанную на определенных «носителях памяти», таких как памятники, музеи, ритуалы, тексты или устоявшиеся речевые обороты. Столетие революции склоняет к рефлексии над тем, какие формы культурной памяти обретает это событие в России; как официальные государственные и церковные мероприятия, связанные с юбилеем революции, повлияли на ее понимание и интерпретацию; и как сейчас формируется историческая память.

Поскольку столь обширные исследования невозможно описать в одной статье, далее представлены только результаты анализа дискурса⁴, связанного с формированием властью исторической памяти в современной России.

² Проект nr UMO-2016/21/B/HS6/03782 (www.memoryofrepressions.aps.edu.pl), руководитель – З. Богумил, исследователь исторической памяти в Центральной и Восточной Европе. Автор статьи участвует в проекте как приглашенный исследователь медиа-дискурса.

³ Использована методология CDA (Critical Discourse Analysis), см.: Duszak/Fairclough 2008.

⁴ Анализ проводился с использованием социологического и лингвистического подходов, т.к. важно рассматривать дискурс как социальное действие, как утверждал еще в 20 веке М.Фуко (Foucault 1969), благодаря которому понятие дискурса распространилось в гуманитарных и социальных науках. Некоторые авторы (Condit/Lukaites 1993) считают, что главной задачей дискурса является убеждение, и дискурс – это инструмент, а риторика – ремесло. О механизмах воздействия

2. Изменение исторической памяти: новая интерпретация причин революции

Как и любая дискурсивная практика, медиа-дискурс может создавать свою версию реальности (Tolson 1996, 196). Результаты нашего исследования показывают, что интерпретация революции 1917 г. и ее причин меняется в медиа-дискурсе в зависимости от современной ситуации в российском обществе, создавая новую версию исторической реальности.

Если в начале 2017 г. революция описывалась в российских СМИ как великая трагедия, а анализ ее причин с социально-исторической точки зрения рассматривался вполне объективно (в качестве причин революционных событий были представлены напряженная социальная и экономическая обстановка в России в начале 20 в.), то ближе к ноябрю 2017 г. дискуссия в прессе приняла характер пропаганды с целью недопущения новой революции⁵. Происходит пересмотрение ситуации в России 100 лет назад и причин революции (Torkunov 2017), т.е. по мнению некоторых российских ученых-историков и профессора Торкунова⁶ в частности, причину нужно искать в «раздрае в российских элитах». Красной линией в публикациях прослеживается задействие иностранного капитала в финансировании революционных событий в России. В СМИ все чаще упоминаются британский и немецкий капитал, «иностранные агенты», ранее неизвестная широкой общественности личность А. Парвуса (немецкого агента, якобы платившего за организацию революции в России и способствовавшего возвращению Ленина в апреле 1917 г.). В организации Февральской революции обвиняется «британский капитал», а Октябрьского переворота – «немецкий капитал» (Torkunov 2017).

Рассуждения о причинах революции 1917 г. – одна из важных линий раздела мнений, наблюдаемых в российских СМИ, особенно в публикациях различных аналитиков, историков, либо в интервью с ними. И хотя были разные точки зрения на причины, приведшие Россию к революции сто лет назад, к концу юбилейного года возобладала новая интерпретация – «теория заговора». Поскольку она озвучена председателем (Torkunov 2017) Оргкомитета по подготовке и проведению мероприятий, связанных со 100-летием революции, созданного по распоряжению Президента РФ № 412-рп от 19.12.2016⁷, можно предположить, что эта точка зрения одобряется российской властью.

публицистических текстов на читателя и о пропаганде в СМИ ранее подробно писал в данном журнале А. Киклевич (см.: Kiklewicz 2015; 2017).

⁵ Особенно после прошедших летом в нескольких российских городах митингов оппозиционных сил и призывов совершить новую революцию 5 ноября 2017 г.

⁶ А. Торкунов – ректор МГИМО, академик Российской академии наук, председатель Оргкомитета по подготовке и проведению мероприятий, связанных со 100-летием революции.

⁷ См. полный текст распоряжения на официальном сайте <http://rushistory.org/images/documents/0001201612200017.pdf>.

Однако, несмотря на изменение интерпретации причин революционных событий, появление в дискурсе новых персонажей, якобы ответственных за волнения в России в начале 20 века и организацию революции (таких как А. Парвус и т.п.), «ответить однозначно на вопрос о крупнейшем катаклизме XX в., которым стала революция в России, невозможно» (Torkunov 2017).

Что касается опасности повторения революции в России, то здесь исследователи и политики однозначно сходятся во мнении, что такая трагедия больше не должна повториться.

Например, проф. А. Торкунов в интервью журналу «Родина» отметил:

Думаю, мы получили прививки от революционных событий. Видим, к чему ведут революционные события в других странах, нам безразличных. Эволюционный путь развития должен быть главным в нашей истории. [...] Любая революция несет как новые возможности, так и большие трагедии. [...] Так что, считаю, мы не переживем новой революции (Torkunov 2017).

В. Матвиенко — известная личность в российской политике, председатель Совета Федерации РФ, в интервью газете «Известия» подчеркнула:

Выход на траекторию [...] сбалансированного, оптимального развития — задача, которую ставит перед государством президент России. Она может быть решена только объединением усилий всех ветвей власти, всех социальных слоев общества. [...] Как показывают результаты опросов общественного мнения, люди не желают ни нового Февраля, ни нового Октября, выступают за взвешенные, последовательно осуществляемые реформы, обеспечивающие устойчивое экономическое и социальное развитие общества, соблюдение прав и свобод граждан, безопасность страны. Думаю, [...] это главный урок, главный вывод, сделанный нашей страной на основе столетнего опыта (Matvienko 2017a).

3. Последствия: как революция 1917 года изменила Россию и мир

Точек зрения на последствия революции 1917 г., как и на ее причины, также довольно много, однако полярных — две. Президент В. Путин в своих выступлениях в 2017 г. называл ее трагедией и катастрофой, призывая извлечь уроки, чтобы революция не повторилась⁸. Большинство исследователей, следуя за мнением власти, также считают, что это была катастрофа, но кроме того звучали мнения, что это было и движение вперед (впрочем, к концу 2017 г. таких мнений в СМИ осталось ничтожно мало). В подавляющем большинстве исследованных публикаций последствия революции 1917 г. описывались

⁸ См. на официальном сайте Президента РФ: <http://kremlin.ru/events/president/news/54573>.

как трагические для России: и в политическом, и в экономическом смысле. Об этом говорили в своих выступлениях как представители власти (президент, министры, депутаты), так и представители РПЦ.

Пожалуй, главным мероприятием по осмыслению революционных событий стало заседание Генеральной ассамблеи Международного комитета историков⁹ 29-30 сентября 2017 г. В Москве собрался цвет науки, главные мировые специалисты по XX веку, директора профильных институтов и председатели влиятельных международных исторических комиссий – 150 человек из 30 стран, которые приехали, чтобы разобраться в глобальной проблеме: как революция 1917 г. изменила мир. «Столетний юбилей Великой русской революции – это не праздник», – такую позицию озвучил глава Российского исторического общества (РИО) С. Нарышкин во время открытия Генеральной ассамблеи (Naryshkin 2017)¹⁰. Однако все чаще в дискурсе можно заметить высказывания, что это было событие знаковое и противоречивое, беспрецедентное по масштабу последствий для народа и мира.

Например, в октябре 2017 г. газета «Известия» провела круглый стол, посвященный юбилею революции. Целью было – понять, появилось ли единое мнение по этому событию хотя бы у экспертов; и возможно ли, чтобы прошлое перестало раскалывать российское общество и начало объединять (см.: Zaprogrammirovannaya 2017).

Научный руководитель Института всеобщей истории РАН академик А. Чубарьян, говоря о революции, принципиально подчеркнул, что октябрьские события 1917 г. – это только один из её этапов:

Три года назад был утвержден историко-культурный стандарт истории нашего отечества. В нем введен термин «Великая российская революция 1917–1922 годов». Взяли за образец Великую французскую революцию, которая рассматривается как не одно событие, а процесс, потому что гражданская война — это органическое следствие и продолжение революции. Думаю, что одна из главных причин существующего в обществе отрицательного отношения к революции в том, что она привела к такой многомиллионной жертвенной войне, к трагическому расколу общества. Консенсуса достичь довольно сложно, учитывая, что наше сегодняшнее общество довольно многополярное в отношении к разным периодам нашей истории. [...] Этот юбилей — не праздник. Столетие революции — это дата, и мы подводим некоторый итог пройденного пути (Zaprogrammirovannaya 2017).

⁹ Генеральная Ассамблея – главный руководящий орган Международного комитета исторических наук. В числе её приоритетных задач – определение стратегии развития мировой исторической науки.

¹⁰ Такую же позицию выражают Президент РФ и Церковь – подробнее в разделе 4.

Профессор факультета политологии МГУ А. Кочетков также говорил во время «круглого стола» о противоречивости оценки последствий революции в современном российском обществе:

Для меня революция 1917 года – безусловно, эпохальное событие, которое оказало колоссальное влияние на всю мировую историю. Оно было закономерным и имело сложный комплекс причинно-следственных связей. Я против отождествления революции с каким-то заговором. Конспирологических теорий очень много. Но это ненаучный подход. Революция 1917 года дает очень богатый материал для осмысления сегодняшнего времени и для того, чтобы не повторилось то, что было в 1917 году. Но принципиальный вопрос, как оценивать революцию: это локомотив истории или крайняя форма разрешения общественных проблем, противоречий, вызовов, во многом носившая негативный характер. Это нужно объективно оценить (Zaprogrammirovannaya 2017).

Профессор А. Безбородов, и.о. ректора РГГУ, отметил однако:

Сейчас мы уходим от резкой поляризации оценок революции 1917 года. Сегодня нет такой остроты социальных противоречий, нет сражений беспринципного свойства в научном сообществе, образовательное пространство может более спокойно воспринимать эту проблематику (Zaprogrammirovannaya 2017).

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, выступая в октябре 2017 г. в Храме Христа Спасителя, также поделился своими мыслями о потрясениях XX в. и о том, как воспринимать их сегодня:

Оценивая события 1917 года и их последствия, мы должны держать перед глазами обе картины. Взрыв храма и его восстановление – это звенья единой цепи нашей истории XX века, и оценивать ее можно только целостно. Ни в коем случае не отрицать и не обелять очевидное зло, – но признавать факты, анализировать их во избежание повторения революционных ужасов (Patriarh 2017).

Министр культуры В. Мединский выразил в прессе следующее мнение:

Октябрь 1917-го оказал радикальное влияние не только на социальную и политическую, но и на культурную жизнь. В этом году по всей России проводятся выставки, конференции, фестивали, посвященные событиям 1917 г., выходят премьеры фильмов и спектакли. Это неслучайно. Великая русская революция была беспрецедентна по своему масштабу, в том числе и по масштабу последствий для людей. И влияние её на культуру было таким же необъятным. Изменения, произошедшие в мировой культуре, были не менее значительны, чем те, что произошли в социальной и политической жизни стран Запада (Medinskiy 2017).

Председатель РИО С. Нарышкин, выступая на заседании Генеральной ассамблеи Международного комитета историков, уточнил, что термин «великая» применим лишь к последствиям революции. По его мнению, никто в России не взялся бы сегодня оценивать эти последствия однозначно (Naryshkin 2017).

Стоит обратить внимание также на опубликованное высказывание директора РГАСПИ, историка и издателя А. Сорокина:

[...] Государство в России не пытается навязать своим гражданам взгляд на историю 1917 года, и единственный признак, по которому можно судить об отношении власти в целом и президента в частности к юбилею – это исчезновение идеологически окрашенного слова «Великая» из распоряжения для РИО о перечне мероприятий по отмечанию 100-летия Российской революции» (Krasnyu 2017).

Всероссийский центр исследований общественного мнения (ВЦИОМ) провел опрос, в котором было несколько пунктов, оказавшихся для россиян весьма спорными. «Выражала ли революция волю большинства народов, проживавших в Российской империи?» – этот вопрос расколол аудиторию на две почти равные части: 45% – «да», 43% – «нет». Госпереворотом произошедшее назвали 19% респондентов. Положительными последствия революции для России считают 61% (38% согласились: «она дала толчок развитию страны», 23% приняли точку зрения: «она открыла новую эру в истории России»). И главное: 92% считают новую революцию недопустимой (Opros 2017). Такими, по данным ВЦИОМ, линии раздела мнений в современном российском обществе.

Но анализируя события с перспективы прошедших лет, можно сказать, что несомненно одного у этой революции не отнять – она навсегда изменила вектор развития России и мира, и пожалуй, на долгие десятилетия изменила саму ментальность россиян.

4. Позиция власти и мероприятия к 100-летию Октябрьской революции

Из анализа медиа-дискурса следует, что позиция власти по отношению к празднованию 100-летия Октябрьской революции в России была и осталась отстраненной. «Кремль не планировал проведение каких-либо мероприятий, приуроченных к 100-летию Октябрьской революции», – с таким заявлением выступил пресс-секретарь Президента РФ Д. Песков, подчеркнув, что не понимает, «в связи с чем это нужно праздновать»¹¹. Газета «Financial Times»

¹¹ Это официальная позиция власти (Kreml 2017), сообщение продублировали почти все исследованные СМИ.

добавила, что президент России В. Путин разделяет «двойственное» отношение общественности к событиям столетней давности. Праздничные мероприятия 7 ноября 2017 г. проводила партия КПрФ, но главы государства там не было.

Тем не менее, состоялось важное международное мероприятие – 31 октября 2017 г. в Москве торжественно открылась Всемирная тематическая конференция соотечественников, проживающих за рубежом «Столетие Русской революции: единение ради будущего», где участвовали официальные государственные лица России и представители РПЦ. Об этом событии много писали и государственные, и православные СМИ. Глава МИД РФ С. Лавров, выступая на открытии конференции, сказал: «Сделав выводы из далеко не самых простых страниц прошлого, мы осознали всю бессмысленность насаждения какой-то идеологии...» (Lavrov 2017).

Комитет по международным делам Государственной Думы РФ провел в конце октября 2017 г. парламентские слушания на тему «100-летие революции 1917 года в России», где зам.председателя Госдумы П. Толстой констатировал, что большинство революций в мировой истории происходило, когда власть слабела и не слышала общество. Тогда активизировались внешние силы, заинтересованные в госперевороте и смене власти¹².

По инициативе Комитета по международным делам в Государственной Думе прошла также выставка «100-летие революции 1917 года в России: международные аспекты». Организованная Федеральным архивным агентством и Российским государственным архивом социально-политической истории (РГАСПИ) при участии историко-документального департамента МИД, выставка отобразила то, как революционные события и первые годы советской власти отразились в зеркале международных отношений.

Остальные мероприятия, связанные со столетием революции, в основном имели культурный или научный характер.¹³

Представитель законодательной власти, спикер верхней палаты парламента В. Матвиенко считает, что столетие революции было отмечено достойно:

Прошло много конференций, «круглых столов» – в научных учреждениях, вузах, на парламентских и других площадках. Огромное количество публикаций в СМИ, выступлений в социальных сетях. И это очень важно, так как теперь мы лучше чувствуем настроения, доминирующие в обществе в связи с Октябрем 1917 года. Видим, что при всём разбросе мнений есть понимание того, что Русская революция – событие планетарного масштаба. Она стала величайшим потрясением

¹² См. подробнее на официальном сайте http://www.duma.gov.ru/news/273/2118396/?sphrase_id=2759001#photo1.

¹³ См. подробный план мероприятий на официальном сайте <http://rushistory.org/images/documents/plan100letrevolution.pdf>, rushistory.org/images/documents/region-plan-revolution100.pdf.

для миллионов людей в России, но вместе с тем изменила ход мировой истории, имела как негативные, так и позитивные последствия» (Matvienko 2017b).

В год юбилея мы вновь убедились, что события февраля и октября 1917 г. остаются значимыми как для России, так и для всего мира. Об этом красноречиво свидетельствует первостепенное внимание, которое им было уделено: в России и за ее пределами теме революции 1917 г. было посвящено около 1,2 тыс. конференций, симпозиумов, выставок; изданы монографии и сборники (Degtev/Zubov 2017; Diec 2017; Jach 2017; Medushevskiy 2017; Nikonov 2017; Russia 2017 и др.).

Историческая память народа об этой эпохе – это память как о великих свершениях, так и о трагических событиях. Кровопролитная гражданская война, уничтожение церкви и гонения верующих, насильственная коллективизация крестьян, политические репрессии – всё это последствия революции, реальности советского периода истории.

Президент России в своих выступлениях в 2017 г. говорил, что это страшное прошлое нельзя вычеркнуть из национальной памяти, невозможно оправдать. Но столетие революции не должно использоваться для того, чтобы вновь ввергать общество в опасное, раскалывающее страну противостояние. И этого не произошло.

5. Заключение

Подводя итоги анализа, можно констатировать, что в российском медиа-дискурсе нет единого определения революции 1917 года. Среди ключевых номинативных единиц, относящихся к революции, можно выделить как стилистически нейтральные, так и стилистически окрашенные (в основном негативные), а также определительные формулы:

1) дискурс государственных и частных СМИ: «столетний юбилей Великой русской революции», «Великая Российская революция 1917-1922», «Русские революции 1917 года», «юбилей Великой Октябрьской социалистической революции», «Февральская революция и Октябрьский переворот», «Октябрьская революция», «революция 1917 года», «юбилей 1917 года», «крупнейший катаклизм XX века», «трагедия», «катастрофа», «кровавые события», «трагические времена», «страшные времена русской истории», «трагические события, которые не должны повториться», а также фраза, повторяющаяся практически во всех выступлениях представителей власти, науки, РПЦ: «Мы должны сделать выводы из истории и предотвратить повторение трагедии».

2) дискурс православных СМИ: «кровоточащая рана», «революционные ужасы», «трагические события минувшего столетия».

В государственных и частных СМИ не наблюдалось предпочтения каким-то определенным эпитетам или фразам, все они употреблялись хаотично, но в православных СМИ вышеуказанные ключевые слова повторялись везде, где только возможно.

Анализ помог проследить, каким образом в медиа-дискурсе, формируемом российскими властями, происходит изменение исторической памяти о революции 1917 г., как меняется понимание причин этой революции, как она сравнивается с цветными революциями, которые имели место недавно в соседних с Россией странах. Революция, ранее рассматриваемая и объясняемая как закономерный исторический процесс (т.е. результат ситуации, сложившейся в то время в России), в конце 2017 г. уже представлялась в медиа-дискурсе как результат антироссийской деятельности «иностраных агентов». Революция 1917 г. сравнивалась также с революционными настроениями в современном российском обществе. В этом контексте часто повторялась фраза о том, что трагедия, произошедшая 100 лет назад, не должна повториться, и все усилия должны быть направлены на преодоление раскола в обществе.

Официально российские власти дистанцировались от празднования годовщины революции, президент решил, что официальных торжеств не будет (Kreml 2017). В 2017 г. проводились в основном культурные, общественные и научные мероприятия, связанные со 100-летием революции. Однако анализ дискурса показывает, что сейчас в России историческая память о революции 1917 г. создается заново и становится частью новой государственной идеологии. Медиа-дискурс стал инструментом формирования нового общественного сознания¹⁴.

Итак, в первой половине 2017 г. в государственных СМИ среди причин революции 1917 г. акцентировалась неспособность предыдущей власти эффективно управлять государством, и таким образом, революция рассматривалась как закономерный процесс, который происходит в государстве с авторитарной властью, не справляющейся со своими обязанностями. Однако во второй половине 2017 г. (после прошедших в мае-июне митингов оппозиции в России) в прессе появилось все больше статей, где говорилось, что в начале 20 в. причин для революции в России не было, а революция 1917 г. стала трагическим событием, организованным «внешними врагами», и якобы неправда, что император Николай своей неудачной политикой привел страну к кризису, голоду и т.д. (это была сильная держава, процветающая экономически

¹⁴ В связи с этим безынтересны высказанные в прессе мнения некоторых российских исследователей (например, Kolpakidi 2017; Zhukov 2017; Danilkin 2017).

и в остальных направлениях, а «иностранные агенты» и оппозиция по всей стране пытались дискредитировать царя и его реформы, провоцировали негативные настроения по отношению к власти в российском обществе, пропагандировали идеи революции и построения нового государства в соответствии с принципами «свободы, равенства и братства»).

Таким образом, результаты проведенных исследований показывают, что в современной ситуации российские власти, хотя официально дистанцируются от юбилея революции, но косвенно влияют (через государственные СМИ) на создание новой исторической памяти о революции 1917 г. Используются возможности влияния через медиа-дискурс на современные настроения в российском обществе, на создание новой идеологии¹⁵. Русская Православная Церковь активно в этом процессе участвует вместе с государственной властью. Насколько эффективно это будет работать, зависит от различных внутренних и внешних факторов, которые не могут быть идентифицированы при анализе дискурса, поэтому более широкие исследования по этой теме должны быть продолжены.

Библиография

- BOGUMIL/MORAN/HARROWELL 2015: Bogumil, Z./Moran, D./Harrowell, E. (2015), Sacred or Secular? "Memorial", the Russian Orthodox Church, and the Contested Commemoration of Soviet Repressions. In: Europe-Asia Studies. 67 (9), 1416-44.
- BORDYUGOV 2010: Borydyugov, G. (2010), Oktyabr'. Stalin. Pobeda. Kult yubileev v prostranstve pam'yati. Moskva. [Бордюгов, Г. (2010), Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. Москва.]
- BORDYUGOV 2017: Borydyugov, G. (2017), Nasha istoria nas ob'edinyayet? In: Rossiyskaya gazeta. 7404 (238), 19.10.2017. [Бордюгов, Г. (2017), Наша история нас объединяет? В: Российская газета. 7404 (238), 19.10.2017.]
- CINNELLA 2000: Cinnella, E. (2000), La tragedia della rivoluzione russa (1917-1921). Milano.
- DANILKIN 2017: Danilkin, L. (2017), Pogonya za Leninyim. В: Rodina. 1217 (12), 12.12.2017. [Данилкин, Л. (2017), Погоня за Лениным. В: Родина. 1217 (12), 12.12.2017.]
- DEGTEV/ZUBOV 2017: Degtev, D./Zubov, D. (2017), 1917: russkaya golgofa. Agonia imperii i istoki revolyutsii. Moskva. [Дегтев, Д./Зубов, Д. (2017), 1917: русская голгофа. Агония империи и истоки революции. Москва.]
- DEE 2017: Dee, J. (red.), (2017), Deconstruction of Natural Order. The Legacy of the Russian Revolution. Kraków.
- DUSZAK/FAIRCLOUGH 2008: Duzsak, A./Fairclough, N. (2008), Krytyczna analiza dyskursu. Kraków.
- FOUCAULT 1989/1977: Foucault, M. (oryg.1989, pol.1977), Archeologia wiedzy. Warszawa.
- JACH 2017: Jach, A. (red.), (2017), Rewolucja rosyjska. Spuścizna implementacji tragedii zmiany. Kraków.
- KIKLEWICZ 2015: Kiklewicz, A. (2015), Politicheskaya propaganda v sovremennykh rossiyskikh SMI: epistemologicheskii aspekt. In: Przegląd Wschodnioeuropejski. VI/2, 179-200. [Kiklewicz, A.

¹⁵ О механизмах влияния писали ранее, например, Borydyugov 2010; Cinnella 2000; Malinova 2013; Olick 2008; Torbakov 2012; Vitale 2013; 2019; Kucheryavaya/Vitale 2018; Zavershinskiy 2012.

- (2015), Политическая пропаганда в современных российских СМИ: эпистемологический аспект. В: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. VI/2, 179-200.]
- KIKLEWICZ 2017: Kiklewicz, A. (2017), Fragmentatsiya teksta kak sredstvo persuazivnosti v informatsionnykh internet-servisakh. In: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. VIII/1, 185–205. [Kiklewicz, A. (2017), Фрагментация текста как средство персуазивности в информационных интернет-сервисах. В: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. VIII/1, 185–205.]
- KOLPAKIDI 2017: Kolpakidi, A. (2017), Lyuboy drugoy variant, krome revolyutsii bolshevikov, oznachal by razval Rossii. In: *Komsomolskaya pravda*, 06.11.2017. [Колпакиди, А. (2017), Любой другой вариант, кроме революции большевиков, означал бы развал России. В: *Комсомольская правда*, 06.11.2017.]
- KRASNYIY 2017: Krasnyy oktyabr'. (2017). In: *Rossiyskaya gazeta*. 7399 (233), 15.10.2017. [Красный октябрь. В: *Российская газета*. 7399 (233), 15.10.2017.]
- KREML 2017: Kreml ne planiruet nikakikh meropriyatiy k 100-letiu revolyutsii (2017). In: *Izvestia*, 25.10.2017. [КРЕМЛЬ не планирует никаких мероприятий к 100-летию революции. В: *Известия*, 25.10.2017.]
- KUCHERYAVAYA/VITALE 2018: Kucheryavaya, E./Vitale, A. (2018), Il centenario della Rivoluzione russa: La formazione della memoria storica. Due anni di dibattiti. In: *Nuova Storia Contemporanea*. 3/2018, 49-69.
- LAVROV 2017: Lavrov zayavil, chto RF osoznaet bessmyslennost' nasazhdenia ideologii (2017). In: *Izvestia*, 31.10.2017. [Лавров заявил, что РФ осознает бессмысленность насаждения идеологии. В: *Известия*, 07.11.2017.]
- MALINOVA 2013: Malinova, O. Yu. (2013), Problema politicheski «prigodnogo» proshlogo i evolyutsia ofitsial'noy simvolicheskoy politiki v postsovetskoj Rossii. In: *Politicheskaya kontseptologiya*. 1/2013, 114-130. [Малинова, О. Ю. (2013), Проблема политически «пригодного прошлого» и эволюция официальной символической политики в постсоветской России. В: *Политическая концептология*. 1/2013, 114-130.]
- MATVIENKO 2017a: Matvienko, V. (2017a), Vsmatrivaemsya v proshloe, chtoby luchshe videt' budushchee. In: *Izvestia*, 07.11.2017. [Матвиенко, В. (2017a), Всматриваемся в прошлое, чтобы лучше видеть будущее. В: *Известия*, 07.11.2017.]
- MATVIENKO 2017b: Matvienko, V. (2017b), Lyudi prinimayut peremenu, no ne revolyutsiyu. In: *Argumenty i Fakty*. No 44, 01.11.2017. [Матвиенко, В. (2017b), Люди принимают перемены, но не революцию. В: *Аргументы и Факты*. № 44, 01.11.2017.]
- MEDINSKIY 2017: Medinskiy, V. (2017), Vovremya zametit' razlom. In: *Argumenty i Fakty*. No 40, 04.10.2017. [Мединский, В. (2017), Вовремя заметить разлом. В: *Аргументы и Факты*. № 40, 04.10.2017.]
- MEDUSHEVSKIY 2017: Medushevskiy, A. (2017), Politicheskaya istoria russkoy revolyutsii: normy, instituty, formu sotsialnoy mobilizatsii v XX veke. Moskva. [Медушевский, А. (2017), Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. Москва.]
- NARYSHKIN 2017: Naryshkin, S. (2017), Radikalizm protivopokazan istoricheskoy nauke. In: *Rossiyskaya gazeta*. 7388 (222), 02.10.2017. [Нарышкин, С. (2017), Радикализм противопоставлен исторической науке. В: *Российская газета*. 7388 (222), 02.10.2017.]
- NIKONOV 2017: Nikonov, V. (2017), Oktyabr'. Kto byl nichem, tot stanet vsem. Moskva. [Никонов, В. (2017), Октябрь 1917. Кто был ничем, тот станет всем. Москва.]
- OLICK 2008: Olick, J.K. (2008). Collective memory: A memoir and prospect. In: *Memory Studies*. 1 (1), 23-29.

- OPROS 2017: Opros VЦИОМ k stoletiyu revolyutsii-1917: otsenki rossiyan razdelilis' popolam (2017). In: Komsomolskaya pravda, 11.10.2017. [Опрос ВЦИОМ к столетию революции-1917: оценки россиян разделились пополам. В: Комсомольская правда, 11.10.2017.]
- PATRIARH 2017: Patriarh Moskovskiy i vseya Rusi Kirill – o potryaseniakh XX veka i o tom, kak «zhit' ne po lzhi». In: Rossiyskaya gazeta. 7399 (233), 13.10.2017. [Патриарх Московский и всея Руси Кирилл – о потрясениях XX века и о том, как «жить не по лжи». В: Российская газета. 7399 (233), 13.10.2017.]
- RUSSIA 2017: Russia 1917. La rivoluzione d'Ottobre nei contesti politici, sociali, religiosi e culturali. Studi e ricerche internazionali (2017). Tricase.
- TOLSON 1996: Tolson, A. (1996), Mediations. Text and Discourse in Media Studies. London.
- ТОРБАКОВ 2012: Torbakov, I.B. (2012), «Nepredskazuemoe» ili «neopredelennoe proshloe»? Mezhdunarodnye otnosheniya i rossiyskaya istoricheskaya politika. In: Simvolicheskaya politika. Vyp.1: Konstruirovaniye predstavleniy o proshlom kak vlastnyy resurs. Moskva. [Торбаков, И.Б. (2012), «Непредсказуемое» или «неопределенное прошлое»? Международные отношения и российская историческая политика. В: Символическая политика. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. Москва.]
- ТОРКУНОВ 2017: Torkunov, A. (2017), Novoy revolyutsii my ne perezhivem. In: Rodina, 23.11.2017. [Торкунов, А. (2017), Новой революции мы не переживем. В: Родина, 23.11.2017.]
- VITALE 2013: Vitale, A. (2013), Rossiyskaya gosudarstvennost' v sravnitelnoy perspektive: russkaya tradiciya i zapadnaya model stroitelstva gosudarstva. (La statualità russa in prospettiva comparata: la tradizione russa e il modello occidentale di struttura statale). In: Noveyshaya Istoria Rossii. 3/2013, 20-36.
- VITALE 2019: Vitale, A. (2019), “La verità sulla Russia”. Realismo, mitologie e abbagli di osservatori e viaggiatori occidentali sulle dinamiche politico-economiche innescate dall'Ottobre. In: Goletiani, L./Franco, A. (eds), Ancora sulla rivoluzione russa. Alessandria, 79-105.
- ЗАПРОГРАММИРОВАННАЯ 2017: Zaprogrammirovannaya tragediya (2017). In: Izvestia, 01.11.2017. [Запрограммированная трагедия. В: Известия, 01.11.2017.]
- ЗАВЕРШИНСКИЙ 2012: Zavershinskiy, K.F. (2012), Simvolicheskie struktury politicheskoy pamyati. In: Simvolicheskaya politika. Vyp.1: Konstruirovaniye predstavleniy o proshlom kak vlastnyy resurs. Moskva. [Завершинский К.Ф. (2012), Символические структуры политической памяти. В: Символическая политика. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. Москва.]
- ЗНУКОВ 2017: Zhukov, K. (2017), K istorii odnoy fal'shivki. In: Argumenty i Fakty, 17.11.2017. [Жуков, К. (2017), К истории одной фальшивки. В: Аргументы и Факты, 17.11.2017.]

IRINA SMIRNOVA

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4450-6885>

Institute of Russian History (Russian Academy of Sciences)

METROPOLITAN FILARET (DROZDOV) AND RUSSIAN CHURCH POLICY IN THE HOLY LAND IN THE 1850S–1860S

KEYWORDS: The All-Russian Most Holy Governing Synod, Metropolitan of Moscow Filaret (DrozdoV), Church diplomacy, the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem

ABSTRACT: The issues raised in the article refer to the problems of Church diplomacy of Russia and other great powers in the Middle East in the 1850–1860's when Russian diplomacy, both secular and church, faced the task of developing new approaches, first of all, in shaping the sphere of Russian interests in the Middle and Far East. Church policy of Russia in the Christian East in the 1850s–1860s is observed through the prism of the position of the Metropolitan of Moscow Filaret (DrozdoV, 1782–1867), an outstanding church figure whose position determined the development of Russian church presence abroad not only in the Holy Land, but also in China and North America. The role of Metropolitan Filaret is presented in the forefront of such issues as the development of inter-church relations between the Russian Church with the Patriarchates of the East, the formation of the concept of Russian-Greek, Russian-Arab and Russian-Slavic relations, the interaction and contradictions of the Russian Ecclesiastical Mission and the Russian consulate in Jerusalem.

The 1850s and 1860s are one of the most important periods in the history of Russo-Greek relations in the realm of Orthodoxy. They include the first decade after the Crimean War, when Russia ended up involved in a military conflict against Turkey, Great Britain and France. As pretext for the war served the disagreement between Roman Catholics and Eastern Orthodox over the holy places of Palestine.

Russian policy in the Christian East (that is, in the post-Byzantine areas) was above all ecclesiastical. In the Holy Land, Russia had no other interests but the support of the local Orthodox Churches, in contrast to Great Britain and France, which had first and foremost colonial or economic interests in the Ottoman Empire. The strengthening of the ecclesiastical presence of Russia in the Christian East served as an important factor of political influence.

The Crimean War manifested several miscalculations of the Russian policy in the Christian East. Despite the decisive attitude of the Russian Emperor, Nicolay the First, who said: "I will never agree to the weakening of our significance in the Holy Land and among the Christians of the East" (Rjevuskiy 1913, 851),

the Russian presence in the Holy Land before the Crimean War was only nominal: the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem, created in 1847 as a response to the establishment of the Anglo-Prussian Bishopric (1841), was not officially recognized by the Ottoman Porte; the head of the Mission Archimandrite Porfirii (Uspenskii) and his collaborators were in Jerusalem in the form of “common pilgrims.” Nor was there the necessary diplomatic support on the part of the Russian government.

After the Crimean War, the course of Russian policy in Syria and Palestine was directed towards the overcoming of shortcomings and omissions of the pre-Crimean period. It was time to form those institutions and establishments, which will characterize the ecclesiastical-diplomatic relations of the local Orthodox Churches in the following decades, and practically to our own time. One could speak of a “paradigm change”, which gave rise to the phenomenon called Russian Palestine in the Holy Land.

The terms of the Treaty of Paris (1856) conditioned a new strategy for the re-establishment of Russia’s influence in the Orthodox East, and first of all in Jerusalem. According to the Minister of Foreign Affairs, Prince Alexander M. Gorchakov, after the Crimean War Jerusalem became “the central point not only of the whole East, but also of the West” (Titov 1902, 114). Indeed, by the mid-1850s, thanks to the efforts of the Protestant bishopric in Jerusalem under the leadership of Samuel Gobat a significant protestant community was created in the Holy Land, practically from scratch.

The activity of English and American missionaries was highly regarded by Russian researchers who noted that despite the comparatively few occasions of conversion to Protestantism, “the cultural predominance among the Arabs until well into the 1860s unconditionally belonged not to the Catholic Missionaries, but to the Protestants” (Krymskiy 1971, 263). In all of Asian Turkey, there were founded American schools and other institutions which served, per the words of Russian experts, as an instrument for the achievement “of mainly propagandistic aims” (Kolubakin 1887, 108; Putyata 1896).

The Latin Patriarch of Jerusalem, Giuseppe Valerga, who was recognized as head of the Catholic communities was actively supported by Pope Pius IX and the Emperor of France, Napoleon III (Titov 1902, 38-39). In 1855, such support augmented in the case of Marie-Alfonse Ratisbonne, a zealous missionary, who was a relative of the Rothschilds. Under the leadership of Valerga worked experienced missionaries from various monastic and semi-monastic orders, who, much like the Protestant Missionaries, created a whole network of schools and hospitals in Jerusalem, Bethlehem, Bet-Jala, Jaffa, Ramleh, and Rammalah, and also in the whole of Syria (Popov 1890, 743).

Russia did not have any philanthropic institutions in Jerusalem in contrast to the western powers. In connection to this, the head of Ministry of Foreign Affairs, A.M. Gorchakov noted in a report submitted to the emperor: “It is necessary

to acquire a representation in the East, that is, not a political, but a religious one, which cannot be denied either by the Turks, or by the French, who have their patriarchs and bishops in the Holy Land” (Yamilinec 2003, 244). Emperor Alexander II coming to a decision regarding the recommendations of Gorchakov’s report, responded: “After everything that Christians of other denominations have been doing, it would be a shame for us to be left behind” (Alexander 1857, 19-20).

The Russian Steamship and Trade Company was founded in 1856, and right afterwards the question was posed of a resumption of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem. To make it more weighty, the MoFA considered it necessary “to place at the head of the Jerusalem Mission a bishop instead of an archimandrite.” A Philanthropic Committee was established on the initiative of Empress Mariia Aleksandrovna for the material support of the Ecclesiastical Mission and for humanitarian programmes in the Holy Land.

Compensatory mechanisms were thus employed which were supposed to raise the prestige of Russia to a new level. In addition, the MoFA was supposed to act primarily through church channels, which of course presupposed the coordination of the activities with the All-Russian Most Holy Synod.

The connecting knot between the Ministry of Foreign Affairs and the Synod in the sphere of church policy of Russia was Metropolitan Filaret (Drozdov), the most authoritative and influential Russian hierarch of the 19th century.

In the church circles of Great Britain and the USA, Metropolitan Filaret was well-known as an individual who stood at the beginning of a new round of Anglican-Orthodox dialog on the union of churches, which had been resumed under the initiative of Anglican theologians. The elevated authoritativeness of Filaret among both church and diplomatic circles, and also among members of the Imperial Family was based on his deep roots in the Byzantine patristic tradition, his internal asceticism, his spiritual purity and the admiration to his person (Smirnova 2015). The views and expert opinions of Metropolitan Filaret practically determined the course of church policy in the second half of the 19th century, not only in Russia, but also in North America, China, and the Far East (Smirnova 2017). But above all, his talent as a church diplomat was fully displayed in the Orthodox East.

One of the most important issues after the Crimean War was the development of a new conception of ecclesiastical policy of Russia in the Ottoman Empire. This was an especially topical question in connection to the acute conflict between the Greek ecclesiastical hierarchy in the Ottoman Empire with their Slavic (Bulgarian and Serbian) and Arab flocks, which expected support and protection from Orthodox Russia. The unity of the Orthodox local churches more than ever was in need of strengthening. The aggravation of the relations between the Greek hierarchy and the Bulgarians and Arabs threatened to lead to their exit from the jurisdiction of the Ecumenical Patriarch and to the appearance of national churches. Without strong protection they would easily fall prey to proselytism. Under

such conditions, Russia was required to specify its own position with regard to the Ottoman government, to Western diplomacy, to the Greek high clergy (that is, to the Constantinople and Jerusalem patriarchs) and to their multi-national flock (in the first place, Arabs and Slavs).

The Holy Synod was fully aware of the sad conditions affecting the Christian East and the unacceptable activities of the Greek hierarchy, such as simony, attempts to grab all spiritual authority in their own hands, indifference and even cruelty of clergy in regard to their Orthodox Slav and Arab flocks, that is, attitudes that were reciprocated by hatred against the Greek hierarchy.

Nevertheless, keeping in mind the ecclesiastical-political realities, and having a long-term experience of direct contacts with clergy, not only Greek, but also Arab and Slavic, Metropolitan Filaret considered as the main principle of ecclesiastical policy in the East the maintenance of the conciliar unity of the Russian and the Eastern churches. He was convinced that under the conditions of persecution by the Ottomans and the proselytism of the West, “the creation of independent national Churches, Slavic or Arab, would lead to a weakening of the Greek hierarchy and of their flocks, and to the same extent, to a strengthening of their adversaries” (Filaret 1858, 172ob.-173).

In particular, Metropolitan Filaret proposed to establish between the Constantinople Patriarchate and its Bulgarian eparchies the same kind of relations that existed between Constantinople and the Helladic Church, that is, a kind of church autonomy. Filaret considered such a “division without a break” as necessary “for the sake of the honor of the Ecumenical Throne and for the sake of church unity” (Filaret 1886, 199-204). Filaret understood the role of Russia in the solution of internal problems of the Eastern Church as primarily a peacekeeping one (Filaret 1858, 173ob).

Another outstanding church diplomat, Antonin (Kapustin) shared the position of Metropolitan Filaret. In January 1861, he wrote to Filaret from Constantinople: “What is the Eastern Church? An almost perfect separation of its members” (Letters 1900, 473-477). Recognizing that “The Greek Church finds itself in unfavorable conditions” and that in the depths of Orthodoxy there exist “destructive activities of division”, Antonin emphasized the necessity of unity with the Greek Eastern Church.

The Ministry of Foreign Affairs kept to a similar position. Convinced that the “Greek clergy, by force of those very same circumstances, has been appointed guardian [or custodian] of Orthodoxy in the East” the MoFA ordered Russian representatives to strengthen this “last connection among Orthodox peoples” (Lisovoy 2000, 60).

The question of the strengthening of church unity was raised at the same time that in the Roman Catholic and Anglican Churches of England and the USA there began processed directed at the union of Christian Churches. In such

circumstances, the Russian Church and diplomacy had a difficult diplomatic task, to strengthen church unity of Eastern local churches, without allowing the turn away from Orthodoxy among the Bulgarians, the Serbs and the Arabs, while at the same time not impeding the development of dialog with Western confessions that sought convergence.

Given the political control of the Porte and the unceasing pressure of the diplomats of great powers, the MoFA, developing a strategy for the Russian presence in the Orthodox East, was guided by canonical rules, raised by the Moscow metropolitan, whose main task was the maintenance of conciliar unity of the Russian and the Eastern Church.

With the participation of Filaret and in close cooperation of the All Russian Holy Synod with the MoFA the coordination was made of the activity of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem, reestablished in 1857. The selection of the head of the Jerusalem Mission was a matter of particular attention. It is true that initially there was no discussion, since the appointment on this position of a bishop was an exclusively political decision. The MoFA, which believed that “this [= such an appointment] would cause a strong impression not only in Jerusalem, but also in Constantinople” (Lisovoy 2000, 60), acted independently, without consultation with the Most Holy Synod. On this occasion, the MoFA acted following the example of other great powers, which had their own bishops and Patriarchs in the Holy Land, appointments that were allowed exclusively after pressure was exerted by the British and French diplomats. However, the appointment of a Russian bishop would cause an especially painful reaction on the part of Jerusalem Patriarch, Kirillos II, who understood such a step as “disparagement of the dignity of the Orthodox Patriarch” (Filaret 1887, 455).

Foreseeing such a reaction, Metropolitan Filaret did not approve of the appointment of a Russian bishop in Jerusalem. For Filaret, the main policy of the Russian Ecclesiastical Mission was to be the formation of relations of trust with the Greek hierarchy as “our natural allies” (Filaret 1858, 171). He called upon the head of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem, Bishop Kirill (Naumov) to work on forming contacts with the Jerusalem hierarchy in such a way that “there would not be the smallest amount of distrust among archhierarchs, serving in the one and the same Universal Church” (Filaret 1858, 172ob.-173).

However, when the news reached Filaret of the offense felt by Patriarch Kirillos regarding the fact that they “did not inform him in advance” regarding the appointment in Jerusalem of a Russian archhierarch, he [Filaret] openly defended the Russian bishop. In his reaction Filaret mentioned that in the Moscow eparchy there were a number of patriarchal dependencis called *podvor'ia* (metochia), where for years there lived Greek hierarchs who had come to Russia in order to collect alms for the patriarchal thrones.

Is it appropriate that the Jerusalem Patriarch protests again the appointment of a Russian bishop in Jerusalem,” wrote Filaret “after he himself has sent an archbishop to Russia? ... The difference is only this, that the Bishop of Melitopol’ brought to Jerusalem Russian money, and the Archbishop of Favor did not bring to Russia Jerusalem money, but instead exported from Russia around half a million in Russian money, according to contemporary estimates (Filaret 1887, 455-457).

When the conflict arose between the head of the Russian Ecclesiastical Mission and the Russian consul in Jerusalem, the decision was made to recall Bishop Kirill to Russia and to appoint an archimandrite at the head of the Russian Ecclesiastical Mission as it was before. Metropolitan Filaret commented that

it would have been better in the beginning to appoint an archimandrite to head the Mission, and later elevate him to the office of an archhierarch, rather than replace an archhierarch with an archimandrite. The first would be an elevation in power through force, the latter has the form of a demotion (Filaret 1886, 420).

Later, when the issue of the Russian institutions in the Holy Land was being discussed, Metropolitan Filaret did not see any obstacles to assigning their administration to a bishop as the head of the Russian Ecclesiastical Mission, but considered it politic in order to keep up appearances “to ask the permission of the Jerusalem Patriarch” (Ibid, 402).

Time proved that analogous conflicts between the church and state leaderships were practically universal, and not only in Russian, but also in European circles. As a rule, the reasons were interdepartmental and interpersonal conflicts and misunderstandings. And despite all collisions that developed between the leaders of the Russian Ecclesiastical Mission and the consuls in Jerusalem, the MoFA and the Holy Synod were guided by the recommendations of the Moscow Metropolitan. As a result, Filaret was called upon to solve questions, which were affected by a complex variety of factors, personal, psychological, hierarchical, canonical and diplomatic.

Thus, as a result of the confrontation between the head of Russian Ecclesiastical Mission Archimandrite Leonid (Kavelin) and the Russian Consul in Jerusalem Kartsov in 1864–65, the matter ended up becoming a conflict with the Jerusalem Patriarch. The patriarch, on the basis of a denunciation by the Kartsov declared Archimandrite Leonid *persona non grata*, and prohibited him from performing services in the Church of the Holy Sepulcher.

Metropolitan Filaret demanded a very detailed investigation of the situation in Jerusalem. Filaret did not only manage to prove the innocence of the archimandrite, but he also defended the dignity of the representative of the Russian Church from the wrongful, as Filaret thought, actions of the Patriarch. Archimandrite Leonid was fully rehabilitated and moved to Constantinople (one could even call this

“a promotion”), and per Filaret’s recommendation, Archimandrite Antonin (Kapustin) was appointed as Philling the office of the head of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem, having been there before for the investigation.

The constant struggle of the heads of the Russian Ecclesiastical Mission with the consuls, whose aim was to subsume the Mission to the ordinary church in the consulate, which was headed by a hieromonk or a hegumen (something that would have served the interests of Consul Kartsov and, of course, the Jerusalem Patriarch) led the Ober Procurator of the Holy Synod, Count D.A. Tolstoi to the conviction that for the maintenance of the dignity of the Russian Church, what was needed was the “complete elimination of our Jerusalem Mission” (Filaret 1886, 367).

Still, irrespective of the escalating to the verge of a break relations with the Jerusalem Church, Metropolitan Filaret expressed opposition to the closing of the Mission. He suggested leaving the Mission there “in hopes of better times” under the leadership of Archimandrite Antonin, who “does not face any difficulties either from the consul’s side, or from the Patriarch’s side” (Filaret 1886, 368). The Moscow hierarch’s hopes were fully justified, since in the individual the of Archimandrite Antonin (Kapustin), the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem in a period of thirty years enjoyed an irreplaceable leader and a worthy representative of Russian Orthodoxy in the Holy Land.

Filaret’s firm position with regard to relations with the Patriarch of Jerusalem Kirillos is particularly indicative in the context of this views on the question of church unity and on his attitudes to the Greeks as “natural allies”. To the end of the investigation of the so-called “Archimandrite Leonid Case”, the relations of the Russian Synod with the Jerusalem throne were de facto frozen and were resumed only in the last months of Filaret’s life in connection to the jubilee of his archhierarchical service.

This episode eloquently proves the great significance that the Moscow Metropolitan assigned to the Russian Church presence in the Holy Land, when all without exception (the Russian diplomacy, the Holy Synod, the Greek Brotherhood of the Holy Sepulcher at the headed by the Jerusalem Patriarch) were against the Russian Ecclesiastical Mission. Filaret was the only one who firmly insisted on the maintenance of the Mission in Jerusalem (Smirnova 2014).

The subjects discussed here took place in the context of other no less important tasks of the Russian ecclesiastical presence in areas adjacent to the borders of Russia. Filaret was obliged to participate in the solutions of these latter problems at the same time that he was tackling the affairs of the Christian East.

Thus, at the end of the 1850s, Filaret insisted on the necessity of the development of missionary presence in China, an insistence that led to the reform of the Russian Ecclesiastical Mission in Beijing. In 1862–64, Filaret approved the proposal to create a Russian Orthodox Church in San Francisco, where there was an Orthodox community of 800 people. As a result, in 1870, already after Filaret’s death,

the Aleutian-Alaskan eparchy of the Russian Orthodox Church in North America was created. In this way, in the 1850s – 1860s, when Russian diplomacy, both ecclesiastical and secular, faced the task of the development of new approaches first of all in the formation of the sphere of their own interests in the Near and Far East, the Filaret's position determined the chosen course of action not only in the domestic, but also in the foreign ecclesiastical policy of the Russian Empire (Smirnova 2016).

Bibliography

- ALEXANDER 1857: Alexander II, Resolution, 11 June 1857 // The Institute of the Manuscripts of Vernadsky National Library of Ukraine. XIII/6343, 19-20.
- FILARET 1858: Filaret, mitropolit Moskovskiy (1858), Otzyv na doneseniye episkopa Melitopolskogo Kirilla. NIOR RGB. 188/11/5, 172ob.-173. [Филарет, митрополит Московский (1858), Отзыв на донесение епископа Мелитопольского Кирилла. НИОР РГБ. 188/11/5, 172об.-173.]
- FILARET 1886: Filaret, mitropolit Moskovskiy (1886), Sobraniye mneniy i otzyvov Filareta, Mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo, po delam Pravoslavnoy Tserkvi na Vostoke. Sankt-Peterburg. [Филарет, митрополит Московский (1886), Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. Санкт-Петербург.]
- FILARET 1887: Filaret, mitropolit Moskovskiy (1887), Sobraniye mneniy i otzyvov Filareta, mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo, po uchebnym i tserkovno-gosudarstvennym voprosam. T. Dop. Sankt-Peterburg. [Филарет, митрополит Московский (1887), Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. Доп. Санкт-Петербург.]
- KOLUBAKIN 1887: Kolyubakin, A. M. (1888), Deyatel'nost' protestantskikh missiy v severo-vostochnoy chasti aziatskoy Turtsii. In: Izvestiya Kavkazskogo otdela Russkogo Geograficheskogo Obshchestva. IX/1, 104-136. [Колубакин, А. М. (1888), Деятельность протестантских миссий в северо-восточной части азиатской Турции. В: Известия Кавказского отдела Русского Географического Общества. IX/1, 104-136.]
- KRYMSKIY 1971: Krymskiy, A. E. (1971), Istoriya novoy arabskoy literatury. Moskva. [Крымский, А. Е. (1971), История новой арабской литературы. Москва.]
- LISOVOY 2000: Lisovoy, N. N. (sost., red.) (2000), Rossiya v Svyatoy Zemle. Dokumenty i materialy. II. Moskva. [Лисовой, Н. Н. (сост., ред.) (2000), Россия в Святой Земле. Документы и материалы. II. Москва.]
- Letters ¹⁹⁰⁰: L'vov, A. N. (red.) (1900), Pis'ma dukhovnykh i svetskikh lits k mitropolitu Moskovskomu Filaretu (1812–1867), izdannyye s biograficheskimi svedeniyami i poynasnitelnymi primechaniyami. Sankt-Peterburg. [Львов, А. Н. (ред.) (1900), Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету (1812–1867), изданные с биографическими сведениями и пояснительными примечаниями. Санкт-Петербург.]
- POPOV 1890: Popov, A. P. (1890), Evropeyskiye uchrezhdeniya v Ierusalime i ego blizhayshikh okrestnostyakh. In: Khristianskoye Chteniyе. 5-6, 741-752. [Попов, А. П. (1890), Европейские учреждения в Иерусалиме и его ближайших окрестностях. В: Христианское Чтение. 5-6, 741-752.]
- PUTYATA 1896: Putyata, D. V. (1896), Zapiska o Maloy Azii. In: Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii. 66. 37–43. [Путята, Д. В. (1896), Записка о Малой Азии. В: Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. 66, 37–43.]

- RJEVUSKIY 1913: Rzhevuskiy, A. A. (1913), Otryvok iz memuarov. In: Istoricheskiy vestnik. CXXXII/6. 827-852. [Ржевуский, А. А. (1913), Отрывок из мемуаров. В: Исторический вестник. CXXXII/6, 827-852].
- SMIRNOVA 2014: Smirnova, I. Yu. (2014), Mitropolit Filaret i Pravoslavnyy Vostok: iz istorii mezh tserkovnykh svyazey. Moskva. [Смирнова, И. Ю. (2014), Митрополит Филарет и Православный Восток: из истории межцерковных связей. Москва.]
- SMIRNOVA 2015: Smirnova, I. Yu. (2015), K istorii mezhkonnefessionalnykh svyazey: mitropolit Filaret i anglikano-pravoslavnyy dialog (1840-1860-e gg.). W: Przegląd Wschodnioeuropejski. VI/2, 27-39.] [Смирнова И. Ю. (2015) К истории межконфессиональных связей: митрополит Филарет и англикано-православный диалог (1840-1860-е гг.). W: Przegląd Wschodnioeuropejski. VI/2, 27-39.]
- SMIRNOVA 2016: Smirnova, I. Yu. (2016), Mezhdru Zapadom i Vostokom: iz istorii tserkovno-diplomaticeskikh otnosheniy na Blizhnem i Dal'nem Vostoke. Moskva. [Смирнова, И. Ю. (2016), Между Западом и Востоком: из истории церковно-дипломатических отношений на Ближнем и Дальнем Востоке. Москва.]
- SMIRNOVA 2017: Smirnova, I. Yu. (2017), Mitropolit Moskovskiy Filaret i rossiyskaya tserkovnaya politika v Vostochnoy Sibiri. W: Przegląd Wschodnioeuropejski. VIII/1, 45-58. [Смирнова, И. Ю. (2017), Митрополит Московский Филарет и российская церковная политика в Восточной Сибири. W: Przegląd Wschodnioeuropejski. VIII/1, 45-58.]
- ТИТОВ 1902: Titov, F. I. (1902), Preosvyashchennyy Kirill (Naumov), episkop Melitopolskiy, byvshiy nastoyatel Russkoy Dukhovnoy Missii v Ierusalime. Ocherk iz istorii snosheniy Rossii s Pravoslavnyum Vostokom. Kiyev. [Титов, Ф. И. (1902), Преосвященный Кирилл (Наумов), епископ Мелитопольский, бывший настоятель Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Очерк из истории сношений России с Православным Востоком. Киев.]
- YAMILINETS 2003: Yamilinets, B. F. (2003), Rossiya i Palestina. Ocherk politicheskikh i kulturno-religioznykh otnosheniy (XIX – nachalo XX veka). Moskva. [Ямилинец, Б. Ф. (2003), Россия и Палестина. Очерк политических и культурно-религиозных отношений (XIX – начало XX века). Москва.]

ВАЛЕНТИНА ВЕРЕМЕНКО / VALENTINA VEREMENKO

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5217-5609>

ЛЮБОВЬ САМАРИНА / LUBOV SAMARINA

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4023-6686>

Pushkin Leningrad State University

МУЖСКАЯ ПРИСЛУГА В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА: ОТ ДВОРНИ К АРТЕЛИ¹

Male Servants in Russia in the Second Half of the 19th – at the Beginning of the 20th Century: from Domestic to Workmen's Cooperative Association²

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Россия, отмена крепостного права, дворня, прислуга, артель, сфера услуг, хозяева

KEYWORDS: Russia, abolition of serfdom, domestics, servant, artel, service industry, owners

АБСТРАКТ: The article analyzes the changes occurred as a result of the abolition of serfdom in the position of persons who were in service. Status and responsibilities of male domestics is characterized, attention is drawn to the patriarchal-family nature of relationships between masters and servants. In the post-reform period owners were more interested in cheapness and lack of specialization of domestic servants, which resulted in a significant reduction of the male part of it. At the same time, it was impossible to completely abandon the services of male employees. As a result, there was a need to hire these people for temporary work. For the male servants considerable benefits were provided by formation of comradesly associations, artels, functioning in accordance with their charters. This system, unlike personal hiring, has changed the functions and status of each employee. The level of responsibility has risen, financial obligations have appeared, but also guarantees emerged: for customers guarantees of high-quality performance of work, for performers guaranteed payment, clearly defined amount of work, protection of honor and dignity. A new form of social production has formed – the service industry.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00297.

² The research is financially supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 19-09-00297.

Введение

Модернизация социально-экономической сферы России в середине XIX столетия привела к появлению крупной социальной группы, в которую вошли представители сферы услуг – прислуга. Услужение могло быть личным (например, домашняя прислуга) или общественным (наем посредством общественных организаций или работа в общественных учреждениях). В этой сфере занятости участвовали и мужчины, и женщины, и дети (с самого раннего возраста – 5–6 лет и до совершеннолетия). Несмотря на то, что данная группа населения составляла в пореформенный период несколько миллионов человек и была сопоставима по численности с российским рабочим классом, исследований, характеризующих социальный статус и положение прислуги, крайне мало. Одним из авторов было написано несколько статей о домашней прислуге, среди которой преобладали женщины (Веремченко 2013; 2017а). В монографии И. В. Синовой (2014), исследующей жизнь детей трудящегося населения, есть несколько страниц, посвященных малолетней прислуге. В данной статье речь пойдет об эволюции положения мужчин, работавших в услужении в России во второй половине XIX – начале XX вв.

1. Дворня – социальный феномен крепостнической России

В середине XIX в. дворня как обязательный элемент крепостного хозяйства была довольно многочисленной, особенно в деревне. Важно отметить два характерных обстоятельства. Во-первых, чем обеспеченнее семья, тем больше у нее среди слуг было мужчин, и во-вторых, среди прислуги присутствовала специализация, функции каждого были строго определены и ограничены. Мужская прислуга была представлена: дворецким, камердинером, поваром (в богатых семьях это не крепостной, а наемный, подчас иностранец); буфетчиком; швейцаром; кучером (кучерами), лакеем (лакеями), у офицеров к последним добавлялись (или замещали крепостных) денщики; «мальчиками-на-посылках», значительной группой лиц, занятой хозяйственными работами по дому и в усадьбе (дворники, истопники, каретники, плотники, садовники и др.), а также прислугой для охоты и развлечений (оркестрантами, шутами, карлами и т.д.). Жила мужская дворня либо в общих помещениях – людских, как правило, примыкавших к месту их постоянной службы – кухням, прачечным, конюшням, оранжереям, псарням и т.д., либо в отдельных комнатах с женами, также находившимися в услужении в поместье. Жилье дворни было снабжено необходимыми вещами и утварью, они ежемесячно обеспечивались продуктами и дровами (Веремченко 2014).

Численность прислуги могла варьироваться от 3–4 до нескольких десятков человек. Так, например, в усадьбе И. И. Михельсона Иваново организацией господского быта занимались следующие представители мужской дворни: дворецкий, писарь, кондитер, 11 лакеев, 2 парикмахера, 5 поваров, 4 кучера, 15 конюхов, подлекарь, 5 портных, 5 садовников, 5 ткачей, 4 пекаря, 4 охотника, по три сапожника, башмачника, столяра, каретника, медника, 4 кузнеца, 4 каменщика, 35 музыкантов и 35 певчих (Васильева 2011, 30).

Для большинства помещиков количество дворни определялось не экономической целесообразностью, а соображениями престижа и статуса. Возникшее в связи с этим очевидное превышение необходимого числа домашних работников приводило к специализации функций многих из них. Отдельный слуга, приставленный к тому или иному делу, не занимался ничем другим, проводя значительную часть своего дня в бесцельном хождении по усадьбе или просто устроившись поспать в укромном уголке (Веремченко 2014; Рузвельт, 2008).

Вот как подобное положение, с определенной долей преувеличения, но в целом отражая ситуацию, описывалось в экономической литературе накануне отмены крепостного права:

[...] От того, что Мишка ездит в лес за дровами, его держат и кормят... Мишке мало дела, ему скучно, может быть и грустно, и часто с горя, а иногда и от нечего делать Мишка женится, и от него пойдет многочисленное потомство Мишек и Васек, которых нужно будет поить, кормить и одевать, пока они малы, ломать себе голову, чтоб придумать им работу, когда они вырастут, опять содержать их когда они будут стары [...] (М.В., 1859б, 12-13).

Содержание большого числа лишних людей действительно тяжелым бременем ложилось на поместье, а экономия достигалась путем ограничения их питания и ухудшения условий жизни. Все это вместе, в свою очередь, способствовало распространению воровства и пьянства дворни, особенно мужской ее части, стимулировало ее желание еще более уклониться от работы.

Проблема «лодырей», «пьяниц» и «воров» традиционно решалась в крепостном хозяйстве использованием разного рода физических наказаний от «правильно организованной» еженедельной порки, до избиений в «порыве гнева», «чем под руку подвернется» (Рузвельт 2008, 336-337). Важно отметить, что эти «домашние наказания» собственно наказанием не считались, а рассматривались как способ воспитания и нравственного поучения (Соловьев 1998, 23).

За особо серьезные провинности – побег, откровенную «дерзость» и порчу господского имущества – полагались действительно жестокие наказания. Так, например, «смертная порка» стала карой для одного из кучеров

А. Кропоткина, не сумевшего уберечь господскую лошадь (ОР РНБ. Ф. 601. Д. 1196. Л. 83-85). Жестокость наказаний за порчу имущества объяснялась, прежде всего, тем, что сколько бы не растратил дворовый человек, «убыток всегда покрывался с господского кармана» (Карпинская 1897, 867), ведь с самой дворни взять было нечего.

«Дерзость», открытая критика хозяйских действий, опасная возможным подстрекательством к «бунту», как правило, оборачивались ссылкой виновного в Сибирь. Такая участь постигла, например, повара помещицы Е. В. Шишковой, за то, что он «восставал против отрезания кос у молодых девушек, нарушавших законы строгой нравственности, громко порицал систему двойного оброка, к которой прибегала помещица в тех случаях, когда ей предстояли особые расходы» (Соколова 1917, 83).

Таким образом, в дореформенной России практически ни один господский дом в городе и, тем более, поместье не обходился без мужской дворни, которая, как правило, выполняла специализированные функции, а траты на нее, подчас значительно превышали получаемые с ее труда доходы.

2. Пореформенная домашняя прислуга: утилитаризм и замена мужчин общественными работниками

Отмена крепостного права принесла во многие дворянские семьи, как столичные, так и провинциальные, качественные изменения. Помещики более не могли позволить себе кормить (а теперь им надо было еще и платить) такое же как раньше количество лишних людей (М.В., 1859а).

Были, конечно, и такие дворяне, которые пытались сохранить привычный уклад жизни. Например, по воспоминанию Б. Б. Глинского, в усадьбе Сергеевка, Тамбовской губернии старая дворня потребовала себе места, хлеба и жалования за свободный и наемный труд. Хозяева пошли на это. В ответ прислуга стала приводить себе «в помощь» родственников. «Господа отнеслись к этому равнодушно и поглядели на это семейное приращение дворни сквозь пальцы». Хозяйство не улучшалось, «там, где несколько человек могли свободно управиться с работой, оказывается двойной комплект, но работа оттого не только не выигрывала, но даже теряла, так как все эти дубликаты между собой ссорились, препирались и старались друг на друга свалить дело». Денег не хватало и Сергеевку заложили для «усиления оборотного капитала» поместья. Итогом же такого хозяйствования стало полное разорение усадьбы, а ее «дворовые обитатели» спились (Глинский 1894).

Таким образом, по разным причинам: сознательной экономии или разорения, но уже первое пореформенное поколение дворян выросло при

значительно меньшей прислуге, удивляясь привычкам своих предшественников: «Теперь и самой-то не верится, куда такое множество народа держать, а тогда так было принято» – поражалась княгиня Е. Мещерская (Толстая 1908, 9).

В связи с ухудшением материального положения дворянских семей, и происходившим одновременно ростом числа чиновничье-мещанских семей среднего достатка, предъявлялись новые требования к ныне свободным лицам, работавшим по найму. Главными из них стали дешевизна и отсутствие специализации (Верременко 2013). Под сокращение попала, прежде всего, более дорогая и специализированная мужская прислуга.

Если к 80-м гг. XIX в. в дворянских, прежде всего поместных, домах еще сохранились слуги-мужчины, то это были преимущественно старые дворовые и их дети, которые просто не знали, куда идти и как организовать свою жизнь, предпочитая работу за еду, кров и минимальное вознаграждение (Волконский 2004, 14). В таких старых дворянских гнездах, как, например, описанная М. А. Стаховичем Пальна, еще и через тридцать лет после отмены крепостного права, встречались «бородатый степенный ключник, бритые буфетчики в длиннополых сюртуках и нитяных перчатках». Всё это «напоминало крепостные времена, да и некоторые из них еще и были когда-то крепостными» (Краснова 2001, 245).

Постепенно это поколение уходило. И цена домашнего слуги оказывалась все более зависимой от цен на другие виды труда. В результате нанять на домашние работы мужчину дешевле, чем за 10-12 руб. в месяц уже не представлялось возможным (Рыкачев 1911; Широкогоров 2006).

С другой стороны, хотя с отказом от собственного выезда из господской семьи уходил кучер, а с переездом в съемную квартиру – дворник и швейцар, это совершенно не означало, что данные профессии вообще исчезали. Просто менялся статус работника, который из личного слуги превращался в общественного, а то и государственного служащего, а значительная часть функций, ранее принадлежавших домашней мужской прислуге переходила теперь в сферу общественных работ. Так, например, в секретной полицейской инструкции «По предупреждению и пресечению сборищ и уличных беспорядков», изданной в середине 1880-х гг., среди прочего был расписан и план действий дворников «в целях недопущения волнений». Пункт 12 инструкции гласил:

Дворники обязаны, днем и ночью, нести у ворот своих домов постоянное суточное дежурство. Имея бдительный надзор за охраной домов и немедленно задерживать подозрительных лиц. Дворники обязаны не допускать сборищ у ворот и подъездов домов (ЦГИА СПб. Ф. 1696. Оп. 1. Д. 2. Л. 76).

Очевидно, что подобные полномочия более подходили чинам полиции, чем подсобным домашним рабочим.

Присутствие в семье повара стало редчайшим исключением, символизирующим «невероятное» богатство его хозяев. Например, среди сотен представителей вполне обеспеченной, по общему мнению, семьи дворян-коммерсантов Яфа в 1880-х гг. только в одном доме – А. Ф. Александровой-Дольник – был повар-француз, занимавшийся кулинарными экспериментами совместно с хозяйкой и ее друзьями (ОР РНБ. Ф. 163. Д. 313. Л. 71-73). В то же время, блюда для торжественного приема, всевозможные куличи, пасхи и т.д. на праздник, а то и просто ежедневные «домашние обеды» при желании можно было заказать в ресторанах, кондитерских или кухмистерских (столовых). На случай большого домашнего банкета можно было нанять и лакеев (официантов). Объявления с предложением подобных разнообразных услуг постоянно печатались в газетах (см. Биржевые Ведомости 1877; Богданов 1991; Веремко 2017б).

Собственный же экипаж с ливрейным лакеем в конце XIX в. казался жителям столицы Российской империи уже не демонстрацией богатства, а скорее признаком старосветскости и провинциальности. Вот как, с очевидной иронией, описывает внучка генерала, первую в своей жизни встречу с ливрейным лакеем, состоявшуюся в 1885 г.:

Среди зимы в Петербург вернулся из Сибири, где он занимал крупный административный пост, [...] Дмитрий Матвеевич Ходкевич, со второй женой своей [...] Софьей Николаевной. Навсегда запомнился их первый визит к нам: они приехали на собственной лошади, в санях с медвежьей полостью, толстым кучером на козлах и ливрейным лакеем на запятках, в сопровождении большого черного сеттера с рыжими подпалинами. Сеттер со своими господами проследовал в гостиную и улегся на ковер у ног Дмитрия Матвеевича, а ливрейный лакей во все продолжение визита просидел на вытяжку в нашей темной прихожей, держа в объятиях перекинутые через руки генеральскую шинель Дмитрия Матвеевича и ротонду Софьи Николаевны. Это выглядело тем глупее, что сидел он прямо против пустой вешалки, которой почему-то боялся доверить драгоценные одежды своих господ. Когда Ходкевичи распрощались и, в сопровождении лакея и собаки, вышли из нашей квартиры, я бросилась к окну гостиной, чтобы посмотреть, как они будут усаживаться в сани: лакей поддерживал их под локти, потом, застегнув полость, встал на запятки – и сани скрылись из виду (ОР РНБ. Ф. 163. Д. 314. Л. 62-63 об.).

Основная же масса вполне обеспеченных дворянских семей уже с 1880-х гг. отказалась от труда лакеев, заменив их «общественной прислугой», нанимаемой для выполнения конкретных разовых поручений (напр., отправка корреспонденции, доставка товаров, личные услуги и т.д.) через разного рода конторы и артели (Самарина 2015; Веремко 2017б).

Таким образом, не имея возможности содержать мужскую домашнюю прислугу, но периодически нуждаясь в ее услугах, хозяева пытались нанять себе работника для выполнения временных поручений. Подобный спрос стимулировал создание общественных организаций (артелей) прислуги, предлагавших широкий спектр услуг за небольшую, фиксированную плату.

3. Пореформенная прислуга – состав и численность

Одним из первых статистических источников о численности находящихся в услужении лиц стала Всероссийская перепись населения 1897 г. Результат переписи показывает, что в статусе прислуги находилось 1.621.755 женщин и 1.586.450 мужчин (Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения..., 1905, V). При анализе и сравнении числовых показателей следует отметить следующие факторы, повлиявшие на результат переписи: во-первых, в число прислуги вошли только те, для кого услужение было основным источником дохода. Вместе с тем, часто было распространено «совмещение» деятельности, когда крестьяне подрабатывали в качестве прислуги, – эта группа в статистику не попала. Недаром современники, анализируя данные переписей, обязательно подчеркивали, что «перепись населения никогда не может дать полной картины экономических сил промышленности, определить даже полного числа работников в любой отрасли производства уже потому одному, что она не дает побочных занятий множества лиц их имеющих» (Бернштейн-Коган 1910, 4).

Во-вторых, следует учитывать сложность классификации прислуги. После крестьянской реформы 1861 г. прислуга не была оформлена документально или даже в общественном сознании как группа с определенным набором характеристик, в результате чего часто трудно было провести границу между прислугой и представителем другого ремесла или занятия. Например, акушерка, швея или шофер, считались лицами находящимися в услужении и были отнесены составителями переписи к прислуге.

По данным распределения рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основе той же переписи 1897 г. к прислуге было отнесено всего 2113121 чел., из которых 1336322 женщины (63,3%), 766799 (36,7%) мужчины. Еще более впечатляющим выглядит соотношение полов в группе домашней прислуги. Из 1556987 чел., показавших работу в частном услужении как свое основное занятие, женщин оказалось – 1288797 чел. или на 100 работавших мужчин приходилось – 480,5 женщин (Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных

первой всеобщей переписи населения..., 1905, VII). Такой дисбаланс привел к возникновению стереотипа, что работа прислугой – женское занятие.

Центральный статистический комитет опубликовал также результаты Первой всеобщей переписи населения Империи 1897 г. отдельно в столице. Удобство данной формы публикации в детализации показателей, что дает возможность оценить, какие сферы деятельности относились, по оценке составителей переписи, к сфере услуг. Так, например, в прислугу были записаны следующие, очевидно, мужские специальности: 1) служители, сторожа и прочие административного и судебного ведомства (8719 чел.); 2) служители, рассыльные, сторожа и прочие в общественных и сословных учреждениях (1531 чел.); 3) служители и рассыльные в частной юридической деятельности (346 чел.); 4) сторожа и прислуга в учебных заведениях (5151 чел.), [...] 11) полотеры и трубочисты (3513 чел.); 12) рабочие и служители, весовщики, станционная прислуга при железных дорогах (8248 чел.); 13) извозный промысел (36824 чел.); 14) содержание дорог, улиц и мостов (69 чел.); 15) переноска тяжестей (дрягили, крючники, носильщики и т.п.) (1114 чел.); 16) обслуживающие конножелезные дороги и omnibusы (3103 чел.); 17) служители, сторожа и рассыльные при почтах, телеграфах и телефонах (1126 чел.); 18) комиссионеры в торговом посредничестве: факторы, маклаки, посыльные и их артели, артельщики, подрядчики-поставщики и т.п. (10217 чел.) (Всеобщая перепись населения российской Империи 1897 г. 1903, 156-205).

Таким образом, материалы переписи доказывают, что мужская прислуга в конце XIX в. продолжала играть существенную роль в социальной структуре российского общества. Услужение являлось главным видом трудовой деятельности для более чем полутора миллионов человек. Вместе с тем, основной формой занятости мужчин в услужении была сфера общественного, а не домашнего труда. Создавалась новая форма общественного производства – сфера услуг, в которой преимущественно были заняты мужчины.

4. Артельная организация мужской прислуги – формирование сферы услуг в России

В пореформенный период в города устремились крестьяне, пытавшиеся найти себе работу, не требующую особой квалификации. Вместе с тем, трудности трудоустройства с одной стороны, и желание иметь определенные гарантии как в общении с потребителями, так и городской администрацией способствовали распространению артельных объединений работников, в основном, в отраслях труда, не требующих инвестиционных вкладов (Аверьянов и др. 2014, 205-206).

В такие артели объединялись, прежде всего, представители сферы услуг, чьим разовым трудом, заменив таким образом постоянное содержание дорогостоящей прислуги, могли воспользоваться и частные лица, и учреждения. Так, например, артель московских полотеров занималась производством «работ по натиранию полов мастикой и воском как в казенных, так и в частных домах Москвы» (уже в начале 80-х гг. XIX в. число участников артели составляло 100 чел.) (Устав Московской артели полотеров... 1882, 1). Южно-Русская артель официантов «приискивала разные работы», принимала «заказы на балы, званые и свадебные вечера со своей сервировкой и без нее». Открывала «рестораны, гуляния, столовые», брала «в аренду гардероб и буфеты при цирках, театрах, клубах и т.д.; ... буфеты на станциях железных дорог», отдавала «в прокат сервировку и обстановку к столу» (Южно-Русская артель официантов в Одессе... 1901, 5). Артель домовых дворников и сторожей основной задачей видела предоставление дворников «для очередного дежурства и для исполнения... обязанностей по надзору за внешним порядком и общественной безопасностью» (Положение об артели домовых дворников... 1909, 1). Варшавская артель посыльных предлагала «прислуживать на определенное время, чистить на улицах платье и сапоги, продавать на улицах афиши, газеты и календари, натирать полы и прочее» (Устав Варшавской артели посыльных 1905, 1). Трудовая артель шоферов в С.-Петербурге занималась «автомобильным извозным промыслом» (Устав трудовой артели шоферов 1913, 3).

Таким образом, артели прислуги формировались как добровольные (товарищеские) объединения работников с приоритетом личного трудового вклада участников, создаваемые для совместной деятельности на началах самоуправления, солидарности и взаимной ответственности (Аверьянов и др. 2014, 9). Характерно, что артели сразу заявили о себе как об организациях, объединявших исключительно мужчин. Помимо пола устанавливались следующие ограничения: кандидаты должны были быть совершеннолетними, (но в полотеры в качестве учеников принимали 14-летних, в посыльные брали с 17 лет), по возможности грамотные, не имевшие судимости и «безукоризненного поведения» (ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 4. Д. 7. Л. 1). Так же для вступления требовалось внести единовременный взнос (залог), который составлял от 10 до 200 р. (Положение об артели домовых дворников 1909, 13-14; Устав Варшавской артели 1905, 8-20).

Размер взноса зависел от профиля артели и степени ее организации. Так, например, одной из наиболее сложных профессий считалась работа дворника, деятельность которого, как уже отмечалось, сочетала в себе функции личной прислуги и исполнителя полицейских функций по поддержанию общественного порядка. Большое количество разнообразных обязанностей подразумевало тройное подчинение одного человека – дворник был под кон-

тролем полиции, выполнял правила и распорядок артели, и непосредственно служил хозяину дома. Поскольку артель брала на себя ответственность за ведение финансовых дел, и контролировала взаимные обязанности работодателя и работника посредством заключаемого договора, артельщик имел гарантию безопасности своего труда, и защиту прав, что являлось выгодным отличием положения артельщика от самостоятельного работника. С учетом данного факта для поступления в подобную артель требовалось не только внести самый крупный залог – 200 р., но и представить поручительство и рекомендацию трех ее членов (Положение об артели домовых дворников 1909, 13-14; ЦГИА СПб. Ф. 563. Оп. 4. Д. 7. Л. 2-5).

В первые пореформенные десятилетия преобладали артели, которые не имели официальной регистрации, делопроизводства и контроля финансов. У них отсутствовала форма работников и правила организации труда. Фактически они представляли собой бригаду, сбившуюся из безработных, безденежных людей без специальных навыков. В условиях увеличения конкуренции между артелями, предоставлявшими одинаковые услуги, повышались требования к желающим вступить в организацию – это и увеличение залога (вступительного взноса в артель), и образование, и профессиональные умения, и опыт работы соискателя. Для закрепления на рынке и увеличения клиентуры, возникала потребность в официальной регистрации артели, а это означала необходимость подготовки устава, в котором были бы отражены условия поступления, направления деятельности, правила оказания помощи потерявшим трудоспособность членам артели и их семьям, ответственность за прогулы, хищение или утрату имущества артели или клиентов и т.д. Контроль за финансами артели, организация деятельности требовали выделения из ее состава «Правления», которое включало в свой состав 3-5 членов, избираемых общим собранием. Во главе правления становился староста (председатель). Для решения наиболее важных вопросов, определения такс вознаграждений, проверки бюджета и перевыборов руководства периодически собирались Общие собрания (см. напр. Устав С.-Петербургской артели полотеров... 1904, 15-18; Тариф Рижской артели посыльных 1897, 3-15).

Принципиальным отличием от произвольно расширяющегося списка обязанностей домашней прислуги (Веремenco 2013) являлась обязательная тарифицированная оплата каждой произведенной артельщиком операции, прайс-лист утверждался градоначальником. Вот, например, какие тарифы устанавливались посыльным московской конторы Е. Кевнарской: курс с ношей до 10 фунтов в центре города (Китай-город, Кремль) оценивался в 10 коп.; такой же курс с обратным устным или письменным ответом 20 коп. Курс из центра до второго района (до бульваров и реки Москвы) с ответом оплачивался 30 коп.; за каждый более удаленный район добавлялось 10 коп.

Ожидание ответа в пределах 10 мин. осуществлялось бесплатно, за более продолжительное время начислялась плата. За пересылку тяжестей более 10 фунтов доплачивалось за каждые 10 фунтов по 10 коп. Посыльных можно было нанять заранее на определенное время, за это также доплата от 20 коп. (за полчаса) до 1 р. 80 коп. (24 часа); за каждый день свыше одних суток доплачивалось по 1 р. 50 коп.

За домашние услуги – чистку платья, постановку самовара, принесение воды, отопление печи в зимние месяцы один раз в сутки – с каждого лица устанавливалась оплата в месяц 5 р. За переноску мебели оплата определялась по времени, занимаемому в сутки от 1 р. 20 коп. до 2 р. За переноску фортепиано платили посыльному по договору. На все прочие услуги, не перечисленные в тарифе, также за перевозку тяжестей лошадьми, следовало заключить условия в Главной конторе (Тариф платы за услуги посыльных 1894, 1-4).

Большое значение придавалось внешнему облику представителей сферы услуг. Так, например, для Варшавской артели посыльных была установлена следующая форма одежды: «летом темно-серая блуза, зимой того же цвета шинель с красным кантом на воротнике, шапка красного цвета с козырьком и медным значком на околышке с надписью на русском и польском языках «посыльный»; на левой стороне груди посыльные носят медную бляху с обозначением номера и надписью на русском и польском языках «артель посыльных», и опоясываются черным кожаным кушаком с металлическим номером» (Устав Варшавской артели посыльных 1905, 30).

В случае серьезных проступков или преступлений (например, утайка или подмена вверенных вещей), виновных исключали из артели по приговору общего собрания, с лишением права на возврат сделанных в артель взносов и получение причитающихся на их долю артельных прибылей (Устав первой С.-Петербургской артели посыльных 1904, 11-18).

В крупных городах, таким как столица Российской империи, при существовании нескольких конкурирующих артелей постепенно определялась регламентация их деятельности, обеспечивавшая возможность не пересечения интересов отдельных групп. Так, например, в начале XX в. в С.-Петербурге, где одновременно действовало более пяти артелей посыльных, их конторы договаривались между собой о местах дежурства посыльных и переносчиков, и каждой мобильной группой артельщиков управляли десятники, что позволяло вовремя распределять ресурсы, так чтобы работы хватало на всех (Устав первой С.-Петербургской артели посыльных 1904; Устав С.-Петербургской 5-ой артели 1905; Устав С.-Петербургской 6-й артели 1902).

Таким образом, товарищеская артель, в отличие от личного найма, изменила функции и статус каждого работника. Повысился уровень ответственности, появились финансовые обязательства, однако появились и гарантии: для

заказчиков – качественного исполнения работы, для исполнителей – оплата, четко определенный объем работы, защита чести и достоинства. Организованные артели несли ответственность за каждого своего члена, вели документацию и взаимодействовали с различными городскими организациями (органы власти, полиции, печати, крупные магазины и т.д.). Они стремились создать репутацию надежных исполнителей и заключать долговременные контракты с крупными заказчиками.

5. Заключение

Отмена крепостного права кардинальным образом отразилась на положении и статусе лиц, занятых в услужении. Бесправная дворня, в наибольшей степени отражала патерналистскую сущность российского крепостничества. С одной стороны, именно она могла стать объектом изоциренного тиранства, с другой, получала гарантию обеспечения вне зависимости от экономической целесообразности.

Пореформенная эпоха вынудила капитализирующееся дворянство более рачительно подходить к найму прислуги. Однако полностью отказаться от услуг мужских работников даже жителям городов, а тем более помещикам не представлялось возможным. В этих условиях возникала потребность во временных работниках, готовых выполнять разовые поручения.

В свою очередь, для наиболее массовых категорий мужской прислуги, особенно тех, кто исполнял временные по характеру работы (извозчики, полотеры, печники, посыльные, грузчики), был выгодным бригадный вариант работы. Он выразился в создании большого количества товарищеских артелей, которые функционировали, полагаясь на строгую систему правил для участников и для нанимателей. Так «необразованная, грязная» прислуга обрела представительство в лице Правления артели и статус юридического лица, что позволило вступать в деловые контакты с администрацией города, полицией, крупными предприятиями, а также иметь кредитную историю в государственном банке и покупать ценные бумаги.

Библиография

- АВЕРЬЯНОВ/ВЕНЕДИКТОВ/КОЗЛОВ 2014: Aver'yanov, V. V./Venediktov, V. Yu./Kozlov, A. V. (2014), *Artel' i artel'nyu chelovek*. Moskva. [Аверьянов, В. В./Венедиктов, В. Ю./Козлов, А. В. (2014), *Артель и артельный человек*. Москва.]
- БЕРНШТЕЙН-КОГАН 1910: Bernshteyn-Kogan, S. V. (1910), *Chislennost', sostav i polozheniye peterburgskikh rabochikh*. Opyt statisticheskogo issledovaniya. Sankt-Peterburg. [Бернштейн-Коган, С. В. (1910), *Численность, состав и положение петербургских рабочих*. Опыт статистического исследования. Санкт-Петербург.]

- Биржевые Ведомости 1877: *Birzhevyue Vedomosti* (1877). 23 marta. [Биржевые Ведомости (1877). 23 марта.]
- БОГДАНОВ 1991: Bogdanov, I. A. (1991), *Grand-otel' «Yevropa» v Sankt-Peterburge*. Sankt-Peterburg. [Богданов, И. А. (1991), Гранд-отель «Европа» в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург.]
- ВАСИЛЬЕВА 2011: Vasil'yeva, Y. N. (2011), *Praktika povsednevnogo upravleniya imeniyem provintsial'nogo pomeshchika vo vtoroy chetverti XIX v. (po materialam Pskovskoy gubernii)*. In: *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo*. 63, 27-30. [Васильева, Ю.Н. (2011), Практика повседневного управления имением провинциального помещика во второй четверти XIX в. (по материалам Псковской губернии). В: Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 63, 27-30.]
- ВЕРЕМЕНКО 2013: Veremenko, V. A. (2013), „Dura v dome” – zhenskaya domashnyaya prisluga v dvoryanskikh sem'yakh Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv. In: *Al'manakh gendernoy istorii „Adam i Yeva”*. 21, 241-273. [Веремченко, В. А. (2013), «Дура в доме» – женская домашняя прислуга в дворянских семьях России второй половины XIX – начала XX вв. В: Альманах гендерной истории «Адам и Ева». 21, 241-273-]
- ВЕРЕМЕНКО 2014: Veremenko, V. A. (2014), *Dvornya v derevenskom sotsiume Rossii (pervaya polovina XIX veka)*. In: *Rossiyskaya derevnya v XVIII–XXI v.: sotsiokul'turnoye izmereniye: sb. statey IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Orenburg*, 56-59. [Веремченко, В. А. (2014), Дворянство в деревенском социуме России (первая половина XIX века). В: Российская деревня в XVIII–XXI в.: социокультурное измерение: сб. статей IX Междунар. науч.-практ. конф. Оренбург, 56-59]
- ВЕРЕМЕНКО 2017a: Veremenko, V. A. (2017a), *Zhenskaya domashnyaya prisluga v Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.: sostoyaniye zdorov'ya i factory professional'noy zabolevayemosti*. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. 19/3, 37-40. [Веремченко, В. А. (2017a), Женская домашняя прислуга в России второй половины XIX – начала XX в.: состояние здоровья и факторы профессиональной заболеваемости. В: Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 19/3, 37-40.]
- ВЕРЕМЕНКО 2017b: Veremenko, V. A. (2017b), *Khozyayka na kukhne: adaptatsionnyye praktiki v zhizni rossiyskoy dvoryanskoy sem'i vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. In: Ekstremal'noye v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (k 100-letiyu russkoy revolyutsii 1917 g.): materialy mezhdunar. nauch. konf., 16-18 marta 2017 g. Sankt-Peterburg*, 315-323. [Веремченко, В. А. (2017b), Хозяйка на кухне: адаптационные практики в жизни российской дворянской семьи во второй половине XIX – начале XX в. В: Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): материалы междунар. науч. конф., 16-18 марта 2017 г. Санкт-Петербург, 315-323.]
- ВОЛКОНСКИЙ 2004: Volkonskiy, S. M. (2004), *Moi vospominaniya: V 2 t. T. 2. Rodina. Vytybytiye*. Moskva. [Волконский, С. М. (2004), Мои воспоминания: В 2 т. Т. 2. Родина. Быт и бытие. Москва.]
- ГЛИНСКИЙ 1894: Glinskiy, B. B. (1894), *Iz letopisi usad'by Sergeevki*. In: *Istoricheskiy Vestnik*. 10, 57-85 [Глинский, Б. Б. (1894), Из летописи усадьбы Сергеевки. В: Исторический Вестник. 10, 57-85]
- КАРПИНСКАЯ 1897: Karpinskaya, Y. N. (1897), *Iz semeynoy khroniki*. In: *Istoricheskiy Vestnik*. 12, 853-870. [Карпинская, Ю. Н. (1897), Из семейной хроники. В: Исторический Вестник. 12, 853-870.]
- КРАСНОВА 2001: Krasnova, S. V. (2001), *Pal'na-Mikhaylovka – redkiy oazis kul'tury*. In: *Russkiye provintsial'nyye usad'by XVIII – nachala XX veka. Voronezh*. [Краснова, С. В. (2001), Пальна-Михайловка – редкий оазис культуры. В: Русские провинциальные усадьбы XVIII – начала XX века. Воронеж.]

- М. В. 1859b: M. V. (1859b.), Domashneye khozyaystvo. In: Ukazatel' politiko-ekonomicheskoy. Statisticheskoy i promyshlennoy zhurnal. 105, 12-14. [М. В. (1859б.), Домашнее хозяйство. В: Указатель политико-экономический. Статистический и промышленный журнал. 105, 12-14.]
- М. В. 1859a: M. V. (1859a), Dvorovyye lyudi. In: Vernadskiy, I. V. (red.), Ukazatel' politiko-ekonomicheskoy. Statisticheskoy i promyshlennoy zhurnal. 106, 34-38. [М. В. (1859а), Дворовые люди. В: Вернадский, И.В. (ред.), Указатель политико-экономический. Статистический и промышленный журнал. 106, 34-38.]
- Отдел рукописей: Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (OR RNB). F. 163. D. 313. [Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 163. Д. 313.]
- Отдел рукописей: Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki. OR RNB. F. 163. D. 314. [Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. ОР РНБ. Ф. 163. Д. 314.]
- Отдел рукописей: Otdel Rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki. OR RNB. F. 601. D. 1196. [Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. ОР РНБ. Ф. 601. Д. 1196.]
- Положение об артели домовых дворников: Polozheniye ob arteli domovykh dvornikov i storozhey, uchrezhdennoy pri Moskovskoy kommercheskoy birzhevoy arteli (Utv. 17 iyunya 1909 g.). (1909). Moskva. [Положение об артели домовых дворников и сторожей, учрежденной при Московской коммерческой биржевой артели (Утв. 17 июня 1909 г.). (1909). Москва.]
- РУЗВЕЛЬТ 2008: Ruzvel't, P. (2008), Zhizn' v russkoy usad'be: opyt sotsial'noy i kul'turnoy istorii. Sankt-Peterburg. [Рузвельт, П. (2008), Жизнь в русской усадьбе: опыт социальной и культурной истории. Санкт-Петербург.]
- РЫКАЧЕВ 1911: Rykachev, A. (1911), Tseny na khleb i trud v S.-Peterburge za 58 let. In: Vestnik finansov. 31, 25-27. [Рыкачев, А. (1911), Цены на хлеб и труд в С.-Петербурге за 58 лет. В: Вестник финансов. 31, 25-27.]
- САМАРИНА 2015: Samarina, L.A. (2015), Artel'naya organizatsiya raboty prisluzhi v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv.(n apriamere ustavov arteley posyl'nykh, perevozchikov i perenoschikov). In: Skvortsov, V. N. (red.), XIX Tsarskosel'skiye chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 21–22 aprelya 2015 g. Sankt-Peterburg. I, 62-69. [Самарина, Л. А. (2015), Артельная организация работы прислуги в России в конце XIX – начале XX вв. (на примере уставов артелей посыльных, перевозчиков и переносчиков). В: Скворцов, В. Н. (ред.), XIX Царскосельские чтения: материалы международной научной конференции, 21-22 апреля 2015 г. Санкт-Петербург. I, 62-69.]
- СИНОВА 2014: Sinova, I. V. (2014), Deti v gorodskom rossiyskom sotsiume vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: problem sotsializatsii, deviantnosti i zhestokogo obrashcheniya. Sankt-Peterburg. [Синова, И. В. (2014), Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – начале XX в.: проблемы социализации, девиантности и жестокого обращения. Санкт-Петербург.]
- СОКОЛОВА 1917: Sokolova, A.I. (1917), Dobrovol'naya zatvorshchitsa. In: Istoricheskiy Vestnik. 1, 78-85. [Соколова, А. И. (1917), Добровольная затворщица. В: Исторический Вестник. 1, 78-85.]
- СОЛОВЬЕВ 1998: Solov'yev, K. A. (1998), «Vo vkuse umnoy stariny...»: Usadebnyy byt rossiysko godvoryanstva II poloviny XVIII – I poloviny XIX vekov: Po vospominaniyam, pis'mam i dnevnikam: Ocherki. Sankt-Peterburg. [Соловьев, К. А. (1998), «Во вкусе умной старины...»: Усадельный быт российского дворянства II половины XVIII – I половины XIX веков: По воспоминаниям, письмам и дневникам: Очерки. Санкт-Петербург.]
- ТАРИФ ПЛАТЫ 1894: Tarif platy za uslugi posyl'nykh. Kontora Ye. Kevnarskoy, utverzhdenaya g. Ministrom vnutrennikh del 5 iyunya 1893 g. v Moskve. (1894). Moskva. [Тариф платы за услуги посыльных. Контора Е. Кевнарской, утвержденная г. Министром внутренних дел 5 июня 1893 г. в Москве. (1894). Москва.]
- ТАРИФ РИЖСКОЙ АРТЕЛИ 1897: Tarif Rizhskoy arteli posyl'nykh (Utv. 7 oktyabrya 1897 g.). (1897). Riga. [Тариф Рижской артели посыльных (Утв. 7 октября 1897 г.). (1897). Рига.]

- Толстая 1908: Tolstaya, M. N. (1908), *Iz Dnevnika Yekateriny Karamzinoi vposledstviy knyagini Meshcherskoy*. Sankt-Peterburg. [Толстая, М. Н. (1908), *Из Дневника Екатерины Карамзиной впоследствии княгини Мещерской*. Санкт-Петербург.]
- Тройницкий 1903: Troynitskiy, N. A. (red.) (1903), *Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy Imperii 1897 g.* II. Sankt-Peterburg. [Тройницкий, Н. А. (ред.)(1903), *Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г.* II. Санкт-Петербург.]
- Тройницкий/СТЕПАНОВА 1905: Troynitskiy, N./Stepanova, V. V. (red.) (1905), *Raspredeleniye rabochikh i prislugi po gruppam zanyatiy i po mestu rozhdeniya na osnovanii dannykh pervoy vseobshchey perepisi naseleniya Rossiyskoy Imperii 28 yanvarya 1897 goda*. Sankt-Peterburg. [Тройницкий, Н./Степанова, В. В. (ред.) (1905), *Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской Империи 28 января 1897 года*. Санкт-Петербург.]
- Устав Варшавской артели 1905: *Ustav Varshavskoy arteli posyl'nykh (Utv. 15 aprelya 1905 g.)*. (1905). Warszawa. [Устав Варшавской артели посыльных (Утв. 15 апреля 1905 г.). (1905). Варшава.]
- Устав Московской артели 1882: *Ustav Moskovskoy arteli poloterov (utv. 4 avgusta 1882 g.)*. (1882). Moskva. [Устав Московской артели полотеров (утв. 4 августа 1882 г.). (1882). Москва.]
- Устав первой С.-Петербургской артели 1879: *Ustav pervoy S.-Peterburgskoy arteli posyl'nykh (Utverzhen upravlyayushchim ministerstvom vnutrennikh del 6-go yanvarya 1879 g.)*. (1904). Sankt-Peterburg. [Устав первой С.-Петербургской артели посыльных (Утвержден управляющим министерством внутренних дел 6-го января 1879 г.). (1904). Санкт-Петербург.]
- Устав С.-Петербургской 5-й артели посыльных 1901: *Ustav S.-Peterburgskoy 5-oy arteli posyl'nykh (Utv. 28 marta 1901 g.)*. (1901). Sankt-Peterburg. [Устав С.-Петербургской 5-ой артели посыльных (Утв. 28 марта 1901 г.). (1901). Санкт-Петербург.]
- Устав С.-Петербургской 6-й артели посыльных 1902: *Ustav S.-Peterburgskoy 6-y arteli posyl'nykh (16 oktyabrya 1902 g.)*. (1902). Sankt-Peterburg. [Устав С.-Петербургской 6-й артели посыльных (16 октября 1902 г.). (1902). Санкт-Петербург.]
- Устав С.-Петербургской артели полотеров 1904: *Ustav S.-Peterburgskoy arteli poloterov*. (1904). Sankt-Peterburg. [Устав С.-Петербургской артели полотеров. (1904). Санкт-Петербург.]
- Устав трудовой артели шофферов 1913: *Ustav trudovoy arteli shofferov s S.-Peterburge*. (1913). Sankt-Peterburg. [Устав трудовой артели шофферов в С.-Петербурге. (1913). Санкт-Петербург.]
- Центральный государственный исторический архив: *Tsentral'nyu gosudarstvennyu istoricheskiy arkhiv g. S.-Peterburga*. F. 569. Op. 4. D. 7. [Центральный государственный исторический архив г. С.-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 569. Оп. 4. Д. 7.]
- Центральный государственный исторический архив: *Tsentral'nyu gosudarstvennyu istoricheskiy arkhiv g. S.-Peterburga*. F. 1696. Op. 1. D. 2. [Центральный государственный исторический архив г. С.-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 1696. Оп. 1. Д. 2.]
- Широкогоров 2006: Shirokogorov, V. L. (2006), *Tseny i oklady: dorevolyutsionnaya Rossiya*. In: *Pozitivnyu marketing*. 3, 6-8. [Широкогоров, В. Л. (2006), *Цены и оклады: дореволюционная Россия*. В: *Позитивный маркетинг*. 3, 6-8.]
- Южно-Русская артель официантов 1901: *Yuzhno-Russkaya artel' ofitsiantov v Odessa*. (1901). Odessa. [Южно-Русская артель официантов в Одессе. (1901). Одесса.]

ROMAN JURKOWSKI

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3424-0307>

Instytut Historii i Stosunków Międzynarodowych UWM w Olsztynie

WSPÓŁCZESNE BIAŁORUSKIE, POLSKIE I ROSYJSKIE BADANIA BIOGRAFICZNE DOTYCZĄCE DZIEJÓW EUROPY ŚRODKOWO-WSCHODNIEJ W XIX WIEKU

Contemporary Belarusian, Polish and Russian Biographical Studies on the History of Central and Eastern Europe in the 19th Century

SŁOWA KLUCZOWE: historia dawnej Rzeczypospolitej, słowniki biograficzne, znaczenie dla historiografii, rozwój badań naukowych

KEYWORDS: history of the former Polish-Lithuanian Commonwealth, biographical dictionaries, meaning for historiography, development of scientific research

ABSTRACT: Common past of Belarusians, Poles and Russians create the history of the Eastern lands of the former Polish-Lithuanian Commonwealth. Historical biographical dictionaries play an important role in studies of the historians from these lands. The article discusses 4 Belarusian, 3 Polish and 2 Russian biographical dictionaries describing important people from the 19th century and the beginning of the 20th century. In this article, two encyclopedias devoted to the Russian State Duma and the State Council reformed after 1906 were also assessed. The whole article shows the meaning of the historical biography in the progress of the scientific research over the past ages.

Jeśli spojrzymy na półki księgarskie, widać tam zdecydowaną dominację historycznej literatury naukowej przedstawiającej dzieje XX wieku. Wprawdzie nie jest prawidłowością zjawisko zmniejszania się liczby wydrukowanych prac naukowych podejmujących badania epok wcześniejszych, czego przykładem jest nadal intrygująca starożytność, ale w miarę „oddalania się współczesności” od tego, co jeszcze kilkadziesiąt lat temu nią było – występuje wyraźnie widoczne rosnące zainteresowanie czytelników opisami wydarzeń mniej odległych w czasie od teraźniejszości. „Piękny wiek XIX”, choć taki piękny właściwie nie był, ogółowi ludzi czytających książki historyczne znany jest przede wszystkim z bogatej literatury pamiętnikarskiej. Natomiast opracowania naukowe w postaci encyklopedii i słowników budzą przede wszystkim zainteresowanie historyków zawodowo zajmujących się badaniem tej epoki.

Rzetelnie sporządzone słowniki biograficzne są niezwykle cenną pomocą naukową dla kolejnych pokoleń historyków – wie o tym każdy, kto stracił wiele czasu na znalezienie np. daty urodzenia i zgonu czy choćby tylko pełnego imienia postaci historycznej. Nie ma więc chyba potrzeby dalszego rozwodzenia się nad korzyściami płynącymi z faktu istnienia i powstawania nowych historycznych słowników biograficznych.

W niniejszym artykule przedstawię dziewięć słowników biograficznych i dwie encyklopedie (w tych ostatnich przeważają hasła biograficzne), wydanych na Białorusi, w Polsce i w Federacji Rosyjskiej. Wybór tych opracowań nie jest przypadkowy. Wszystkie one, głównie poprzez osoby, ale także i hasła przedmiotowe przedstawiają połączone ze sobą, skomplikowane, XIX-wieczne (wraz z początkiem XX wieku) dzieje Białorusi, Polski i Rosji. Z tych powodów wszystkie omówione poniżej słowniki i encyklopedie są nieodzownymi elementami warsztatu naukowego historyków z tych trzech krajów. Są to następujące książki wydane na Białorusi: Matwiejczyk 2016; Snapkouski 2016; Drozd 2012, 2013; w Rosji: Sziłow 2002; Sziłow/Kużmin 2007, oraz trzytomowy słownik biograficzny opublikowany przez Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie: Latawiec/Górak/Legieć i in. 2015; 2016; 2018. Encyklopedie to dwa obszerne tomy, z których jeden poświęcony jest Dumie Państwowej (Gosudarstwiennaja Duma 2008), a drugi Radzie Państwa Imperium Rosyjskiego (Gosudarstwiennij Sowiet 2008).

Cel powstania tego typu opracowań naukowych jest właściwie tylko jeden – uzupełnienie luki w dotychczasowej wiedzy historycznej i jednocześnie dostarczenie tym sposobem kolejnego narzędzia do dalszych badań. Do tego dochodzą również bardziej prozaiczne przyczyny podjęcia przez historyków i archiwistów tego typu wysiłków, dodam od razu – wcale niemałych, czasochłonnych i pracochłonnych. W przypadku dwóch słowników wydanych na Białorusi (Matwiejczyk 2016; Snapkouski 2016) tym czynnikiem był fakt zatrudnienia obydwu autorów w największym archiwum historycznym tego państwa, jakim jest Narodowe Historyczne Archiwum Białorusi w Mińsku. Jeden z autorów (Matwiejczyk 2016) informację o wykorzystaniu przez siebie zasobów głównie tego archiwum, zamieścił w podtytule swojego słownika. Podobnie J. Snapkouski, opracowując biografie gubernatorów mińskich, korzystał, co jest oczywiste, przede wszystkim z zasobów tegoż archiwum. Dwie rosyjskie, bogato ilustrowane encyklopedie, będące wynikiem pracy dużego zespołu autorów, powstały nie tylko z braku takowych opracowań w rosyjskiej i powszechnej historiografii, lecz także na fali dużego zainteresowania tamtejszej, współczesnej historiografii początkami parlamentaryzmu w Rosji (Jurkowski 2017).

1. Struktura i wewnętrzny układ

Wszystkie omawiane tutaj słowniki i encyklopedie są opracowaniami tematycznymi, czyli prezentują osoby, które łączy określone wydarzenie: powstanie styczniowe na ziemiach byłego Wielkiego Księstwa Litewskiego (D. Matwiejczyk), sprawowany urząd (np. w przypadku gubernatorów mińskich – Snapkouskiego), członkostwo w rosyjskiej Radzie Państwa (w opracowaniu D. Sziłowa i J. Kuźmina), wysokie stanowiska w administracji państwowej (słownik Sziłowa) i praca w poszczególnych organach administracji rosyjskiej Królestwie Polskim (co przedstawiają trzy słowniki polskich autorów), oraz przynależność do określonego stanu społecznego (słowniki dotyczące ziemiaństwa z guberni mińskiej – D. Drozda). Dwie encyklopedie zawierają przede wszystkim biogramy posłów do Dumy Państwowej i zreformowanej w 1906 r. Rady Państwa. W ostatnim przypadku hasła osobowe z encyklopedii stanowią uzupełnienie, choć o zdecydowanie innym poziomie szczegółowości i precyzji, słownika członków Rady Państwa opracowanego przez Sziłowa i Kuźmina.

Tylko słowniki wydane w Polsce mają charakter szeroko podjętych badań systemowych, całościowych i są efektem wieloletnich studiów zespołu historyków, kierowanego przez naukowców z Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej (UMCS), nad rosyjską administracją w Królestwie Polskim. Obok opracowań wymienionych wyżej już wcześniej wydali oni doskonałe słowniki zawierające biogramy przedstawicieli najwyższych władz rosyjskich w Królestwie Polskim (Górak/Kozłowski/Latawiec 2014; 2015), a także, co należy szczególnie pochwalić, wersję anglojęzyczną tych książek. Tę ostatnią opublikowano w mniejszym, dwuosobowym składzie autorskim (Górak/Latawiec 2016). We wszystkich tych słownikach hasła osobowe zostały skonstruowane na podstawie jednolitego kwestionariusza badawczego, co daje ogromne pole do kolejnych badań porównawczych. Przyjęta koncepcja badawcza opracowania biogramów wszystkich urzędników administracji rosyjskiej, poczynając od jej najwyższych przedstawicieli, na powiatowych kończąc, stanowi wydarzenie bez precedensu w polskich badaniach historycznych nad epoką rozbiorową. Należy dodać, że wraz z kolejnymi tomami, przy konsekwentnym stosowaniu identycznego kwestionariusza badawczego, rośnie skala trudności w sporządzeniu biogramów, co zmusza autorów do ciągłego rozszerzania bazy źródłowej – wszak łatwiej jest opracować biografię gubernatora niż szeregowego urzędnika, np. inspektora szkół miasta Warszawy.

Pośród dziewięciu omawianych tutaj książek cztery z nich są opracowaniami przygotowanymi przez jednego autora, jedna praca została napisana przez dwóch, a trzy przez czterech autorów. Obie encyklopedie są dziełami wieloautorskimi, z podanymi nazwiskami autorów pod każdym biogramem i hasłem przedmiotowym.

Nie ulega wątpliwości, że w przypadku opracowywania wszystkich słowników (poza książkami Matwiejczyka i Drozda), niezwykle przydatne okazały się

twz. formularne spiski o służbie urzędników państwowych (*формулярный список о службе*), czyli według niezwykle trafnego tłumaczenia tej rosyjskiej nazwy dokonanej przez wspomnianych wyżej historyków z UMCS, dokumenty zawierające „listę stanu służby”. To dzięki nim w opracowaniach Szilowa i tegoż z Kuźminem znajdujemy niezwykle precyzyjną (dzienną) datację dotyczącą okresu sprawowania najróżniejszych funkcji i zajmowania wielu stanowisk przez postacie opisywane w obu tych słownikach. Z zachowanych list stanu służby korzystali także Snapkouski, historycy polscy i częściowo też autorzy obydwu rosyjskich encyklopedii.

Układ alfabetyczny biogramów obowiązuje we wszystkich omawianych ksiązkach, z tym że w trzech tomach wydanych w Polsce podziałem nadrzędnym jest układ problemowy (według organów i instytucji administracyjnych), a dopiero biogramy wewnątrz nich są ułożone alfabetycznie. Biogramy, rzecz oczywista, stanowią zasadniczy trzon wszystkich prezentowanych tutaj słowników, natomiast całe wydawnictwa różnią się zasadniczo pod względem innych, dodatkowych elementów swojej struktury wewnętrznej. Rozpatrzę je zgodnie z tytułową kolejnością, według krajów pochodzenia.

Obszerny tom autorstwa Matwiejczyka, napisany w języku białoruskim, oprócz haseł osobowych składa się z rozbudowanej przedmowy, w której autor przedstawia i krytycznie ocenia dotychczasową literaturę naukową i popularno-naukową dotyczącą biografistyki powstania styczniowego, ze szczególnym uwzględnieniem historiografii białoruskiej, polskiej i rosyjskiej. Nie omawia historiografii litewskiej przede wszystkim z powodu skupienia się w swoim słowniku na ziemiach białoruskich b. Wielkiego Księstwa Litewskiego. W przedmowie znajduje się także ocena zasobów archiwalnych białoruskich, litewskich i polskich. Oddzielne miejsce zajmuje drobiazgowo omówienie zasadniczego zbioru archiwalnego wykorzystanego przy tworzeniu słownika, jakim są zespoły Narodowego Historycznego Archiwum Białorusi w Mińsku i w Grodnie (NGAB). Przedmowę zamyka opis zasad konstrukcji biogramów, wyjaśnienie kwestii terminologii i zastosowanej datacji i pełny wykaz zastosowanych skrótów. Po biogramach w słowniku zamieszczono indeks osobowy (bez wyszczególnienia nazwisk, którym odpowiadają hasła biograficzne) i rozszerzony indeks geograficzny. To „rozszerzenie” polega na tym, że do nazw miejscowości (miast, wsi), nazw majątków, folwarków itp. dodano także nazwy guberni, powiatów, gmin, co w znaczący sposób ułatwia korzystanie ze słownika, bowiem pozwala korzystającemu na uzyskiwanie w szybki sposób dodatkowych informacji. Na końcu książki znajduje się pełny wykaz wykorzystanych źródeł archiwalnych z NGAB w Mińsku, ułożony według kolejności numerów zespołów w tym archiwum. Jest to nieodzowny element omawianego słownika przede wszystkim dlatego, że pod każdym biogramem znajdują się adnotacje w postaci numeru zespołu, numeru inwentarza i numeru jednostki archiwalnej, wraz ze stronami, odnoszącymi się do danej osoby lub informacji o niej. Pozwala to czytelnikowi nie tylko dokładnie zlokalizować zespół archiwalny i należącą do niego jednostkę archiwalną, lecz także

mówi o ogromnym wysiłku heurystycznym autora, który do napisania słownika, obok obszernej literatury, przejrzał setki teczek archiwalnych i wyłuskał z nich niezwykle cenne dane.

Słownik autorstwa Snapkouskiego napisany w języku rosyjskim jest drugim, po pracy Szilowa i Kuźmina, dziełem pełnym i kompletnym wśród wszystkich omawianych tutaj książek. To znaczy, że jeśli do pozostałych siedmiu opracowań zawsze można jeszcze dodać jakiś zapomniany czy wcześniej nieznanymi biogram, to w przypadku słownika mińskich gubernatorów, wicegubernatorów i gubernialnych marszałków szlachty lista już jest zamknięta i problemem autorskim nie było znalezienie spisu wszystkich tych urzędników, a przygotowanie jak najpełniejszych i najlepszych opisów biograficznych. I od razu należy stwierdzić, że praca młodego historyka i archiwisty z Mińska prezentuje najwyższy poziom naukowy, co widać zwłaszcza w porównaniu z opublikowaną w 2009 roku książką P. Brigadina także zawierającą biografie gubernatorów mińskich (Brigadin 2009). Autor zestawiał biografie tych trzech kategorii urzędników państwowych w jednym ciągu alfabetycznym bez wydzielenia ich w odrębne grupy, ale czytelnik nie ma problemu ze znalezieniem odpowiedniego nazwiska w danej kategorii, gdyż po biogramach znajdujemy w książce chronologiczne spisy nie tylko gubernatorów, wicegubernatorów i gubernialnych marszałków szlachty, lecz także innych wysokich urzędników zarządzających gubernią mińską w różnych okresach jej przynależności do zmieniających się struktur administracyjnych. I tak znajdziemy tam dwa biogramy generałów-gubernatorów mińskich, wołyńskich, braclawskich i podolskich z lat 1793–1796, oraz sześć biogramów tymczasowych wojskowych gubernatorów mińskich z lat 1812–1815; 1831–1832 i 1861–1864¹. Licząca kilkadziesiąt stron bibliografia najpierw wyodrębnia archiwalia z NGAB w Mińsku, potem z Grodna, Sankt Petersburga, Pskowa, Samary i Wilna. W przypisie do wykazu archiwaliów autor informuje, że zamieścił w nim tylko te, które przeglądał osobiście. Dalsza część bibliografii składa się z alfabetycznego zestawienia źródeł drukowanych i literatury, sporządzonego oddzielnie dla alfabetu łacińskiego i cyrylicznego. Słownik zamykają indeksy: osobowy i nazw geograficznych. Ten pierwszy jest bardzo ważny dla czytelników polskich nieznających języka rosyjskiego, gdyż jest też dwuczęściowy – pierwsza część w alfabecie łacińskim. Dodatkowo w drugiej, cyrylicznej części indeksu osobowego znajdujemy także nazwiska w alfabecie łacińskim, gdy wymieniana osoba

¹ Wykaz chronologiczny zawiera także spis (wraz z datami sprawowania funkcji) wojskowych gubernatorów Kamieńca Podolskiego zarządzających administracją cywilną i dowodzących wojskami w guberni podolskiej, wołyńskiej i mińskiej w latach 1796–1801; spis wojskowych gubernatorów kijowskich zarządzających również administracją cywilną w guberni kijowskiej i mińskiej w latach 1801–1812; nazwisko jedynego generała-gubernatora smoleńskiego, witebskiego, mohylewskiego i mińskiego z 1831 r. oraz nazwiska ośmiu generałów-gubernatorów wileńskich, kowieńskich, grodzieńskich i mińskich będących jednocześnie dowódcami Wileńskiego Okręgu Wojskowego z lat 1831–1870.

była np. Polakiem. Wówczas autor w biogramach podaje również nazwisko w języku polskim, np. Józef Wańkowicz, Leon Osztorp, Ludwik Kamiński.

Specyficznym słownikiem-informatorem jest dwutomowa praca Drozda, historyka z Mińska, także napisana w języku rosyjskim. Chcąc szerzej scharakteryzować te książki i ich wewnętrzny układ, jestem zmuszony do omówienia rodzaju i formy skonstruowanych zapisów, co oznacza, że w tym przypadku nie będę już tego dokonywał w kolejnej części niniejszego artykułu.

Wydawnictwo to właściwie nie ma charakteru „klasycznego” słownika biograficznego, jest to bardziej informator, gdyż jedyną cechą łączącą go z innymi słownikami omawianymi w tym artykule jest alfabetyczny wykaz właścicieli ziemskich z guberni mińskiej posiadających ponad 50 dziesięcin ziemi w tej guberni². Dodatkowymi informacjami odnoszącymi się do podanych w pierwszym tomie z 2012 roku (Drozd 2012) nazwisk, imion i patronimików są także przynależność stanowa, wyznanie, nazwa posiadanego majątku (lub majątków i folwarków), ich powierzchnia wyliczona w dziesięcinach, status prawny w stosunku do podawanego majątku (właściciel, dzierżawca, prawomocny zarządca) oraz odnotowane w dokumentach zakłady, takie jak młyny, tartaki wraz z rocznym dochodem z nich osiąganym. Wszystkie hasła osobowe ujęte są w standaryzowanych tabelach – w praktyce w jednej wielkiej tabeli, czytelnie i logicznie podzielonej na mniejsze, gdzie najważniejszymi i najcenniejszymi informacjami nie są te wymienione przeze mnie wcześniej, a wydzielone wytłuszczeniem w druku spisy jednostek archiwalnych dotyczących najróżniejszych spraw własnościowych (i nie tylko!) związanych z konkretnymi posiadłościami ziemskimi i ich właścicielami. Mówiąc w prostszy sposób – autor przejrzał w archiwum w Mińsku tysiące teczek z zespołów wytworzonych przez najróżniejsze instytucje, głównie sądowe, ale też notariaty, adwokaturę, urzędy ziemskie, instancje policyjne, zarządy gubernialne itp. i przypisał określone tečky (sprawy) konkretnym właścicielom ziemskim i ich majątkom. Do numeracji archiwalnej dodał również lakoniczne, zwarte opisy czego dotyczyły sprawy odnoszące się do danego majątku i jego właściciela. Dzięki tej ogromnej pracy (około 20 tys. wypisów archiwalnych) otrzymaliśmy wskazówki bibliograficzne – sygnatury archiwalne, odnoszące się do dokumentów przedstawiających nie tylko zmiany w stanie posiadania (np. licytacje za długi, procesy o sporne grunty, serwituty), lecz także pokazujących konflikty społeczne, spory rodzinne, zatargi graniczne, procesy sądowe itp. Wykaz obejmuje 3171 osób i jest oparty na spisie ziemian guberni mińskiej z 1876 roku uznawanym przez historyków za jeden z najbardziej wiarygodnych. Poza krótkim wprowadzeniem i wykazem skrótów tom uzupełniają dwa indeksy: nazw geograficznych i osobowy, w znaczący sposób ułatwiający i rozszerzający dostępność do ogromu informacji zawartych w książce.

² 1 dziesięcina liczyła 1,0925 ha.

To informator doprawdy niezwykle cenny dla każdego historyka zajmującego się badaniami nad XIX-wieczną własnością ziemską w guberni mińskiej.

Drugie wydawnictwo przygotowane przez Drozda (Drozd 2013) oparte jest na opublikowanych spisach wszystkich posiadaczy ziemi w guberni w 1911 i 1914 roku i tym samym jest uzupełnieniem spisu ziemian opublikowanego w 1889 roku przez Miński Gubernialny Komitet Statystyczny, liczącego wówczas już 7161 nazwisk³. Zestawienia te przygotowywane były dla potrzeb wyborów do ziemstw (wprowadzono je w guberni mińskiej w 1911 r.) i miały formę drukowanych spisów dla siedmiu kategorii właścicieli, które oddzielnie dla każdego powiatu były drukowane w „Mińskich Wiadomościach Gubernialnych” („Минские губернские ведомости”). Ponieważ wszystkie siedem kategorii właścicieli ziemskich⁴ dodatkowo podzielono na grupy narodowościowe (polskie i niepolskie), łącznie dla dziewięciu powiatów dawało to 126 spisów. Autor ułożył nazwiska alfabetycznie, podając też wielkość i nazwy majątków lub miejscowości, gdzie leżała własność ziemska danej osoby. Dzięki temu uzyskaliśmy najpełniejszy wykaz własności ziemskiej w guberni mińskiej, zawierający nie tylko większych właścicieli, czyli głównie ziemian, lecz także wszystkich innych (głównie w siódmej kategorii), których własność w powiecie mińskim, słuckim i nowogródzkim była nie mniejsza niż 15 dziesięcin (dz.), a w powiatach bobrujskim, borysowskim, ihumeńskim i pińskim oraz rzeczyckim nie mniejsza niż 20 dz. (tylko w pow. mozyrskim dolną wartością graniczną było 30 dz.). Książkę zamykają dwa indeksy: geograficzny i osobowy, nieodzowne w tego typu wydawnictwie. Dodatkowo, jako aneksy, autor zamieścił trzy dokumenty dotyczące instytucji ziemskich, z 1864, 1890 i 1911 roku. Zastanawia tutaj nie tylko celowość publikacji tych dokumentów w tego typu wydawnictwie (!), lecz także ich forma (jak pisze autor: „w skróconej postaci”), przy czym dokonane skróty nie są w żaden sposób wyraźnie zaznaczone. Aneksy zamieszczone w obydwu książkach Drozda czynią wrażenie, jakby autor nie do końca przemyślał elementy dodatkowe poza zasadniczymi wykazami, stanowiącymi najważniejszy składnik obu prac. O zbędnych aneksach w drugim tomie wydawnictwa (Drozd 2013) pisałem wyżej, podobnie można zadać pytanie o celowość publikacji w tomie pierwszym uwag recenzyjnych dwóch autorów, filologa-historyka J. Januszkiewicza i historyka F. Czarniauskogo, skoro nawet nie wiadomo, czy byli oni oficjalnymi recenzentami książki, bowiem brak takiej informacji w stopce redakcyjnej. Zamieszczenie 11 dokumentów, mających stanowić „przykłady” źródeł wykorzystywanych przez autora, miało uzasadnienie chyba tylko w tym, że chodziło o pokazanie tekstów źródeł nie historykom, a amatorom-genealogom, szczególnie tym z nich, którzy

³ Już samo tylko proste zestawienie liczb z wykazu za 1876 r. i za 1889 r. pokazuje proces dzielenia się i rozdrabniania własności ziemskiej w guberni mińskiej w ciągu 13 lat postępujący wraz ze wzrostem liczby ludności rolniczej w guberni.

⁴ Kategorie zależały od ściśle określonej dla każdego powiatu powierzchni majątku lub wysokości dochodu uzyskiwanego z ziemi albo zakładów przemysłowych, jak np. fabryki, tartaki itp.

rzadko korzystają z archiwów. Niemniej te ostatnie uwagi w niczym nie deprecjują ogromnej wartości obydwu prac Drozda, które – mam nadzieję – staną się zaczynem wielu nowych ciekawych i oryginalnych prac naukowych.

Każdy z trzech tomów z biografiami naczelników rosyjskiej administracji w Królestwie Polskim, przygotowany przez zespół badaczy kierowany m.in. przez profesorów K. Latawca i A. Górkę z UMCS, ma wyraźną trzyczęściową strukturę, której segment zasadniczy stanowią biogramy ułożone w układzie alfabetycznym (według alfabetu łacińskiego) i zamykająca całość bibliografia. Natomiast pierwszą częścią składową jest obszerny kilkudziesięciostronicowy (od 50 do 60 stron) wstęp, a właściwie rozdział książki, wprowadzający czytelnika w skomplikowaną strukturę rosyjskiej administracji państwowej w Królestwie Polskim. To ze wszech miar potrzebny, nieodzowny wręcz element tego wydawnictwa. Autorzy zamieszczają w nim chronologiczne zestawienia wszystkich naczelników najróżniejszych organów administracji rosyjskiej. Tom pierwszy (Latawiec/Górkę/Liegić/Bogdanow 2015) poświęcony jest instytucjom Ministerstwa Oświecenia Publicznego: kuratorom i pomocnikom kuratora Warszawskiego Okręgu Naukowego, kuratorom i pomocnikom kuratora Kijowskiego Okręgu Naukowego⁵, naczelnikom dyrekcji naukowych oraz inspektorom szkół miasta Warszawy. Tom drugi (Latawiec/Górkę/Liegić/Bogdanow 2016) dotyczy naczelników podlegających Ministerstwu Finansów: naczelników okręgów celnych, rewirów celnych, kierujących poborem opłat akcyzowych, podatkami akcyzowymi, stojących na czele gubernialnych i okręgowych zarządów akcyzowych oraz kierujących izbami skarbowymi. Tom trzeci (Latawiec/Górkę/Liegić/Bogdanow 2018) omawia organy administracyjne Ministerstwa Dóbr Państwowych, Głównego Zarządu Rolnictwa i Dóbr Państwowych, Ministerstwa Przemysłu i Handlu, Głównego Zarządu Państwowego Chowu Koni, Kontroli Państwowej, Banku Państwowego i Banku Włociańsko-Ziemskiego. Ale te spisy to tylko końcowy komponent obszernych rozdziałów wprowadzających do zasadniczych słowników. Ich najważniejszym celem jest opisowe, syntetyczne pokazanie czytelnikowi procesu powstawania tej administracji, jej podstaw prawnych, kompetencji, rozrostu struktury, skuteczności działania i celów politycznych, które miała realizować. Dzięki temu czytelnik potrafi rozróżnić uprawnienia decyzyjne i określić pozycję (także polityczną), dajmy na to, kuratora i pomocnika kuratora Warszawskiego Okręgu Naukowego czy np. poznać różnicę, jaka istniała między okręgiem a rewirem celnym. Bez tych rozdziałów wstępnych tego typu słowniki byłyby tylko spisami urzędników zaborczego państwa pracujących na wydzielonej z cesarstwa części zaboru rosyjskiego.

Tego typu rozdziałów wprowadzających nie znajdziemy w dwóch słownikach opracowanych przez historyków rosyjskich (Sziłow 2002; Sziłow/Kuźmin 2007),

⁵ Administracja Kijowskiego Okręgu Naukowego omawiana jest tylko w okresie 1912–1918 z powodu włączenia do niej guberni chełmskiej sztucznie wyodrębnionej z Królestwa Polskiego w 1912 r.

co w przypadku drugiego z wymienionych można uznać za pewną niedoskonałość tego wydawnictwa. Ma ono, jak praca Snapkouskiego, charakter zamknięty, gdyż autorzy opracowali biogramy wszystkich członków rosyjskiej Rady Państwa od 1801 do 1906 roku, a więc dla okresu, gdy było ona organem państwa o składzie osobowym w pełni mianowanym przez monarchę. Już chociażby z tego powodu wskazane byłoby zamieszczenie we wstępie zwięzłego rysu przedstawiającego dzieje tej instytucji odgrywającej ważną rolę w strukturze wyższej biurokracji Imperium Rosyjskiego. Tego rodzaju wprowadzenie nie było potrzebne ani nawet zasadne w książce autorstwa Sziłowa, w której znajdują się biogramy wybranych przedstawicieli wyższej biurokracji rosyjskiej. Zamiast tego na początku książki, na kilkunastu stronach, znajdujemy interesującą analizę reprezentatywności, stanu zachowania i sposobów wykorzystania źródeł do badań biograficznych. To bardzo ciekawy tekst, w którym autor skupia się nie na wykazach źródeł, publikacjach źródłowych i opracowaniach biograficznych (choć je przytacza w kilku ogromnych przypisach), ale przede wszystkim omawia trudności i niebezpieczeństwa czyhające na biografów bezkrytycznie korzystających z formularnych spisków czy np. publikowanych nekrologów.

Obie prace składają się całego zestawu elementów uzupełniających biogramy, które w znaczący sposób rozszerzają i podnoszą ich wartość informacyjną, pozwalając czytelnikowi na łatwiejsze i szybsze korzystanie ze słowników. W słowniku Sziłowa, podobnie jak u Snapkouskiego i w książkach polskich autorów, znajdujemy chronologiczne (z datami dziennymi) zestawienia osób sprawujących najważniejsze funkcje w państwie, w układzie według poszczególnych instytucji: Rada Ministrów, Komitet Ministrów, poszczególne departamenty Rady Państwa, Kancelaria Państwa, Świętobliwy Synod (oberprokuratorzy), Kancelaria Osobista Cesarza (trzy oddziały), Kancelaria Instytucji Pozostających pod Opieką Cesarzowej Marii, Ministerstwo Spraw Wojskowych, Ministerstwo Spraw Wewnętrznych, Ministerstwo Rolnictwa, Ministerstwo Dworu Cesarskiego, Ministerstwo Spraw Zagranicznych, Ministerstwo Morskie, Ministerstwo Oświecenia Publicznego, Ministerstwo Policji, Ministerstwo Poczty i Telegrafu, Ministerstwo Komunikacji, Ministerstwo Handlu i Przemysłu, Ministerstwo Apanaży Cesarskich, Ministerstwo Finansów, Ministerstwo Sprawiedliwości, Kontrola Państwowa, Główny Zarząd Państwowej Ochrony Zdrowia, Główny Zarząd Stadnin Państwowych, Główny Zarząd do spraw Religijnych i Wyznań Obcych, Główny Zarząd Żeglugi Morskiej i Portów. Celowo wymieniłem tytuły wszystkich tych tabel, aby wskazać czytelnikowi, gdzie szukać dokładnych wykazów ministrów, dyrektorów departamentów imperialnej Rosji w XIX i na początku XX wieku, wraz z dokładnymi datami sprawowania konkretnych urzędów. Dodam, że biogramy większości z nich znajdują się w słowniku. Mimo przyjęcia układu alfabetycznego haseł osobowych, zamieszczono także odrębny wykaz biogramów, według alfabetu. Takiego dodatkowego wykazu alfabetycznego nie ma w drugim wydawnictwie, natomiast jest tam ogólne zestawienie członków

Rady Państwa (w okresie od 30 III 1801 do 17 IV 1906 r.) w układzie chronologicznym, według daty pierwszej nominacji lub wejścia do tego organu z racji zajmowanego stanowiska. Należy zwrócić szczególną uwagę na dwa indeksy w obydwu prezentowanych książkach, niewystępujące w zdecydowanej większości tego typu słowników historycznych. Pierwszym jest geograficzny indeks miejsc urodzenia osób. Zestawienie alfabetyczne według państw, guberni, powiatów, miast, majątków pozwala na badanie geograficznego rozkładu pochodzenia opisywanych postaci. Jeszcze cenniejsze są indeksy genealogiczne, oparte na części genealogicznej biogramów, w których obok nazwisk osób stanowiących hasła główne znajdujemy nazwiska wymienionych w książce członków ich rodzin, wraz z podaniem stopnia i rodzaju pokrewieństwa. Jak bardzo przydatny jest ten indeks wiedzą ci, którzy wobec tradycji nadawania pierworodnym synom imion ich ojców np. próbowali ustalić, która z poszukiwanych postaci jest ojcem, a która synem. W badaniach tego typu w sytuacji o wiele lepszej niż badacze z Polski są genealodzy i historycy z Rosji, Białorusi czy Ukrainy, gdzie podawanie patronimiku („otczestwa”) znacznie ułatwia odszukanie konkretnej osoby. Ale jednocześnie stosowana w tamtejszych historiografiach fatalna zasada niepodawania pełnych imion (nawet autorów książek czy artykułów), a tylko inicjałów (w tym także i inicjałów patronimików) powoduje, że czasami to, co dzięki patronimikom przybliżyło nas do umiejscowienia w czasie i przestrzeni konkretnej osoby, także całkiem zbytecznie komplikuje dalsze poszukiwania.

Dochodzą do tego bardzo potrzebne, również rozbudowane, wykazy skrótów: rzeczowych, nazw urzędów i organizacji, imion i patronimików, bibliograficznych, a nawet miejsc wydania. Taka konstrukcja obydwu słowników jest klarowna i czytelna. Pozwala na pełną swobodę w korzystaniu z nich, a dobrze przemyślane aneksy i indeksy rozszerzają wiedzę zawartą w zasadniczych biogramach.

W obydwu rosyjskich encyklopediach poświęconych Dumie Państwowej i Radzie Państwa hasła biograficzne zajmują zasadniczą część zawartości, choć, co jest naturalne w przypadku tematycznego wydawnictwa encyklopedycznego, znajdują się tam także hasła przedmiotowe i inne związane z tymi organami władzy w schyłkowym okresie istnienia cesarstwa rosyjskiego. Oczywiście, układ wszystkich haseł jest alfabetyczny, na końcu zamieszczono „Podstawową bibliografię” dotyczącą obydwu instytucji. Już nawet ten skrócony zestaw publikacji pokazuje na nierówność rosyjskich i powszechnych badań historycznych nad obiema izbami rosyjskiego parlamentu – jeśli spis prac o Dumie zajmuje cztery strony druku, to podstawowa bibliografia odnosząca się do Rady Państwa zajmuje niecałą jedną stronę. Indeksy w obu encyklopediach obejmują: spisy skrótów, spisy skrótów nazw organizacji, partii i instytucji oraz wykazy skrótów zastosowanych w odnośnikach bibliograficznych.

2. Biogramy i ich zawartość informacyjna

Zróżnicowanie warstwy informacyjnej w biogramach zamieszczonych w omawianych wydawnictwach jest konsekwencją przede wszystkim różnej wartości materiału źródłowego, na podstawie którego je przygotowywano. Jest zrozumiałe, że autor przygotowujący biogram premiera rządu Rosji będzie dysponował wielością różnorodnych źródeł w przeciwieństwie do autora biogramu szeregowego powstańca styczniowego schwytanego na polu bitwy, o którym będziemy wiedzieli tylko tyle, ile sam zeznał przed komisją śledczą lub co powiedzieli o nim inni przesłuchiwani. Drugim czynnikiem wpływającym na kształt i zawartość merytoryczną biogramu była konkretna tematyka opracowywanego słownika. Oznacza to, że Matwiejczyk z Mińska skoncentrował się przede wszystkim na udziale swoich bohaterów w powstaniu styczniowym, a Sziłow i Kuźmin na działalności członków Rady Państwa w tym organie władzy. Niemniej wszyscy członkowie Rady Państwa byli albo wcześniej, albo jednocześnie znanymi urzędnikami wyższej biurokracji, więc autorzy sporządzając biogramy, opisali całą ich karierę urzędniczą. Można więc było tutaj zastosować ściśle opracowany kwestionariusz badawczy, czego nie mógł zrobić Matwiejczyk z powodu ogromnej różnorodności i niekompletności posiadanego materiału źródłowego. Stąd w jego słowniku biogramy mają charakter opisowy, są różnej wielkości i przekazują różny zasób informacji: od kilkunastu zdań charakteryzujących daną osobę i przedstawiających szerzej jej udział w powstaniu do jednozdaniowych wzmianek podających głównie nazwisko i lakoniczną adnotację np. o skazaniu za udział w powstaniu. Niemniej tam, gdzie liczba informacji była większa, są one ułożone według tego samego wzorca. Ten ogromny słownik zawiera 7053 biogramów.

W pozostałych słownikach i encyklopediach wszystkie biogramy skonstruowane są według schematów przyjętych przez autorów lub, jak w przypadku encyklopedii, przez kolegia naukowo-redakcyjne. Najbardziej usystematyzowane, opracowane według jednego precyzyjnego standardu badawczego są biogramy w trzech polskich słownikach. Ten „kwestionariusz biogramów” składa się 16 elementów, choć ich numeracja liczy 15 odnośników, gdyż imię, patronimik nazwisko w języku polskim, jest traktowane jako „główka hasła”: 1. Imię, patronimik nazwisko w języku rosyjskim; 2. Data i miejsce urodzenia; 3. Wyznanie; 4. Stan społeczny (ze wszystkimi składowymi związanymi z pochodzeniem społecznym); 5. Wykształcenie; 6. Majątek nieruchomy; 7. Powinowaci; 8. Dzieci i ich rodziny; 9. Przodkowie i krewni; 10. Przebieg służby (z dokładnymi datami); 11. Nagrody i odznaczenia; 12. Awanse służbowe (z datami dziennymi); 13. Varia; 14. Data śmierci i jej okoliczności; 15. Literatura i źródła. Tak skonstruowana, ujednoczona ankieta badawcza niesie za sobą ogromne plusey w postaci łatwości systemowych badań porównawczych, zwłaszcza że wspomniane już tutaj słowniki gubernatorów i wicegubernatorów

z Królestwa Polskiego zawierały w swoich biogramach te same składniki arkusza biograficznego. Wszystkie trzy tomy liczą łącznie 450 biogramów. Według podobnego układu napisane są także hasła osobowe w pracach Szilowa (281 osób) oraz tegoż z Kuźminem (325 nazwisk)⁶ oraz w książce Snapkouskiego (99 haseł biograficznych). Wszystkie one dotyczą urzędników państwowych wysokiego szczebla, a zatem ich biogramy zawierają przede wszystkim opisy kariery służbowej, tj. rangi urzędnicze, zajmowane stanowiska rządowe, pracę w różnych komisjach, naradach, nagrody, orderzy, listy pochwalne, medale i funkcje honorowe, opisy innej działalności (np. społecznej, kulturalnej, charytatywnej), twórczość pozaurzędową, (pisarską, naukową itp.). Biogramy zamykają zestawienia źródeł archiwalnych, drukowanych, literatury, spisy publikacji wytworzonych przez opisywane osoby, miejsce przechowywania fotografii – lub innych wizerunków. Na początku biogramu podawane są podstawowe dane osobowe i szczegółowo – koligacje rodzinne. W opracowaniu Snapkouskiego akurat te informacje znajdują się na końcu każdego biogramu⁷. Warto podkreślić, że ten ostatni autor zamieścił w swojej książce, obok licznych fotografii z epoki przedstawiających Mińsk, także fotografie (które udało mu się odnaleźć) przedstawianych postaci i fotokopie ich autografów. Podobnie bogaty jest materiał ikonograficzny w obydwu encyklopediach, lecz i tutaj także nie udało się zgromadzić fotografii wszystkich posłów.

3. Rola biograficznych słowników w badaniach historycznych nad wiekiem XIX

Podstawowym zadaniem słowników biograficznych jest dostarczenie najpełniejszych informacji o określonych osobach z przeszłości. Mają informować, nie wartościować. Powinny dostarczać ścisłych danych o formach zapisu nazwisk czy okresach sprawowania określonych urzędów. Gdy historyk wykorzystuje w swoich badaniach wspomnienia i pamiętniki, to słowniki biograficzne pozwalają na weryfikację błędów i zniekształceń, jakże częstych w memuarystyce. To przy ich wykorzystaniu historycy powinni pisać biografie naukowe, których zadaniem jest ocena roli konkretnych postaci w wydarzeniach czy nawet procesach historycznych.

⁶ Jest to liczba nazwisk wymienionych w słowniku, lecz z tej liczby aż 220 osób było wcześniej opisywanych w pracy Szilowa (2002).

⁷ Niezmiernie rzadko spotykane w słownikach biograficznych, ale bardzo wartościowe z punktu widzenia historyka zainteresowanego konkretnymi osobami, są opracowane przez Snapkouskiego opinie współczesnych pamiętnikarzy dotyczące opisywanych osób, szczególnie tych, które już za życia i działalności zyskały miano „kontrowersyjnych” (por. np. biogram Leona Osztorpa (Snapkouski 2016, 184)). Te części składowe biogramów nazwane przez autora „charakterystykami” i uzupełnione obszernymi przypisami znacznie rozszerzają wartość informacyjną tego znakomitego słownika.

Aż sześć z prezentowanych tutaj dziewięciu opracowań dotyczyło mężczyzn pracujących w rosyjskiej administracji państwowej, głównie wyższego, ale i średniego szczebla. Dzięki pracom Sziłowa i tegoż z Kuźminem wiemy, kim byli ministrowie kierujący poszczególnymi resortami, zaś słowniki napisane przez polskich badaczy, z historykami z UMCS na czele, pokazują ich podwładnych na wyjątkowym dla Rosji obszarze, jakim było Królestwo Polskie. Systemowe i systematyczne (o czym mówi częstotliwość ukazywania się kolejnych tomów) badania nad administracją rosyjską w Królestwie Polskim pozwalają na niemal pełne prześledzenie drogi karier urzędników państwowych w tej części zaboru rosyjskiego. Skąd przyjeżdżali do Królestwa Polskiego, jakie mieli wykształcenie, ilu z nich było szlachcicami rodzowymi, ilu osobistymi i czy byli także wśród nich przedstawiciele innych stanów społecznych, czy poza pracą mieli inne zainteresowania itd. – tego i wielu jeszcze innych rzeczy można się dowiedzieć z kilku słowników estetycznie opublikowanych przez Wydawnictwo UMCS.

Innym, niezmiernie istotnym aspektem związanym ze słownikami dotyczącymi naczelników rosyjskiej administracji w Królestwie Polskim jest bezsporna zasługa ich autorów w precyzowaniu, rozwijaniu i tworzeniu polskich odpowiedników terminologicznych odnoszących się do rosyjskiego nazewnictwa urzędowego. Historycy korzystający z tych słowników nie będą już mieli wątpliwości, że „губернское правление” to „rząd gubernialny” a „губернское присутствие” to „urząd gubernialny”.

Dla polskiej nauki historycznej bardzo ważne są scharakteryzowane powyżej wydawnictwa z Białorusi. O znaczeniu obydwu prac Drozda mówiłem już wyżej. Pionierska wartość dzieła Matwiejczyka, historyka-archiwisty z Mińska, polega na tym, że to dzięki jego pracy do naszej wiedzy historycznej weszły setki wcześniej nieznanych uczestników powstania styczniowego na ziemiach białoruskich. Słownik ten pokazuje też skalę represji po powstaniu styczniowym nie tylko wobec ziemiaństwa, o czym wiemy najwięcej, lecz także wobec przedstawicieli innych grup społecznych, nadal szerzej nieopisanych w nauce historycznej. Podobnie było z biogramami wielu posłów do Dumy Państwowej i Rady Państwa opisanymi w obydwu rosyjskich encyklopediach. I mam tu na myśli tych szeregowych posłów, zwłaszcza z Dumy, którzy w niczym się w niej nie zasłużyli. Dzięki tym encyklopediom powstały ich biogramy, mogące stanowić podstawę do dalszych badań, zwłaszcza regionalnych, lokalnych w tych miastach gminach, wsiach, gdzie ci posłowie żyli i działali.

Wielkość i zawartość słownika autorstwa Matwiejczyka to wskazówka dla badaczy z Polski mówiąca jak olbrzymi materiał historyczny do dziejów Rzeczypospolitej znajduje się w archiwach na wschodzie, w tym przypadku w Mińsku. Można sobie przecież wyobrazić podobne słowniki sporządzone na podstawie zasobów archiwum w Kijowie czy chociażby w Grodnie, o Wilnie i Kownie nie wspominając. Natomiast opracowanie pióra Snapkouskiego pozwala polskiemu

historykowi poznać szczegóły życiorysów tych gubernatorów, wicegubernatorów i gubernialnych marszałków szlachty z guberni mińskiej, o których polscy ziemianie z tej guberni pisali w swoich wspomnieniach: „polakożerca”, „łapówkarz” lub „przychylnie usposobiony do Polaków i katolików”. Z punktu widzenia badacza polskiego ziemiaństwa na ziemiach białoruskich cenne są zwłaszcza biogramy gubernialnych marszałków szlachty. To oni mieli najbardziej bezpośredni kontakt z polskimi ziemianami (zebrania szlacheckie, opieka szlachecka, wywody szlacheckie itp.), a grupa ta nadal jest bardzo mało zbadana. Poza tym należałoby pójść dalej i objąć poszukiwaniami znacznie liczniejszą zbiorowość, jaką byli powiatowi marszałkowie szlachty.

Słowniki historyczne, w tym przypadku dotyczące XIX i początków XX wieku, są oczywiście wycinkiem badań nad tą epoką zakończoną Wielką Wojną, lecz wycinkiem bardzo ważnym, bo – użyję tu truizmu – to ludzie tworzą historię, nikt inny.

Bibliografia

- BRIGADIN 2009: Brigadin, P. (2009), *Minskije gubernatory: istorija własti*. Minsk. [Бригадин, П. (2009), *Минские губернаторы: история власти*. Минск.]
- DROZD 2012: Drozd, D. (2012), *Ziemlewładcy Minskoj guberni 1861–1900*. Sprawocznik. Minsk. [Дрозд, Д. (2012), *Землевладельцы Минской губернии 1861–1900*. Справочник. Минск.]
- DROZD 2013: Drozd, D. (2013), *Ziemlewładcy minskoj guberni 1900–1917*. Sprawocznik. Minsk. [Дрозд, Д. (2013), *Землевладельцы Минской губернии 1861–1900*. Справочник. Минск.]
- GOSUDARSTWIENNAJA DUMA 2008: *Gosudarstwiennaja Duma Rossijskoj Impierii 1906–1917*. Encykłopedija. (2008), Moskwa. [Государственная Дума Российской Империи 1906–1917. Энциклопедия. (2008), Москва.]
- GOSUDARSTWIENNYJ SOWIET 2008: *Gosudarstwiennyj Sowiet Rossijskoj Impierii 1906–1917*. Encykłopedija. (2008), Moskwa. [Государственный Совет Российской Империи 1906–1917. Энциклопедия. (2008), Москва.]
- GÓRAK/Kozłowski/Latawiec 2014, 2015: Górak, A./Kozłowski, J./Latawiec, K. (2014, 2015), *Słownik biograficzny gubernatorów i wicegubernatorów w Królestwie Polskim (1867–1918)*. Lublin; wyd. 2 popr. i uzup. Lublin.
- GÓRAK/Latawiec 2016: Górak, A./Latawiec, K. (2016), *Russian Governors in the Kingdom of Poland (1867–1918)*. Translated by J. Krajka. Lublin.
- JURKOWSKI 2017: Jurkowski, R. (2017), 10 lat „Tawriczeskich Cztenij” w Sankt Petersburgu. *Naukowa działalność Centrum Historii Parlamentaryzmu (2007–2016)*. W: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. VII/2, 57-71.
- LATAWIEC/Górak/Legieć/Bogdanow 2015, 2016, 2018: Latawiec, K./Górak, A./Legieć, J./Bogdanow, S. (2015, 2016, 2018) *Naczelnicy organów rosyjskiej administracji specjalnej w Królestwie Polskim w latach 1839–1918*, *Słownik biograficzny*. T. 1, Ministerstwo Oświecenia Publicznego. Lublin; T. 2, Ministerstwo Finansów, Lublin; T. 3, Ministerstwo Dóbr Państwowych, Główny Zarząd Rolnictwem i Dobrami Państwowymi, Ministerstwo

- Przemysłu i Handlu, Główny Zarząd Państwowego Chowu Koni, Kontrola Państwowa, Bank Państwowy, Bank Włościańsko-Ziemski. Lublin.
- МАТВІЕЎЦЫК 2016: Matwiejczyk, Dz. (2016), Udzielniki paustannja 1863–1864 gadou. Bijagraficzny słownik. (Pawodlije materijałam Nacyjanalnaga Gistarycznaga Archiwa Bełarusi). Minsk. [Матвейчык, Дз. (2016). Удзельнікі паўстання 1863–1864 гадоў. Біяграфічны слоўнік. (Паводле матэрыялаў Нацыянальнага Гістарычнага Архіва Беларусі). Мінск.]
- SNAPKOUSKI 2016: Snapkouski, Ju. (2016), Minskije gubernatory, wice-gubernatory i gubernskije priedwoditeli dworjanstwa 1793–1917. Biograficzeskij sprawocznik. Minsk. [Снапковский, Ю. (2016), Минские губернаторы, вице-губернаторы и губернские предводители дворянства 1793–1917. Биографический справочник. Минск.]
- SZIŁOW 2002: Szilow, D. (2002), Gosudarstwiennyje diejatieli Rossijskoj Impierii. Gławy wysszych i centralnych uczrieźdienij 1802–1917. Biobibliograficzeskij sprawocznik. Izdanije wtoroje, isprawiennoje i dopołniennoje. S. Petersburg. [Шилов, Д. (2002), Государственные деятели Россицкой Империи. Главы высших и центральных учреждений 1802–1917. Биобиблиографический справочник. Издание второе, исправленное и дополненное. С. Петербург.]
- SZIŁOW/Kuźmin 2007: Szilow, D./Kuźmin, Ju. (2007), Czlieny Gosudarstwiennogo Sowieta Rossijskoj Impierii 1801–1917. Biobibliograficzeskij sprawocznik. S. Petersburg. [Шилов, Д./Кузьмин, Ю. (2007), Члены Государственного Совета Российской Империи 1801–1917. Биобиблиографический справочник. С. Петербург.]

MARIUSZ KORZENIOWSKI

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9245-3987>

Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej

POLACY W KIJOWIE WOBEC RZĄDU TYMCZASOWEGO (MARZEC – LIPIEC 1917 ROKU)

Attitude of Kyivan Poles towards the Provisional Government (March – July 1917)

SŁOWA KLUCZOWE: Polacy w Kijowie, rewolucja lutowa, Rząd Tymczasowy, Polski Komitet Wykonawczy na Rusi, pietrogradzka Rada Delegatów Robotniczych i Żołnierskich

KEYWORDS: Poles in Kyiv, February Revolution, Provisional Government, Polish Executive Committee in Ruthenia, Petrograd Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies

ABSTRACT: The purpose of the reflections contained in this article is the standpoint of the Polish community of Kyiv and its elite in particular, regardless of political sympathies, regarding the Provisional Government during the period of Prince Georgy Lvov's tenure as Prime Minister. The author presents the attitude of the Polish community towards the activity of the new government and its Kyivan branches, not only in relation to the Polish issue, but also in terms of the reports and comments published in the newspaper "Dziennik Kijowski". The study does not constitute an exhaustive analysis of the issue contained in the title, but merely an attempt at detailing some of its aspects based on selected source material and existing research findings.

Rewolucja lutowa i wydarzenia będące jej konsekwencją, zachodzące w następnych dniach, tygodniach i miesiącach, nie tylko wzbudzały zainteresowanie Polaków znajdujących się w tym czasie w Rosji. Wpłynęły bowiem na zdynamizowanie ich dotychczasowych wielokierunkowych działań, a przede wszystkim doprowadziły do podjęcia lub ożywienia pracy organizacji i ugrupowań o różnej proveniencji politycznej. Wzrost aktywności, w jakże zmienionych warunkach, wymagał z jednej strony określenia stanowiska polskiego środowiska politycznego wobec nowej władzy, a z drugiej podjęcia i rozwijania działalności na rzecz sprawy polskiej, a tym samym legalnych przedsięwzięć prowadzących do przywrócenia niepodległej Polski.

W czasie I wojny światowej na poważny ośrodek polskiej aktywności kulturalnej, oświatowej, gospodarczej, a także politycznej wyrósł Kijów. W 1917 r. miasto zamieszkiwało kilkadziesiąt tysięcy Polaków (według niektórych danych nawet ponad 100 tys.), w tym liczna polska inteligencja, burżuazja oraz przebywające w nim na stałe, bądź przez pewien okres, ziemianstwo (zob. szerzej: Korzeniowski 2009, 17-49).

Stosunek tego skupiska polskiego, a właściwie jego elity, niezależnie od sympatii politycznych, do Rządu Tymczasowego, w okresie kiedy premierem był książę Gieorgij Lwow¹, stanowi przedmiot rozważań podjętych w niniejszym tekście. Wpisuje się weń także stanowisko Polaków wobec decyzji nowej władzy i jej kijowskich agend nie tylko w kwestii polskiej, lecz także relacjonowanie oraz komentowanie różnych posunięć rządzących m.in. na łamach „Dziennika Kijowskiego”. Niniejsza praca nie stanowi wyczerpującego opracowania tytułowego zagadnienia, a jedynie jest próbą przybliżenia jego niektórych aspektów na podstawie subiektywnie dobranego materiału źródłowego oraz funkcjonujących ustaleń badawczych.

Nie ulega wątpliwości, że rewolucja lutowa, a w konsekwencji obalenie caratu, wywarła wśród kijowskich Polaków ogromne wrażenie. Płynące znowu informacje, z chwilą ich potwierdzenia, prowadziły m.in. do prokurowania komentarzy zdradzających w pewnym sensie oszołomienie, wręcz zaskoczenie. Dał temu wyraz chociażby ks. Teofil Skalski, ówczesny proboszcz kijowskiej, rzymsko-katolickiej parafii św. Aleksandra, który pisał: „Boże mój! Co za piorunujące wrażenie! Cara nie ma – to zachwiany fundament całej Rosji, krzywdzicielki narodu naszego [tj. polskiego – M. K.], tej Rosji, co w karbach przemocy tyle narodów, obcych jej krwią i ideologią zatrzymywała w jednym politycznym zlepku” (Skalski, 1995, 99). Książd Kazimierz Naskręcki (od stycznia 1912 r. prefekt kijowskich szkół handlowych i prywatnych) zauważył z kolei, że abdykacja cara Mikołaja II była „wieścią oszałamiającą” (Naskręcki 2011, 217).

Dosyć szybko, pomimo chaosu informacyjnego, na zachodzące w Piotrogradzie wydarzenia i następujące zmiany zareagowało środowisko polityczne skupione wokół Joachima Bartoszewicza (polityk, prawnik, lekarz, lider społeczności polskiej w Kijowie), a więc obóz narodowo-demokratyczny. Do wybuchu rewolucji lutowej jego przywódcy odgrywali kluczową rolę w kształtowaniu polskiego życia społecznego, kulturalnego, a także politycznego w Kijowie i w guberniach ukraińskich państwa rosyjskiego (zob. szerzej: Białokur 2005, 63–88; Korzeniowski 2009, *passim*). Na początku marca 1917 r. (st. st.) to właśnie z inicjatywy m.in. Bartoszewicza i jego najbliższych współpracowników odbyło się zebranie przedstawicieli polskich organizacji społecznych w celu omówienia zachodzących w Rosji wydarzeń (Bartoszewicz, 264). Na kolejnym spotkaniu (2 marca 1917 r. [st. st.]) doprowadzili oni do powołania tymczasowego Komitetu Wykonawczego (tzw. Komitetu Dziewięciu), który następnie, opierając się na szerszej reprezentacji społeczności polskiej, tj. Zgromadzeniu Organizacji Polskich, został formalnie zastąpiony przez Polski Komitet Wykonawczy na Rusi (dalej: PKW na Rusi, Komitet) na czele z Bartoszewiczem (Bartoszewicz, 264–265; Sęp-Szarzyński, 140). Dążąc do objęcia

¹ Książę G. Lwow był premierem dwóch gabinetów Rządu Tymczasowego od 2 marca do 7 lipca 1917 r. (st. st.). Dlatego też podkreślono, że artykuł będzie się odnosić do reakcji kijowskich Polaków na poczynania rządu rosyjskiego w okresie sprawowania przez niego funkcji premiera.

kierownictwa nad społecznością polską i przejęcia roli jedynej jej reprezentanta w nowej rzeczywistości, Komitet podejmował decyzje utwierdzające społeczność polską w przekonaniu o jego przywódczej roli oraz określające stanowisko tego organu wobec Rządu Tymczasowego. Już 3 marca 1917 r. (st. st.), jeszcze jako tzw. Komitet Dziewięciu, podjął stosowną uchwałę, w której deklarował, że będzie „działać na zewnątrz na rzecz nowego rządu i dopomagać mu w zapobieganiu ekscesom pogromowym czy też rewolucyjnym oraz w organizowaniu nowego życia” (Zjazd Polski 1917, 10). Warto zwrócić uwagę, że jednocześnie tak sformułowaną instrukcję Zgromadzenie Organizacji Polskich 6 marca 1917 r. (st. st.) przekazało Stanisławowi Zielińskiemu (prawnik, działacz Ligi Narodowej)², jako swojemu delegatowi do kijowskiego miejskiego Komitetu Wykonawczego. Następnie, na podstawie stosownej uchwały PKW na Rusi z 7 marca 1917 r. (st. st.), wysłano depeche o stanowisku Komitetu wobec nowych władz rosyjskich, skierowane do ówczesnych prezesów Rady Państwa, Rady Ministrów oraz do ministra sprawiedliwości Aleksandra Kiereńskiego. W tej ostatniej pisano:

W imieniu zgromadzonych w Kijowie przedstawicieli organizacji polskich, działających w porozumieniu z miejscowymi miejskimi i ziemskimi komitetami wykonawczymi witamy w osobie Panów Rząd Wolnej Rosji i wyrażamy gotowość współdziałania w trudnej pracy budownictwa nowego życia państwowego i społecznego na zasadach istotnej wolności i demokracji. Naród polski wierzy, że wśród obywateli wolnej Rosji nie znajdzie się nikt, kto by sprzeciwił się wskrzeszeniu niepodległej Polski i skasowaniu wszelkich ograniczeń narodowościowych i wyznaniowych. Witamy Pana w składzie nowego rządu na tak ważnym stanowisku jako działacza, który w ciężkich dla naszego narodu czasach dawnego systemu rządu miał odwagę cywilną bronić idei niepodległości Polski. Wierzymy, że obecnie dla nas przyszedł czas sprawiedliwości oraz skasowania w Wolnej Rosji wszelkich ograniczeń narodowościowych i wyznaniowych (Zjazd Polski 1917, 10).

Depesze te, co zasługuje na podkreślenie, zostały wysłane w momencie, gdy polskie środowiska polityczne w Rosji dopiero przystępowały do organizowania się i prowadzenia legalnej działalności. Korespondencja kijowska wskazywała na pewną samodzielność polityczną miejscowych Polaków oraz ich postrzeganie idei rozwoju sprawy polskiej na gruncie rosyjskim³.

² Szerzej na temat S. Zielińskiego zob. Liga Narodowa na Rusi, 2016, IX-XXVIII.

³ Aktywność PKW na Rusi, przynajmniej do rozłamu wśród jego uczestników, do którego doszło na tzw. zjeździe polskim w czerwcu 1917 r., była akceptowana przez Polski Związek Polityczny na Rusi (PZP), tajną organizację skupiającą zwolenników idei demokratycznej wśród kijowskich Polaków. O udzielonym poparciu przekonuje obecność jego reprezentantów w strukturach i we władzach PKW na Rusi od początku jego istnienia. Kwestię tę obszernie omówił D. Sęp-Szarzyński, przewodniczący PZP. Zob. Sęp-Szarzyński, 136-161.

O pozycji, a zarazem imponującej aktywności PKW na Rusi, jak zauważył Marek Białokur, w pierwszych dniach i tygodniach po obaleniu caratu, przekonuje także reakcja zarówno Komitetu, jak i samego Joachima Bartoszewicza na ogłoszenie przez Rząd Tymczasowy 17 marca 1917 r. (st. st.) odezwy uznającej prawo Polaków do niezawisłości. Lider organizacji, jak zanotował we wspomnieniach jego syn Włodzimirz, po zapoznaniu się z treścią dokumentu, nie tylko wyraził radość i skwitował to wydarzenie stwierdzeniem, że „tym razem to już coś konkretnego”, lecz także niemal natychmiast przystąpił do napisania artykułu zatytułowanego „W godzinę zmartwychwstania”, który ukazał się nazajutrz, tj. 18 marca 1917 r. (st. st.) w „Dzienniku Kijowskim”. Autor publikacji zaczął od stwierdzenia, że dla narodu polskiego „wielki nastał dzień”, a wolna Rosja, zrzuciwszy „z siebie pęta despotyzmu [...], przemówiła do nas, jako do wolnej Polski”. Tym samym państwo rosyjskie, jak podkreślał w dalszej części publikacji, oficjalnie uznało zasadę, „mocą której każdy naród wolny o swoich losach decydować winien” (Bartoszewicz, 276). Jednocześnie Bartoszewicz konstatował, że akt ten skierowany przez wolnych Rosjan do wolnych Polaków „stwarza możliwość szczerego i naprawdę bratniego stosunku obu tak od dawna, nie z własnej woli, poważnionych narodów”. Euforycznie też deklarował, że dzisiejszym „słowem odkupione zostaje wszystko to, co nad nami jak zhora okrutna ciążyła, co od dziś historią już tylko będzie – historią, która nie wróci” (Bartoszewicz, 276). Kontynuując ten wątek, Bartoszewicz stwierdzał, że karta dziejów porozbiorowych się zamknęła z chwilą uznania przez wolną Rosję prawa Polski do niepodległego bytu, a zarazem postrzegania jej wskrzeszenia jako aksjomatu „trwałego pokoju w odnowionej Europie” (Bartoszewicz, 276). Autor artykułu ustosunkował się również do stwierdzenia, że Rosja, uznając naszą wolność, wzywała Polaków do podjęcia decyzji, że „będziemy przedmurzem Słowiańszczyzny” (Bartoszewicz, 277). Odnosząc się do tej kwestii, Bartoszewicz zauważył, że w naszej historii nie chcieliśmy „Niemca”, że w najtrudniejszych chwilach swoich dziejów naród dążył do niepodległości, a zarazem zjednoczenia. Rozważania odnoszące się do tego problemu zamykał zdaniem:

Jeżeliśmy nie chcieli Niemca wtedy, kiedyśmy wiedzieli dobrze, jak nas dawna carsko-biurokratyczna Rosja oszukuje i zwodzi, to jakżeż można się wahać dziś, po uroczystej zapowiedzi Rosji o wskrzeszeniu Polski. Decyzja nasza jest jasna i prosta (Bartoszewicz, 277).

W dalszej części artykułu deklarował, że Polacy to wolny naród, który idzie z wolnymi „ramię przy ramieniu dla zdobycia nowego ustroju, który zapewni światu wolność wszystkich narodów i prawo bytu dla wszystkich, a nie tylko dla tych, co silni są brutalną przemocą bagnetów”. Dlatego też wolna Polska pójdzie z wolną Rosją, „by na gruzach pruskiego militarizmu zbudować podstawy światowego pokoju” (Bartoszewicz, 277). Bartoszewicz sugerował ponadto możliwość zawarcia sojuszu (braterstwa) z wolną Rosją, który nie zostanie rozerwany, jeżeli będzie tworzony zgodnie z zasadą – wolni z wolnymi (Bartoszewicz, 277-278).

Depeszę wyrażającą entuzjazm z powodu proklamowania odezwy skierował PKW na Rusi do Rządu Tymczasowego oraz piotrogrodzkiej Rady Delegatów Robotniczych i Żołnierskich. Komitet w sposób stonowany i wyważony dziękował władzom rosyjskim za proklamowanie niepodległości Polski.

Z głębokim wzruszeniem i najwyższą radością – pisano w niej – czytają dziś Polacy odezwę Rady delegatów robotn.[icznych] proklamującą niezależność Polski. Cierpieniom znękaney Polski w walce o wolność narodów nadchodzi kres. Niech żyją ci, którzy śmiało stanęli w obronie sprawiedliwości i wolności. Ojcowie i dziadowie nasi, umierając za wolność, nigdy nie przestawali wierzyć, iż wolna Rosja będzie najlepszą rękojmią wolności, którą wyrwaliście z rąk samowładztwa jako triumf naszej wspólnej sprawy. Historycznym aktem, który będzie odtąd niezapomnianym dziełem, ziściłście te nadzieje, założyliście trwałą fundament dla swobodnego rozwoju dwóch bratnich narodów. Przyjmijcie więc mocny uścisk dłoni jako rękojmię trwałego sojuszu dla wspólnej zgodnej pracy nad utrwaleniem wolności, oraz walki do zwycięskiego końca z wrogiem wolnych narodów słowiańskich (Zjazd Polski 1917, 10; Białokur 2005, 72-73).

Euforia, jak zauważył we wspomnieniach W. Bartoszewicz, udzieliła się także polskim mieszkańcom Kijowa. Wywołał ją w pewnym sensie „Dziennik Kijowski” ogłoszonym wieczorem 17 marca 1917 r. (st. st.) dodatkiem, w którym opublikował odezwę Rządu Tymczasowego. Dodajmy, niemal natychmiast po jej otrzymaniu. Autor wspomnień zanotował, że Rosjanom tłumaczono po kawiarniach treść deklaracji, a Polacy „ściskali się z Rosjanami. Wznoszono też okrzyki na cześć wolnej Rosji i wolnej Polski”. Entuzjastycznie też została przyjęta przez publiczność w Teatrze Polskim, gdzie po odczytaniu jej treści został odśpiewany „Mazurek Dąbrowskiego” (Bartoszewicz, 278).

Z nastrojami tłumu korespondowała reakcja PKW na Rusi oraz reprezentantów Centralnego Komitetu Obywatelskiego guberni Królestwa Polskiego (CKO). Oficjalna delegacja złożona z przedstawicieli tychże organizacji 17 marca 1917 r. (st. st.) przybyła do miejskiego Komitetu Wykonawczego, oficjalnego przedstawiciela Rządu Tymczasowego, w celu wyrażenia „uznania i radości Polaków z powodu ogłoszenia tego aktu” (Zjazd Polski 1917, 10-11; Bartoszewicz, 287-288). Joachim Bartoszewicz wygłaszający mowę w imieniu PKW na Rusi oficjalnie dziękował za ogłoszenie odezwy, wyrażał poparcie dla nowych władz w Rosji, potwierdzając tym samym pretendowanie Komitetu do roli jedyne go reprezentanta Polaków zamieszkałych w Kijowie oraz w ukraińskich guberniach państwa rosyjskiego. Z podobną deklaracją wystąpił Michał Stanisław Korwin-Kossakowski (zastępca pełnomocnika szczególnego CKO na Rejon Południowo-Zachodni z siedzibą w Kijowie), który w imieniu uchodźców z Królestwa Polskiego i opiekującego się nimi CKO podziękował za „ten Akt wysokiej mądrości i sprawiedliwości historycznej, pochodzącej z wolnej woli Wielkiego Narodu rosyjskiego”. Dodawał przy tym: „wierzymy [tj. Polacy – M. K.] niezachwianie w świetlaną przyszłość połączonych bratnią

miłością i wzajemnym szacunkiem obu naszych narodów” (Bartoszewicz, 287-288). Szczerze wypowiedzi strony polskiej miał zapewne potwierdzić dar w wysokości 6000 rb. (w tym 3000 rb. od CKO) złożony na ręce przedstawiciela miejscowych władz rosyjskich, z przeznaczeniem dla odzyskujących wolność więźniów politycznych (Bartoszewicz, 289; Zjazd Polski 1917, 10-11). Warto zwrócić uwagę na odpowiedź, jakiej udzielił przedstawiciel kijowskiego, miejskiego Komitetu Wykonawczego, Dmitrij Grygorowicz-Barskij (adwokat). Pełna kurtuazji replika zawierała nie tylko podziękowania *za słowa powitania* i propozycję współpracy wysuniętą przez Polaków. Pojawiło się też zapewnienie, że strona rosyjska już wcześniej zapatrywała się na „kwestię polską tak, jak obecnie postawił ją Rząd Tymczasowy. Jest to nasz dawny pogląd, i dopiero obecnie znalazł on potwierdzenie, gdyż postępowe społeczeństwo rosyjskie zawsze dążyło do zupełnej wolności wszystkich narodów” (Bartoszewicz, 288).

Należy podkreślić, że oprócz deklaracji o współpracy strona polska (tj. PKW na Rusi) podjęła także konkretne działania – skierowała swoich przedstawicieli do struktur nowej władzy i przedstawicielstw społecznych. Wraz bowiem z obaleniem caratu zabiegano m.in. o zagwarantowanie bezpieczeństwa kijowianom, w tym także Polakom. Warto zauważyć, że zanim mocą rozporządzenia Rządu Tymczasowego z dnia 6 marca 1917 r. (st. st.) zarząd gubernią kijowską, jako jej komisarz, objął Nikołaj Sukowkin (senator, gubernator kijowski w latach 1912–1915), były podejmowane próby organizacji życia społecznego i przeciwdziałania eskalacji wrzenia rewolucyjnego w mieście (Odezwa 1917, 4). Przekonywać o tym zdaje się relacja Stanisława Jezierskiego (adwokat, sekretarz PKW na Rusi) złożona uczestnikom zebrania przedstawicieli organizacji polskich z 6 marca 1917 r. (st. st.), w której wyjaśnił on, iż chodziło o wyznaczenie przedstawicieli społeczeństwa polskiego do wzięcia udziału w pracach Rady Zjednoczonych Organizacji Społecznych miasta Kijowa. Z ramienia tzw. Komitetu Dziewięciu weszli do niej Feliks Krzyżanowski (adwokat) i Stanisław Zieliński. Przedstawiciele kijowskich Polaków uzyskali ponadto jeden mandat w miejskim Komitecie Wykonawczym. Po rezygnacji Krzyżanowskiego przypadł on Zielińskiemu. Ich status reprezentantów polskiej społeczności, jak referował Jezierski, sprawiał, że tzw. Komitet Dziewięciu uznał za nieodzwonne, aby posiadali oni upoważnienie „od wszystkich organizacji polskich w mieście Kijowie [...]” (Zgromadzenie Organizacji Polskich 1917, 1).

Warto zwrócić uwagę, iż w sprawozdaniu z działalności wydziału spraw wewnętrznych PKW na Rusi przedstawionym przez J. Bartoszewicza na czerwcowym zjeździe organizacji polskich, Komitet potwierdzał delegowanie, ale 2 marca 1917 r. (st. st.) przez tzw. Komitet Dziewięciu Krzyżanowskiego i Zielińskiego do wspomnianego wyżej ogólnomiejskiego zgromadzenia organizacji społecznych, w którym ten ostatni został skarbnikiem. Jednocześnie zaś informował, że z chwilą przyznania w nim społeczności polskiej pięciu dodatkowych miejsc oraz czterech w Radzie miejskiej, PKW na Rusi delegował do pierwszej instytucji Jordana Pereświat-Sołtana

(adwokat), Czesława Januszewskiego (inżynier mechanik, przemysłowiec), Dymitra Sępa-Szarzyńskiego (adwokat, działacz demokratyczny) i Stefana Smólskiego (adwokat, polityk), zaś do drugiej – Aurelego Drogoszewskiego (historyk literatury), Michała Pietkiewicza (lekarz) oraz wymienionych wyżej – Sępa-Szarzyńskiego i Januszewskiego. Komitet wyznaczył również reprezentantów do kijowskiego Komitetu Gubernialnego w osobach: Wincentego Chojeckiego (ziemianin, prezes PKW na Rusi po opuszczeniu Kijowa przez J. Bartoszewicza), Zygmunta Chojeckiego (ekonomista, ziemianin) oraz Mariana Wilczyńskiego (adwokat)⁴ (Zjazd Polski 1917, 11; Zgromadzenie Organizacji Polskich 1917, 1).

Wśród publikacji zamieszczonych na łamach „Dziennika Kijowskiego” czytelnik znajdował szereg informacji telegraficznych dotyczących m.in. przebiegu „dni lutowych” oraz następstw rozgrywających się wówczas wydarzeń tak w Piotrogordzie, jak i w Rosji. Jednocześnie dowiadywał się o rozwoju sytuacji w Kijowie po obaleniu caratu, aktywności polskich organizacji społecznych, kulturalnych i politycznych, w tym także PKW na Rusi. Redakcja zamieszczała szereg publikacji dotyczących Rządu Tymczasowego, jego decyzji i działalności. Obok materiałów o charakterze informacyjnym „Dziennik Kijowski” publikował również artykuły analizujące poczynania nowej władzy oraz ich skutki dla ludności polskiej (zob. szerzej: „Dziennik Kijowski” nry od marca do lipca 1917 r.). Warto przy tym zauważyć, że w owym czasie gazeta uchodziła za pismo o charakterze demokratycznym, o czym świadczy fakt, iż periodyk redagowany był przez Joachima Wołoszynowskiego (ziemianin, dziennikarz, polityk) i Edwarda Paszkowskiego (pisarz, publicysta), a swoje artykuły regularnie zamieszczał Ludwik Radziejowski (dziennikarz, literat) (zob. szerzej: „Dziennik Kijowski” nry od marca do lipca 1917 r.).

Radziejowski w jednym z pierwszych felietonów zamieszczonych po rewolucji lutowej w „Dzienniku Kijowskim” zajął się oceną zniesienia przez Rząd Tymczasowy wszelkich ograniczeń narodowościowych i wyznaniowych w państwie rosyjskim. Podkreślił, że decyzja ta stanowiła konsekwencję głębokiego przekonania nowej władzy, „że w wolnym kraju wszyscy obywatele winni być równi wobec prawa i że sumienie każdego nie może pogodzić się z ograniczeniem praw poszczególnych obywateli w zależności od ich wyznania i pochodzenia” (Radziejowski, 1917a, 1). Oceniał ponadto, że to postanowienie miało doniosłe znaczenie dla Polaków mieszkających na „Litwie i Rusi”, ponieważ przestały ich krępować „obliczone na powolne nasze zatracenie” więzy, nałożone przez carat. Przypominał jednocześnie, że pozbawiła ona ludność polską na tym obszarze prawa do rozwoju narodowego, a tym samym uniemożliwiła czynny udział Polaków w rozwoju wspomnianych wyżej ziem (Radziejowski 1917a, 1). Zdaniem publicysty decyzja ta dawała Polakom

⁴ W czerwcu 1917 r. (st. st.) delegatami PKW na Rusi w Kijowskim Komitecie Gubernialnym byli Zygmunt Chojecki i Bolesław Perro. Do zarządu gubernialnego został dokooptowany Joachim Wołoszynowski, a do kijowskiego ziemstwa powiatowego Kazimierz Bojarski i Cezary Popławski.

na Kresach możliwość bycia nie tylko wolnymi obywatelami, lecz także włączenia się w prace w celu budowania wspólnego dobra ich mieszkańców (Radziejowski 1917a, 1).

Niespełna w miesiąc po przewrocie państwowym w Rosji Radziejowski opublikował felieton (koniec marca 1917 r. [st. st.]), w którym – pisząc o przebiegu wydarzeń w Piotrogradzie – słusznie zauważył, że mimo formalnego uznania Rządu Tymczasowego przez miejscową Radę Delegatów Robotniczych i Żołnierskich oraz przypisywania sobie roli stróża „rewolucji i interesów mas pracujących, stała się ona w rzeczywistości rządem drugim, i znaleźliśmy się wobec faktu istnienia dwóch władz naczelnych w Państwie [rosyjskim – M. K.]...”. Trafnie też wskazywał, że delegaci piotrogrodzkiej Rady Delegatów Robotniczych i Żołnierskich wywierali presję na Rząd Tymczasowy, którego działalność bez jej zgody była w istocie sparaliżowana (Radziejowski 1917c, 1). Wyrażając wdzięczność za ogłoszenie przez wspomnianą Radę niepodległości Polski, stwierdzał, iż „wytworzona przez nią «dwuwładza» – w konsekwencjach swych jest po prostu nieobliczalna” (Radziejowski 1917c, 1). Słusznie też zauważał, że w tych okolicznościach trudny do przewidzenia był dalszy bieg wydarzeń w Rosji; wyrażał przy tym nadzieję, że Rada Delegatów Robotniczych i Żołnierskich może znaleźć przeciwwagę w organizujących się masach włościańskich. Warto zauważyć, że konkluzję tę poprzedził krytyczną oceną negatywnych, dla znajdującego się w trudnym położeniu państwa rosyjskiego, następstw: propagowania hasła „Precz z wojną”, ogłoszenia słynnego rozkazu nr 1, który doprowadził do destrukcji armii rosyjskiej, czy też wprowadzenia 8-godzinnego dnia pracy i prawa do odpoczynku „w dni świąteczne”. Konstatacja ta również dopełniała wcześniejsze stwierdzenie autora artykułu, że proletariat rosyjski, reprezentowany przez piotrogrodzką Radę Delegatów Robotniczych i Żołnierskich, w sumie okazał się krótkowzroczny (Radziejowski 1917c, 1).

Zajmującą lekturą jest też artykuł, w którym Radziejowski dokonał oceny pozycji i możliwości Rządu Tymczasowego. Stwierdził w nim, że Rosja prowadząca wojnę z państwami centralnymi, aby wejść „do rodziny wolnych narodów kulturalnych”, musiała wytworzyć silną, opartą na całym narodzie, władzę państwową (Radziejowski 1917d, 1). Tymczasem po obaleniu caratu tzw. wyzwolona Rosja takiej władzy nie posiadała. Radziejowski konstatował ponadto, że złożony z różnych odłamów rosyjskiej burżuazji Rząd Tymczasowy nie miał szerokiego oparcia w masach, które „podporządkowały się innym czynnikom”, i był – jak to określił autor felietonu „zawieszony w powietrzu”; pomimo że posiadał pełnię władzy wykonawczej, w istocie okazał się „tylko fikcją” (Radziejowski 1917d, 1). Publicysta stwierdzał, że Rząd Tymczasowy był przez Radę, reprezentującą „rewolucyjną socjalistyczną demokrację rosyjską”, kontrolowany i nieustannie narażony na jej wtrącanie się w jego czynności uniemożliwiające jakąkolwiek działalność (Radziejowski 1917d, 1). Jako przykład nienormalności stosunków w Piotrogradzie podał wydarzenia z drugiej połowy kwietnia 1917 r. (st. st.) wywołane oświadczeniem ministra spraw zagranicznych Pawła Milukowa, potwierdzającym kontynuowanie przez Rosję wojny

(naturalnie po stronie ententy) (Zubow 2016, 522). Doszło wtedy do ostrego zatargu między Rządem Tymczasowym a pietrogradzką Radą Delegatów Robotniczych i Żołnierskich, a tym samym do zajęć ulicznych, których „żywiły anarchizacyjne, występujące coraz wyraźniej i śmielej nie omieszkaly wyzyskać dla swoich celów”. Mimo załagodzenia konfliktu i udzielenia przez inteligencję poparcia dla władz stosowną manifestacją (21 kwietnia 1917 r. [st. st.]), Rząd Tymczasowy „nie stał się silniejszy”, przeciwnie jego pozycja została znacznie osłabiona (Radziejowski 1917d, 1).

Kolejnym źródłem konfliktu, a zarazem symbolem słabości Rządu Tymczasowego, stał się według Radziejowskiego spór o to, kto miał rozkazywać pietrogradzkiemu garnizonowi – czy gen. Ławr Kornilow, czy też miejscowa Rada Delegatów Robotniczych i Żołnierskich sprzeciwiająca się wyprowadzeniu wojska z koszar bez jej rozkazu (Radziejowski 1917d, 1). W tej sytuacji, jak i w obliczu narastającego kryzysu wewnętrznego w Rosji, Rząd Tymczasowy w celu przeciwdziałania chaosowi w końcu kwietnia 1917 r. (st. st.) wystąpił z propozycją utworzenia rządu koalicyjnego, który byłby reprezentantem sił politycznych rewolucji rosyjskiej. Idea ta spotkała się z ostrą, jak twierdził Radziejowski, krytyką ze strony prasy socjalistycznej. Interesujące jest też umotywowanie stanowiska przeciwników powołania rządu koalicyjnego w obozie socjalistycznym. Radziejowski pisał, że napotkało ono argument trudny do obalenia:

Uchylając się od udziału w rządzie, w obawie odpowiedzialności, demokracja socjalistyczna sama składa dowód niezdolności do pracy twórczej, sama świadczy, że dobro sprawy ogólnonarodowej niżej szacuje od interesów klasowych i koteryjnych. Demokracja socjalistyczna poza tym nie chcąc podjąć się odpowiedzialności dźwiganej przez sterników nawy państwowej, stawiała się właśnie odpowiedzialną za ów rozstrój, rozwielmożniający się w państwie, który mogłaby przez swe wpływy obecne przynajmniej złagodzić. Wreszcie jeśli demokracja socjalistyczna dziś ma głos pierwszy, to jednak pamiętać musi, że jest to okoliczność dla niej szczęśliwa, nie jakkolwiek wytworzona przez warunki chwili. Demokracja ta stanowi zaledwie 3 procentową mniejszość w narodzie – i gdyby zguba państwa rosyjskiego z jej nastąpiła winy – porachunek wypadłby na wielką niekorzyść idei socjalistycznej w Rosji w ogóle (Radziejowski 1917d, 1).

Autor artykułu zwracał jednocześnie uwagę, że dymisje premiera ks. Georgija Lwowa, a także ministra wojny i marynarki wojennej Aleksandra Guczkowa czy wreszcie pogarszająca się sytuacja wojenna Rosji doprowadziły do wyrażenia zgody przez pietrogradzką Radę Delegatów Robotniczych i Żołnierskich na utworzenie gabinetu koalicyjnego. Spowodowało to również wydanie przez nią odezwy do armii, w której potępiano fraternizowanie się walczących ze sobą stron. Przedstawiciele tzw. demokracji socjalistycznej, jak konstatował w dalszej części publikacji Radziejowski, mieli wejść do rządu – tym samym władza „przestanie być «sztabem bez armii»” i znajdzie oparcie w siłach pozostających względem niej w opozycji (Radziejowski 1917d, 1).

Radziejowski wyraził jednocześnie opinię, że mimo braku informacji, na jakich zasadach rząd koalicyjny zostanie utworzony, należy uznać decyzję o jego powołaniu za przełomową w dziejach Rosji. Dzięki niej bowiem Rosjanie znaleźli się „na drodze pozbycia się fatalnej «dwójwładzy»”. Kiedy ów cel stałby się faktem, pomimo nieuniknionych tarć wewnętrznych i zapewne ewentualnych przesileń, Rząd Tymczasowy miał, w przekonaniu autora artykułu, zdobyć posłuch i stać się władzą rzeczywistą przez nikogo niekwestionowaną (Radziejowski 1917d, 1).

Obawy, że nie tak szybko będzie można usunąć skutki kryzysu wewnętrznego, publicysta „Dziennika Kijowskiego” wyraził w kolejnym felietonie, w którym pisał, że mimo „zakłęcz” Rządowi Tymczasowemu nie udało się wypłenić na froncie bratania się z Niemcami. W samej zaś Rosji nie zapanowano nad coraz bardziej nasilającą się anarchią, a tym samym pogłębiającym się kryzysem we wszystkich dziedzinach funkcjonowania państwa (Radziejowski 1917b, 1). Konsekwencją tak kształtujących się wydarzeń w Rosji okazała się kolejna dymisja rządu w lipcu 1917 r. Następcy ks. Lwowa nie udało się również zapobiec pogłębiającemu się kryzysowi, a tym samym dojściu w przyszłości do władzy bolszewików i upadku idei demokratycznej Rosji.

Bibliografia

- BARTOSZEWICZ: Bartoszewicz, W., Mój ojciec i jego czasy. Wspomnienia 1900-1919. W: Biblioteka Polskiej Akademii Umiejętności i Polskiej Akademii Nauk w Krakowie, 7841.
- BIAŁOKUR 2005: Białokur, M. (2005), Myśl społeczno-polityczna Joachima Bartoszewicza. Toruń.
- KORZENIOWSKI 2009: Korzeniowski, M. (2009), Za Złotą Bramą. Działalność społeczno-kulturalna Polaków w Kijowie w latach 1905–1920. Lublin.
- NASKRĘCKI 2011: Naskręcki, K. ks. (2011), Z zapisków i ze wspomnień żytomierzanina. Kraków. Odezwa, „Dziennik Kijowski”. 66, 7/20 III 1917 r.
- RADZIEJOWSKI 1917a: Radziejowski, L. (1917a), Gdy spadły pęta... W: Dziennik Kijowski. 80 (23 III/5 IV), 1.
- RADZIEJOWSKI 1917b: R-ski, L. (1917b), Nad przepaścią. W: Dziennik Kijowski. 123 (19V/1 VI), 1.
- RADZIEJOWSKI 1917c: R-ski, L. (1917c), W odmęcie zdarzeń. W: Dziennik Kijowski. 85 (30 III/11 IV), 1.
- RADZIEJOWSKI 1917d: R-ski, L. (1917d), Gabinet koalicyjny. W: Dziennik Kijowski. 111 (2/15 V), 1.
- SĘP-SZARZYŃSKI: Sęp-Szarzyński, D., Polski Związek Polityczny na Rusi 1914–1921. W: Biblioteka Narodowa w Warszawie, akc. 8746/1.
- SKALSKI 1995: Skalski, T. ks. (1995), Terror i cierpienie. Kościół katolicki na Ukrainie 1900–1932. Wspomnienia. Lublin/Rzym/Lwów.
- Zgromadzenie Organizacji Polskich 1917: Zgromadzenie Organizacji Polskich. W: Dziennik Kijowski. 67 (8/21 III 1917), 1 (wycinki prasowe). [Archiwum Polskiej Akademii Nauk w Warszawie, III-229, 52, Materiały Alfreda Liebfelda, Gazety dotyczące rewolucji lutowej w Rosji.]
- ZIELIŃSKI 2016: Zieliński, S. (2016), Liga Narodowa na Rusi 1890–1920. Fragment historii pracy polskiej na Kresach Południowo-Wschodnich. Wątor, A. (wstęp i oprac.). Szczecin.
- Zjazd Polski 1917: Zjazd Polski na Rusi w Kijowie w dniach 18–24 czerwca 1917 roku. (1917). Winnica.
- ZUBOW 2016: Zubow, A. (red.) (2016), Historia Rosji XX wieku 1894–1922. Warszawa.

JOANNA MARIA GARBULA

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1599-7205>

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

HISTORIA ŻYCIA I DZIAŁALNOŚCI BENEDYKTA DYBOWSKIEGO – WIELKIEGO ZOOLOGA, LEKARZA, ANTROPOLOGA, DZIAŁACZA NIEPODLEGŁOŚCIOWEGO, ZESŁAŃCA SYBERYJSKIEGO¹

The Story of Life and Work of Benedykt Dybowski – an Eminent Zoologist, Physician, Polish Independence Activist, Siberian Deportee

WYRAZY KLUCZOWE: Benedykt Dybowski, zoologia, antropologia, patriotyzm, Syberia

KEYWORDS: Benedykt Dybowski, zoology, anthropology, patriotism, Siberia

ABSTRACT: This article is dedicated to Benedykt Dybowski, his patriotic, social and professional life, first at university, and then in exile, working in Kamchatka. The references for this review consist of archived documents such as scientific dissertations and diaries authored by Dybowski, and articles and books written about him. This article is an attempt to show Dybowski's outstanding scientific output and, above all, his understanding of patriotic and national duties, as a Pole fighting for his country's independence and as a deportee to Siberia.

¹ Długie życie B. Dybowskiego wpisało się w wielkie wydarzenia historyczne obejmujące czasy po upadku powstania listopadowego do uzyskania przez Polskę niepodległości w 1918 r. Zainteresowania uczonego były różnorodne, stąd dokładna ich znajomość wymagała od biografów wielu studiów. Tak o tym pisał A. Trepka (1979, s. 6) „wszedł do historii jako jeden z najświetniejszych biologów europejskich. Rzadziej podkreśla się, że był antropologiem dużej miary i współtwórcą liminologii. Jeszcze mniej mówi się o jego zasługach dla szeroko pojętej etnografii [...] archeologii, palentologii oraz o wielkich sukcesach w aklimatyzowaniu zwierząt i roślin. [...] A ponadto należał do najofiarniejszych filantropów w dziejach świata”. Badanie całości lub tylko niektórych obszarów życia i działalności wielkiego uczonego umożliwiają bogata spuścizna zoologa oraz prace następujących badaczy: B. Dyakowskiego, J. Domaniewskiego, G. Brzęka, J. Kamockiego, A. Kuczyńskiego, A. Trepki. Przedstawiając zarys biografii B. Dybowskiego, korzystałam ze wszystkich wymienionych powyżej źródeł znajdujących się w Bibliotece Narodowej w Warszawie, Bibliotece Uniwersyteckiej we Wrocławiu i Poznaniu. Można przyjąć, że różnorodny zakres działań B. Dybowskiego przedstawiony w artykule tworzy spójną całość. Wyłania się z niego obraz wielkiego Polaka, który pokazał, że dla ojczyzny można pracować będąc zarówno jej mieszkańcem, jak i z dala od niej.

Ten, co kocha kraj swój, potrafi sercem być w nim zawsze, chociażby oddalony o tysiące kilometrów; kto zaś tej miłości nie posiada, temu będzie własny kraj obcy, chociażby w nim przebywał

(Dybowski 1931, 67).

Autor przytoczonych powyżej słów, które nic nie straciły na swej aktualności, żył w latach 1833–1930, w większości wpisanych w okres zaborów i wojny. Sytuacja polityczno-społeczna stała się więc zarzewiem przenikającej się wzajemnie jego działalności patriotycznej, zawodowej i społecznej, prowadzonej w murach uczelni wyższej, na zesłaniu i Kamczatce oraz ponownie na uniwersytecie. Tak go charakteryzował dr J. Tylko-Hryncewicz:

W człowieku tym splatały się dziwnie harmonijne obowiązki społeczne i narodowe, z uczuciami miłości, obejmującej ludzkość całą. Jest to typ uosabiający ideał kresowego Polaka, jakby ze spiżu ulany, mocny fizycznie i duchowo. Natura krewka, łatwo zapalająca się, a przytem twarda, nie znająca ustępstw i nie idąca na kompromisy w życiu (Tylko-Hryncewicz 1927, 85).

O tym niezwykłym, miłującym ponad wszystko swoją ojczyznę człowieku, tytanie pracy, warto przypomnieć w stulecie odzyskania przez Polskę niepodległości. Strukturę artykułu wyznaczają okresy życia i działalności Benedykta Dybowskiego przed zesłaniem, w czasie zesłania i po nim.

1. Życie i działalność Benedykta Dybowskiego przed zesłaniem

Urodził się 30 kwietnia 1833 roku w Adamczynie, na Białorusi, w majątku dziadków ze strony matki, w wielodzietnej rodzinie szlacheckiej herbu Nałęcz (Bykowski 1948). Szczególnym uczuciem darzył młodszego brata Władysława, przyszłego biologa, znawcę koralu kopalnych, systematyki i anatomii mięczaków, doktora nauk przyrodniczych, potem docenta na Uniwersytecie Dorpackim, z którego, pomimo wyjątkowo starannego wykonywania obowiązków, został wydalony. Przez rodzinę Władysław określany był męczennikiem za życia, ze względu na ogrom cierpień fizycznych, które go dotknęły.

B. Dybowski od najmłodszych lat pasjonował się przyrodą, która stała się jego zawodem, ukochaną codziennością. Studia przyrodnicze realizował od 1853 roku równoległe ze studiami medycznymi, początkowo na Uniwersytecie Dorpackim, uczelni z wykładowym językiem niemieckim. Szybko (1856) został doceniony przez grono profesorskie, otrzymując złoty medal za pracę pt. „O rybach słodkowodnych Liflandii” (Dyakowski 1931, 4). Pomimo sukcesów naukowych w 1857 roku został

usunięty z uczelni, z uwagi na udział w pojedynku w charakterze sekundanta. Studia kontynuował początkowo we Wrocławiu (1857–1858), a następnie w Berlinie (1858–1860). Tam w 1860 uzyskał stopień doktora na Wydziale Lekarskim, który nostryfikował w Dorpacie w 1862 roku.

Senat Uniwersytetu Jagiellońskiego w Krakowie, dążący do zatrudnienia Polaków w murach szacownej uczelni, zaproponował mu katedrę zoologii. Przeciwny temu był rząd austriacki ze względu na znaną już wtedy działalność konspiracyjną. Zatrudnienie na stanowisku profesora-adiunkta w katedrze zoologii w Szkole Głównej w Warszawie znalazł w 1862 roku. Była to nowa uczelnia, w której brakowało podstawowych pomocy naukowych, tj. preparatów anatomicznych, tablic rysunkowych niezbędnych dla zilustrowania wykładów. Początkowo wykonywał je samodzielnie na dużych arkuszach tektury, później z deklarującym mu chęć pomocy studentem Augustynem Kręćkim, w przyszłości również zesłańcem syberyjskim. W ciągu następnych lat B. Dybowski wyposażył katedrę w dziesiątki tysięcy oryginalnych eksponatów ze swoich egzotycznych wypraw.

Miłość do kraju i pragnienie uczynienia go lepszym i silniejszym przekładały się na jego działalność społeczną i patriotyczną, zaś lista aktywności była bardzo długa. Już w czasach studiów został członkiem Konwentu Polonia, podobnie jak inni studenci z terenów dawnej Rzeczypospolitej. Oprócz członkostwa był współzałożycielem kółka Bracia mleczni i Towarzystwa Patriotycznego. W skład tego pierwszego wchodziłi abstynenci, którzy czynnie przeciwstawiali się alkoholizmowi szerzącemu się w Polsce (Bykowski 1948, 36). W trzeźwości narodu, wiedzy przyrodniczej społeczeństwa widzieli pomyślność kraju. Problem alkoholizmu ze zdwojoną siłą dotknął B. Dybowskiego podczas pobytu na Syberii.

[...] Ustawiczne oglądanie powszechnego pijaństwa, które carska biurokracja przeniosła na rosyjskich osadników i ludy tubylcze Azji, napawało Dybowskiego takim obrzydzeniem, iż w ocenie moralnej zaczął wręcz dzielić ludzi na pijących i niepijących. Doprowadzało go na każdym kroku do ostrych spięć (Trepka 1897, 391).

Celem drugiego założonego przez niego towarzystwa, adresowanego do młodzieży polskiej z całego imperium, było odrodzenie społeczeństwa polskiego. Cel ten przyświecał jego działaniom w Organizacji Narodowej Litwy.

Wróciwszy z Berlina do Dorpatu, dowiedziałem się o niej od kolegów. Cele były szlachetne, podniosłe: miano wpływać na obywatelstwo, ażeby zostały na zawsze zarzucone: zbytki, karcjarstwo i używanie napojów alkoholowych. Młodzież miała starać się też o to, aby wymóżyć na starszym pokoleniu ofiarę z ziemi na rzecz włościan, a sama miała się zająć nauczycielstwem w szkółkach wiejskich (Dybowski 1913, 1).

Początkiem drogi do wyzwolenia ojczyzny były zdaniem B. Dybowskiego nielegalne manifestacje religijno-patriotyczne. Jedną z nich przeprowadził wraz

z kolegami w katedrze wileńskiej w dzień św. Stanisława (8 maja 1861). Polegała ona na odśpiewaniu podczas mszy pieśni „Boże coś Polskę”. Okazało się, że manifestacja została źle zorganizowana, bowiem:

Nie przybyła jednak dość licznie młodzież miejscowa, zaskoczeni starsi nie przyłączyli się do chóru, policja z łatwością wyłapała 7 śpiewających, których po dłuższym śledztwie zesłano na szereg miesięcy w głąb Rosji (Bykowski 1948, 36).

Pomimo aresztowań manifestacja spełniła swoją rolę, stała się bowiem zarzewiem następnych takich akcji, a ich zasięg terytorialny systematycznie się powiększał, tak jak ranga języka ojczystego.

Ilekróć mówił o suwerenności narodowej, na pierwszym miejscu stawiał uznawanie danego języka za obowiązujący w życiu publicznym. Wymieniając krzywdy wyrządzone przez zaborców, na czoło wysuwał wyrugowanie polskiej mowy ze szkół i urzędów (Trepka 1979, 418).

O ogromnym zaangażowaniu B. Dybowskiego w sprawy swojej ojczyzny świadczy współpraca z Rządem Narodowym. Mianowany Komisarzem na Kresy Wschodnie (1862–1863) odbywał liczne podróże agitacyjne, m.in. do Wilna, Żytomierza, Kijowa.

Jako emisariusz wysłany został do Żytomierza i Kijowa dla pogodzenia „białych” i „czerwonych” i zorganizowania akcji powstańczej na Wołyniu i Ukrainie. Pod pozorem starań o zwyczajną katedrę w Uniwersytecie Kijowskim szczęśliwie dokonał swej misji (Bykowski 1948, 37).

W ostatnią podróż, jak pisze prof. Brzęk, wyruszył do Pragi jesienią 1863 roku

z zadaniem zorganizowania tam, przy pomocy miejscowego komitetu polsko-czeskiego niosącego pomoc polskim powstańcom, ucieczki więzionego w Pradze przez władze austriackie dyktatora powstańczego, generała Mariana Langiewicza. [...] W Pradze zadaniem uczonego było postarać się o osobistą rozmowę z więźniem, wręczyć mu listy od Rządu Narodowego oraz nakłonić do ucieczki i objęcia dowództwa powstania (Brzęk 1994, 40).

Misja nie powiodła się. Wrócił do Warszawy i udostępnił sekretarzom stanu swoją katedrę na miejsce spotykań. Ta decyzja zaważyła na jego aresztowaniu.

W lutym 1864 r. wydany przez słabszych duchem spiskowców, [...] został aresztowany i osadzony z razu na Pawiaku, a później w pawilonie X cytadeli. Śledztwo trwało kilka miesięcy. Za „pomoc istotną powstaniu”, a w szczególności „pozwoleniu na zebrania sekretarzy w jego audytorium i udział osobisty w nich” groziła mu kara śmierci na szubienicy razem z Trauguttem. W skutek gorliwych starań dawnych jego profesorów

Grubego i Reicherta audytoriat polowy wojsk w Królestwie Polskim złagodził wyrok, tym bardziej, iż sam car wyraził życzenie, by karę śmierci ograniczyć do 5 osób. Postanowiono więc w zamian śmierci „pozbawić wszystkich praw stanu i zesłać do robót ciężkich na lat dwanaście, a majątek rodowy i nabyty skonfiskować na rzecz skarbu” (Bykowski 1948, 37).

Aresztowanie, śledztwo, pobyt w więzieniu i perspektywa zesłania bardzo osłabiły fizycznie i psychicznie tego niezłomnego człowieka, na szczęście nie na długo. Wyrwały go z marazmu słowa „siła woli przewycięża wszystko”, wypowiedziane podczas pożegnania 10 sierpnia 1864 roku przez Antoniego Wałęckiego, kustosa gabinetu mineralogicznego i byłego sybiraka, oraz przyniesione na Dworzec Wileński prezenty od innych przyjaciół, tj. książki, mikroskop, składana wędka, apteczka, sprzęt chirurgiczny (Dyakowski 1931, 13). Wówczas uzmysłowił sobie, że zamiast wymarzonego Madagaskaru może badać mało poznaną przyrodę Syberii. Wraz z 50 zesłańcami wyruszył w drogę, liczącą 8 tys. km, która trwała aż do wiosny 1865 roku i wiodła poprzez Petersburg, Moskwę, Niżny Nowogród, Tobolsk, Irkuck, Czytę, Darasuń. Poruszali się różnymi środkami transportu, począwszy od kolei żelaznej poprzez kibitki, sanie aż do pieszej wędrówki, do wiosny 1865 roku. Szczególnie dawała mu się we znaki jazda kibitką. „Przejazd kilkukilometrowy w takich warunkach uważać można by było za torturę, ale jak nazwać podróż przeszło tysięczną, odbywaną bez odpoczynku, bez wytchnienia?” (Dybowski 1930, 16).

Już w drodze na Syberię rozpoczął prace badawcze, wykorzystując otrzymane sprzęt, a także książkę Gustawa Raddego, wybitnego specjalisty w zakresie badania Bajkału. Mimo braku warunków przestudiował opracowanie tak skrupulatnie, że dostrzegł błędne wnioski sformułowane przez przywołanego autora. Z wniosków wynikało, że fauna Bajkału jest uboga i identyczna z europejską. Rozstrzygnięcie tych kwestii stało się celem jego badań na Syberii.

2. Życie i działalność Benedykta Dybowskiego na zesłaniu

Przed zesłaniem B. Dybowski był wzorem człowieka uczciwego i szlachetnego, takim też godnym, życzliwym, współczującym, niosącym bezinteresowną pomoc pozostał w niewoli, szukając tylko dobrych stron tej syberyjskiej rzeczywistości.

Całe szczęście, że roboty przymusowe były tu lżejsze niż w innych miejscach, gdzie były kopalnie, jak np. w Nerczyńsku. Były one tutaj dwojakiemu rodzaju: jedne o charakterze publicznym, jak naprawa dróg, oczyszczanie i wzmacnianie brzegów rzeki, rąbanie i zwożenie drzewa z lasu oraz jego obróbka na budowę wielkich łodzi, zwanych barżami; i inne, związane z gospodarką samej partii zesłańców, a więc wożenie wody z rzeki,

czyszczenie podwórza i kazamatów, palenie pod kotłami i t. p. Każdemu wyznaczano przydział roboty, jaką miał wykonać danego dnia, i karano zazwyczaj zamknięciem na noc bez jedła w tak zwanej „katałasce”, jeżeli kto nie spełnił w całości zadanego przydziału. [...] Dybowski pracował na równi z innymi, ale najchętniej podejmował się zajęć w lesie – rąbania i zwózki drzewa, bo wówczas prawie zawsze mógł urwać trochę czasu na robienie zbiorów i badanie przyrody miejscowej (Dyakowski 1931, 22-23).

Marzenie Dybowskiego, związane z badaniem Jeziora Bajkalskiego, najgłębszego i piątego, pod względem wielkości jeziora na świecie, położonego wśród gór, spełniło się w 1868 roku. Wtedy, dzięki staraniom wielu ludzi i nienagannej opinii, związanej także z jego praktyką lekarską, zamieniono karę, jaką były przymusowe roboty połączone z zesłaniem, na osiedlenie nad Jeziorem Bajkalskim. Jego współpracownikiem i druhem został poznany w okolicach Siwkowej, Wiktor Godlewski, zagorzały myśliwy i limnolog. Początkowo osiedlili się we wsi Kułtuk, gdzie w latach 1869–1877

stworzył stacjonarną szkołę limnologiczną, która skupiała 19 współpracowników będących zesłańcami. Wśród nich wymienia się 3 profesjonalnych przyrodników (Benedykt Dybowski – zoolog i limnolog, Aleksander Czekanowski – geolog i paleontolog, Jan Czerski – anatom i geolog), 3 amatorów przyrodoznawstwa (Wiktor Godlewski – limnolog, Józef Łagowski – botanik, Józef Kalinowski – nauczyciel) oraz 13 innych badaczy, którzy tutaj wykształcili się na znawców różnych grup zwierząt lub zagadnień z dziedziny zoologii (Dziekońska-Rynko 2018, 14).

Badanie fauny Bajkału, po jakucku zwanego „Świętym morzem” prowadzili B. Dybowski i W. Godlewski na własny koszt, ponieważ ani Akademia Nauk w Petersburgu, ani Towarzystwo Geograficzne w Irkucku nie wyraziło gotowości sfinansowania tego przedsięwzięcia. Badanie polegało na zapuszczaniu w 200 wyrąbanych samodzielnie przerębli przyrządów łowczych, na głębokość 400–1240 m (Dyakowski 1948, 35-37). Oprócz rąbania przerębli trudność sprawiało dotarcie do nich.

[...] Największe głębie słodkowodne kuli ziemskiej, w które Dybowski zapuszczał „cylindry i płyty z przynętą”, nie znajdują się tuż przy brzegu. Nadto, rząd wyrąbywanych przerębli, biegnących wzdłuż „morza sybiraków”, stopniowo oddalał się od Kułtuka. Sporządzili ich 79, w linii prostej co sto metrów, czyli na trasie 8 km. Proste stwierdzenie: „Po ukończeniu roboty wracałem do domu” – oznaczało długotrwały marsz po lodzie jeziora, dzień za dniem [...] przy mrozie osiąającym 40°C... (Trepka 1979, 284).

Żmudne było także porządkowanie, opisywanie i przygotowanie do wysyłki uzyskanych eksponatów. Dzięki tym badaniom Dybowski udowodnił że fauna Bajkału jest bogata, złożona ze zwierząt o charakterze morskim (np. foka bajkalska) i słodkowodnym (np. większość gąbek), podobnym do charakteru odpowiednich

gatunków z innych wód słodkich. Te odkrycia zapewniły mu miejsce w światowym panteonie naukowców oraz złoty medal Towarzystwa Geograficznego w Petersburgu. Wielką sławę przyniosły mu także badania nad rybą gołomianką, którą nazywał „chlubą Bajkału i swoją”. Odkrył, że jest żyworodna i po wydaniu potomstwa martwa wypływa na powierzchnię. Również jego wielkim osiągnięciem związanym z Jeziorem Bajkalskim było odkrycie basenów: wschodniego i zachodniego, oddzielonych olbrzymim wałem, nad którym głębokość wody wynosiła około 60 m. W uznaniu wielkości tych odkryć Oddział Towarzystwa Geograficznego w Irkucku zaproponował dodanie przydomka Bajkalski do nazwiska Dybowskiego. Uczony i wielki patriota odrzucił propozycję, nie chcąc, aby jego polskie nazwisko łączone było z rosyjskim.

B. Dybowski po otrzymaniu zgody na dalsze przemieszczanie się odbył kilka ważnych podróży, m.in. po Amurze i Ussuri (1868), okolicach Akszy nad Ononem (1870), jeziora Chubsuguł w Mongolii, rzek Argunii i Amuru (1872–1875). Przygotował „Atlas ryb bajkalskich i amurskich” (1871–72), które sfinansowało Towarzystwo Geograficzne w Irkucku i „Atlas kielży bajkalskich”, wydany w 1874 roku dzięki pomocy hrabiego K. Branickiego (Dyakowski 1931, 44–45).

Bogate materiały z Syberii przesyłał B. Dybowski swojemu bratu Władysławowi, który opracowywał je starannie i publikował w formie rozpraw. Wśród nich były prace dotyczące Jeziora Bajkalskiego. Badania i publikacje rozślawiły imię Benedykta na cały świat i umożliwiły mu przy pomocy przyjaciół z Towarzystwa Geograficznego w Irkucku i Akademii w Petersburgu podjęcie starań o ostateczną amnestię. B. Dybowski powrócił z zesłania w 1877 roku nie jako skromny naukowiec, ale jako wielki uczony, odkrywca Syberii, przywożąc ogromne i bezcenne zbiory, przekazując je Gabinetowi Zoologicznemu w Warszawie (Dziekońska-Rynko 2018, s. 14). Nie stracił przy tym swojego człowieczeństwa i miłości do ojczyzny.

3. Życie i działalność Benedykta Dybowskiego po zesłaniu

Jadę pracować „poza Ojczyznę,
Lecz „dla niej wyłącznie
(Dybowski 1878).

Plany zawodowe B. Dybowskiego po powrocie z zesłania zaskoczyły wszystkich. Wynikały one z dwóch powodów, tj. braku możliwości zatrudnienia w liczących się uniwersytetach i niedosytu pracy naukowej nad Syberią. Pomimo głośnych protestów przyjaciół przyjął oferty pracy w charakterze lekarza obwodowego w Pietropawłowsku, na Kamczatce, na okres pięciu lat, z pensją 800 rs.

B. Dybowski bardzo solidnie przygotował się do wyjazdu na Kamczatkę, pragnąc, aby jego praca poza krajem była służbą dla ojczyzny.

Gdy opuszczał Europę, mając zamiar zajęcia się dalszym badaniem przyrody dalekiego Wschodu, a specjalnie Półwyspu Kamczatki, projektowałem wyruszyć w dość licznym towarzystwie. [...] Bawiąc w Dorpacie pozyskałem przyrzeczenie profesorów, moich uprzednich nauczycieli o współpracownictwo, szczególnie w zakresie dokładnej analizy wód mineralnych kamczackich [...] (Dybowski 1912, IV).

Jak się później okazało, zobowiązania drugiej strony nie zostały dotrzymane.

Tylko z mojej strony, tom co obiecywał, wykonałem wedle sił i możliwości, a zarazem dotrzymałem słowa danego bratu, że będę mu przysyłał dziennik, na razie za pośrednictwem poczty, na przetrzeni od Warszawy do Władywostoku, w dalszym zaś ciągu przy zbiorach adresowanych na imię Taczanowskiego do Warszawy, za pośrednictwem tow. geograficznego w Irkucku (Dybowski 1912, VI).

Benedykt Dybowski wraz z towarzyszącym mu znakomitym strzelcem, Janem Kalinowskim wyruszył na Syberię i Kamczatkę w 1878 roku. Była to podróż odmienna od tej, którą przemierzał jako zesłaniec.

Gdyśmy jechali na wschód wolni, swobodni, nie otoczeni ciągłą opieką barbarzyńską konwojującej siły zbrojnej i zgrai urzędniczej, znaleźlibyśmy tam niezawodnie zamiast barw, jakimi malują zwykle Syberję, inne farby, mniej ponure i mniej krzyczące, a mianowicie byłibyśmy tam widzieli kraj żyźny, zdrowy, budzący człowieka do silnej, energicznej pracy, bogaty w mnogie dary, jakie natura dzika, surowa, a po części jeszcze dziewicza, swym dzieciom słać pod stopy może, ujrzelibyśmy obok jednociągłych, okonuzających stepów, inne także krajobrazy, wielce urozmaicone, to piętrzące się wspaniałymi, górskimi szczytami, o nieprzebranym bogactwie leśnym i mineralnym, to rozścielające się, albo kobiercem różnobarwnym „stepów” i łąk ukwieconych. [...] Świat syberyjski i ludzie Syberji zasłużyli na to, ażeby poznać ich bliżej (Dybowski 1899, 4-5).

Na Kamczatce obszar swojej praktyki lekarskiej, obejmujący około 5 tys. mil kwadratowych, objechał pięć razy. Wraz z kilkoma podległymi mu felczerami wykonał tytaniczną pracę w zakresie poprawy zdrowia ludności tam zamieszkałej poprzez: zorganizowanie doraźnej pomocy sanitarnej, utworzenie szpitali dla ofiar epidemii tyfusu, trądu, ospy oraz przytułków dla trędowatych. Prowadził także szeroko zakrojoną akcję humanitarną mającą na celu polepszenie bytu miejscowej ludności, m.in. w zakresie uprawy ziemi, stosowania nawozów, uprawiania europejskich warzyw, hodowli kóz, królików i reniferów, nierzadko osobiście to finansując. „Stopień zaangażowania Dybowskiego w kwestie społeczne odzwierciedla przydomek nadany mu przez mieszkańców Kamczatki – Dobry Biały Bóg” (Dziekońska-Rynko 2018, 14). „Dobry Biały Bóg” oprócz pracy lekarza obwodowego prowadził równo-

legle badania zoologiczne i antropologiczne zarówno na Kamczatce, jak i innych wyspach. Zainteresował się Wyspami Komandorskimi, a w szczególności największą z nich, Wyspą Beringa.

Wyspy, o których tu mówić zamierzam, leżą pomiędzy 55°24' i 54u32y,' szerokości północnej i pomiędzy 168°12' a 165°45' długości, na wschód od Greenw. Nazwano je Komandorskimi na pamiątkę nieszczęśliwego kapitana-komandora Beringa. Odkryto je przypadkiem w d. 5. listopada v.s. 1741, kiedy dowodzony przez niego okręt (st. Piotr), miotany falami po morzu, nagle natrafił na wyspę, której potem dano nazwę Beringa (Dybowski 1885, 2).

Fauna tych wysp była różnorodna i bogata, ale dwa gatunki zwróciły jego szczególną uwagę, tj. krowy morskie i koty morskie. Te pierwsze były ogromnymi roślinożernymi zwierzętami, o długości od 28 do 35 stóp angielskich, mającymi od 200 do 250 pudów samego smacznego mięsa i tłuszczu (Dybowski 1885, 15-16). Przez te wyjątkowe cechy stały się obiektem polowań myśliwych, co w konsekwencji doprowadziło do ich wyginięcia. Drugi gatunek, tj. koty morskie, badacz opisywał w następujący sposób:

Znajdzie się podróżnik naraz pośród ogłuszającego szumu morza i niemniej głośniejszego beczenia setek tysięcy zwierząt o dziwnych kształtach, które poruszają się jakby jakie cienie w mgłę panującej tu nieustannie. Ten niespodziewany widok silnie wstrząśnie każdym, kto po raz pierwszy znajdzie się tutaj (Dybowski 1885, 17).

Te niesamowite w swym wyglądzie, ale nadzwyczaj łagodne zwierzęta opuszczały jesienią wyspy i spędzały większą część roku na otwartym morzu.

Dybowski prowadził także badania antropologiczne i lingwistyczne, czego wynikiem były bogate zbiory (np. czaszki okolicznych mieszkańców czy gwary i języki miejscowych). To tylko kilka przykładów z olbrzymiej kolekcji zoologicznej, jaką zgromadzili badacze, aby zasilić muzea uniwersyteckie w kraju.

W ciągu pięcioletniego pobytu mojego na Kamczatce zbyt wiele zabierało mi czasu tak z jednej strony spełnienie obowiązków służbowych, jako lekarza okręgu, jak z drugiej badania, którym oddawałem się jako przyrodnik, abym już wtedy mógł naukowo użytkować nagromadzony tam przeze mnie materiał; i ledwie dzisiaj cieszyć się mogę nadzieją, że znajdę czas wolny na uporządkowanie moich zbiorów, spostrzeżeń i dzienników (Dybowski 1885, 1).

Do kraju powrócił w 1883 roku i przyjął posadę profesora zwyczajnego zoologii i autonomii porównawczej oraz dodatkowo antropologii na Uniwersytecie Lwowskim. Na bazie gabinetu historii naturalnej założył Muzeum Zoologiczne, które do dziś nosi jego imię i wyposażył je w około 110 tys. eksponatów przywiezionych

z Kamczatki, Bajkału, wschodniej Syberii, południowej Rosji. Zajął się także swoim dziennikiem z pobytu na Kamczatce:

Cały ten dziennik przechowywał brat mój, aż do czasu, gdym przybył z Kamczatki, wtedy wręczył mi go wymagając przyrzeczenia, że go ogłoszę drukiem, albowiem daje on dokładne wyobrażenie o środowisku, w którym żyłem i o warunkach pracy podejmowanych w różnych zakresach działalności: naukowo-przyrodniczej i społecznej. Życzeniom jego staje się dopiero teraz zadość. Wydatek na druk pierwszej części, obejmującej podróż naszą z Warszawy na Kamczatkę pokryła częściowo siostra moja p. Malwina Nargielewiczowa. Drugą część, traktującą o Kamczatce i o naszym tam pobycie, będzie ogłoszona dopiero wtedy, gdy część pierwsza da możliwość pokrycia wydatków na dalsze wydawnictwo (Dybowski 1912, VI).

Część pierwszą wydrukowanego dziennika, noszącą tytuł „O Syberii i Kamczatce. Podróż z Warszawy na Kamczatkę”, B. Dybowski dedykował:

Pamięci brata mego Władysława, którego zgon poprzedził niestety wydawnictwo. Pracując z nim razem na wspólnej niwie przyrodniczej, mieliśmy jednakie upodobania, przekonania, dążenia i cele. [...] Od lat dziecięcych, aż do chwili, gdy ziemia mogilna przykryła zwłoki jego, mieliśmy, że tak rzekę, jedną duszę. Obecnie osierocony przez zgon, najserdeczniejszego przyjaciela i najukochańszego brata, znajduję pociechę w rozpamiętywaniu przeszłości nam wspólnej (Dybowski 1912, VII).

Spółeczność akademicka Uniwersytetu Lwowskiego powierzyła B. Dybowskiemu funkcję dziekana Wydziału Filologicznego w 1886, zaś w 1900 roku zaszczytny urząd rektora. Tego stanowiska nie przyjął, bowiem interesowała go tylko praca naukowa i dydaktyczna. Z okazji 50-lecia pracy oddały mu cześć wszystkie środowiska akademickie, zaś ludność Kamczatki przysłała mu w 1903 roku szkielec zaginionej krowy morskiej (Dyakowski 1948, 76), który obecnie znajduje się w Muzeum Zakładu Zoologicznego Uniwersytetu we Lwowie. W 1906 roku B. Dybowski, w wieku 73 lat, przeszedł na emeryturę, ale pracę naukową kontynuował w „Białym Domku” przy ul. Zaścianek we Lwowie, gdzie mieszkał z rodziną, z żoną Heleną z Lipnickich i dziećmi.

Miał córkę i syna, jednak bardzo słabo rozumiejąc się z synem, przeniósł całą swoją sympatię na córkę, a później na swojego asystenta-lekarza, który ją poślubił. Dybowski adoptował zięcia i dał mu swoje nazwisko. Z tego związku narodziła się wnuczka Władysława mieszkająca w Polsce. Z jej słów wynika, że rodzina Benedykta Dybowskiego nie kontaktowała się z członkami rodziny mieszkającej we Francji od 1830 roku².

² Fragment tekstu z jęz. franc. z: *Hommes et Destin* (2011), Cornevin, R./Niarinze/Vialle, J. (eds.). Tłum. własne. Paris, 290.

Prawdopodobnie wnuk (syn Dybowskiego juniora, a nie zięcia) był w czasie II wojny światowej oficerem polskiej armii i wyemigrował do Wielkiej Brytanii. Większość rodziny, dalszej i bliższej, zginęła podczas niemieckiej okupacji.

Gdy wybuchła I wojna światowa B. Dybowski przebywał wraz z rodziną w nowogrodzkim majątku swojej siostry na terenie Rosji. Wiązały się z tym potężne konsekwencje, bowiem będąc obywatelem Austrii, został ponownie zesłany na Syberię do Irkucka. Na szczęście, nie doszło do drugiego zesłania dzięki wstawianictwu Cesarskiej Akademii Nauk w Sankt-Petersburgu i Cesarskiego Towarzystwa Geograficznego, zaś powrót do Lwowa umożliwił mu wnuk Humboldta.

Powróciwszy wreszcie do Lwowa zastał cenne zbiory w nieładzie. Uporządkował je na nowo i opracowywał nawet w czasie ciężkich walk ulicznych i późniejszego oblężenia Lwowa w r. 1918/19. Przetrzywał wszystkie te trudy, niedostatek wody, światła, opału i żywności i doczekał rzadkiego jubileuszu 95. rocznicy urodzin (Bykowski 1948, 39).

W pierwszych latach w wolnej ojczyźnie opublikował szereg artykułów okolicznościowych. Został również profesorem honorowym Uniwersytetów Lwowskiego i Wileńskiego, a także honorowym członkiem wielu towarzystw. „Spuścizna po Dybowskim to około 170 prac naukowych poświęconych Syberii. Jego nazwisko zostało uwzględnione w około 50 nazwach zwierząt” (Dziekońska-Rynko 2018, 14). Wielki Polak miłujący swój kraj i pracujący dla niego nawet na obczyźnie zmarł 31 stycznia 1930 roku. Po jego śmierci Józef Piłsudski wystosował do wdowy następujące słowa:

Czcigodna Pani!

Z najgłębszym smutkiem dowiadując się o śmierci śp. Małżonka Jej, prof. Benedykta Dybowskiego, śpieszę wyrazić Pani mój serdeczny żal i współczucie w nieszczęściu, które ją spotyka. Piękna i czysta postać sp. prof. Benedykta Dybowskiego, jego gorący patriotyzm, który tchnął tyle ducha i wiary, oraz spuścizna naukowa, którą zostawił po sobie, stanowić będą bezcenny skarbiec ducha dla przyszłych pokoleń (Brzęk 1994, 260).

Jego miejscem spoczynku stała się górka powstańców styczniowych, na Cmentarzu Łyczakowskim we Lwowie.

Bibliografia

- BRZĘK 1994: Brzęk, G. (1994), Benedykt Dybowski. Życie i dzieło. Warszawa/Wrocław.
BRZĘK 1998: Brzęk, G. (1998), Badania Benedykta Dybowskiego na Syberii. W: Kuczyński, A. (red.), Syberia w historii i kulturze narodu polskiego. Wrocław, 145-153.
BYKOWSKI 1948: Bykowski, L. (1984), Dybowski Benedykt. W: Konopczyński, W. (red.), Polski słownik biograficzny. VI. Kraków, 36-39.
DOMANIEWSKI 1954: Domaniewski, J. (1954), Benedykt Dybowski. Warszawa.

- DYAKOWSKI 1931: Dyakowski, B. (1931), *Badacz Dalekiej Północy*. Benedykt Dybowski. Poznań etc.
- DYBOWSKI 1885: Dybowski, B. (1885), *Wyspy Komandorskie*. Lwów.
- DYBOWSKI 1899: Dybowski, B. (1899), *O Syberji i Kamczatce*. Lwów.
- DYBOWSKI 1912: Dybowski, B. (1912), *O Syberji i Kamczatce. Podróż z Warszawy na Kamczatkę*.
1. Kraków/Warszawa.
- DYBOWSKI 1913: Dybowski, B. (1913), *Wspomnienia z przeszłości półwiekowej. Objąsnione czterdziestu kilku rycinami*. Lwów.
- DYBOWSKI 1930: Dybowski, B. (1930), *Pamiętnik od r. 1862 zacząwszy do r. 1878*. Lwów.
- DZIEKOŃSKA-RYNKO/MIERZWA-SZYMKOWIAK/SŁUPEK 2018: Dziekońska-Rynko, J./Mierzwa-Szymkowiak, D./ Słupek, M. (2018), *Benedykt Dybowski (1833–1930) – lekarz, przyrodnik, społecznik, patriota. Wydarzenia upamiętniające polskie badania na Syberii i Kamczatce*. W: *Biuletyn Panorama*. 4 (6), 14.
- TALKO-HRYNCEWICZ 1927: Talko-Hryncewicz, J. (1927), *Obchody 95. urodzin B. Dybowskiego*. Wilno/Lublin.
- TREPKA 1979: Trepka, A. (1979), *Benedykt Dybowski*. Katowice.

ЕЛЕНА БОРЩ / ELENA BORSHCH
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9114-5835>
Ural State University of Architecture and Art

РУССКАЯ «АВТОРСКАЯ» ИЛЛЮСТРАЦИЯ 1790-Х ГОДОВ: ПРОБЛЕМА РЕЦЕПЦИИ ФРАНЦУЗСКИХ АНАЛОГОВ

Russian “Author’s” Illustration of 1790th Years: a Problem of Reception of the French Analogues

Ключевые слова: XVIII век, европейско-русские художественные коммуникации, французская книжная иллюстрация, русская книжная иллюстрация, «Метаморфозы» Овидия в иллюстрациях, Н. И. Львов, И. Ф. Тупылев

KEYWORDS: XVIII century, European-Russian art communications, Russian book illustration, French book illustrations, *Ovid’s Metamorphoses in illustrations*, N. A. Lvov, I. F. Tupylev

АБСТРАКТ: At the focus of this article is a problem of reception of European visual culture in Russia in XVIII century. The subject of research is the drawings of manuscript “Ovid’s Metamorphoses in faces” of 1790th years from collection of the State Russian museum (St.-Petersburg). Its have been created by I. Tupylev after the order by N. Lvov. There is a search of the European analogues of the Russian drawings in this article. A method of comparative analysis used here. As a result, one of analogues of the Russian illustrations was found. There is comparison the Tupylev’s drawings and engravings of the French edition “Ovid’s Metamorphoses” (1767–1771) in this article. The comparison has proved, that the Russian illustrator repeated compositions of the French illustrations, but did not copy them literally. The result of research is a conclusion about creative character of perception of the traditions of European illustration and professional level of works of Russian artists.

1. Французские книги и рисунки в России

Книга была в XVIII в. одним из важных объектов европейско-русских художественных коммуникаций: в том числе, иллюстрированные издания с гравюрами. Русская книга, начиная с петровской эпохи, приобрела европейский облик и приметы западного стиливого развития. Благодаря культурным контактам и книготорговым связям с Европой в России во второй половине XVIII в. получили распространение французские издания – образцовые с точки зрения художественного замысла и исполнения.

Вполне закономерно то, что русские книги с гравюрами, особенно переводные с иностранных языков, были в то время «подражаниями западным» (Сидоров 1946, 177). Иллюстрации часто копировали по иностранным аналогам без указания имен подлинных авторов и их русских интерпретаторов. Отечественная школа рисовальщиков и граверов начала складываться после открытия Академии художеств в Санкт-Петербурге (1757).

Система академической подготовки художников была в то время, основана на копировании. Прежде, чем работать с живой натурой, воспитанники Академии учились копировать с рисунков и гравюр, со скульптур и манекенов, а после – с больших картин (Пронина 1983, 33-34). Копирование было средством достижения основной цели – подражания образцам, в которых уже был сделан «выбор лучших частей» (Пронина 1983, 120).

Воспитанники Академии приобретали профессиональные навыки, копируя европейские оригиналы. Практически с момента открытия в Академии начала формироваться учебная коллекция рисунка: приглашенные французские профессора были обязаны привозить собственные рисунки (Гаврилова 1990, 168). Неудивительно, что в коллекции Академии, которая продолжала активно пополняться, преобладали рисунки французской школы (Плюснина 2016, 78-92). Для Академии также закупали французские книги, увражи и гравюры, которые служили учебными материалами для начинающих художников (Пронина 1983, 101).

В XVIII в. русские художники редко привлекались издателями к иллюстрированию книг в роли рисовальщиков. Условия для заказов «авторских» серий иллюстраций, тем не менее, сложились в 1770–80-е гг., когда в России было разрешено частное книгоиздание. Именно тогда были выпущены книги, «превосходно оформленные и снабженные обильными гравированными иллюстрациями» (Сидоров 1946, 176). Безусловно, камертоном для русских издателей была французская иллюстрированная книга, которая достигла апогея художественной экспрессии и роскоши во второй половине XVIII столетия.

2. Рукопись «Овидиевы превращения в лицах» (1796)

К сожалению, осталось нереализованным русское издание «Метаморфоз» Овидия с двумя сотнями иллюстраций, которое архитектор-дилетант Н. А. Львов (1751–1803) задумал осуществить с помощью профессионального живописца И. Ф. Тупылева (1758–1821). Рукопись, озаглавленная «Овидиевы превращения в лицах» (1796), представляет собой макет этого несостоявшегося издания. Ныне она хранится в собрании Государственного Русского

музея (далее – ГРМ). Рукопись содержит неполный комплект из 200 эскизов иллюстраций разной степени завершенности (№№ Р-22296-22495). Всего было создано 220 рисунков (Уварова 1999,105).

Автором рисунков рукописи долгое время считали самого Львова, вдохновителя и организатора проекта (Никулина, 1959; Холодовская 1961, 358-359). Имя реального автора рисунков, Тупылева, было установлено в 1990 г. Н. И. Уваровой (1947–2016), ведущим научным сотрудником отдела рисунка ГРМ (Уварова 1991).

Тупылев происходил из семьи подмастерья Петергофской гранильной фабрики. Воспитанник Академии художеств по классу исторической живописи (1764–1779), он был награжден большой золотой медалью и пенсионерской поездкой в Париж (1779–1784). По возвращении в Россию художник получил звание академика и должность рисовальщика «виньет и медалей» при Кабинете Его Императорского Величества (1785). Работая на Шпалерной мануфактуре сначала рисовальщиком (1790), затем инспектором (1793) и директором (1818), он также преподавал в Академии художеств с 1793 г. (Рисунок 2005, 173). Рисунки рукописи «Овидиевы превращения в лицах» были подготовлены Тупылевым в 1796 г. (Уварова 1999, 105). Это был период, когда художник находился в расцвете творческих сил. В общей сложности, художник создал около 500 графических работ (Уварова, 1997, 78).

Рукопись представляет собой объемный том из 220 листов с параллельным текстом на трех языках и эскизами иллюстраций. Книжный блок форматом в четверть листа (32x20x7) одет в «полукожаный» переплет. На корешке вытиснены краткое название книги и суперэклибрис «NL». На форзаце – справка Художественного отдела Русского музея № 145: «1924 сент. принято от гр. Котова, Фонтанка 32 кв. 32. Рукопись с рисунками Овидиевы превращения в лицах. Ц. 350 руб. 9. IX-24».

На титульном листе есть полное название рукописи – «Овидиевы превращения в лицах». На левой части разворота обычно расположены три столбца текста, написанные разными почерками по-русски, по-немецки и по-французски. При этом первые 27 написаны по-латыни (Уварова, 1999, 101). На правой стороне почти каждого разворота вклеен небольшой лист бумаги (10x15) с рисунком, проложенным калькой. Страницы рукописи не всегда заполнены: встречаются абсолютно чистые или со следами оборванного рисунка. Рукопись изготовлена из бумаги «верже» голубого оттенка, на которой замечена филигрань «Pro patria».

Рисунки анонимны и не имеют подписей, за исключением «маргиналий» – кратких ремарок по-русски, принадлежащих Львову (Уварова 1997, 76). Рисунки варьируются по конфигурации: одни вписаны в прямоугольник, другие – в круг или овал. Расположенная в начале значительная часть рисунков, сделанная в технике пера и туши в сочетании с сепией, имеет законченный вид

(№ Р-22296-22445). Вторая, меньшая часть рисунков, исполненная пером и тушью в контурной манере, кажется незавершенной (№ Р-22446-22495). По технике исполнения это, очевидно, копии, но не подготовительные эскизы для гравирования. Согласно одной из инструкций для воспитанников Академии художеств, копирование по рисункам и гравюрам начинали свинцовым карандашом, а затем обводили пером китайской тушью, и, наконец, наносили тени тушью, сангиной или бистром (Михайлова 1951, 29).

Представляет интерес рассмотреть данную серию рисунков с целью изучения их аналогов: явно французских, учитывая триумф и последующее распространение французской иллюстрированной книги в Европе и России в середине – второй половине XVIII века.

3. Сравнение русских рисунков с французскими гравюрами

На протяжении XVIII в. иллюстрированные «Метаморфозы» Овидия на французском языке неоднократно выпускали в Голландии и во Франции (Cohen 1912, 768-773). Событием для библиофилов стало появление в Париже в 1767–1771 гг. иллюстрированного четырехтомника с параллельным текстом на латинском и французском языке в переводе аббата Банье. Издание дополняли 139 гравюр по рисункам художников, наиболее востребованных в тот момент в качестве иллюстраторов. А именно, по эскизам Ф. Буше, Ю. Гравело, Ш. Монне, Ж.-М. Моро (мл.), Ш. Эйзена. Роскошное издание, адресованное коллекционерам, задумали и осуществили граверы Ж. Базан и Н. Лемир (Cohen 1912, 769-772).

Логично предположить, что именно это французское издание имел в виду Львов, заказчик русской серии. Сходство французских иллюстраций с русскими было замечено ранее, когда иллюстрации приписывали Львову. Автор первой атрибуции отмечала, что рисунки имеют в основе иллюстрации французского издания середины XVIII в. и приводила пример один из рисунков (Никулина 1959, 166-167). Автор последней атрибуции указывала, что в основе многих иллюстраций лежат более ранние французские гравюры (Уварова 1997, 76). Однако, специальное сравнительное исследование русской серии с французскими гравюрами до сих пор не проводилось.

Поскольку число гравюр французского издания (139) и количество рисунков русской рукописи (200) не совпадают, уместно высказать предположение о существовании других аналогов. Французское издание 1767–1771 гг. вряд ли было единственным источником русской серии иллюстраций. В любом случае, необходимо провести детальное сопоставление русских рисунков с гравюрами французских изданий. Помимо констатации французского

влияния, представляется важным установить его степень и характер, проанализировать методы и приемы работы русского художника.

Проведем сравнение, опираясь на источники, имеющиеся в нашем распоряжении. Прежде всего, это гравюры четырехтомного французского издания 1767–1771 гг. из собрания Национальной библиотеки Франции (Ovide 1767-1771, I-IV). Затем, ряд рисунков, опубликованных Н.И. Уваровой (Уварова 1997, 1999; Рисунок 2005, кат. 123-125). Наконец, несколько рисунков, которые нам удалось сопоставить с французскими аналогами в ходе просмотра рукописи в Отделе рисунка ГРМ в сентябре 2018 г.

На первый взгляд, французские и русские иллюстрации далеки друг от друга: их формы и размеры не совпадают. Французские – вертикальные полностраничные – больше и подчинены формату книги «ин-кватро». Русские – горизонтальные – наполовину меньше (8x11). Они напоминают заставки, так как имеют форму прямоугольника, овала или круга.

При более внимательном сравнении ряда совпадающих по сюжету пар иллюстраций можно заметить прямое, а не зеркальное сходство их композиций. Это является основанием для утверждения, что художник пользовался гравюрами оригинального издания. Предположительно, он изменил полностраничные иллюстрации на заставки по просьбе заказчика.

Сопоставим избранные пары иллюстраций – рисунки рукописи и аналогичные гравюры французской серии – следуя логике текста.

Рисунок к эпизоду «Похищение Европы» (Р-22307) из второй книги «Метаморфоз» (Кн. II, 15) явно был создан на основе французской гравюры – иллюстрации Буше (Рисунок 2005, кат. 123; Ovide 1767, I, № 38]. Этот прямоугольный рисунок по композиции совпадает с нижней половиной гравюры. В кадре – героиня, сидящая на спине быка, две ее спутницы и два путто. В результате «обрезки» гравюры сверху за кадром остались третья спутница и два путто на облаке вместе с орлом Юпитера. Русский художник тезисно, но точно повторяет детали пейзажного фона: линию берега, ствол дерева с пышной кроной. Из-за растяжения поля изображения его свободная левая часть оказалась трактована как морской пейзаж.

Как можно заметить, художник внес поправки в пластические характеристики персонажей – их позы, жесты, мимику. Изменился жест правой руки героини: взамен властного (палец вниз) он стал удивленным (кисть руки приподнята). Выражение ее лица вместо робкого стало напряженно-встревоженным: выгнутые линии бровей распрямились, глаза и рот уменьшились. Обе спутницы героини обрели беспокойную, даже испуганную мимику; правая крайняя развернула голову к зрителю. Крайний слева путто удивленно поднял голову вверх, открыв рот. Даже мимика быка изменилась: глаза округлились, появился оскал, напоминающий улыбку. В целом, благодаря

интерпретации русского иллюстратора сцена приобрела большую эмоциональную выразительность.

Некоторые дополнения, похоже, были сделаны художником для того, чтобы придать иллюстрации черты более актуального для 1790-х гг. стиля – неоклассицизма. Так, он выделил цветочную гирлянду и корзину с цветами – характерные мотивы нового стиля. Одновременно, прически и одежды героинь стали более походить на античные.

Рисунок «Семела сожигается» (Р-22312) для третьей книги «Метаморфоз» (Кн. III, 5), вне сомнения, был подготовлен на основе иллюстрации Моро(мл). (Ovide 1767, I, № 43). Несмотря на круглую форму, рисунок довольно точно повторяет композицию гравюры, представляющей эпизод невольной расправы Юпитера над Семелой. Рисунок дает фигуру орла и такие детали, как клубящиеся внизу справа облака. Вслед за гравюрой рисунок точно передает интерьерный антураж неоклассицизма: парадное ложе с фигурами сфинксов и кресло. Последнее, впрочем, утратило орнаментальные детали спинки.

Верхняя часть исходной композиции оказалась «за кадром» новой иллюстрации вместе с фигурой Купидона и облаками. Художник трактует встречу героев по-своему. Юпитер теперь смотрит вниз на Семелу. Она уже не отворачивается в страхе и не заслоняет голову согнутой рукой. Напротив, слегка выпрямив руку, Семела отвечает на его взгляд. В духе неоклассицизма изменены очертания ее прически и драпировок над головой героя.

Рисунок «Финей превращается в камень» (Р-22339) для сцены из пятой книги «Метаморфоз» (Кн. V, 2) явно был сделан по аналогичной иллюстрации Монне (Ovide 1768 II, № 59). Рисунок, прямоугольной формы в общих чертах повторяет гравюру, представляющую батальную сцену. Состав, расположение главных фигур, их позы, жесты и мимика – те же. Отличие состоит в том, что фигура летящей Минервы сместилась вниз примерно на корпус. Из-за изменения формы иллюстрации торс богини удлинился, а ее развевающийся плащ приобрел более спокойную конфигурацию. По той же причине крайние сегменты изображения остались незаполненными. Второстепенные персонажи заметно проредились, например, фигуры воинов за спиной Финей и тела жертв.

Рисунок «Похищение Прозерпины» (Р-22344) для пятой книги «Метаморфоз» (Кн. V, 5), расположенный напротив чистой страницы рукописи, вне сомнения, был сделан по иллюстрации Моро-мл. (Ovide 1768 II, № 62). При сравнении рисунка, имеющего круглую форму и сохранившего следы карандаша, с гравюрой оказывается, что позы, жесты и характеристики одежд Плутона и Прозерпины совпадают. Однако, в результате «обрезки» верхней части исходного изображения, исчезли фигура путто и облака. Небольшое изменение позы героини позволило сделать ее лицо более открытым. Сместилась вверх драпировка, овевающая фигуры героев. Пейзажный фон также был

переработан иллюстратором: кроны деревьев, на фоне которых изображены герои, переместились вниз. Стала более заметной линия травы на первом плане. Из-за излишней декоративности, угрожающей стилевым диссонансом вкусу неоклассицизма, художник отказался от повторения крупных роз, рассыпанных вслед героине.

Рисунок «Цефал убил Прокриду» (Р-22394), иллюстрирующий сюжет из седьмой книги «Метаморфоз» (Кн. VII, 8), без сомнения, имеет прямое отношение к иллюстрации Монне (Ovide 1768 II, № 81). Прямоугольный по форме рисунок представляет эпизод гибели Прокриды от стрелы Цефала. При сравнении заметно, что композиции гравюры и рисунка совпадают, не считая нюансов. Герой теперь смотрит не на стрелу, а в лицо героини. Она, в свою очередь, подняла голову, а ее правая рука стала безжизненной. Художник, кроме того, внес изменения в трактовку фона. Персонажи по-прежнему окружены деревьями, но насыщенность и детализация пейзажа изменились. Так, взамен двух кипарисов справа намечен один. Также на рисунке нет проработки крон деревьев, в частности, того, что слева. Небольшой куст на первом плане явно сместился от центра в правый нижний угол.

Рисунок «Геркулес и Деянира» (Р-22420) для девятой книги «Метаморфоз» (Кн. IX, 2), как оказалось, был сделан по аналогичной иллюстрации Моро-мл. (Ovide 1769, III, № 91). Рисунок овальной формы представляет сцену похищения Деяниры кентавром Нессом. Сравнение показывает, что композиция, позы и жесты главных героев совпадают лишь в общих чертах. Художник, как обычно, изменил позы героев. Так, Деянира приподняла голову вверх, а Геркулес, кажется, на три четверти развернулся к зрителю. Пейзажный фон был несколько изменен из-за растягивания поля изображения. Слева появилась рощица, а справа уменьшились кроны деревьев. Заметно, что на рисунке нет детализации фактуры: например, отсутствует моделировка волн, а вода лишь слегка намечена.

Рисунок «Мидас» (Р-22452) к эпизоду из одиннадцатой книги «Метаморфоз» (Кн. XI, 3) был явно сделан по иллюстрации Эйзена (Ovide 1769, III, № 115). На рисунке, выполненном в контурной манере, представлена сцена наказания Аполлоном царя Мидаса. В отличие от гравюры, где задействованы шесть персонажей, рисунок, имеющий круглую форму, содержит фигуры трех главных героев – Мидаса, Аполлона и сатира. Прочие герои, изображенные на гравюре фрагментарно, исчезли. Сопоставление показывает, что рисунок точно повторяет композицию гравюры, а также позы, жесты персонажей и антураж. Художник, тем не менее, переработал пейзажный фон сцены. Вместо отсутствующих действующих лиц первого плана появилась линия травы. Величественная крона дерева, осеняющая фигуру Мидаса, почти исчезла из-за среза композиции сверху: ствол теперь смещен, осталась одна ветка.

Рисунок «Спутники Улиссовы превращаются в свиней» (Р-22480) для четырнадцатой книги «Метаморфоз» (Кн. XIV, 5), без сомнения, был создан на основе иллюстрации Эйзена (Ovide 1771, IV, № 131). Этот овальный рисунок, выполненный в контурной манере, представляет лишь главных героев – Улисса и Цирцею. Художник отказался от второстепенных персонажей. Композиция иллюстрации, позы героев и антураж повторены довольно точно, за исключением деталей. Фигура героя была поставлена на ступеньку выше, поэтому положение головы героини изменилось, как и ее прическа. Складывается впечатление, что для моделировки головы героини художник воспользовался другим аналогом.

Роскошный плюмаж на шлеме героя стал заметно скромнее, что можно объяснить смещением акцента в направлении новых эстетических норм. Архитектурный фон был также переработан: взамен прямоугольных дверей с десюдепортом слева появилась арка. Ступени тронного возвышения сохранились, хотя сам трон исчез. От балдахина остался лишь небольшой фрагмент занавеса, который спустился вниз так, что правая рука героини оказалась на его фоне.

На основе обращения к французским гравюрам из того же издания, кроме того, были сделаны рисунки «Аполлон, превращенный в пастуха» (по Эйзену) и «Превращение Нептуна в дельфина» (по Монне). Проведение более глубокого исследования затрудняет отсутствие полной публикации рукописи.

4. Итоги

Сопоставление нескольких тождественных пар французских и русских иллюстраций подтверждает, что рисунки рукописи «Овидиевы превращения» 1796 г., действительно, были подготовлены по образцу иллюстраций парижского издания 1767-1771 гг. В частности, на основе композиций Буше, Монне, Моро (мл.), Эйзена. Остается открытым вопрос о масштабах заимствования и использовании других серий иллюстраций.

Изучение рисунков рукописи проясняет процесс иллюстрирования в XVIII века. Подготовкой рисунков для будущей книги руководил издатель-заказчик. Создание новой серии гравюр рисовальщиком предполагало штудирование аналогичных иллюстраций. Иллюстратор опирался на метод копирования по образцу, который предполагал отбор и дополнение изображений.

Удалось установить, что автор рисунков пользовался при работе с французской серией иллюстраций такими композиционными приемами, как изменение формата, трансформация, сокращение и растягивание, увеличение

и уменьшение, выбор главного и отказ от второстепенного. Композиционные изменения исходных изображений сопровождались изменением фигур и антуража. Как было замечено, художник менял позы, жесты и мимику героев, из-за чего русская серия приобрела эмоциональную выразительность. Русский художник уместно «редактировал» стиль исходных изображений, отказавшись от декоративности рококо в пользу сдержанности неоклассицизма.

Русская «авторская» иллюстрация формировалась в конце XVIII в. благодаря восприятию европейской художественной традиции разными способами: и помощью освоения визуальных аналогов, и путем приобретения навыков академического рисунка. Все это создавало предпосылки для успеха отечественной книжной графики в XIX веке.

Благодарности Отделу рисунка ГРМ

Автор выражает признательность за организацию доступа к рукописи Н. Н. Соломатиной, заведующей сектором рисунка XVIII – нач. XX вв., и благодарит за помощь в работе хранителя фонда рисунков, ведущего научного сотрудника О. А. Капарулину и старшего научного сотрудника И. Б. Верховскую.

Библиография

- Гаврилова 1990: Gavrilova, Ye. I. (1990), Grafika. In: Rybakov, B. A. (red.), Ocherki russkoy kul'tury XVIII veka. Ch. 4. Moskva, 152-179. [Гаврилова, Е. И. (1990), Графика. В: Рыбаков, Б. А. (ред.), Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 4. Москва, 152-179.]
- Михайлова 1951: Mikhaylova, O. V. (1951), Uchebnyy risunok v Akdemii khudozhestv XVIII veka. Moskva. [Михайлова, О. В. (1951), Учебный рисунок в Академии художеств XVIII века. Москва.]
- Никулина 1959: Nikulina, N. I. (1959), N. A. L'vov kak risoval'shchik i graver. In: Trudy Gosudarstvennogo ermitazha, T. III: Russkaya kul'tura i iskusstvo. Leningrad, 154-169. [Никулина, Н. И. (1959), Н. А. Львов как рисовальщик и гравер. В: Труды Государственного Эрмитажа, Т. III: Русская культура и искусство. Ленинград, 154-169.]
- Плюснина 2016: Plyusnina, Ye. A. (2016), Frantsuzskiy risunok v sobranii Imperatorskoy Akademii khudozhestv. Istoriya formirovaniya i sud'ba kollektzii. In: Rossiya – Frantsiya. Alliance kul'tur. Materialy XXII Tsarskosel'skoy nauchnoy konferentsii. 2. Sankt-Peterburg, 78-92. [Плюснина, Е. А. (2016), Французский рисунок в собрании Императорской Академии художеств. История формирования и судьба коллекции. В: Россия – Франция. Alliance культур. Материалы XXII Царскосельской научной конференции. 2. Санкт-Петербург, 78-92.]
- Пронина 1983: Pronina, I. A. (1983), Dekorativnoye iskusstvo v Akademii khudozhestv. Iz istorii russkoy khudozhestvennoy shkoly XVIII – pervoy poloviny XIX veka. Moskva. [Пронина, И. А. (1983), Декоративное искусство в Академии художеств. Из истории русской художественной школы XVIII – первой половины XIX века. Москва.]
- Рисунок 2005: Risunok (2005), Risunok i akvarel' v Rossii, XVIII vek. Sankt-Peterburg. [Рисунок и акварель в России, XVIII век (2005), Санкт-Петербург.]
- Сидоров 1946: Sidorov, A. A. (1946), Istoriya oformleniya russkoy knigi. Moskva/Leningrad. [Сидоров, А. А. (1946), История оформления русской книги. Москва/Ленинград.]
- УВАРОВА 1991: Uvarova, N. I. (1991), K voprosu ob avtorstve illyustratsiy k rukopisi N. A. L'vova «Ovidiyevy prevrashcheniya». In: Gosudarstvennyy Russkiy muzey. Tezisy konferentsii, posvyash-

- chennoy itogam nauchno-issledovatel'skoy raboty za 1990 god. Leningrad, 8-9. [Уварова, Н. И. (1991), К вопросу об авторстве иллюстраций к рукописи Н. А. Львова «Овидиевы превращения». В: Государственный Русский музей. Тезисы конференции, посвященной итогам научно-исследовательской работы за 1990 год. Ленинград, 8-9.]
- УВАРОВА 1997: Uvarova, N. I. (1997), N. A. L'vov ili I. F. Tupylev? In: Pinakoteka. 2, 74-78. [Уварова, Н. И. (1997), Н. А. Львов или И. Ф. Тупылев? В: Пинакотекa. 2, 74-78.]
- УВАРОВА 1999: Uvarova, N. I. (1999), Ob avtorstve illyustratsiy k rukopisi N. A. L'vova «Ovidiyevy prevrashcheniya». In: Stranitsy istorii otechestvennogo iskusstva. IV. Sankt-Peterburg, 101-117. [Уварова, Н. И. (1999), Об авторстве иллюстраций к рукописи Н. А. Львова «Овидиевы превращения». В: Страницы истории отечественного искусства. IV. Санкт-Петербург, 101-117.]
- ХОЛОДОВСКАЯ 1961: Kholodovskaya, M. Z. (1961), Risunok i gravyura. In: Grabar', I. E. (red.) Istoriya russkogo iskusstva. VII. Moskva, 358-359. [Холодовская, М. З. (1961), Рисунок и гравюра. В: Грабарь, И. Е. (ред.), История русского искусства. VII, 358-359.]
- СОНЕН 1912: Cohen, H. (1912), Guide de l'amateur de livres à gravures du XVIII s. Paris.
- ОВИДЕ 1767-1771: Ovide (1767-1771), Les métamorphoses d'Ovide trad. par M. l'abbé Banier. 4 vol. Paris.

**SPOŁECZEŃSTWO, POLITYKA,
STOSUNKI MIĘDZYNARODOWE**

OLEG LESZCZAK

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3358-8923>

Uniwersytet Jana Kochanowskiego w Kielcach

POLSKA I POLACY WE WSPÓŁCZESNYM UKRAIŃSKIM ETNICZNYM OBRAZIE ŚWIATA. CZEŚĆ II: PRZEGLĄD DISKURSU MEDIALNEGO

Poland and Poles in Modern Ukrainian Ethnic View of World. Part II: Review of Media Discourse

SŁOWA KLUCZOWE: ukraiński etniczny obraz świata, dyskurs publiczny, Polska, Polacy, cechy kulturowo-cywilizacyjne

KEYWORDS: Ukrainian ethnic picture of world, public discourse, Poland, Poles, cultural and civilization features

ABSTRACT: The paper presents the results of an analysis of the images of Poland and the Poles in the Ukrainian media discourse. The four types of the discourses devoted to the subject matter of Polish-Ukrainian relations were distinguished. These types are as following: critical of Poles, pro-Polish, humanistic, and rational ones. The results were subjected to a cultural-civilizational analysis.

W pierwszym artykule (Leszczak 2019) dokonałem ogólnej oceny struktury kulturowo-cywilizacyjnej ukraińskiego etnicznego obrazu świata oraz uzależnionej od niej specyfiki ukraińskiej wizji Polski i Polaków. W niniejszym tekście rozpatrzę, w jaki sposób te zróżnicowania kulturowo-cywilizacyjne są werbalizowane w ukraińskim publicznym dyskursie medialnym.

Wszystkie wypowiedzi dotyczące Polski i Polaków w tym typie dyskursu można podzielić wg ich wydźwięku pragmatycznego na cztery grupy: krytyczne pod adresem strony polskiej, wyraźnie propolskie, krytyczne pod adresem wszelkiego nacjonalizmu oraz realistycznie umiarkowane (analityczne). Rozpatrzę je po kolei.

1. Dyskurs krytyczny wymierzony w stronę polską

Dyskurs ten niemal w całości jest poświęcony sprawom wołyńskim oraz współczesnej polityce rozliczeniowej prowadzonej przez rządy PiS. Dość rzadko w tego rodzaju dyskursie biorą udział ukraińscy politycy z mainstreamu lub znane osobowości

(tzw. celebryci). Większość wypowiedzi takiego charakteru pada w komentarzach na różnych forach internetowych ze strony zwykłych internautów. Ogólna idea, która przysługuje tego rodzaju wpisom, może być ujęta w dość uproszczonej formie w zdaniu „Pogorszeniu sytuacji polsko-ukraińskiej jest winna Polska – tamta, w przeszłości, oraz ta, współczesna”. Argumentacja i racje są jednak nawet w ramach tej grupy dość zróżnicowane. Wyróżniam trzy takie wersje ataku na Polskę i Polaków:

1. „K a ż d y m a w ł a s n y i n t e r e s n a r o d o w y” (= Nieważne, kto jest winien. Nie pozwalamy Polakom na narzucanie nam swojej wersji historii i wskazania, kogo mamy uważać za bohaterów narodowych).

2. „J e s t e ś c i e b a r d z i e j w i n n i n i ż m y” (= Ukraińcy na Wołyniu przeholowali, lecz to Polacy jako zaborcy i okupanci zgotowali sobie ten los).

3. „P r z e s a d z a c i e z t y m r o z l i c z e n i e m” (= Może Ukraińcy są winni, ale rozdrapywanie ran tylko pogarsza sytuację. Winna jest polityka polskich nacjonalistów).

Pierwsza wersja cechuje się największym stopniem arefleksji. Jest to najczęściej wyraz zwykłej nacjonalistycznej buty i ignorancji. Z kulturowo-cywilizacyjnego punktu widzenia jest to postawa charakterystyczna dla Ukraińców typu turańsko-bizantyńskiego lub turańsko-trybalistycznego.

W drugiej wersji udział bierze dość wąska grupa internautów mających czasem dość gruntowną, aczkolwiek jednostronną wiedzę historyczną. Są to raczej latyno-turańczycy. Jak wykazują badania przeprowadzone w ramach projektu „Wizerunek Polski i Polaków na Ukrainie oraz Ukrainy i Ukraińców w Polsce”,

ocena bilansu krzywd wyrządzonych sobie nawzajem w przeszłości przez Polaków i Ukraińców przypomina odbicie w lustrze – Polacy widzą więcej winy po stronie Ukraińców, Ukraińcy zaś – po stronie Polaków. Jednocześnie ponad połowa Polaków przyznaje, że Polacy również ponoszą jakąś winę, Ukraińców zaś uznających winę także po swojej stronie było wyraźnie mniej (40%) (Otlewska 2013, 9-10).

W wersji trzeciej zaś wyczuwalna jest postawa raczej ugodowa, lecz dyskurs taki prowadzą najczęściej ludzie mocno podenerwowani rozliczeniową postawą strony polskiej. W planie kulturowo-cywilizacyjnym określiłbym ich jako trybalistów.

Każda z tych wersji nosi wybitnie emocjonalny charakter, chociaż nie brak tutaj i pewnego rodzaju argumentów racjonalnych. Najczęściej wypowiedzi tego typu sięgają po dowody takie jak „Ludobójstwo to zachowanie ze strony państw lub panujących większości narodowych pod adresem upokorzonych, a Ukraińcy na terenach drugiej RP w latach 1920–1944 byli w sytuacji właśnie upokorzonych” albo „To była sprawa między obywatelami RP, zatem państwo ukraińskie powstałe w 1991 r. nie ponosi odpowiedzialności za nie swoich obywateli”. Jako bezpośrednie powody tzw. rzezi wołyńskiej (która w dyskursie ukraińskim nazywana jest

„tragedią wołyńską”) przytaczane są: sanacja, polonizacja i wyniszczenie cerkwi i ukraińskich ośrodków kulturalnych w latach 30., zaś jako przykład analogicznych etnicznych czystek na Ukraińcach – odwetowe etniczne czystki w Małopolsce i operację „Wisła”. Nastawieni na konfrontację internauci proponują w odwecie na uchwały Sejmu i Senatu RP, żeby ukraiński parlament uznał sanację i pacyfikację ukraińskich wsi oraz zachowania tzw. żołnierzy wyklętych wraz z operacją „Wisła” również za ludobójstwo dokonane przez Polaków na Ukraińcach. W dyskursie „obronnym” często padają głosy w duchu staropolskiego „Nie pozwalam!” (przykłady pochodzą z różnych ukraińskich portalów informacyjno-społecznościowych):

- (1) Niestety, te poszukiwania i ekshumacje „polskich ofiar” potrzebne są Polsce tylko po to, by zdyskredytować ukraiński ruch wyzwolenczy, czyli wymusić na Ukraińcach kompleks winy i strachu. W związku z tym są one sprzeczne z interesami narodu ukraińskiego i państwa ukraińskiego.
- (2) Trwająca walka Ukraińców z polskimi nazistami prowadzona jest nie o jakieś tam „postacie”, lecz o własną wolność. Jeśli teraz nie damy odsieczy tym nazistom z Polski, będzie jeszcze jedna militarna agresja przeciwko narodowi ukraińskiemu.

Nicią przewodnią dyskursu, który umownie zatytułowałem „Jesteście winni bardziej”, jest wypominanie Polakom imperialnych zapędów, wielowiekowego panowania na historycznych ziemiach Ukraińców, traktowanie Ukraińców jak niewolników i ludzi niższego gatunku, polonizacji i katolicyzacji prawosławnych, nieludzkiego traktowania licznych powstańców i kozaków. Ulubionymi epitetami, którymi są tutaj obdarzani Polacy, to „imperialiści” i „szowiniści”. Według myśli dziennikarza O. Piddubnego, Polska pełni teraz w Unii funkcję

- (3) adwokata Ukrainy, forpoczty pomiędzy UE, NATO a Rosją, Cieszy się swoim stanowiskiem „nauczyciela”, który niesie światło wiedzy na Wschód, nam, „barbarzyńcom” (Pokazał 2018).

Ukraiński bloger J. Hudymenko z kolei podkreśla, że

- (4) Zarówno Polska, jak i Rosja posiada w pewnym stopniu imperialny sposób myślenia. Co prawda czasy imperiów mają już za sobą. Polacy z przyjemnością się na nie oglądają, cieszą ich wspomnienia o tym, że kiedyś mogli dyktować innym własną wizję sytuacji (Navishcho 2018).

Jeszcze bardziej surowi w ocenach są szeregowi internauci:

- (5) Przyjaźń albo jest, albo jej nie ma, Przyjaźni nie da się kupić. Władcy Polski chyba chcą tylko panować, a nie przyjaźnić się.
- (6) Nie byliśmy w Warszawie i nie wymuszaliśmy na nich prawosławia, oni zaś byli w Kijowie i siłą krzewili katolicyzm.

- (7) Były czasy w latach dziewięćdziesiątych, gdy Polacy tłumnie pchali się do nas na handel ciuchami. Nawet będąc w ciężkiej sytuacji, przyjeżdżając *de facto* ratować się od nędzy, tutaj zachowywali się tak samo snobistycznie. A już kiedy sytuacja się odwróciła – rozpanoszyli się na całego. Na granicy znęcają się, a i na terenie Polski uważają nas za bydło. Większość Polaków ma we krwi zniewagę do Ukraińców.

Dość ostre komentarze wywołało w mediach ukraińskich nazwanie przez P. Poroszenkę w czasie spotkania prezydentów na Ukrainie J. Piłsudskiego bohaterem. Dyrektor Centrum Opracowań Strategicznych J. Syrotiuk ogłosił:

- (8) Nazywając Piłsudskiego bohaterem, Poroszenko [...] złożył komplement przywódcy typu faszystowskiego, przez co złamał prawo dotyczące propagandy nazizmu. Piłsudski był sojusznikiem Hitlera. Piłsudski utworzył państwo autokratyczne, które okupowało ziemie zachodnioukraińskie i dokonywało czystek etnicznych na Ukrainach oraz pacyfikacji (Hrinyshyn 2018).

Podtrzymuje tę tezę również deputowany A. Iljenko:

- (9) Poważnie? Piłsudski – bohater dla Ukraińców? Proszę tylko kilka faktów: pod dowództwem Piłsudskiego siłą była zniszczona ZUNR, Piłsudski zawarł z Moskwą bolszewicką separatystyczną umowę, która podzieliła Ukrainę. To była bezpośrednia zdrada sojusznika – UNR, której wojsko pomogło Piłsudskiemu obronić Polskę przed bolszewizmem (Andriy 2018).

Jest to nieco niezwykła dla Polaków ocena ich bohatera narodowego.

Wyraźnym akcentem w trzeciej odsłonie opisywanego dyskursu („Przesadzacie”) jest atak nie tyle na Polskę jako państwo czy kraj, ile konkretnie na rząd PiS, nazywane na Ukrainie „rządami nacjonalistycznymi”. Internauci zarzucają PiS-owi wykorzystywanie Ukrainy i tragedii wołyńskiej jako karty w grze o wewnętrzne poparcie elektoratu w kraju, zwracają uwagę na to, że wszystkie inicjatywy zaostrzenia stosunków wychodzą od polskiego rządu i sejmowej większości, nazywają tę sytuację „nożem w plecy” i nawołują do rezygnacji z wyjątkowego traktowania Polski jako głównego partnera w Unii oraz do poszukiwania innych, bardziej lojalnych partnerów.

Cechą trzeciej wersji opisywanego dyskursu krytycznego pod adresem Polski jest wypominanie Polakom ich monotematycznej jednostronności w ocenie Ukrainy. Ukraiński pisarz J. Andruchowycz, rozwijając wątek „rosyjski” i przekładając winę za zaostrzenie współczesnych stosunków polsko-ukraińskich na rosyjskie służby specjalne, zwrócił uwagę na taką osobliwość, że w czasach drugiego Majdanu „dziennikarzy polskich, którzy do mnie telefonowali, interesowały nie tyle przejawy solidarności obywatelskiej, ile portrety Bandery” (Andrukhovych 2018).

Najważniejszy przekaz dyskursu, który określiłem hasłem „Przesadzacie”, jest taki, że każda próba rozliczenia tak trudnej i tragicznej przeszłości ze strony Polski będzie się kończyła zaostrzeniem antypolskich nastrojów i pogorszeniem stosunków. Główną tonacją tego dyskursu uwyraźni cytat z wpisu na blogu ukraińskiego pisarza J. Wynnyczuka dotyczący projektu pomnika wzorowanego na słynnym zdjęciu przytwierdzonych do drzewa drutem kolczastym dzieci Marianny Dolińskiej oraz pomnika toruńskiego z dzieckiem na widłach:

- (10) Chociaż żadne wiarygodne źródło nie potwierdza faktu polskich dzieci nasadzonych na ukraińskie widły, zarówno jak ukrzyżowanych za pomocą drutu kolczastego na słupie, to naprawdę jest wspaniały pomnik. Otwiera on nam nie mniej wspaniałe perspektywy – posadzonych na pale kozaków, odciętych głów hajdamaków. Im więcej ich będzie, tym lepiej. Całe aleje. Wzdłuż trasy Szeginie – Medyka albo Krakowiec – Korczowa (Facebook 21.12.2017).

2. Dyskurs propolski

Oczywiście dyskurs ukraińsko-polski nie sprowadza się tylko do retoryki antypolskiej bądź krytycznej w stosunku do Polaków. Jest też dyskurs wyraźnie przyjazny, polonofilski. Ma on zapewne swoich zwolenników, ale niekoniecznie z powodu jakiejś szczególnej miłości do Polski i Polaków. Warto przyjrzeć się powodom, dla których ktoś w sposób jednoznaczny wygłasza peany stronie polskiej w sporze między narodowcami polskimi a ukraińskimi. Paradoksalnie, ale ukraiński dyskurs propolski wyraźnie jest podzielony wg czynnika rosyjskiego: albo jest to dyskurs antyrosyjski (i dlatego jest propolski), albo na odwrót – jest on prorosyjski i antyukraiński (i dlatego jest propolski).

W pierwszym przypadku logika uczestnika dyskursu jest następująca: „Mamy wspólnego wroga – Imperium Rosyjskie. Jeśli będziemy się kłócić – zginiemy w pojedynkę. Musimy zapomnieć o przeszłości i po bratersku walczyć z Moskalem”. W tym dyskursie głównie obecny jest temat smoleński. Na Ukrainie dość często katastrofa smoleńska przedstawiana jest w wersji macierewiczowskiej jako „zamach”, „zmowa prorosyjskich sił polskich z Putinem”, „imperialna zbrodnia Rosji”. Przy czym najczęstszy argument na korzyść zamachu pod Smoleńskiem to „Przecież Putin zabrał nam Krym i Donieck”. Smoleńsk w tym dyskursie dość często jest wykorzystywany jako czynnik, który popchnął władze rosyjskie do prowokacji antyukraińskich w Polsce (chodzi o zdemastowanie 12 pomników UPA w Polsce) oraz antypolskich na Ukrainie (wybuchy w ambasadach i obok polskiego autobusu we Lwowie). Zwolennicy polsko-ukraińskiej przyjaźni antyrosyjskiej twierdzą, że tego nie mogli dokonać narodowcy, a są to wyraźne działania służb specjalnych Rosji (przy czym argumentacja ta czasem pojawia się również po stronie polskiej).

Oczywiście byłoby to zafałszowaniem obrazu, gdybym jednoznacznie połączył temat smoleński z polityczną postawą propolską. Nie brakuje wpisów po prostu życzliwych z wyrazami współczucia składanym Polakom ze strony zwykłych internautów. Ale występują tutaj również czysto polityczne i patetyczne gesty pojednawcze wykonywane przez przedstawicieli władz lub celebrytów. Marszałek Rady Najwyższej A. Parubij proklamuje:

- (11) Jestem pewien, że wspólnie z braćmi-Polakami staniemy obok siebie w walce z moskiewskim imperializmem (Top-10 2018).

Bohaterka zaś wydarzeń na Donbasie, deputowana N. Sawczenko, poczuła się uprawniona do przebaczenia Polakom win ich przodków i proszenia ich o przebaczenie w imieniu ukraińskich winowajców:

Jestem gotowa prosić o przebaczenie i wybaczać. Przepraszam naród polski, Polaków za zniewagi, które zadawali im Ukraińcy podczas naszej trudnej, długiej historii. Nie chowam zła i nie będę wypominać niczego, co Polacy wyrządzili Ukraińcom (Ya hotova 2018).

Nie brakuje takiego typu wypowiedzi również w nowych mediach (na forach i blogach):

- (12) Chcę podkreślić, że bez względu na wszystkie perypetie polityczne, a także spekulacje historyczne, naród polski i naród ukraiński zawsze były sobie bliższe pod względem kulturowym i duchowym niż jakiegokolwiek inne.
- (13) Bez niepodległej i silnej Ukrainy nie będzie również Polski. Jeśli tego prostego aksjomatu nie zrozumieją w Warszawie i Kijowie, nie ominiemy nieszczęścia, gdyż moskiewskie zwierzę nie umarło, żyje i tylko marzy o owym zagarnięciu naszych ziem. Powinniśmy współpracować, przyjaźnić się, pomagać sobie wzajemnie.

Pewna swoich racji jest również druga, antyukraińska opcja przyjaznych Polsce i Polakom internautów. Tutaj panuje inna logika: „Ukraińcy to anarchiści. Zawsze byli wrogo nastawieni do Polski i Rosji. Rosjanie i Polacy wspólnie próbowali sobie jakoś z tym radzić. Państwo Ukraina to nieudany projekt. Polacy mają rację – ukraińscy nacjonałiści to rezuni i bandyci”. Jasne, że najbardziej aktywni w tego typu wypowiedziach są prorosyjsko nastawieni obywatele Ukrainy, zwolennicy tzw. Sojuszu Celnego z Rosją oraz zwolennicy powrotu do ZSRR. Ich wsparcie polskiej racji w sprawie wołyńskiej nieodzownie łączy się z konstatacją faktu „banderowsko-faszystowskiego przewrotu na Majdanie”, a także ze sprzeciwem gloryfikacji OUN-UPA i sprzężoną z nią desowietyzacją. Polakom takie połączenie może się wydawać nieco dziwne. Niemniej obalenie pomników i znaków radzieckich na Ukrainie po 2014 r. i nadanie niektórym ulicom imion Bandery, Szuchewycza,

Łebedia i innych nacjonalistów jest procesem jednolitym i zwalczanie gloryfikacji nacjonalistów często staje się tylko przykrywką zwalczania desowietyzacji.

Wykorzystują te nieporozumienia prorosyjsko i proradziecko nastawieni uczestnicy dyskursu propolskiego, którzy przychodzą w sukurs polskim rozmówcom i w ten sposób próbują znaleźć sobie pomocnika w zwalczaniu ukraińskich dążeń proeuropejskich. Pod tym względem stwierdzenie J. Kaczyńskiego, że z Bandera Ukraińcy do Europy się nie dostaną, całkowicie mijają się z celem. Ukraińcy „europejscy”, czyli liberalni i demokratyczni, którzy dążą do Europy, nie mają ani czasu, ani ochoty zajmować się nie swoją przeszłością (realny Bandera i realna UPA to dla nich historia zachodnich Ukraińców – z Galicji i Wołynia). Ich interesy ukierunkowane są na europejską przyszłość. Ukraińcy turańscy są zajęci wojną w Donbasie i przeszłość jako wiedza naukowa z zasady ich nie interesuje. Dla nich banderowcy – to symbol miłości do ojczyzny i nienawiści do wroga – Rosji. A zatem – wzorzec do naśladowania na linii frontu. Trafnie ujął to polski historyk Ł. Adamski:

Kult OUN i UPA powstaje raczej z tego, że te formacje stanowią najbliższą w czasie i najbardziej radykalną tradycję walki za niepodległość i symbolizują opór sowietyzacji. Do pewnego stopnia kult UPA jest także reakcją na putinowską propagandę, wynikiem luk w wiedzy historycznej młodych Ukraińców oraz przejawem ich egzaltowanego patriotyzmu (Adamski 2018).

Dla większości zaś pozostałych Ukraińców trybalistycznych najważniejszym zadaniem są egzystencjalne przetrwanie oraz rozwiązanie ekonomiczno-witalnych problemów teraźniejszości. Spory teoretyczne o przeszłości (z którą większość z nich nie identyfikuje się) są dla nich pustym dźwiękiem. Polacy, niestety, zapominają, że, mówiąc „Ukraińiec” czy „Ukraina” w kontekście historii Kresów (zwłaszcza Kresów II RP), *de facto* mówią o bardzo nielicznej grupie etnicznej, z którą większość Ukraińców się nie utożsamia. W czasach wojny Ukraińcy zachodni stanowili nie więcej niż 10–15% wszystkich Ukraińców. Nic więc dziwnego, że dzieje Ukraińców zachodnich nie są przez pozostałą resztę Ukraińców odczuwane i odbierane jako własne dzieje. Propagowane w ZSRR i USRR poczucie patriotyzmu było oparte na internacjonalizmie i zakładało potępienie wszelkiego nacjonalizmu. Ukraińcy radzieccy mogli współczuć swym „braciom i siostram” zza Zbrucza, lecz byli wychowywani w duchu dezaprobaty do OUN i UPA. Aż do drugiego Majdanu większość Ukraińców potępiała ruch banderowski. Nic zatem dziwnego, że nierzadko w wypowiedziach wielu internautów przewija się myśl – „Nie zgadzamy się, żeby nas, mieszkańców Kijowszczyzny (Połtawszczyzny, Czernihowszczyzny, etc. albo Odessy, Mikołajewa, Chersonu, etc.) zaliczali do potomków obywateli polskich, którzy zabijali w Polsce innych obywateli polskich. Jest to polski problem wewnętrzny”. Podsumowując analizę propolskiego dyskursu ukraińskiego, można powiedzieć, że Polacy o nastawieniu narodowym mogą tutaj liczyć na poparcie

dwóch grup kulturowo-cywilizacyjnych – antyrosyjskich radykałów o proweniencji bizantino-turańskiej oraz prorosyjsko (i proradziecko) nastawionych radykałów proweniencji turano-bizantynistycznej.

3. Dyskurs antynacjonalistyczny (humanistyczny)

Pewna liberalno-demokratyczna część ukraińskiego społeczeństwa uczestniczy w dyskursie polsko-ukraińskim z krytycznym nastawieniem pod adresem wszelkich przejawów nacjonalistycznych, zarówno ukraińskich, jak i polskich. Nić przewodnia tego dyskursu – „Wszyscy, którzy byli uwikłani w akcje karne przeciwko ludności cywilnej – zwyrodnialcy i dranie, z obu stron. I już na pewno nie są bohaterami”. W innej wersji werdykt ten może brzmieć następująco: „Chodzi o prawdę i pogodzenie się, a nie o licytowanie się, kto głębiej tkwi we krwi. Nawet jeden zabity – to dokładnie o jednego zabitego za dużo”. Postawa taka w obecnych warunkach ukraińskich wygląda poniekąd jako swoisty abstrakcyjny humanizm, gdyż nawet w tej chwili oczywista jest niemożliwość uniknięcia cywilnych ofiar w obliczu konfliktu donbaskiego (wystarczy wspomnieć liczne przykłady ostrzałów pomyłkowych, wykorzystywanie cywili jako tarczy, agresji obyczajowej spowodowanej zaburzeniami pourazowymi żołnierzy wracających z frontu). Niemniej jednak taki dyskurs również funkcjonuje w przestrzeni medialnej Ukrainy i nie mogę go pominąć.

W sporze, dotyczącym decyzji polskiego Sejmu i Senatu o uczczenie pamięci ofiar i przy okazji nazwania wydarzeń z lata 1943 r. ludobójstwem, uczestnicy tego dyskursu czasem mogą przyjąć stronę Polski, argumentując to w następujący sposób:

- (14) Sejm w swej uchwale nie osądza Ukraińców, lecz konkretne organizacje – OUN, UPA, uogólniając je nazwą ukraińscy nacjonałiści-banderowcy. Jeśli te organizacje dokonywały przestępstw, a wątpliwości dotyczą tylko liczb 80 tys. czy 100, są to organizacje przestępcze i to jest ludobójstwo.

W wypowiedziach tego typu widoczna jest próba odcięcia się od radykalizmu politycznego i ideowego. Można jednak spotkać postawy o wiele szersze. Internauci krytykują zarówno nacjonalistyczną postawę współczesnych władz Ukrainy, które własne problemy rozwiązują kosztem swoich poprzedników (zrzucając na nie całą odpowiedzialność za własne niepowodzenia), jak i nacjonalistyczną postawę władz Polski i Rosji, które szukają usprawiedliwienia własnej nieudolności we wrogu zewnętrznym: Rosja – w Zachodzie, Polska – w Ukrainie.

Jeszcze jedną odsłoną dyskursu nazwanego tutaj „humanistycznym” jest dostrzeżenie *stricte* wewnętrznej, trybalistycznej podstawy negatywnej oceny Ukraińców przez Polaków. Omawiając sytuację na przejściu granicznym, gdy celnik nazwał ukraińskiego dziennikarza *bydłem*, jeden z internautów pisze:

- (15) Nie usprawiedliwiam celnika. Jednak, tutaj problem tkwi nie tyle w nim samym, ile w zachowaniu samych szeregowych Ukraińców na granicy. To właśnie ich zachowanie ukształtowało stosunek polskiej strony w ogóle do ukraińskiego „turysty”. Gdyby większość uczestników tego forum zobaczyła, co regularnie wyprawia się nocami na przejściach granicznych, to oburzenie w związku z zachowaniem się polskiego celnika ulotniłoby się. To, na co pozwalają sobie Ukraińcy w kolejkach przede wszystkim w stosunku do samych siebie, zdrowej osobie w głowie się nie mieści [...] Polacy dostrzegają to nie pierwszy rok i dlatego tę kategorię Ukraińców zupełnie słusznie uważają za bydło. Szkoda, że zachowanie części naszych współobywateli powoduje negatywny stosunek naszych sąsiadów do przyzwoitych ludzi.

Inny ustosunkowuje się do wydarzeń z lipca 2016 r. na polsko-ukraińskiej granicy, gdy tzw. „mrówki” zorganizowały strajk, który zamienił się w blokadę granicy:

- (16) Nie myślą o renomie swego państwa. Najważniejsze dla nich jest tylko zapewnienie własnych interesów – przewiezienie kilku bloków papierosów, zrobienie zakupów w Biedronce i przewiezienie tego towaru bez zapłaty grosza podatków do skarbu państwa. [...] Po tych wydarzeniach wstyd mi, że jestem Ukraińcem.

W tego typu dyskursu można spotkać również nawołania do pokuty i rozliczenia się z przeszłością. Jednak są to głosy dość rzadkie i cały ten europejski typ dyskursu polsko-ukraińskiego można i należy uznać raczej za pewien margines medialny. O wiele bardziej rozbudowany i różnorodny jest dyskurs, który umownie nazwałbym „realistycznym”.

4. Dyskurs realistyczny

Dyskursem realistycznym nazywam omówienie polsko-ukraińskich stosunków przez pryzmat pragmatyki pozytywu: „Trzeba zrobić wszystko, żeby zachować dobre stosunki i wspólnie iść w przyszłość”. Dyskurs ten jest równie obszerny, co dyskurs antypolski. I tak samo można w nim wyróżnić jeszcze kilka wersji. Nazwałem je: 1) postawa „uspokoić się i przeczekać” oraz 2) postawa „odłożyć emocje na bok i oddać sprawę specjalistom”. Podobieństwo obu wersji jest tylko pozorne: pierwsza wersja jest raczej swoistym chowaniem głowy w piasek i zaprzestaniem dialogu, druga – próbą racjonalnego dogadania się, ale nie na salonach politycznych, a w salach akademickich. Przedstawiciele obu opcji stanowczo zaprzeczają potrzebie wikłania się w polityczne czy medialne spory ze stroną polską. Były minister edukacji S. Kwiat na pytanie, czy ukraińscy parlamentarzyści powinni przygotować odwet za uchwałę sejmową dotyczącą Wołynia (nazwaną przez dziennikarzy „histerycznym zachowaniem Polski”), odpowiada:

- (17) Bardzo wysoką ceną zdobyliśmy wzajemne porozumienie i współpracę ze społeczeństwem polskim, żeby lekkomyślnie teraz je zaniedbywać. Nie powinniśmy się zachowywać w taki sam sposób. Na odwrót. Ukraina powinna stwarzać wrażenie pewnego siebie i mocnego gracza międzynarodowego (Eks-ministr 2018).

W podobny sposób wypowiada się poseł z Frontu Ludowego M. Kniażycki:

- (18) Teraz w czasie konfliktu z wrogiem na wschodzie i ze względu na sprzedajny cynizm niektórych starych narodów europejskich Polacy powinny zostawać naszymi naturalnymi sojusznikami. Dlatego nasza odpowiedź na polski błąd powinna być nie symetryczna, a taka, która nie odwróci od nas sąsiada zachodniego na radość wschodniemu i pozwoli wyciągnąć wnioski z tej lekcji na przyszłość (Mikoła 2018).

Nerwową reakcję ukraińskiego parlamentu identycznie ocenia i anonimowy internauta:

- (19) Polska rozwiązywała własne problemy historyczne, ogłosiła dzień pamięci, dała ocenę wydarzeń historycznych z własnego punktu widzenia. Do pewnego stopnia miało to charakter prowokacyjny. Ale to ich sprawa. Nasi zaś „parlamentarzyści” zamiast przyjąć to do wiadomości, połknęli haczyk i zaczęło się: Jesteśmy przeciw! Potępiamy!

Jeśli zaś chodzi o poszczególne odcienie pragmatyczne, to np. myśl przewodnią dyskursu tzw. „oczekującego” bardzo trafnie skomentował profesor J. Hrycak:

- (20) W Polsce jest teraz taki rząd, jaki mieliśmy w czasach Janukowycza. Mają dwie partie, które agresywnie ze sobą walczą. Tam są sami populiści, którzy doprowadzą kraj do kryzysu ekonomicznego. Trzeba czekać, kiedy ten „polski rząd Janukowycza” odejdzie od władzy. Innego wyjścia nie widzę (Istoriak 2018).

W jeszcze bardziej drastyczny sposób tę filozofię „przetrwania” wyraża komentator polityczny W. Portnykow:

- (21) Można, oczywiście, obrażać się po każdej nierozumnej wypowiedzi. Można wyszukiwać własne fakty historyczne, swoją martyrologię, udowadniać, kto kogo kiedy zabił i zdradził. Jednak z punktu widzenia realnego interesu państwowego współczesnej Ukrainy i współczesnej Polski to jest na tyle prowincjonalne, głupie i miałkie, że nawet nie chce się komentować. O wiele bardziej rozsądne jest rozmawianie z dzisiejszymi polskimi rządzącymi jak z małymi kapryśnymi dziećmi, które bezpowrotnie utknęły w przeszłości i nie czują logiki współczesnego świata. Lecz warto pamiętać, że te dzieci na pewno zostaną zastąpione przez osoby dorosłe (Portnikow 2017).

Internauci dosyć często zwracają uwagę na to, że w polityce i w stosunkach międzynarodowych oraz międzypaństwowych nie ma miejsca na przyjaźń, miłość czy nienawiść. Jest tylko interes. Wszystkie rozmowy o „braterstwie”, „przyjaźni”, „dobrosąsiedztwie” warto włożyć między bajki. Realna polityka nie pozostawia miejsca na sentymenty:

- (22) Trzeba zapomnieć o micie „adwokata” Ukrainy w Europie w postaci Polski. Żadnych sentymentów. W polityce dominują interesy. Na Ukrainie Polacy mają dość jasne interesy. Potrzebują bufora między sobą a agresywną Rosją. To jest interes. Zupełnie pragmatyczny i realny. Z Ukrainy uczyniono wygodny obiekt, z pomocą którego można się pozycjonować przed własnym elektoratem.
- (23) Zacząłem jeszcze bardziej szanować Polaków za szczerość. Z całej duszy gratuluję im określenia się z „głównym wrogiem historycznym”. [...] Jedno tylko budzi mój wstyd za przyjaciół-Polaków, to, że na czas swoich „pretensji historycznych” wybrali moment, kiedy zostaliśmy osłabieni i oczekamy krwi.

Nieco inna retoryka pojawia się w dyskursie tzw. specjalistycznym. Najczęściej uczestnikami tego typu dyskursu są naukowcy, którzy zarzucają politykom i dziennikarzom zbyt dużą emocjonalizację problemu i twierdzą, że rozstrzygnięcie wszystkich wątków przeszłości polsko-ukraińskiej jest możliwe, ale tylko i wyłącznie na drodze profesjonalnego dialogu historyków. Oto dwa przykłady wypowiedzi tego typu. Politolog, kierownik Instytutu Polityki Ukraińskiej K. Bondarenko, twierdzi:

- (24) Najważniejsze, żeby rozpatrzenie tych kwestii zostało przekazane z rąk polityków do rąk historyków. Jednakże dziś zarówno na Ukrainie, jak i w Polsce władza należy do politycznych kręgów, które można uważać za prawopopulistyczne (Politolog 2018),

zaś kierownik Centrum Politologii Historycznej J. Szapował dodaje:

Ukraińcy i Polacy nie powinni wypominać sobie nawzajem przeszłości, a pokonać ją i żyć dalej, ocenę zaś wydarzeń historycznych pozostawić historykom. Uwierzcie mi, z odpowiednimi i politycznie niezaangażowanymi kolegami-historykami ukraińskimi i polskimi potrafimy te sprawy rozwikłać (Istoriak Shapoval 2018).

Dość często tego typu wypowiedzi można spotkać również wśród szeregowych internautów:

- (25) Recepta na wyjście z tej sytuacji – to w ogóle nie poruszać tematu, nie dawać ostrych ocen. Niech nad tym pracują historycy, archiwiści, organizacje społeczne, ale w żadnym przypadku nie politycy.

Jaki zatem wniosek płynie z rozpatrzonego tutaj problemu stosunku Ukraińców do Polaków i Polski? Jest ich kilka. Po pierwsze, postawy zabierających głos w przestrzeni ukraińskiego dyskursu publicznego są dość mocno podzielone, gdyż niejedolite pod względem kulturowo-cywilizacyjnym jest samo ukraińskie społeczeństwo.

Po drugie, Polska za każdym razem (w każdym typie dyskursu) jest bardzo różnie przedstawiana. Dla jednych jest to byt metafizyczny – niezmienny od wieków, dla innych współczesne państwo rozrywane przez wewnętrzne problemy polityczne. Niektórzy uważają ją za przyjaciela lub trudnego partnera, inni za śmiertelnego wroga, niebezpiecznego potencjalnego okupanta, zaś jeszcze inni za nic nieznaczące państwo na peryferiach UE. Jak widać, nie ma jednolitego obrazu Polski.

Po trzecie, pojmowanie historii stosunków polsko-ukraińskich jest nie tyle nawet różne z polskiego i ukraińskiego punktu widzenia (co było oczywiste i bez tego badania), ile zupełnie niewspółmierne, i to w kwestiach zasadniczych, co nie rokuje niczego dobrego dla wszystkich, którzy chcą nadal zajmować się kwestiami historycznymi na forum społeczno-politycznym.

Po czwarte, i to jest chyba wniosek najważniejszy: waga kwestii historycznych w ujęciu polskim i ukraińskim jest nieporównywalna. Jeśli ze strony wielu Polaków (nie tylko narodowców) sprawa wygląda tak, że bez ostatecznego rozwiązania spraw historycznych nie może być mowy o żadnym kroku naprzód w relacjach polsko-ukraińskich, to ze strony ukraińskiej sprawa po prostu nie ma. Ukraińcy w większości nie widzą w tych stosunkach problemu, który by dotyczył ich osobiście i który by jakoś hamował realizację ich aspiracji europejskich.

Bibliografia

- ADAMSKI 2018: Adamski, L. (2018), Pol's'ko-ukrayins'ki vidnosyny – vid istoriyi ne vtechesh. [Адамський, Л. (2018), Польсько-українські відносини – від історії не втечеш.] W: https://dt.ua/history/polsko-ukrayinski-vidnosini-vid-istoriyi-ne-vtechesh-_.html [dostęp 20.12.2018].
- Andriy 2018: Andriy Ilyenko: Nazyvaty ukrayins'kym heroeyem Pilsuds'koho... [Андрій Ілленко: Називати українським героєм Пілсудського...] W: <https://www.infa.ua/andrij-illyenko-nazyvaty-ukrayins-ky-m-geroeyem-pilsuds-kogo-tse-menshovartist-i-neznannya-istoriyi> [dostęp 20.12.2018].
- Andruhovich 2018: Andruhovich: «Nad Pol'shcheyu popratsyuvaly. I ne reahuvaty na tse vzhe ne mozha». [Андрухович: «Над Польщею попрацювали. І не реагувати на це вже не можна.»] W: <http://uainfo.org/blognews/1468052464-andruhovich-nad-polshcheyu-popratsyuvaly-i-ne-reaguvati-na.html> [dostęp 20.12.2018].
- Eks-ministr 2018: Eks-ministr prokomentiroval «istericheskoye povedeniye» Pol'shi. [Экс-министр прокомментировал «истерическое поведение» Польши.] W: <http://nk.org.ua/politika/eks-ministr-prokomentiroval-istericheskoe-povedenie-polshi-121399> [dostęp 20.12.2018].
- HRINYSYN 2018: Hrinysyn, A. (2018) Zhan'byv sebe i krayinu... [Гринишин, А. (2018) Зганьбив себе і країну...] W: http://vgolos.com.ua/articles/zganbyv_sebe_i_krainu_poroshenko_nazvav_geroiem_lyutogo_voroga_ta_zradnyka_ukrainy_294748.html [dostęp 20.12.2018].
- Istoriik 2018: Istoriik Gritsak o priznanii Volynskoy tragedii genotsidom... [Историк Грицак о признании Волынской трагедии геноцидом...] W: <http://gordonua.com/news/wrldnews/>

- istorik-gricak-o-priznanii-volynskoy-tragedii-genocidom-ukraina-stala-zhertvoy-vnutrennih-razborok-v-polskom-obshchestve-141917.html [dostęp 20.12.2018].
- IstoriK Shapoval 2018: IstoriK Shapoval o reshenii Seyma... [Историк Шаповал о решении Сейма...] W: <http://gordonua.com/news/politics/istorik-shapoval-o-reshenii-seyma-polshi-u-mnogih-zakradyvaetsya-mysl-chto-v-otnosheniya-ukrainapolsha-vmeshalas-tretya-sila-rossiya-149401.html> [dostęp 20.12.2018].
- LESZCZAK 2019: Leszczak, O. (2019), Polska i Polacy we współczesnym ukraińskim etnicznym obrazie świata: ogł̄ad struktury kulturowo-cywilizacyjnej. W: *Przegl̄ad Wschodnioeuropejski*. X/1.
- Mikola 2018: Mikola Knyazhitsu'kiy. [Микола Княжицький.] W: <https://www.facebook.com/mykolakn/posts/10208032095134384> [dostęp 20.12.2018].
- Navishcho 2018: Navishcho polityky spekuluyut' na istoriyi. [Навіщо політики спекують на історії.] W: https://www.youtube.com/watch?v=YY59Xx1Zh_o [dostęp 20.12.2018].
- OTLEWSKA 2013: Otlewska, M. (red.) (2013), *Polska – Ukraina, Polacy – Ukraińcy. Spojrzenie przez granicę*. Warszawa.
- Pokazat' 2018: Pokazat' ukraintsa «varvarom»... [Показать украинца «варваром»...] W: <https://www.obozrevatel.com/society/pokazat-ukraintsa-varvarom-nazvani-ichinyi-istoricheskogo-obostrenie-u-polyakov.htm> [dostęp 20.12.2018].
- Politolog 2018: Politolog: Voprosom Volynskoy tragedii dolzhny zanimat'sya... [Политолог: Вопросом Волынской трагедии должны заниматься историки, а не политики.] W: <http://daily.com.ua/politics/25-08-2016297312> [dostęp 20.12.2018].
- PORTNIKOV 2017: Portnikov, V. (2017), *Deti i vzroslyye*. [Портников, В. (2017) Дети и взрослые.] W: https://lb.ua/news/2017/11/09/381462_deti_vzroslye.html [dostęp 20.12.2018].
- Top-10 2018: Top-10 tsytat z obhovorennya u VR zayavy-vidpovidi Pol'shchi... [Топ-10 цитат з обговорення у ВР заяви-відповіді Польщі щодо Волинської трагедії.] W: <https://ua.112.ua/mnenie/top-10-tsyat-z-obhovorennia-u-vr-zaiavy-vidpovidi-polshchi-po-volynskii-trahedii-337254.html> [dostęp 20.12.2018].
- Ya hotova 2018: «Ya hotova prosyty vybachennya i proshchaty». [«Я готова просити вибачення і прощати».] W: <http://www.polukr.net/uk/blog/2016/06/ya-hotova-prosyty-vybachennia-i-proshchaty-nadiya-savchenko> [dostęp 20.12.2018].

PAWEŁ LETKO

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8322-5499>

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

POWSTANIE I DZIAŁALNOŚĆ ROSYJSKO-LITEWSKIEJ KOMISJI HISTORYKÓW (2006–2018)

The Establishment and Activity of Russian-Lithuanian Commission of Historians (2006–2018)

WYRAZY KLUCZOWE: polityka historyczna, stosunki międzynarodowe, Litwa, Rosja, komisja historyków

KEYWORDS: historical policy, international relations, Lithuania, Russia, historical commission

ABSTRACT: The issues of the assessment of the common past play an important role in the mutual relations of the Russian Federation and the Baltic States. In Russian opinion, the establishment of joint commissions of historians was to reduce tensions on this line and improve the image of Russia abroad. Lithuania was the first of the Baltic countries to express a desire to dialogue with Russia on the common past – in 2006, the Joint Russian-Lithuanian was established. According to the declaration, the main goal of both committees was to activate scientific research, the conclusions of which could also be used in inter-state relations. The work of both committees was focused on historical events of the 20th century, and the main problem was the dispute over the interpretation of the seizure of the Baltic states by the USSR. In 2014, in connection with the events in Ukraine, Lithuania suspended the activities of the commission.

Celem niniejszego artykułu jest prezentacja jednej kwestii stosunków dwustronnych między Federacją Rosyjską a Litwą, wpisującej się w nurt polityki historycznej – powstania i działalności wspólnej komisji historyków.

Każde państwo ma pewną własną wizję przeszłości i realizuje bardziej lub mniej sformalizowaną politykę historyczną, dążąc do budowania pamięci historycznej w pożądanym kształcie. W kwietniu 2011 roku rosyjska Duma przyjęła oświadczenie wzywające władze Federacji m.in. do podjęcia wszelkich dostępnych środków politycznych i gospodarczych w odpowiedzi na rosnącą dyskryminację ludności rosyjskojęzycznej w krajach byłego ZSRR. Była to tylko jedna z wielu odsłon nasilającego się sporu o historię między Rosją a jej sąsiadami, który wiąże się ze świadomie realizowaną przez Kreml polityką historyczną (Włodkowska-Bagan 2012).

Po objęciu władzy przez Władimira Putina, szczególnie od 2004 roku, polityka historyczna Rosji stała się bardziej agresywna i nastawiona na stworzenie wizji

przeszłości spójnej z polityką państwa. W sposób szczególny dotyczyło to II wojny światowej oraz zajęcia przez ZSRR krajów bałtyckich. Gloryfikowano mocarstwową politykę ZSRR i nawiązywano do idei silnej Rosji. W mediach i prasie podejmowano tematy historyczne – dyskusje o nich odwracały uwagę społeczeństwa od bieżących problemów. Kluczową rolę w tej propagandzie odgrywała dezinformacja. Oczywiście fakty historyczne były modyfikowane i prezentowane na szerszym forum opinii publicznej (Szczygło 2009, 3 i n.; Moskwa 2014, 95).

Nadzieją na zmianę miała być prezydentura Dmitrija Miedwiediewa i rzeczywiście pojawiły się nowe akcenty. Na przykład jesienią 2009 roku, przy okazji Dnia Pamięci Ofiar Represji Politycznych, prezydent określił ZSRR jako państwo totalitarne i poddał krytyce tworzony pod dyktando Stalina powojenny ład międzynarodowy. Nie oznaczało to jednak rezygnacji z kreowania polityki historycznej. Nadal podtrzymywano tezę, że to właśnie ZSRR ma największe zasługi w ocaleniu Europy przed nazizmem (Pamyat' 2009). W nowej, zatwierdzonej przez prezydenta „Strategii bezpieczeństwa narodowego Federacji Rosyjskiej” zapisano, że wszelkie próby rewizji roli Rosji w historii stanowią zagrożenie jej bezpieczeństwa narodowego (Strategiya 2009).

Po ponownym objęciu przez Putina funkcji prezydenta nastąpił powrót do bezkompromisowej retoryki z lat 2000–2008. Sięgnięto po symbole z czasów ZSRR. Zmiany dotknęły także szkolnictwo. Pisane na początku lat 90. podręczniki wycofywano, zastępując je przygotowanymi w zgodzie z obowiązującą polityką władz (Moskwa 2014, 96-102).

Jednak ruchy, które na przełomie lat 80. i 90. XX wieku doprowadziły do upadku komunizmu i rozpadu ZSRR, a następnie doszły do władzy, budując nową tożsamość narodową, za głównego przeciwnika i obcego wybrały właśnie komunizm. To zrodziło problem rehabilitacji historycznego nacjonalizmu (często połączonego z etnicznym autokratyzmem) jako podstawy państwowości przerwanej przez komunizm. Jednocześnie pojawiło się zagadnienie współpracy różnych ruchów narodowych z nazizmem, których potępienie było zredukowane przez antykomunizm, i w końcu pamięć o niej została „oczyszczona” z odniesień do kolaboracji z III Rzeszą i stała się podstawą mitu o „narodowych siłach” walczących wspólnie z Hitlerem o niezależność od ZSRR.

Wizja przeszłości kreowana w państwach bałtyckich kłóci się z „pamięcią historyczną” Rosji, gdzie panuje ogólnonarodowy konsensus wokół wydarzeń II wojny światowej i potępienia współpracy z nazizmem. Według badań z 2016 roku 80% Rosjan uważa Dzień Zwycięstwa za główne święto państwowe, natomiast 87–88% respondentów wskazuje, że najważniejszym wydarzeniem XX wieku było zwycięstwo w walce z nazizmem. Co więcej, coraz mniej osób „dzieli się” tym zwycięstwem – przeważa przekonanie, że ZSRR pokonał III Rzeszę sam, bez sojuszników (Gudkov 2016). Dlatego też wszelkie interpretacje genezy i przebiegu

II wojny światowej ukazujące ZSRR w krytycznym świetle nie są tolerowane, co więcej próbuje się je zaszukadkować jako „heroizację nazizmu”.

Pomimo wielu kontrowersji w interpretacji wspólnej przeszłości Litwa jako pierwsza z krajów bałtyckich wyraziła chęć dialogu z Rosją na ten temat¹ – w 2006 roku została powołana Wspólna Rosyjsko-Litewska Komisja Historyków (której początków można doszukiwać się we współpracy Instytutu Historii Litwy w Wilnie i Instytutu Historii Powszechnej Rosyjskiej Akademii Nauk) (Rekeda 2013).

Decyzja w tej sprawie zapadła w styczniu 2006 roku, w czasie wizyty w Moskwie przedstawicieli Instytutu Historii Litwy (m.in. dyrektora Alvydasa Nikžentaitisa). Po spotkaniu m.in. z dyrektorem Instytutu Historii Powszechnej Rosyjskiej Akademii Nauk prof. Aleksandrem Czubarjanem i jego współpracownikami podjęto decyzję o powołaniu wspólnej komisji historyków. Jej głównym celem miało być prowadzenie badań związanych z historią regionu Morza Bałtyckiego, organizacja konferencji naukowych, okrągłych stołów, seminariów dla młodych historyków, szczególną zaś uwagę miano poświęcić podręcznikom szkolnym. Jako priorytet wskazano badania nad paktem Ribbentrop-Mołotow i wydarzeniami 1940 roku. Pierwsze posiedzenie komisji odbyło się w Wilnie, gdzie zorganizowano konferencję na temat stanu badań i oceny stosunków litewsko-rosyjskich w historii (Lietuvos 2006).

Pokłosiem pierwszego posiedzenia Rosyjsko-Litewskiej Komisji Historyków był zbiór dokumentów „Rosja i Litwa w latach II wojny światowej (marzec 1939 – sierpień 1940)”, zaprezentowany 9 czerwca 2006 roku. Praca została wydana w Wilnie pod egidą Instytutu Historii Litwy oraz Instytutu Historii Powszechnej RAN. Minister spraw zagranicznych Litwy Antanas Valionis ocenił to wydawnictwo jako „litewską wersję wydarzeń z okresu przedwojennego”. Publikacja od początku wywołała burzliwą dyskusję i kontrowersje, zwłaszcza po stronie rosyjskiej. Michaił Demurin (w latach 2000–2005 zastępca dyrektora II Departamentu Europejskiego Ministerstwa Spraw Zagranicznych, nadzorujący stosunki z Litwą, Łotwą i Estonią, który 5 marca 2005 odmówił zaakceptowania kursu na „stosunki dobrosąsiedzkie i współpracę z rusofobicznymi reżimami w Wilnie, Rydze i Tallinie” i zrezygnował ze służby państwowej) ocenił ją jako kolejny ze środków promowania przez Wilno, Rygę i Tallin koncepcji „okupacji”. Krytyce poddał zwłaszcza artykuł wprowadzający autorstwa Natalii Lebidiewej z Rosyjskiej Akademii Nauk, który „uczynił z tej instytucji narzędzie w rękach sił wrogich Rosji”. Demurin określił Lebidiewą jako sympatyczkę sił litewskich (i polskich), która z powodu braku nadzoru ze strony Czubarjana zamieściła w artykule swą „prywatną opinię”, jak później tłumaczył przewodniczący rosyjskiej części komisji (Mikhail 2006; Aleksandrova 2018). Powodem negatywnej opinii było określenie wydarzeń z 1940 roku mianem „okupacji”.

¹ Powstanie i działalność Rosyjsko-Łotewskiej Komisji Historyków były tematem wystąpienia autora na I Interdyscyplinarnej Konferencji Naukowej „Pamięć – historia – tożsamość”, Opole, 14–15.06.2018.

Drugie spotkanie odbyło się w Moskwie, natomiast trzecie posiedzenie 16 września 2008 roku otworzyło międzynarodową konferencję naukową w Wilnie „Imperium i ludzie w XIX wieku”. Wzięli w nim udział m.in. przedstawiciel Ministerstwa Edukacji i Nauki Giedrius Viliūnas, Ministerstwa Spraw Zagranicznych Laimonas Talat-Kelpša oraz rosyjski ambasador Władimir Czchikwadze (Trećią 2008).

Prace komisji nie przebiegały jednak z intensywnością odpowiadającą oczekiwaniom obydwu stron. Może o tym świadczyć spotkanie ministrów Ažubalisa i Ławrowa w Wilnie 6 grudnia 2011 roku, przy okazji posiedzenia Rady Ministerialnej OBWE. Litewski polityk mówił wówczas o potrzebie intensyfikacji pracy, co miało się spotkać ze zrozumieniem strony rosyjskiej (Ažubalis 2011).

15 lutego 2013 roku w siedzibie litewskiego Ministerstwa Spraw Zagranicznych odbyła się prezentacja drugiego tomu wydawnictwa źródłowego „Rosja i Litwa w latach II wojny światowej”. Wziął w niej udział m.in. minister spraw zagranicznych Linas Linkevičius i rosyjski ambasador Czchikwadze. Litewski dyplomata podkreślał, że wydanie zbioru dokumentów jest dowodem istnienia klimatu współpracy i wypracowania dobrego algorytmu wspólnych działań historyków, który przydałby się także w stosunkach międzypaństwowych. Występujący po nim Czchikwadze stwierdził, że wspólna komisja jest formatem umożliwiającym debatę i profesjonalne podejście do trudnych tematów. Odnosząc się bezpośrednio do publikacji, mówił, że dokumenty w niej zawarte pokazują „względnie spokojny” przebieg „inkorporacji” Litwy do ZSRR. Odwoływał się przy tym do artykułu wstępnego Česlovasa Laurinavičiusa, który okres od sierpnia 1940 do sierpnia 1945 roku podzielił na 4 etapy. W trakcie pierwszego (do czerwca 1941 roku) zdaniem historyka nie było oznak sprzeciwu wobec wkroczenia wojsk radzieckich (z wyjątkiem protestów litewskich dyplomatów akredytowanych w różnych państwach), co do dziś stanowi podstawę do różnego rodzaju spekulacji. Natomiast czwarty etap – wyzwolenie od nazistów – nie przyniósł Litwie niepodległości, lecz stalinowski terror, który spotkał się z oporem społeczeństwa, a walka zbrojna trwała jeszcze wiele lat (Linkyavichus 2013).

W porównaniu z pierwszym tomem ten został przyjęty w Rosji bez większych emocji. Dyrektor Fundacji Pamięć Historyczna Diukow ocenił go pozytywnie, chociaż zwrócił uwagę na pominięcie istotnych jego zdaniem dokumentów (np. pokazujących, że wiele państw uznało *de facto* i *de iure* przynależność Litwy do ZSRR). Diukow odpowiedzialnością za ten stan rzeczy obarczył ponownie Lebidiewą, która przygotowywała dokumenty ze strony rosyjskiej, twierdząc, że nie ma ona „odpowiednich kompetencji akademickich”. Ponadto jego zdaniem historycy litewscy w swojej pracy podlegają ograniczeniom natury politycznej, czego dowodzi sfinansowanie publikacji przez MSZ (Novikov 2013).

Miesiąc później przewodniczący ze strony litewskiej Nikžentaitis stwierdził, że współpraca między historykami układała się poprawnie (zwłaszcza przy przygotowywaniu publikacji), ponieważ wszyscy starali się zrozumieć argumenty strony

przeciwnej. Niestety, zwłaszcza po pierwszej publikacji ani Rosjanie, ani Litwini nie mogli pochwalić się poparciem własnych polityków. Nikžentaitis sugerował, że aby komisja mogła swobodnie działać, jej patronami nie powinni być prezydenci czy ministerstwa spraw zagranicznych, ale ministerstwa nauki i edukacji (Rekeda 2013).

Wkrótce nad pracami komisji cieniem położył się konflikt o Krym. Strona litewska w odpowiedzi na wydarzenia na Ukrainie w 2014 roku zawiesiła działalność w ramach komisji (Darbas 2015).

Przełom przyniósł dopiero 2017 rok. W tym właśnie roku prof. Czubarjan, zapowiadając wznowienie prac Rosyjsko-Łotewskiej Komisji Historycznej, wspomniął, że być może dołączą do niej historycy litewscy (Chubarian 2017). Nie określił, czy miałyby to być jednorazowe wydarzenia, czy taki format zostałby na stałe.

Ciekawe, że litewskie Ministerstwo Spraw Zagranicznych, oceniając relacje z Rosją w 2017 roku, stwierdziło, iż mimo niekorzystnej atmosfery politycznej kontynuowana była praktyczna współpraca w obszarach ważnych dla Wilna i jako jeden z nich wskazało kontynuację prac Rosyjsko-Litewskiej Komisji Historyków (Želnieė 2018).

Przełomem okazało się seminarium poświęcone setnej rocznicy odzyskania przez Litwę niepodległości, zorganizowane właśnie przez komisję w dniach 17–18 kwietnia 2018 roku w Moskwie. Przy okazji omówiono kwestię opublikowania kolejnego tomu dokumentów („Litwa – Rosja Radziecka w latach 1917–1920”) oraz wskazano kierunki badań, które stanowić miały priorytet w działaniach komisji: konsultacje dotyczące przygotowania podręcznika historii Wielkiego Księstwa Litewskiego, Litwa w Imperium Rosyjskim i Litwa w czasach sowieckich (przede wszystkim aspekty społeczne, religijne i ekonomiczne). Oprócz członków komisji w wydarzeniu wzięli udział także ambasador w Moskwie Remigijus Motuzas, kierownik wydziału litewskiego II Departamentu Europejskiego MSZ Rosji Andriej Skackow i doradca prezydenta Rosji ds. międzynarodowej współpracy kulturalnej Michaił Szwydkoj (Bendra 2018; Torin 2018).

W 2018 roku na czele komisji stali dyrektor Litewskiego Instytutu Historycznego Rimantas Miknys (od 2008 roku również przewodniczący strony litewskiej w Polsko-Litewskiej Komisji Podręcznikowej) i Aleksander Czubarjan.

Gudkov, dyrektor Centrum Jurija Lewady, zauważa, że pamięć historyczna Rosjan jest bardzo krótka, a wiedza historyczna większości społeczeństwa znikoma. I nawet gdy odwołują się do wydarzeń z przeszłości, to nie znaczy, że mają duży zasób informacji i rozumieją ich kontekst historyczny i współczesny (Gudkov 2016). Dlatego konsekwentnie realizowana polityka historyczna władz Federacji Rosyjskiej przynosi wymierne skutki, przede wszystkim w polityce wewnętrznej.

Kwestie oceny wspólnej przeszłości odgrywają niebagatelną rolę także w stosunkach dwustronnych, zwłaszcza w relacjach Rosji i państw bałtyckich. Jednym z celów Rosji jest osłabienie międzynarodowej pozycji Litwy, Łotwy i Estonii, a jedną z metod ukazywanie ich jako krajów, gdzie „gloryfikuje się nazizm” lub „pisze

na nowo historię”. Strona rosyjska stara się umiędzynarodowić spory historyczne z państwami bałtyckimi, zwłaszcza te, które dotyczą „rehabilitacji nazizmu”.

Powstanie wspólnych komisji historyków miało zmniejszyć napięcia na tej linii, ale przede wszystkim poprawić wizerunek Rosji za granicą. Z kolei w państwach bałtyckich „polityka historyczna” stała się przedmiotem uwagi państwa nie tylko jako narzędzie dekomunizacji, lecz także budowania nowej tożsamości narodowej.

Część rosyjskich mediów krytycznie nastawiona do współpracy historycznej, a raczej celów, jakie stawiała sobie druga strona, starała się pokazać członków komisji (a zwłaszcza jej przewodniczących) jako osoby o małej wiarygodności, wszelkimi sposobami próbując ukazać je w negatywnym świetle. Według części rosyjskich obserwatorów komisje miały być dla państw bałtyckich narzędziem nacisku na Moskwę, aby ta uznała koncepcję okupacji. Oczywiście, stronie rosyjskiej zależało, aby tak niewygodne pojęcia jak „okupacja” czy „ludobójstwo” pojawiały się jak najrzadziej. Obie strony oskarżały się wzajemnie o upolitycznienie historii i zbytnią uległość historyków wobec swoich rządów, które przeszłość traktują w sposób instrumentalny.

Mimo wszystkich kontrowersji należy podkreślić, że była to próba stworzenia forum do dyskusji z Rosją nad spornymi problemami wspólnej historii i poszukiwania możliwości zbliżenia stanowisk. Wymiernym efektem prac Rosyjsko-Litewskiej Komisji Historyków była publikacja dwóch tomów archiwaliów, które ukazały się w 2006 i 2013 roku. Wydaje się, że wydawnictwa zostały przyjęte z zadowoleniem przez stronę litewską i z dużo większą rezerwą przez Rosję.

Bibliografia

- ALEKSANDROVA 2018: Aleksandrova, V. (2018), «Latviya i istoricheskaya nauka – veshchi nesovmestimuye». [Александрова, В. (2018), «Латвия и историческая наука – вещи несовместимые».] W: <https://www.rubaltic.ru> [dostęp 20.02.2019].
- AŽUBALIS 2011: A. Ažubalis Rusijos ministru: okupacijos klausimas liks darbotvarkėje, Lietuva tęs energetikos reformas. W: <https://www.delfi.lt> [dostęp 22.02.2019].
- BENDRA 2018: Bendra Lietuvos ir Rusijos istorikų komisija Maskvoje paminėjo Lietuvos valstybės atkūrimo 100-metį. W: <https://www.urm.lt> [dostęp 23.02.2019].
- CHUBARIAN 2017: Chubar’yan: rossiysko-latviyskaya komissiya istorikov vozobnovit rabotu. [Чубарьян: российско-латвийская комиссия историков возобновит работу.] W: <https://ru.sputniknews.com> [dostęp 22.02.2019].
- DARBAS 2015: Darbas su kolegomis iš Rusijos sustojo. W: <https://www.delfi.lt> [dostęp 19.02.2019].
- GUDKOV 2016: Gudkov, L. (2016), Proslavleniye Pobedy – sposob kollektivnogo samoutverzhdeniya. [Гудков, Л. (2016), Прославление Победы – способ коллективного самоутверждения.] W: <https://lenta.ru> [dostęp 19.02.2019].
- LIETUVOS 2006: Lietuvos ir Rusijos istorikai kurs bendrą komisiją. W: <https://www.delfi.lt> [dostęp 19.02.2019].
- LINKYAVICHUS 2013: Linkyavichyus: narabotki istorikov Litvy i RF mozhno privlech’ i k dvukhstoronnim otnosheniyam. [Линкявичюс: наработки историков Литвы и РФ можно привлечь и к двухсторонним отношениям.] W: <https://ru.delfi.lt> [dostęp 22.02.2019].

- МИХАИЛ 2006: Mikhail Demurin: Letom 1940 goda imela mesto ne okkupatsiya, a fiasko gosudarstvennosti pribaltiyskikh stran. [Михаил Демури́н: Летом 1940 года имела место не оккупация, а фиаско государственности прибалтийских стран.] W: <https://regnum.ru> [dostęp 19.02.2019].
- MOSKWA 2014: Moskwa, D. (2014), „Putinowska” wizja przeszłości. Nowa koncepcja nauczania historii w świetle polityki historycznej Federacji Rosyjskiej. W: *Historia i Polityka*. 11 (18), 93-106.
- NOVIKOV 2013: Novikov, A. (2013), Istorik Dyukov: «Nado izuchat’, a nepolitcheski ispol’zovat’ proshloye». [Новиков, А. (2013), Историк Дюков: «Надо изучать, а не политически использовать прошлое».] W: <https://www.rubaltic.ru> [dostęp 23.02.2019].
- РАМУАТ’ 2009: Рамуат’ o natsional’nykh tragediyakh tak zhe svyashchenna, kak pamyat’ o pobedakh. [Память о национальных трагедиях так же священна, как память о победах.] W: <http://kremlin.ru> [dostęp 20.02.2019].
- РЕКЕДА 2013: Rekeđa, S. (2013), Nikzhentaytis: dialog istorikov Rossii i Litvy – primer politikam. [Рекеда, С. (2013), Никжентайтис: диалог историков России и Литвы – пример политикам.] W: <http://www.rubaltic.ru> [dostęp 22.02.2019].
- STRATEGIYA 2009: Strategiya natsional’noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda. [Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года.] W: <http://www.scrf.gov.ru> [dostęp 21.02.2019].
- SZCZYĞŁO 2009: Szczygłó, A. (2009), Propaganda historyczna Rosji w latach 2004–2009. Warszawa.
- TORIN 2018: Torin, A. (2018), Sovmestnaya komissiya istorikov Rossii i Litvy vozobnovlyayet rabotu. [Торин, А. (2018), Совместная комиссия историков России и Литвы возобновляет работу.] W: <https://interaffairs.ru> [dostęp 23.02.2019].
- TREČIA 2008: Trečią kartą susirinko dvišalė Lietuvos ir Rusijos istorikų komisja. W: <http://www.smm.lt> [dostęp 21.02.2019].
- WŁODKOWSKA-BAGAN 2012: Włodkowska-Bagan, A. (2012), Soft Power w polityce zagranicznej Federacji Rosyjskiej wobec państw „bliskiej zagranicy”. W: *e-Politikon*. 3, 38-59.
- ŽELNIENĖ 2018: Želnienė, L. (2018), Tiesa ar melas? Saulius Skvernelis: „Su Rusija neturime absoliučiai jokių kontaktų”. W: <https://www.15min.lt> [dostęp 22.02.2019].

ELENA KHLYSHCHEVA

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6586-019X>

Astrakhan State University

SERGEI KHRAPOV

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1962-748X>

Astrakhan State University

SVETLANA KRYUCHKOVA

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9213-8503>

Higher School of Economics (Moscow)

THE NEOSTRANGER PHENOMENON: TO THE PROBLEM ABOUT TRANSFORMATION OF IMMIGRANT'S ADAPTATION PRACTICES IN THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF EUROPE AND RUSSIA

KEYWORDS: Neostranger, worldview, immigration, socio-cultural space, integration, heterotopia

ABSTRACT: Spatial heterotopy of modern space contributes to the emergence of new communicative patterns in the field of „own – other” contacts. But the persisting traditional ethnic stereotypes conflict with the changing socio-cultural realities. In this article the authors analyze the problem of preservation culture from Stranger. In this regard serious questions raise. These are: *what* do we keep – either the traditional culture with its internal code or the culture as a whole; *what* and *from whom* do we protect – either the traditional culture from globalization challenges, or „our own culture” from the Other; and, at last, *how* do we protect it – either carefully saving from innovations or actively breaking all traditional forms clearing away the road for innovative development? Anyway rhizome world view becomes the factor that significantly complicates adaptation of NeoStranger into the receiving societies. It demands theoretical comprehension of a new strategy of cross-cultural communication in modern trans-cultural space.

1. Introduction

The leading significatum of the modern age is globalization which is treated as a linear process starting from the certain center and aiming at formation of the uniform interconnected world with high permeability of national borders, raising intensity, volume and pace of cultural interactions. Such „cultural transformation” (Robertson 2003, 56) sets the aim of modeling the „global space”, but the forms of changing and the ways of such process are a rather debatable question.

Any country is a coexistence of various cultural worlds with special ethnic history, confession and everyday culture. But besides cultural differentiation there is differentiation on the individual level caused by educational systems, social experience, and ways of self-realization. Therefore if we consider culture as the specific form of life in a certain spatial coordinates relying on the historical tradition forming system of values and the corresponding type of the personality it is possible to claim that such culture turns the regional social life into integrity. In this case the culture acts as a basis for the analysis of the changes in the modern world.

The main task of globalization is the formation of Culture for “dialogue of cultures” (Melikov/Gezalov 2014, 25) in order to create the transcultural space, but different level of sociocultural development and worldviews don't promote or strongly complicate the creation of such space where global tendencies of social development and local features of cultural dynamics may coexist and interact peacefully. It is a long process which is based on the overcoming the national, regional and even professional cultural isolation and creating new way of life – „on exit from the own culture and at the intersection with the culture of strangers” (Epstein 1995, 23).

2. Material and methods

As the research is connected with a problem of formation of transnational space, it is necessary to analyze in short the globalization process according to the anthropological approach where in order of importance „globalization” is identified with the concept of „transnational stream” (Eriksen 1993, 179).

The priority of the Western scenario of globalization causes the worsening of contradictions between local and global levels when instead of cultural unification we can watch cultural heterotopia which originates from national and regional cultures (Foucault 1994; Kimlicka 2001; McMichael 1996; Fedotova 2005; Bauman 2004; Romanova, Yakushenkov and Khlyshcheva 2013; Khlyshcheva 2015) implemented in the idea of the glocalisation accumulating and synthesizing current trends of globalization and localization (Morita / Robertson 2003). Today the project of „a cosmopolitan alternative” (Benhabib 2003; Waldron 2000) according to which it is possible to choose „cultural fragments” from a huge variety of ethno-cultures without understanding these cultures and without feeling our dependence from them is extremely popular. The modern world is a „kaleidoscope of cultures where people freely maneuver among various cultural traditions” (Waldron 2000, 236).

This idea corresponds with the „postmodern” form of a multicultural discourse offered by the Russian researcher V. S. Malakhov (2007, 156). It approves the „otherness” which is shown only in vestimentary and alimentary culture without

touching the bases of everyday life, but adding an exotic element in it. Such attitude towards cultural diversity becomes one of the main reasons in emergence of a new form of „newcomer”, i.e. Neostranger whose adaptation in heterotopy world is a large problem.

Monitoring and description of transformation dynamics of the forms „Another – the Stranger – the Neostranger” is carried out on the basis of structural and functional approaches. The main task is identification and comparison of the basic specific characteristics confirming transgression adaptation the practices directed to integration of migrants into the receiving society.

3. Discussion

3.1. The phenomenon of Neostranger as the destabilizing factor

Cardinal changes in the socio-cultural worldview are caused by the processes of globalization increasing migrant flows, bringing their cultural patterns to host country. Increasing complexity of assimilation tendencies, constant changes in social and political life, local ethnic and religious conflicts, postmodern tendencies of understanding reality inevitably lead to rethinking of the worldview. A clearly distinguished policy of presumption of the traditional idea from the destruction of the structure exists there; this policy proposes a radical alternative to closed and static linear structures with stringent axial orientation.

However, attitude to an alien culture is connected with the world view established in a particular society, so the “own” and “stranger” opposition has its peculiar content in each case. The Stranger is usually considered as representative of other ethnic groups whose lifestyle is different from the traditions and lifestyle of major ethnic groups of the region. Arrival of the Stranger (ethnic, economic or political) to a rather homogeneous space creates various points of bifurcations that can become uncontrollable.

In essence, it is a clash of fundamentally different types of culture: traditional and post-modern. Traditional world model is constructed vertically and has a clear structure. Thus, it provides for “stable” existence of society in which “the energy of connectivity of elements exceeds external influences” (Morina 2011, 17). There are no compromises in traditional culture, so everyone who is outside this culture is positioned as „other”, the “stranger”, and “profoundly unacceptable” (Romanova/ Khlyshcheva /Yakushenkov 2013, 15). In the paradigm of postmodern the world changes dramatically. Knowledge, Space, and Time lose their sacredness and “the alien” is identified with “the strange” becoming just “a different cultural experience” (Khlyshcheva 2016, 108). Providing as much as possible space for the intercul-

tural and inter-ethnic dialogues becomes essential. However, the dialogue hasn't actually taken place as liberal values are unacceptable for all traditional systems.

In other words, if the Western world has already entered a Post-national stage and according to the concept of evolution development continues to deem alien culture only as traditional that should adapt to post-industrial society as a result of the contact as the latter type of society is more advantageous, the immigrants coming from Asia, Africa, and Latin America hold a different opinion. Many societies of Asia, Africa, and Latin America still endure the period of „etnization”, i.e. consider the nation from the point of view of an ethnic factor, and such understanding leads to clash of cultural worlds that have different level of civilizational development. Real desire to keep cultural originality promotes preservation of many cultural forms which do not correspond to development of post-industrial society.

However, attitude to an alien culture is connected with the worldview dominating in a particular society, so the “own – other” opposition has its peculiar content in each case. But it is possible to reveal also the general: if earlier cultural difference was mainly „the external fact” (transient contacts), in modern society the cultural difference turns into internal problem. To live in „cultural whirlpool where one's own culture can “dissolve „in other”, (Wieviorka 2004, 179), is quite problematic. However, it is own culture that usually serves as a rigid criterion, benchmark on the development scale of comparison with “others”.

Primordialism approach to the understanding of „ethnicity” remaining in the scientific discourse (especially evident in Russia) is the destabilizing factor during communication process because first of all everyone notices ethnoconfessional signs. The stranger is usually a representative of one's ethnic group or religious confession with a lifestyle that is inherently different from the traditions and lifestyle of major ethnic groups of the region.

Appearance of such stranger (ethnic, economic or political) in a relatively homogenous environment creates different bifurcation points that can eventually become uncontrollable. The main difficulty in this case is the opinion that ethnically various individuals can't belong to one culture. That's why in most cases today's society is deemed not as a cultural singularity, but as a complex of ethno-cultural and ethno-confessional communities that need to search for a compromise („salad bowl” model).

This is not to say that “mixing cultures” is a new issue that appeared in the late 20th – early 21st centuries. The process of mixing cultures has been taking place throughout the history and the Stranger has become a peculiar construct necessary for self-identification. The border between “own” and “stranger” is volatile and this cultural border environment predetermines direct contacts of several cultures, and it leads to changes in the borderline and criteria for self-identification of cultures. Contacts of cultures characterized by different level of civilization development introduce a special difficulty but evolutionary opportunity at the same time.

Demanding the workforce industrial societies have opened „doors” for migrants of developing countries that mainly represent other cultural traditions, stereotypes, and behavioral patterns. Such difference doesn't in fact promote a uniform community.

The most distinct difficulties of the adaptation process can be observed in everyday life as every culture first and foremost represents certain schemes of daily routine: specific skills and habits, typical interaction, and behavioral patterns. Not all cultural practices can peacefully co-exist in one territory without creating points of tension. The very difference in value systems led to emergence of closed ethnic communities where immigrants try to preserve their habitual lifestyle as long as possible.

This illusionary preservation of their “world” makes immigrants excluded from the cultural life of society. Moreover, the reality shows that it is impossible to preserve one's own culture on “the alien land” (Thranhardt 1992, 150); in any case it'll be deformed and turn into “a version of the culture of origin country” (ibidem).

However, the capacity of migrants to adapt is defined not only by the conditions that the government creates, but by the readiness of migrants themselves to integrate into this society. Reconsideration of a worldview is a marker of modern era. Even traditional cultures, as a rule, the most resistant to changes, are forced to change their views due to globalization processes when “the Stranger” is identified with “the other” becoming just “a different cultural experience” (Wieviorka 2004, 19) with a hybrid identity.

Multicultural practices assumed that recognition of the equality and uniqueness of all cultures would automatically lead to overcoming chaos and disintegration, ensure inner world by means of strengthening of the principles of tolerance and ability to coexist with foreign culture groups and individuals. But not all cultural minorities are ready to change to the extent the receiving society social policy requires them to.

Lately the society has been facing the phenomenon of “reactive” multiculturalism (Malakhov 2007) when ethnic minorities actively promulgate the return to their previous identity. For example, there are more and more „Asian” hostels, „color” discos, and cafe the entrance in which for “whites” is actually forbidden. In other words, what before was the external negative characteristic of the group today becomes the positive self-characteristic of the same group.

Meanwhile, the host societies themselves have promoted preservation of traditional values of ethno-cultures. Recognition of all cultures as unique always contributes to the preservation of many cultural forms that do not comply with the development of postindustrial society. In such situation it is possible to ask a question of admissibility limits of preservation of traditional culture where demonstration of ethno-confessional differences doesn't promote social integration, but closes the representatives of such groups in a narrow framework of traditional thinking.

In fact, it is a construction of a certain simulacra which are not correlated even with traditional ethnic patterns.

Immigrants groups have a peculiar marker in modern space of large cities (for example, the Uzbek, the Tajik, the Moldovan in Russia are engaged mainly in building, natives from the Caucasus – in trade, Kazakhs, Koreans are engaged in agriculture, etc.). Such simulacra based on the certain preservation and reproduction of ethno-confessional traditions when ethnic identity becomes more important than national values are artificial and can't solve the real problems, but lead to tension in the relations of minority-groups. Though it is much more necessary not to position one's own „specifics” and not to create „the disorder inappropriate and rapprochements incompatible” (Foucault 1994, 34), but search for „contact” in order „to define a common space for us and others” (Foucault 1994, 35). However, serious difficulties arise here due to the steady patterns of the traditional worldview.

Today's immigrant isn't similar to „predecessor” who tried to become a part of new society. A new type of “neostranger” aspires to revive ethnic and religious traditions of “the ideal fatherland” of their ancestors in the country where he is going to settle firmly. Neostranger comes from beyond the norms and ideals of the host country are alien to him. He doesn't seek to fit into society opposing his own culture to the culture of his „new homeland” (Romanova/Yakushenkov/Khlyshcheva 2013, 109).

It enters a serious imbalance into the developed system of cultural identification and breaks cultural parity. However, if the „stranger” is „unknown and can be mastered by per analogiam” (Waldenfels 1999, 154) the „neostranger” doesn't have even the possibility of interpretation.

That's why for overcoming the failure situation the reality must be “recognized” with the modern amendments or retelling again creating new contours of the made habitable space. Otherwise we can meet the situation of „a passive prepatience” that means a lack of possibility of active reaction to the events. To return a possibility of active influence, „it is necessary to appear in the interpreted space again” (Waldenfels 2004, 89).

3.2. Adaptable mechanisms of Neostranger: the comparative analysis

As it was noticed before, the phenomenon of „neostranger” escapes understanding, so the Western society proposes to separate it, brings it out of the framework of liberal values and leaves it to its own devices cultivating its traditional practices. Efficient mechanism of incorporating the “neostranger” into society has not been developed yet. Even the “spatial proximity of migrants doesn't guarantee their full acceptance in group or community and the internal status, nationality or membership in culture isn't an indicator” (Ilcan 1999, 248).

Closed immigrant communities represent the Call to host society. And despite the fact that many countries by the middle of the XXth century had already had some experience in developing of adaptation mechanisms for the newcomers faced with mass migration from the countries of Asia and Africa the Western societies recognized the ineffectiveness of previous methods. Such methods were not effective to the “neostranger”.

As a result, the researchers started to talk about the occurring reevaluation of European values and the process of Islamization of the West. Islam turned into an identification marker. Islam confession becomes a symbolic border inside the European countries population. Contemporary Islam cannot be just as a form of religiosity, if we understand religiosity as the faith in God. The phenomenon of the rise of Islamism should be interpreted as a form of identity policy. In the current situation there is a fear of political domination of Islam in the West: as the more there are Muslims in Europe, the higher the possibility that European way of life and values will be ousted by non-European originating from Islam world countries is. We can argue for a long time about true scale of the Islamization of Western Europe, but the depth of the process is worth understanding.

Thus, the state support of ethnic group and demonstration of their ethno-confessional differences restrains social integration. Eventually, the cultural diversity transformed from “characteristics of equality of all cultures” into the practice of preservation of cultural differences that makes closer cultural groups and generates artificial borders between them.

4. “Neostranger” in Russia: general and special

Russia has its own “neostranger”, too, but it is quite specific because Russian immigration is differs from Western options. In Russia ethnic diversity, due to the vast territory, natural differences, and state policy towards a heterogeneous population, has existed for centuries and the general identity of the inhabitants of the country was provided in past by citizenship to the tsar and Orthodoxy, and by Soviet patriotism later. Historically, Russian territory was understood as Russian statehood that’s why the inhabitants were perceived as „Russians” and ethnicity was manifested mainly everyday.

Today, the model of Russian socio-cultural space (Khrapov, 2016) contains contradictory and often conflicting development options: Orthodox-Slavic (Eurasian), Buddhist, Turkic, Muslim, etc., demonstrating the relationship of two cultural models – the West and the East. The process of land accession was accompanied by the assimilation and development of „local” cultures. Such a way demonstrated the specificity of Russian society: the „mosaic of localities” where Slavic and non-Slavic

peoples lived together. The advantage in numbers and absence of danger of ethnic doom led to the fact that it was the Russians who easily perceived other people's customs in their own cultural space. Such supreme openness led to an interesting phenomenon which researchers define as „the blurring of ethno-character” (Kostina/Gudima 2007, 42).

The spatial factor has largely determined the Russian poly-cultural model¹ where various cultural worlds coexist under the auspices of the Center with their special ethnic histories, different confessional affiliation, differing levels of economic development, etc. The population of such „worlds” becomes the carrier of various „cultures” – ethnic, regional, and all-Russian which creates certain conditions for „overcoming ethnic contradictions due to supranational identity and regional self-identification of people of different nationalities” (ibidem2).

However, within the collapse of the Soviet system in the 90s of the XXth century the factor of „ethnicity” became the only efficiently functioning institution. Therefore the problems of cultural self-determination were reduced to ethnic self-determination which hampered the formation of civil society. There was an active displacement of the Slavic population from non-Slavic republics to Russia, then refugees from the Caucasus appeared, and finally Russia got labor migration from the post-Soviet republics of Central Asia, the North Caucasus, Moldova, and Ukraine.

The „first wave” of migration was distinguished by an insignificant cultural distance since the visitors were mostly residents of the former Soviet Union republics who had common knowledge systems. That's why their adaptive capacity to integrate into host social system was much higher than the ability of immigrants from Asia and Africa. In other words, the migrants were not Strangers though the certain cultural distance takes place. Within the separation from the USSR each ethno-culture has its own ethnic codes which began to „be discolored to national colors” (Khlyshcheva 2014, 280-285). The migrants from these republics self-absorbed through their language and cultural symbols are incapable and even do not try to fit into the existing system of the host country creating a fertile ground for inter-ethnic clashes.

Besides, the low educational level of today's immigrants plays a negative role in cultural contacts and makes it very difficult to adapt to Russian conditions both on the labor market and in the everyday culture. According to the statistics in 2017, the residents of the following countries typically migrate to Russia: Uzbekistan, Ukraine, Tajikistan, Kazakhstan, and Armenia (Migration in Russia, 2017).

¹ There are certain differences between the multicultural and poly-cultural models: the first is a response to the contemporary migration processes and aims at the rapid regulation of social relations in the host countries proclaiming the need to preserve the cultural values of immigrants; the second is a marker of the historical ethnic mosaic of a society that has evolved over the centuries and passed the test of time.

The specific of Russia is in cultural confrontation not on the basis of religion or ethnicity, but „on the principle of “own” as a representative of the ethnos traditionally residing on this territory regardless of his religious affiliation and the newly arrived „alien”. At the same time, a certain paradox is manifested when „culturally remote” settlers who successfully managed to „fit” into the order of the host country local residents stop noticing and accepting but „culturally close” immigrants who could not integrate into the life of the community, ignore, and try to get rid of them” (Malakhov 2001, 158).

„Old” ethnic groups living historically in the territory of a certain region differ in their language, culture, and „experience” of living in the province, but one way or another they all lived side by side for centuries. During this time, common traditions of intercultural interaction developed there. Immigrants of the 90s are far from such traditions, that is why they are perceived by the population as „different” and relations with them are projected through the prism of “own” – “others” (Mukomel 2005, 61). As a result, the situation becomes similar to what is happening in Western world where different cultural worlds which are not ready to make contact with each other get together.

Another specific feature of migration in Russia is seasonal migration (mainly from Uzbekistan and Tajikistan) when seasonal workers go to Russia in spring and return home in late autumn. Such migration has a number of negative consequences for the host countries. Firstly, it contributes the growth of the “shadow” economy. Secondly, such migrants are not adjusted to adaptation. Thirdly, there is an outflow of money from the country. At the same time, the burden on the servicing of such migrants and their families rests on local social institutions (e.g., education, health)².

In addition, the qualification of these migrants is estimated by the local population extremely low. This is evidenced by interviews conducted in Russian cities (Moscow, Volgograd, Astrakhan, etc.). Many locals consider that migrants are needed only as a “work force” in the streets (janitors, garbage collectors, etc.) and service personnel in shops, cafes, and offices. Most respondents, in general, tend to the fact that migrants are not needed at all.

Such attitude is confirmed in the „Handbook of the labor migrant” (2011) where visitors are depicted in the images of a paintbrush, roller, broom, and trowel (very nice, but still tools!). Of course, not everyone is so critical. According to the results of interviews carried out by the author 40% of respondents agree with the fact of residence and work of visitors, but almost all stress the need of migrant’s adequate behavior. For this purpose, “A collection of recommendations” was prepared for migrants in Moscow in 2017. There by way of comics the heroes of Russian fairytales

² Today, every third patient of the maternity home is a foreigner from the CIS countries (mainly from Central Asia) (See: Migrants go to give birth in Russia: 200,000 rubles for a child are paid by Russian citizens. NTV channel news. (2013). And in Russian schools, while preserving the current migration policy in the near future, one third of all pupils will be children of migrants.

(Three Warriors, Snow Maiden, Vasilisa the Wise, Kupava, Kaschei Immortal and others) explain to migrants the rules of behavior in Russian capital. The purpose of this text is the successful integration of migrants into Russian society but visitors have small knowledge of the language of the host country and would understand a little in the proposed book. Like Western migrants the ethnic communities in Russia differ in terms of professional preferences. Visitors from Azerbaijan, Dagestan, and Chechnya are more socially mobile than the local population, and therefore actively fill the niches created in a market economy. In building sphere especially demand Tajiks and Uzbeks ready to work for pennies. Migrants from the Caucasus create closed communities which are very tight for interaction with the external environment. The voluntary segregation of such communities of ethnic migrants is the „deliberate strategy of adaptation to the host society” (Mukomel 2005, 62) demonstrating the low level of readiness of the migrant community to integrate in the local community. Of course, it is a factor that increases social tension.

Analogous to Western countries Russia faces the problem of illegal migration mainly from the Central Asian region, Ukraine, and Moldova. The most migrants don't have any official invitations. Illegally arrived citizens cause a lot of problems. Alertness is also caused by immigrants' behavior which is not consistent with the norms and traditions of the host society. Hence, the growing desire of residents to fence off such settlers appears. In addition, the informational construction of the negative image of „strangers” has a significant influence on the mass consciousness and does not contribute to cultural dialogue.

Meanwhile, the transformation of the world view is a mutual process that affects migrants and native population of the host societies. Common values are formed on the basis of “civilian education, common social institutions, common experience of people who live together and face the same challenges in the same place on the Earth” (Malakhov 2002, 267).

5. Conclusion

So, the modern world has fixed a spatial heterotopy, evidently manifested in the dichotomy of “Own” – “Other”, but it is very important to see how this „strangeness” is overcome. The dominant characteristic of frontier territories is the high mobility of large groups of people carrying new forms of cultural and social contacts. Therefore, the communication process here is primarily aimed at the practical contact of representatives of different cultures the effectiveness of which is determined by many factors, such as: 1) the adaptation level to the culture of recipient party; 2) the equal rights of cultural minorities and majority culture; 3) the right of free secession from the group when person is not automatically assigned to

a specific cultural, religious, and linguistic group only on the fact of its birth. The latter reason seems to be one of the most significant though difficult to achieve.

Ethno-cultural simulacra based on the obligatory preservation and reproduction of traditions are artificial and can't solve real problems of adaptation. When people with different cultural traditions coexist within a single society it is rather important to find common norms of behavior, language, and holidays as well as the correlation of state and local authority, rights, and duties of individuals and communities. It is not easy to solve these problems because representatives of ethno-cultural groups are not ready to easily change their behavior and way of thinking.

Intercultural interaction is complicated by the ethno-cultural stratification of society. The ethnization of social relations and the politicization of everyday conflicts come to the confrontation of „our” and „another”.

Only with the help of adequate coexisting mechanisms the concepts „own” and „other” can become culture-forming ones because the contact with another culture inevitably leads to overstepping the limits of the established norm and expanding the range of interaction. The modern frontier is not so much dividing as uniting, „suggesting through a clash to come to constructive cultural dialogue and interaction” (Romanova/Yakushenkov/Khlyshcheva 2014, 74). For the rapprochement of cultures, the most important are „the level of national self-awareness and the capacity for self-realization” (Furman 1999, 8). Either the success or the failure on the way to the inclusion of new members in society are determined by a variety of objective and subjective factors the most important of which are employment or unemployment, the level of education, the necessary professional qualifications, decent housing, the absence of explicit and hidden discrimination in access to workers places, etc. If these problems are not solved, no multicultural rhetoric would bring the effect desired.

The society cannot be stable unless the civil identity based on the understanding that you are a citizen of a particular country is formed. Therefore, the ability of one people to master the achievements of another not substituting their own is one of the main indicators of the viability of his culture. Thus, a common human culture develops. It is unified but at the same time diverse.

Russia has adaptation mechanism for immigrants (e.g., the Russian language tests have been developed, the social security tax has been calculated, and the benefits have been determined). However, these mechanisms are not always implemented consistently. Immigration processes must be given a managed and civilized character. All that we use belongs to the „cultural kaleidoscope”, but not just to one ethnic culture. Therefore the choice of a person can not be determined by the ethnic origin. In this context, the very notion of a „separate culture” disappears. Waldron calls this phenomenon a „pluralistic culture” (Waldron 2000, 239).

The cultures of a democratic society should be cosmopolitan, participating in cultural exchanges, and taking alien cultures as not the worst and not the best

ones, but simply as „the other” which must be understood for a peaceful dialogue (Kymlicka 2001, 289). But there are great difficulties owing to steady patterns of traditional world view on this way. That’s why the theoretical analysis of the existing contradictions in the worldview of different cultures is needed. This reveals the root causes of cultural confrontation and determines the necessary measures to overcome it.

References

- BAUMAN 2004: Bauman, Z. (2004), *Globalization. Consequences for man and society*. Cambridge.
- BENHABIB 2003: Benhabib, S. (2003), *The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era*. Moscow.
- EPSHTEIN 1995: Epshtein, M. (1995), *On the borders of cultures: Russian – American – Soviet*. New York.
- ERIKSEN 2003: Eriksen, Th. H. (2003), *Globalisation: Studies in Anthropology*. London.
- FEDOTOVA 2005: Fedotova, V. (2005), *Good Society*. Moscow. [Федотова, В. (2005), *Хорошее общество*. Москва.]
- FOUCAULT 1994: Foucault, M. (1994), *Words and things. Archeology of the humanities*. St. Petersburg.
- FURMAN 1999: Furman, D. (1999), *On the future of the “post-Soviet space”*. In: Shaklein, T. (ed.), *Foreign policy and security of modern Russia. Reader in two volumes*. I. Moscow, 6-19.
- GEZALOV/MELIKOV 2014: Gezalov, A. /Melikov, I. (2014), *The Dialogue of Cultures and Culture of Dialogue: Conceptual Basis*. In: *Issues of Philosophy*. 12, 24-35.
- GIULIANOTTI/ROBERTSON 2006: Giulianotti, R./Robertson, R. (2006), *Glocalization, Globalization and Migration: The Case of Scottish Football Supporters in North America*. In: *Intern. Sociology*. 21 (2), 171-198.
- YAKIMOV 2011: Yakimov, A. N. (ed.) (2011), *Handbook of labor migrants*, St. Petersburg. [Якимов А. Н. (2011), *Справочник трудового мигранта*. Санкт-Петербург.]
- ILCAN 1999: Ican, S. (1999), *Social spaces and micropolitics of differentiation: an example from Northwestern Turkey*. In: *Ethnology*. 3 (38), 243-256.
- LERNER et al. 2006: Lerner, K. L./Lerner, B. W./Lerner, A. W. (2006), *Immigration and Multi-culturalism: Essential Primary Sources*. Detroit.
- KHLYSHCHEVA 2014: Khlyshcheva, E. (2014), *Cultural diversity: the border between “own” and “others”*. In: *The Caspian region: politics, economy, culture*, 2 (39), 280-285. [Хлыщева, Е. В. (2014), *Культурное многообразие: граница между «своими» и «чужими»*. В: *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2(39), 280-285.]
- KHLYSHCHEVA 2016: Khlyshcheva, E. (2016), *Changes in the worldview as a result of migration processes of globalization era*. In: *The Caspian region: politics, economy, culture*. 3 (48), 106-111. [Хлыщева, Е. В. (2016), *Изменение картины мира в результате миграционных процессов эпохи глобализации* В: *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 3 (48), 106-111.]
- KHRAPOV 2016: Khrapov, S. (2016), *Sociocultural space of post-Soviet Russia: category, phenomenon, dynamics mechanisms*. In: *Philosophy and Culture*. 6, 834-841. DOI: 10.7256/1999-2793.2016.6.17887. [Храпов, С. А. (2016) *Социокультурное пространство постсоветской России: категория, феномен, механизмы динамики*. В: *Философия и культура*. 6, 834-841.]
- KHRAPOV 2016: Khrapov, S. (2016), *The problem of intolerant installation of public consciousness in the context of cultural and historical choice: “Globalization – Globalization”*. In: *Collection of materials of the International Scientific Conference “Culture of Dialogue of Cultures”*. Moscow, 86-89. [Храпов, С. А. (2016), *Проблема интолерантной установки общественного*

- сознания в контексте культурно-исторического выбора: «Глобализация – Глокализация» В: Сборник материалов Международной научной конференции «Культура диалога культур». Москва, 86-89.]
- KOSTINA/Gudima 2007: Kostina, A./Gudima, T. (2007), The cultural policy of modern Russia: the ratio of ethnic and national. Moscow. [Костина, А./Гудима, Т. (2007), Культурная политика современной России: соотношение этнического и национального. Москва.]
- KYMLICKA 2001: Kymlicka, W. (2001), *Politics in Vernacular: Nationalism, Multiculturalism, and Citizenship*. Oxford.
- MALAKHOV 2002: Malakhov, V. (2002), *Multiculturalism and the transformation of post-Soviet societies*. Moscow. [Малахов, В. С. (2002), Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. Москва.]
- MALAKHOV 2007: Malakhov, V. (2007), *Democratic pluralism and discourse of multiculturalism*. In: Malakhov, V. (ed.), *They came here ... Essays on nationalism, racism and cultural pluralism*". Moscow, 154-161. [Малахов, В. С. (2007), Демократический плюрализм и дискурс мультикультурализма. В: Малахов, В. С. (ред.), *Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме*. Москва, 154-161.]
- MALAKHOV 2008: Malakhov, V. (2008), "Why is there no multicultural research in Russia? In: *Vestnik of the KENNAN Institute in Russia*. 13, 24-29. [Малахов, В. С. (2008), Почему в России нет мультикультурных исследований? В: *Вестник Института Кеннана в России*. 13, 24-29.]
- JEREMY 1997: Jeremy, R.-M. (ed.) (1997), *Migration in the post-Soviet space: political stability and international cooperation*. Moscow.
- MORINA 2011: Morina, L. (2011), *Conceptualization of stranger in the aspect of the problem of multiculturalism*. In: *Own and Other in the culture*. 1 (2), 15-19. [Морина, Л. П. (2011), Концептуализация чужого в аспекте проблемы мультикультурализма. В: *Свое и Чужое в культуре*. 1(2), 15-19.]
- MUKOMEL 2005: Mukomel, V. (2005), *The borders of intolerance (migrantophobia, ethnophobia)*. In: *Sociological research*. 2, 56-66. [Мукомель, В. И. (2005), Грани интолерантности (мигрантофобия, этнофобия). В: *Социологические исследования*. 2, 56-66.]
- NAZAROVA 2006: Nazarova, E. (2006), *Peculiarities of migration processes in the southern regions of Russia*. In: *Sociological research*. 6, 106-111. [Назарова, Е.А. (2006). Особенности миграционных процессов в южных регионах России. В: *Социологические исследования*. 6, 73-78.]
- PAIN/MUKOMEL 2006: Pain, E./Mukomel, V. (2006), *Do Russian immigrants need Russian society*. Moscow. [Паин, Е./Мукомель, В. (2006), Нужны ли иммигранты российскому обществу. Москва.]
- POMERANTS/MIRKINA 2012: Pomerants, G./Mirkina, Z. (2012), *Great religions of the world*. Moscow; St. Petersburg. [Померанц, Г./Миркина, З. (2012) *Великие религии мира*. Москва/Санкт-Петербург.]
- RAZGONNIKOVA 2007: Razgonnikova, N. V. (2007), *Investigation of the migration problems from the North Caucasus to the Astrakhan Region: social and economic factors of adaptation (based on a sociological survey)*. Volgograd. [Разгонникова, Н. В. (2007), *Исследование проблем миграции с Северного Кавказа в Астраханскую область: социальные и экономические факторы адаптации (на материале социологического опроса)*. Волгоград.]
- ROBERTSON 1998: Robertson, R. (1998), *Globalization: Social Theory and Global Culture Theory, Culture & Society*. London.
- ROBERTSON 2003: Robertson, R. (2003), *Values and Globalization: Communitarianism and Globality*. In: Robertson, R./White, K. (eds.), *Globalization: Critical Concepts in Sociology*. Vol. 4, 68-84.
- ROMANOVA/YAKUSHENKOV/KHLYSHCHEVA 2013: Romanova, A./Yakushenkov, S./Khlysheva, E. (2013), *The Stranger and cultural security*. Moscow. [Романова, А. П./Хлыщева, Е. В./Якушенко, С. Н. (2013), *Чужой и культурная безопасность*. Москва.]

- ROMANOVA/YAKUSHENKOV/KHLYSHCHEVA 2014: Romanova, A./Yakushenkov, S./Khlyshcheva, E. (2014), Low Volga frontier: cultural memory and cultural heritage. Astrakhan. [Романова, А. П./Якушенков, С. Н./Хлыщева, Е. В. (2014), Нижневолжский фронт: культурная память и культурное наследие. Астрахань.]
- RYAZANTSEV 2016: Ryazantsev, S. (2016), Labor migration from Central Asia to Russia in the context of the economic crisis. In: The Valdais discusses. 55, 3-23.
- RYBAKOVSKY 2009: Rybakovsky, L. (2009), Transformation of migration processes in the post-Soviet space. Moscow. [Рыбаковский, Л. Л. (2009), Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве. Москва.]
- SIMMEL 2008: Simmel, G. (2008), Excursus about the stranger. In: Sociological Theory: History, Modernity, Perspectives. Almanac of the magazine "Sociological Review". St. Petersburg, 9-15.
- THRANHARDT 1992: Thranhardt P. (ed.) (1992), Europe-a new immigration continent: Policies and politics in comparative perspective. Hamburg.
- VORONKOV 2002: Voronkov, V. (2002), Multiculturalism and deconstruction of ethnic borders. In: Malakhov, V./Tishkov V (eds.), Multiculturalism and transformation of post-Soviet societies. Moscow, 38-48. [Воронков, В. (2002), Мультикультурализм и разрушение этнических барьеров. В: Малахов, В. С./Тишков, В. А. (ред), Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. Москва, 38-48.]
- WALDRON 2000: Waldron, J. (2000), What is Cosmopolitan? In: The Journal of Political Philosophy. 8(2), 227-243.
- WALDRON/WILLIAMS 2008: Waldron, J./Williams M. (2008), Toleration and its limits. New York.
- WALDENFELS 1999: Waldenfels, B. (1999), The Stranger's Motive. Minsk. [Вальденфельс, Б. (1999), Мотив Чужого. Минск.]
- WALDENFELS 2004: Waldenfels, B. (2004), Topography of the Alien. Kiev. [Вальденфельс, Б. (2004), Топография Чужого. Киев.]

МАДИНА СУЛТАНОВА / MADINA SULTANOVA

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7959-1856>

ЖАНЕРКЕ ШАЙГОЗОВА / ZHANERKE SHAIGOZOVA

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8167-7598>

Abai Kazakh National Pedagogical University

КАЗАХСТАНСКАЯ ПОЛОНИЯ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ: ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ)

Polonia of Kazakhstan Yesterday and Today: Features of Cultural Interaction (Cultural Context)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Казахстан, Полония, исторические реалии, культурное взаимодействие, полиэтничность

KEYWORDS: Kazakhstan, Polonia, historical realities, cultural interaction, polyethnicity

АБСТРАКТ. The article presents a culturological interpretation of more than eighty years of cultural development of Polish community of thousands in Kazakhstan. Currently, the republic has developed a unique format of balanced political, economic and socio-cultural interaction of more than one hundred and forty ethnically diverse groups forming the “people of Kazakhstan”. The historical special aspects of the Kazakhstan’s Polonia formation have long been of interest to domestic scientists; however, in practice the cultural context of its existence has not been studied. Works of Kazakh and Russian historians, fact-based material: in-depth interviews with ethnic Poles, representatives of the Center for Polish Culture (Almaty) and other governmental and public organizations that are directly involved in promoting the Polish culture in Kazakhstan establish the article’s theoretical framework. The lookback study and comparative historical method were used when working on the article. According to the authors, the article will provide the analysis of the cultural experience of the Kazakhstan’s Polish diaspora, that can demonstrate the actual state of things and outline the prospects for the further development of the modern multi-ethnic state.

1. Введение

Определенная часть национальностей, образующих нынешний полиэтничный Казахстан, в том числе и поляки, вошла в его состав лишь в XX веке в результате многих политических факторов. Но, несмотря на сложности политической подоплеку, это стало своеобразной основой формирования

и развития целой системы общих ценностей, где культурное многообразие следует рассматривать одним из основных механизмов, обеспечивающих этот процесс.

Формат сохранения, трансляции и продвижения польской культуры в Казахстане в советский период и сейчас коренным образом отличаются, ключевым фактором здесь выступают политические реалии. Не менее важным моментом является стремление самих людей защищать и хранить собственную культурную память как ядро своей идентичности.

Более четверти века назад становление независимости в Казахстане осуществлялось на волне исторического ревизионизма и осуждения ранее господствующей тоталитарной системы, объединившей практически все бывшие союзные республики. Казахстан в отличие от последних, избравших идею этнической государственности, взял курс на сохранение гражданского согласия и равенства прав всех жителей государства.

В 2004 году в беседе с представителями всех национально-культурных центров Президент страны Н. А. Назарбаев вновь озвучил свою идею «формирования казахстанской нации», где гражданская принадлежность превалирует над этнической. Тогда вызвало весьма неоднозначную реакцию многих казахстанцев (Кундакбаева 2009, 267). Спустя несколько лет этот ключевой концепт стал государственной стратегией, в рамках которой современная политическая лексика и официальная риторика полностью игнорирует понятие «национальные меньшинства» (Назарбаев 2007).

Сегодня Конституция Республики Казахстан, Закон Республики Казахстан «Об Ассамблее народа Казахстана» (приняты в 1995 и 2008 гг. соответственно) и Национальная идея Мәңгілік Ел – идеологическая концепция страны, направленная на объединение, сплочение и согласие казахстанского народа (принята в 2012 г.), являются самыми важными гарантами благополучия всего народа Казахстана.

Известно, что восемьдесят лет назад казахский и польский народ сообща преодолевали общие трудности, помогая друг другу выжить под прессингом национального угнетения. Сейчас Полония Казахстана насчитывает около 50 тысяч поляков, но исследователи полагают, что казахстанских поляков, записанных в советские годы украинцами или русскими, гораздо больше – около 100 тысяч (Волков 2006).

Выяснение особенностей влияния культуры на формирование межэтнического диалога и поддержку общих ценностей на примере казахстанской Полонии и то, как крепнущая в республике политика памяти коррелируется с интересами всех представителей народа Казахстана, в том числе и польской общины, стало основными исследовательскими задачами настоящей статьи. Авторы преимущественно использовали сравнительно-исторический метод исследования, а также метод включенного наблюдения и интервью.

2. Историография вопроса

История депортации в Казахстан поляков, немцев, корейцев, народов Северного Кавказа и других этнических группировок в 30-е годы XX века наиболее интенсивно и исторически объективно начала разрабатываться в последние два десятилетия на волне реконструкции исторической памяти и культурной идентичности.

Доступ к ранее неизвестным архивным документам, свидетельствам еще здравствующих очевидцев, налаживание устойчивых профессиональных связей между отечественными и зарубежными специалистами-историками, инициированные государством масштабные исследовательские Программы и грантовое финансирование научных проектов уже дали существенные результаты, позволив сформировать определенный каркас политической памяти.

В целях выстраивания исторического нарратива формирования и развития казахстанской Полонии мы обратились к трудам таких отечественных ученых: Жангуттин 2005; 2008; 2016; Калыбекова 2005; 2013; Жумашев/Елеуханова 2014 и др.

Территориальная близость Казахстана к Сибири, а также в определенной степени схожие аспекты сложения сибирской Полонии (хотя речь идет о более чем трехсотлетнем периоде в противовес к восьмидесятилетнему казахстанскому), особенно практика ссылки военнопленных и других «политически неблагонадежных» поляков в отдаленные поселения (Казахстан всегда был местом ссылки в досоветскую эпоху) обусловила необходимость обращения к работам зарубежных исследователей. Среди таковых особую важность для нас имеют изыскания Б. Герасимова (1918), А. Э. Гурьянова (1997), Э. Качинской (2002), В. Масяжа (2013), В. Н. Шайдурова (2014; 2017).

Начиная с первой половины XIX века царская российская власть, руководствуясь определенными аспектами своей антипольской политики, ссылала в казахстанские степи десятки поляков. Их количество было слишком мало, чтобы сформировать общину, подобную той, что сложилась в соседней Сибири, и места ссылок не были строго локализованы.

3. Казахстанская Полония

История казахстанской Полонии начинается с 1936 года. Из всех депортированных в Казахстан народов поляки стали первой многочисленной группой населения СССР, переселенной по причине национальной, а не классовой принадлежности (Калыбекова 2013). Годом позднее тем же волевым методом были переселены немцы и корейцы.

Есть сведения, что в рамках крестьянских ссылок «раскулаченных элементов» малыми группами в составе переселенцев из западных регионов Советского Союза поляки уже начали прибывать в Казахстан еще в 1930–33 гг. (Жангуттин 2008, 187-188; Калыбекова 2005, 37-39).

Вторая крупная волна насильственного переселения поляков датируется 1940–1941 гг. Согласно эшелонным данным, преимущественно с территории Западной Украины и Западной Белоруссии в период с февраля 1940 г. по май 1941 было депортировано от 309–321 тыс. польских граждан (Гурьянов 1997, 130). Переселенцев направляли в основном в северные, центральные и отчасти южные регионы Казахстана (Северо-Казахстанскую, Павлодарскую, Акмолинскую, Талды-Курганскую, Алма-Атинскую и Джамбульскую области) (Жумашев/Елеуханова 2014, 5), в восточные и западные области практически никогда.

В годы Второй Мировой Войны многие поляки в составе других спецпереселенцев Казахстана стали частью так называемой «Трудовой армии». Массовая доля поляков-трудоармейцев была весьма существенной, особенно, учитывая, что среди всех спецпоселенцев в 1936–37 гг. поляки были самой многочисленной группой в 79,8% (Жангуттин, Калыбекова 2015, 128).

Депортированные поляки, пополнившие ряды Трудовой армии, представляли собой преимущественно членов семей репрессированных участников повстанческих организаций, офицеров бывшей Польской армии, полицейских, тюремщиков, жандармов, помещиков, фабрикантов и чиновников бывшего польского государственного аппарата, а также новый контингент спецпереселенцев – «Польские посадники и беженцы». Кроме этого, в ссылке в Казахстане находилось около 66 тыс. членов семей репрессированных офицеров и других чинов Польши (Калыбекова 2013).

Уцелевшие хроники, архивные документы и свидетельства очевидцев (которых по причине преклонного возраста становится все меньше) воссоздают трагические и часто противоречивые картины тыловой жизни военных лет. Встреча и обустройство депортированных жителями Казахстана не всегда были однозначными. Есть сведения о намеренном игнорировании бедственного положения переселенцев со стороны отдельных представителей администраций колхозов, округов, аулов и т.д., но свидетельств о бескорыстии и помощи местного населения, несмотря на его собственное часто бедственное положение, гораздо больше.

В целом, в Казахстане в 1941–1942 гг. около 970 тыс. расселенных в аулах и селах репатриированных поляков и немцев (более 50 тыс. из них кадровые рабочие и инженерно-технические работники) нашли кров и работу (Жангуттин 2005, 78-79).

В трагический военный период сохранить тысячи жизней депортированных в Казахстан поляков во многом удалось благодаря активности

дипломатического представительства Республики Польша в Куйбышеве. Как сообщает М. Ч. Калыбекова «многие десятилетия вопрос о попечительстве над польскими гражданами, проживающими на территории Казахстана, со стороны Посольства Республики Польша в Куйбышеве в 1941–1943 гг. сознательно не упоминался» (Калыбекова 2013).

Напряженность дипломатических отношений Польши и Советского Союза в Лондоне повлекла усугубление и без того тяжелого положения казахстанских польских спецпереселенцев. На основе этого Правительство КазССР Постановлением СНК КазССР от 5 апреля 1944 года «Об оказании дополнительной материальной помощи бывшим польским гражданам, эвакуированным из западных областей Украины и Белоруссии в тыловые районы СССР» обязали Наркомторг СССР помочь не только продовольственным пайком, но назначением семьям военнослужащих в трехдневный срок пенсий, пособий и выплат за истекший период в порядке, установленном для всех семей военнослужащих Красной Армии (ГА Алм. обл. Ф. 685. 5-7), а также немедленным необходимым ремонтом жилищ и улучшением жилищных условий (ГА Алм. обл. Ф. 685. 8-9).

Особый надзор над польскими переселенцами был отменен только в 1956 году. В течение трех суток специальные комиссии УНКВД, УКГБ разрабатывали указания по отправке поляков в родные места. Из г. Караганды был отправлен эшелон в составе двенадцати вагонов с гражданами (437 человек, в том числе 50 детей до 16 лет), выразившим намерение выехать в Польскую Народную Республику (Калыбекова 2013).

Но многие поляки решили остаться в Казахстане, тем более, как пишет А. Волков, к 60-м годам поляки уже заняли определенное место в сложившейся хозяйственно-производственной системе в местах их компактного расселения. Значительную роль поляки сыграли в освоении целины (Волков 2006).

После снятия статуса спецпереселенцев большой опыт в аграрной деятельности, образованность, предприимчивость, способность быстро налаживать быт, контактность и другие подобные качества, позволили многим полякам выдвинуться на руководящие должности – председатели колхозов, администрацию местных органов власти и т.п. Став уже казахстанцами, поляки-переселенцы образовали этническое сообщество, главной задачей которого стало сохранение своих корней, традиций и культурного наследия.

4. Культурное влияние

Значение поляков для историко-культурного ландшафта Казахстана весьма существенно. Первые культурные контакты поляков и кочевников казахской степи относятся еще к XIII веку. Член францисканской миссии поляк

Бенедикт Полонус оставил важные сведения о жизни и быте Степи как части монгольской империи. Его полевые материалы легли в основу знаменитой «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа (сохранились в рукописи XV в.) (Юрченко/Аксенов 2002, 40).

Важную роль сыграли поляки в создании и расширении этнографической реальности жизни и быта казахов XIX – начала XX вв. Сосланный в Казахстан в 30-х г. XIX века «неблагонадежный элемент» поэт Густав Зелинский (1809–1881) впервые в мировой литературе привлек внимание к казахам в поэме «Киргиз» (1842). Последняя является не только литературным памятником, но и ценным этнографическим материалом.

Участник польского восстания 1830-х, высланный в Сибирь и в итоге попавший в Казахстан Адольф Янушкевич (1803–1857), почти двадцать лет своей жизни посвятил сбору, изучению местного фольклора, обрядов и обычаев. Эти материалы сегодня известны как «Дневники и письма из путешествий по киргизским степям (1860) и являются одними из наиболее полных и важных аутентичных этнографических свидетельств в отечественной истории.

Значительно и чрезвычайно ценно этнографическое наследие Яна Викторовича Виткевича (1808–1839) – востоковеда, этнографа и дипломата, прошедшего годы в казахских степях.

Во многом Великая Степь стала известной миру благодаря творчеству польского патриота Бронислава Залесского (1819–1880). Высланный в г. Оренбург офицер Б. Залесский начал работу над серией офортов «Жизнь киргизских степей» (изданы в Париже в 1865 г.), продолжив ее затем в Мангистау (Западный Казахстан). Литературные описания и многочисленные живописные и графические пейзажи стали для европейцев своеобразным «окном» в степные просторы Центральной Азии.

С личностью музыканта, музыковеда и этнографа Александра Викторовича Затаевича (1869–1936) связана вся история казахской профессиональной музыки. Он впервые собрал, проанализировал и опубликовал сотни образцов традиционного песенно-музыкального искусства казахов. «1000 песен казахского народа» и «500 казахских кюев и песен» до сих пор являются канонической антологией казахской традиционной народной музыки.

О глубине и искренности отношения А. Затаевича к казахской земле и ее народу свидетельствует его известная фраза, открывающая фундаментальный труд «1000 песен казахского народа»: «Вам, мои дорогие друзья-джигиты, посвящаю и вам возвращаю я этот труд, сработанный совместно с вами в годину голода, холода и эпидемии» (Кто для казахов 2015).

Польский ссыльный Северин Гросс – правовед и благотворитель был хорошо знаком с Абаем Кунанбаевым, изучал степное право и, будучи владельцем одной из самых больших библиотек в г. Семипалатинске, открыл туда

бесплатный доступ всем желающим. Он также был одним из организаторов строительства краеведческого музея.

Имя Франца Феликсовича Иванчука – архитектора, художника и педагога, высланного в Казахстан (г. Риддер) в 1936 году, известно благодаря множеству архитектурных объектов (пионерские лагеря, детские сады и городские новостройки), художественному оформлению городского Дворца культуры города. Но его наиболее значимым культурным вкладом стала организация в 1937 году изостудии для юных художников. Он руководил ею тридцать лет, воспитав не одно поколение художников (Резонтова 2011).

Имена Томаша Зана, Томаша Вернера, Людвика Турно, Александра Ходзько, Казимира Лапчиньски, Адама Бяловески и других поляков, оказавшихся в Казахстане, имеют особое значение в истории становления и развития казахстанской геологии, геологоразведки, металлогении и топографии.

5. Полония Казахстана сегодня

Уже четверть века народ Казахстана сам выбирает формат поддержания своей идентичности, как в целом, так и на уровне каждой этнической общности, входящей в него. Казахстанские поляки свободны в своих политических, экономических и социальных правах. В этом подразделе авторы настоящей статьи в основном опираются на фактаж, собранный методом включенного наблюдения и интервью в г. Алматы и Алма-атинской области, но подразумевают ситуацию в Казахстане в целом.

Центр польской культуры центр «Вензь» (образован в 1992 г.) в г. Алматы является частью весьма разветвленной польской культурно-просветительской казахстанской сети. Конечно, большая часть этнических поляков проживает сейчас в Северном и Центральном Казахстане, где сосредоточены самые крупные польские культурные центры. Но опыт алматинского Центра «Вензь» является важным и объективным свидетельством того, как сейчас сохраняется, изучается и транслируется польская культура в Казахстане.

Из материалов глубинного интервью с действующим председателем Центра «Вензь» Олегом Чеславовичем Червинским очевидно, что никаких препятствий деятельности Центра со стороны официальных властей никогда не было. Центр организован на добровольных началах и во многом существует благодаря подвижничеству активистов – казахстанских поляков.

Основными задачами Центра являются: сохранение мира, межнационального согласия, дружбы и духовного единства народа Казахстана; содействие сохранению и развитию культуры и языка польского народа, как составной части единого народа Республики Казахстан. Особой статьей является расширение польско-казахстанского культурного и гуманитарного сотрудни-

чества. Отметим, что «Вензь» с 2012 года издает единственный в Казахстане Полонийный ежеквартальный информационно-просветительский журнал «Almatyński Kurier Polonijny» на русском и польском языках.

Как сообщает А. Волков – чрезвычайный и полномочный посол Казахстана в Польше (2005–2012 гг.), несмотря на объявление Польшей в 2001 году репатриации поляков, еще десять лет назад в Казахстане не ожидалось массового выезда поляков на историческую родину (Волков 2006). Согласно данным МВД Польской Республики в период с 2001 по 2017 годы в рамках репатриации в Польшу переселились 6054 человека, в том числе только в 2017 году – 525 человек. В феврале 2018 года приехала очередная группа из 95 репатриантов (*Do kraju przyleciało...* 2018). Необходимо отметить, что в целом процесс репатриации этнических поляков из Казахстана в последние годы имеет тенденцию к сокращению, и даже наметился процесс реэмиграции что, скорее всего, можно объяснить повышением уровня жизни в Казахстане.

Сегодня казахстанские поляки активно поддерживают свой культурный код. Нам близко определение культурного кода, изложенное в Концепции культурной политики Республики Казахстан: «наследие, традиции, обычаи, язык, семья, хозяйственные системы (жизненный уклад), праздники» (Концепция культурной политики РК 2014). Практически все это в полной мере входит в стратегию развития польских культурных Центров, и «Вензя» в том числе.

Алматинская школа-гимназия № 23 с 1995 года ввела в свое образовательное пространство польский язык. Открытие польских классов было инициировано Посольством Республики Польша в Казахстане и Обществом Поляков «Вензь» в лице Председателя Альберта Левковского. А сейчас среди учеников польских классов уже есть не только этнические поляки, но много русских и казахов.

По словам О. Ч. Червинского трансляция польских традиций, обрядов и обычаев в основном проявляется в формате таких праздников как Национальный праздник независимости Польши, Пасха, Рождество, 1 Мая – День единства народа Казахстана, Жирный Четверг и других. Готовятся национальные блюда, взрослые и дети с удовольствием наряжаются в национальные костюмы или хотя бы их элементы (жилеты, шляпы у мужчин; переднички, вышитые платочки, ленты и т.д. у женщин), поются песни и исполняются народные танцы. Праздничные рождественские и пасхальные службы проходят преимущественно в Кафедральном Соборе Пресвятой Троицы в г. Алматы – самом большом в городе и области.

Современная польская культура – кинематограф, музыка, литература и поэзия, живопись и графика становятся ближе к казахстанской Полонии благодаря таким творческим площадкам как Неделя польской культуры (традиционно проводится Центром польской культуры «Вензь» в начале

ноября, накануне Дня независимости Польши), Фестивали польского кино в разных городах Казахстана, ежегодный фестиваль «Поющая Полония» (г. Кокшетау) и др.

Благодаря Посольству Республики Польша в Казахстане проводятся «этнографические» музыкальные вечера, где можно увидеть старинные обряды и обычаи, послушать польских музыкантов и исполнителей, больше узнать о культуре. А концерты современной рок, поп и хип-хоп музыки неизменно популярны у казахстанской молодежи.

Хотелось бы особенно отметить некоторые новые праздничные практики, которые начали формироваться относительно недавно. К примеру, «маевки», уже ставшие доброй традицией Центра «Вензь». Три дня майских праздников (1 мая – День единства народа Казахстана, 2 мая – День Полонии, 3 мая – День Конституции Польши) уже несколько лет отмечаются в формате выездного пикника. Это не просто повод «пообщаться на природе», но настоящий праздник с глубоким духовным наполнением. Коллективная молитва, детский и юношеский импровизированный концерт, гармонично сочетающий фольклор и современные ритмы, национальные костюмы, этническая кухня, с каждым годом только увеличивают количество желающих принять участие в этом празднике. По сведениям О. Червинского в 2017 году «маевка» собрала почти триста человек.

Нам кажется очень важным и символичным здесь то, что основным угощением для всех является огромный казан плова. Эта древняя азиатская традиция прекрасно вписалась в праздничную орбиту казахстанской Полонии. У казахов-кочевников и современных казахстанцев большой казан с угощением всегда олицетворяет единство помыслов и общность целей. Вот и казахстанская Полония, храня собственное наследие, обогащается новыми традициями, объединяя Восток и Запад.

Важным и очень перспективной вехой в казахстанско-польских отношениях является образованное в 2011 году по инициативе казахстанских студентов, обучающихся в Польше, Общество казахстанской молодежи «БАРС». Помимо головного офиса в Варшаве, созданы представительства в пяти городах – Познани, Кракове, Вроцлаве, Лодзи и Люблине. Одной из главных целей этого студенческого братства является активное двухстороннее сотрудничество в области науки, образования и культуры.

В рамках деятельности «БАРСа» несколько лет функционирует культурно-гуманитарная программа «Мой Казахстан», цель которой объективно представлять Казахстан в молодежном европейском и мировом сообществе. Мы убеждены, что помимо природы, истории и культуры Казахстана, особый интерес для западного социума может представлять также и уникальный опыт давнего мирного и продуктивного сосуществования более ста тридцати этносов, образующих понятие «народ Казахстана».

6. Заключение

Казахстанская Полония является результатом общей политической истории многих народов и регионов, столкнувшей Европу и Азию, смешавшей и разбросавшей разные этносы и судьбы. Трагические события начала XX века, повлекшие за собой депортации и ссылки, в Казахстане стали, как временем бедствий, так и точкой отсчета новой полиэтнической реальности.

Общая судьба заставила людей искать друг в друге не то, чем они отличаются, но чем похожи. В трудный для всех период залогом выживания могли стать только гостеприимство, взаимовыручка, толерантность и уважение. Спустя семьдесят лет те же ценности стали основой нового Казахстана как независимого государства, главным достоянием которого стал его народ. Казахстанская политика памяти не выделяет и не ущемляет ни один этнос, и это, скорее всего, самое важное условие для устойчивого развития не только Казахстана, но и всего центральноазиатского региона.

Поляки Казахстана являются неотъемлемой частью его народа. Польская культура с ее многовековыми традициями существует тут как сама по себе, так и органично вплетённой в общее пестроцветье национальных кухонь, обрядов и обычаев, традиций и современности, представляющего повседневную жизнь всего казахстанского общества. На наш взгляд, сегодня самым важным тут выступает именно культура, способная как разъединять, так и объединять людей.

Благодарности

Авторы искренне благодарят алматинский Центр польской культуры «Вензь» и лично его председателя Олега Чеславовича Червинского с супругой за гостеприимство, терпение и массу ценной информации, которой он нас снабдил. Мы признательны за консультативную помощь по вопросам истории депортации сотрудникам Центра устной истории КазНПУ имени Абая, в особенности докторам исторических наук, профессорам М. К. Койгелдиеву и Б. О. Жангуттину.

Библиография

- ALTAYEV/ZHANGUTTIN 2008: Altayev, A./Zhanguttin, B. (2008), Lagerya dlya voyennoplennykh i internirovannykh Vtoroy mirovoy voyny na territorii Kazakhstana. 1940–1950-ye gg. Kratkiye ocherki istorii Kazakhstana. Almaty. [Алтаев, А./Жангуттин, Б. (2008), Лагерь для военнопленных и интернированных Второй мировой войны на территории Казахстана. 1940–1950-е гг. Краткие очерки истории Казахстана. Алматы.]
- GERASIMOV 1918: Gerasimov, B. (1918), Ssylnyye polyaki v Semipalatinskoy oblasti (kratkiy istoricheskiy ocherk). In: Zapiski Semipalatinskogo podotdela Zapadno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva. Semipalatinsk, 1-109. [Герасимов, Б. (1918), Ссылные поляки в Семипалатинской области (краткий исторический очерк). В: Записки Семипа-

- латинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Семипалатинск, 1-109.]
- Gosudarstvennyy Arkhiv: Gosudarstvennyy Arkhiv Almatinskoy oblasti F. 685. Op. 6s. D. 70. 5-7. [Государственный Архив Алмадинской области Ф. 685. Оп. 6с. Д. 70. 5-7.]
- Gosudarstvennyy Arkhiv: Gosudarstvennyy Arkhiv Almatinskoy oblasti F. 685. Op. 6s. D. 62. 8-9. [Государственный Архив Алмадинской области Ф. 685. Оп. 6с. Д. 62. 8-9.]
- GUR'YANOV 1997: Gur'yanov, A. (1997), Pol'skiye spetspereselentsy v SSSR v 1940–1941 gg. In: *Repressii protiv polyakov i pol'skikh grazhdan. Istoricheskiy sbornik «Memoriala»*. Вып. 1. Moskva, 114-137. [Гурьянов, А. (1997), Польские спецпереселенцы в СССР в 1940–1941 гг. В: *Репрессии против поляков и польских граждан. Исторический сборник «Мемориала»*. Вып. 1. Москва, 114-137.]
- KACHINSKAYA 2002: Kachinskaya, E. (2002), Polyaki v Sibiri (1815–1914 gg.). *Sotsial'no-demograficheskiy aspekt*. In: *Sibir' v istorii i kul'ture pol'skogo naroda*. Moskva, 265-277. [Качинская, Э. (2002), Поляки в Сибири (1815–1914 гг.). Социально-демографический аспект. В: *Сибирь в истории и культуре польского народа*. Москва, 265-277.]
- KALYBEKOVA 2002: Kalybekova, M. (2002), Kazakhstan kak ob'yekt pereseleniya deportirovannykh narodov (1937–1956 gg.). In: *Istoricheskiy aspekt*. Almaty. [Калыбекова, М. (2002), Казахстан как объект переселения депортированных народов (1937–1956 гг.). В: *Исторический аспект*. Алматы.]
- KALYBEKOVA 2013: Kalybekova, M. (2013), *Deportatsiya polyakov v Kazakhstan*. [Калыбекова М. (2013), *Депортация поляков в Казахстан*. In: http://www.rusnauka.com/2_ANR_2010/Istoria/2_56397.doc.htm [доступ 4.03.2018].]
- Kontseptsiya 2014: *Kontseptsiya kul'turnoy politiki Respubliki Kazakhstan (2014)*. [Концепция культурной политики Республики Казахстан (2014). In: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000939> [доступ 5.03.2018].]
- Kto dlya kazakhov 2015: Kto dlya kazakhov Aleksandr Zatayevich? (2015). [Кто для казахов Александр Затаевич? (2015). In: <http://e-history.kz/ru/publications/view/1042> [доступ 5.03.2018].]
- KUNDAKBAYEVA 2009: Kundakbayeva, Zh. (2009) *V poiskakh istoricheskogo narrativa Kazakhstana: «dialog pamyatey» ili «natsional'naya pamyat'»*. In: *Natsional'nyye istorii na postsovetском prostranstve*. II. Moskva, 265-296. [Кундакбаева, Ж. (2009) *В поисках исторического нарратива Казахстана: «диалог памяти» или «национальная память»*. В: *Национальные истории на постсоветском пространстве*. II. Москва, 295-296.]
- MASYAZH 2013: Masyazh V. (2013), *Istoriya kostela i pol'skoy diaspory v Tobol'ske 1838–1922 gg.* Moskva. [Масаж, В. (2013), *История костела и польской диаспоры в Тобольске 1838–1922 гг.* Москва.]
- REZONTOVA 2011: Rezontova, M. (2011), *Istoriya zaseleniya polyakov na vostoке Kazakhstana*. In: *Novaya Pol'sha, 2*. [Резонтова М. (2011), *История заселения поляков на востоке Казахстана*. В: *Новая Польша, 2*. In: <https://novpol.org/ru/HJzMIuMDi-ISTORIYA-ZASELENIYA-POLYAKOVNA-VOSTOKE-KAZAHSTANA> [доступ 3.02.2018].]
- SHAIUROV 2014: Shaidurov, V. (2014), *Sibirskaya poloniya v pervoy polovine XIX veka: osobennosti formirovaniya i razvitiya*. In: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. V/2, 29-41. [Шайдуров, В. (2014), *Сибирская полония в первой половине XIX века: особенности формирования и развития*. В: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. V/2, 29-41.]
- SHAIUROV 2017: Shaidurov, V. (2017), *The Siberian Polonia in the second half of the 19th – early 20th century in the Polish historiography*. In: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. VIII/1, 11-23
- VOLKOV 2006: Volkov, A. (2006), *Polyaki Kazakhstana*. In: *Novaya Pol'sha, 4*. [Волков, А. (2006), *Поляки Казахстана*. В: *Новая Польша, 4*. In: <https://novpol.org/ru/HJeOtdGPj-/POLYAKI-KAZAHSTANA> [доступ 3.02.2018].]

- Vystupleniye 2018: Vystupleniye N. A. Nazarbayeva na XIII sessii Assamblei naroda Kazakhstana 20.08.2007. [Выступление Н. А. Назарбаева на XIII сессии Ассамблеи народа Казахстана 20.08.2007. In: www.nomad.su/?a=3-200708210339 [доступ 5.02.2018].]
- YURCHENKO/AKSENOV 2002: Yurchenko, A./Aksenov, S. (2002), Khristianskiy mir i «Velikaya Mongol'skaya imperiya». In: Materialy frantsiskanskooy missii 1245 goda. Sankt-Peterburg, 478. [Юрченко, А./Аксенов, С. (2002), Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. Санкт-Петербург. 478.]
- ZHANGUTTIN 2005: Zhanguutin, B. (2005), Evakuatsiya sovet-skogo naseleniya v Kazakhstan (1941–1942 gg.). In: Novyy istoricheskiy vestnik. Moskva, 73-84. [Жангуттин, Б. (2005), Эвакуация советского населения в Казахстан (1941–1942 гг.): Новый исторический вестник. Москва. 73-84.]
- ZHANGUTTIN 2016: Zhanguutin, B. (2016), Krest'yanskaya sсылка v Kazakhstan. In: Elektronnyy nauchnyy zhurnal «edu.e-history.kz». 4. [Жангуттин, Б. (2016), Крестьянская ссылка в Казахстан. В: Электронный научный журнал «edu.e-history.kz», 4. In: <http://quest.e-history.kz/ru/contents/view/1657> [доступ 5.02.2018].]
- ZHANGUTTIN/KALYBEKOVA 2015: Zhanguutin, B./Kalybekova, M. (2015), Spetspereselentsy Kazakhstana: trudovyye armii, rabochiye kolonny, batal'ony. 1941–1945 gg. In: Rossiyskiye regiony: vzglyad v budushcheye. Moskva, 126-138. [Жангуттин, Б./Калыбекова, М. (2015), Спецпереселенцы Казахстана: трудовые армии, рабочие колонны, батальоны. 1941–1945 гг. В: Российские регионы: взгляд в будущее. Москва. 126-138.]
- ZHUMASHEV/YELEUKHANOVA 2014: Zhumashev, R./Yeleukhanova, S. (2014), Deportatsiya polyakov v Kazakhstan v 30–40-ye gody КНХН в.: analiz istoricheskikh istochnikov. In: Vestnik Kargu. 3(75), 4-11. [Жумашев, Р./Елеуханова, С. (2014), Депортация поляков в Казахстан в 30–40-е годы XX в.: анализ исторических источников. В: Вестник КарГУ. 3(75), 4-11.]

СЕРГЕЙ ВОРОБЬЕВ / SERGEY VOROBIEV

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8893-2595>

ЕВГЕНИЙ АВДЕЕВ / EVGENII AVDEEV

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4004-9610>

North-Caucasus Federal University

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ В РАЗВИТЫХ И РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ: ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ

Globalization and Modernization in Developed and Developing Countries: Typical Features and Main Strategies

Ключевые слова: глобализация, регионализация, модернизация, мировая экономика, развитые страны, развивающиеся страны, восточноевропейские страны, консерватизм, европеизм

KEYWORDS: globalization, modernization, regionalization, world economy, developed countries, developing countries, Eastern European countries, conservatism, Europeanism

ABSTRACT: The paper reviews the interconnection of globalization and modernization processes in developing countries. The typical features of the new stage of globalization, such as changing the direction of globalization, regionalization, formation of new global development centers, as well as other problems and contradictions in the main trends of globalization and their impact on the modernization processes in developing countries are discussed. The article analyzes the main strategies of modernization developing countries such as modernization based on the coercive, political and economic pressure of the Western world, leading to copying of socio-economic and political development models and institutions and a modernization strategy based on the convergence of global development models and national socio-economic models. The authors consider the main features of the entry into the world development of the countries of Eastern Europe on the basis of preserving state and socio-cultural integrity and defining their own specificity of entering into a single European community already formed.

Глобализация является следствием развития и углубления взаимосвязей и взаимозависимости различных стран в финансово-экономической, информационной и технологической сферах и происходит на основе международного разделения труда и свободного перемещения инвестиций, промышленного производства, товаров и услуг. Дальнейшим толчком к развитию глобали-

зации стало создание всемирного информационного пространства, цифровизация экономики и социальной сферы (Махаматов 2017, 55-61), (Гобозов 2013). Сущностные особенности глобализации проанализированы в трудах таких российских и зарубежных исследователей, как Э. Ласло, У. Бек, З. Бауман, Н. Н. Моисеев, И. Т. Фролов, А. Н. Чумаков, А. Д. Урсул, Л. Е. Гринин, В. Л. Иноземцев и другие. Истории становления и развития мировой капиталистической системы посвящены труды основоположника мир-системного анализа И. Валлерстайна, а также таких его представителей как А. Г. Франк и Б. Джиллс, подчеркивавших нелинейность исторических процессов, заключающуюся в периодическом смещении центров мирового развития. Представители модернистского подхода (Р. Арон, У. Ростоу, Э. Гидденс, Д. Белл, П. Дракер, Ш. Эйзенштадт и другие) акцентируют внимание на линейности и однонаправленности процессов мирового развития, разворачивающихся по линиям аграрное (традиционное, досовременное общество) – индустриальное (эпоха модернити) – постиндустриальное (эпоха постмодернити) общества. Для описания этого этапа Бауманом используется метафора «текущая современность», в рамках которой происходит трансформация от сложного и структурированного мира, существующего по определенным принятым мировым сообществом правилам и международным обязательствам к миру, не имеющему жестких границ, и свободному от предыдущих обязательств и правил (Бауман 2008).

В рамках традиционных европоцентричных истолкований, глобализация связывается с социально-политической и индустриальной модернизацией стран «периферии» и «полупериферии», акцентируется внимание на возрастании роли взаимосвязей и взаимозависимости в связи с усилением темпов научно-технического, экономического и социокультурного развития западных стран и формирование мировой капиталистической системы, делящей мир на развитый «центр» и остальной мир, вынужденный осваивать научно-технические, политические и культурные достижения, ценности и стандарты западного мира (Валлерстайн 2003, 78-82; Пантин 2006). В целом, глобализацию можно определить как мегатенденцию к объединению разделенного человечества в «глобальную всечеловеческую целостность» (Мотрошилова 2004, 3-19), развивающуюся как объективная необходимость и состоящую из различных исторических форм, тенденций и направлений. При этом не существует однозначного центра мирового развития, возможны варианты, когда центр и периферия могут меняться местами, но глобализационные процессы как стремление к самоорганизации, взаимосвязи и общему развитию человечества будут продолжаться.

1. «Новая волна» глобализации в развитых и развивающихся странах

Современная глобализация стала следствием процессов мирового экономического развития, результатом индустриализации и модернизации западного мира и представляет собой объективную историческую тенденцию. На данном этапе ведущая роль развитых стран в процессе глобализации продолжает сохраняться, они являлись и, во многом, являются центрами промышленного и финансового рынка, научно-технического, технологического и культурно-цивилизационного развития, имеют огромный потребительский рынок и военно-политическое превосходство. Но при этом в современных глобализационных процессах происходят серьезные трансформации, во многом меняется характер и направленность глобализации. Современную ситуацию Ю. Д. Гранин рассматривает как появление нового этапа («новой волны») глобализации, которая заставляет такие страны, как Китай и Индия становиться флагманами глобального развития и выработать новые национальные стратегии дальнейшего развития глобализации и модернизации развивающихся стран («полупериферии») (Гранин 2014, 90). Д. Родрик в книге «Парадокс глобализации» даже предполагает возможное ее крушение, т.к. несмотря на то, что глобализация обеспечила развитым странам высокий уровень социально-экономического развития, она не имеет глубоких институциональных структур, таких как международные антимонопольные органы, глобальные контролирующие организации, глобальные структуры социального обеспечения, единые стандарты в области демократии, прав человека и свободы предпринимательства. Глобальные рынки также недостаточно управляемы и эффективны и не обладают серьезной легитимностью (Родрик 2014).

Глобализационные процессы, протекающие в современном мире, с одной стороны, представляют собой вызов и проблему для мирового сообщества, с другой – возможность для дальнейшей модернизации мировой экономики. В современном мире наблюдаются изменения направленности глобализации, если глобализационные процессы ранее были направлены с Запада в другие части мира, то на данный момент все яснее проявляется тенденция формирования нового направления глобализации – с Востока в другие части мира. Единый глобализующийся мир благодаря формированию новых центров развития начинает распадаться на отдельные части и становится полицентричным, формируются новые социально-экономические международные организации и союзы (ШОС, БРИКС, ЕврАзЭС). Все более проявляются процессы регионализации глобального мира и стремление к закрытости страновых региональных рынков. Так, во внутренней политике

многих государств прослеживается протекционизм. За 2015 страны «большой двадцатки» ввели 644 ограничительные торговые меры, в том числе, в результате этого, прямые иностранные инвестиции в развитых странах оказались на 40% меньше пикового значения до финансового кризиса, а чистый приток инвестиций на развивающиеся рынки стал отрицательным впервые с 1988 года (Harvard Business Review). Страны закрываются друг от друга с точки зрения миграционных потоков. Так, Польша, Венгрия и Австрия отказались принять беженцев, согласно квоте, утвержденной Европейской комиссией. «Brexit», новый фокус США, подчеркнутый в инаугурационной речи Д. Трампа словами «americanism, not globalism», курс на импортозамещение в России – яркие примеры регионализации.

Сформировавшаяся глобальная экономика, основанная на свободном перемещении труда, технологий и капитала, привела к активному индустриальному развитию и модернизации развивающихся стран, на основе переноса промышленности и технологий в страны с дешевой рабочей силой. Снижение себестоимости производимой продукции приводит к сокращению промышленного производства в развитых западных странах, снижению доли среднего класса, росту безработицы, увеличению социального неравенства и снижению темпов социально-экономического развития (Fukuyama 2012). Современная глобализация и постиндустриальное развитие западных стран стали основными причинами снижения роли и значения среднего класса в социально-экономическом развитии, многие виды работ, выполнявшиеся средним классом, теперь стали дешевле в развивающихся странах, которые стали во многом локомотивами мирового развития, со стремительно растущей долей среднего класса. В среднесрочной перспективе такие страны, как Китай, Индия и страны Юго-Восточной Азии станут центрами новой глобализации, тогда как значение западного мира в глобальном развитии будет снижаться.

Современная глобализация, в основу которой положено модернизационное развитие и открытая экономика, объективно приводит к модернизации развивающихся стран, которые становятся альтернативными центрами развития. Роль таких государств как Китай, Индия, Бразилия, Россия и Турция, являющихся, либо претендующих на роль региональных лидеров, способных предложить альтернативные пути и модели модернизации, учитывающие собственную социокультурную и институциональную специфику, объективно будет возрастать. Сегодня Пекин готов взять на себя лидерство по преобразованию глобального мира в «общество с единой судьбой», посредством глобальной инициативы «Один пояс – один путь» и создания международных отношений нового типа, на основе укрепления действующих региональных двухсторонних и многосторонних механизмов и структур взаимодействия стран-участников данной глобальной инициативы, что, по мнению руковод-

ства Китая, приведет к выработке новых механизмов социоэкономического сотрудничества, стимулированию экономического роста стран-участников, интенсификации цивилизационно-культурного диалога и взаимообогащению национальных культур (Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt). Руководство современного Китая продолжает формировать новую модель глобального развития, основанную на базовых принципах и правилах современного глобализма, но с учетом принципов национального суверенитета и приоритета национальных интересов, т.е. чем дальше, тем более проявляется стремление лидеров развивающегося мира использовать преимущества глобализации для развития национальных экономик (Гранин 2017, 23).

Если ранее западный мир предлагал в качестве основы глобального демократического развития собственные модели демократического устройства и обеспечения прав человека, то в настоящее время начинают формироваться незападные модели «демократического» развития на основе собственных культурных традиций и политической практики. Теряется привлекательность для развивающихся стран ценностей и моделей либеральной демократии в том числе и в связи с тем, что в развитых демократических странах Запада наблюдаются определенная деградация основ демократического устройства (по выражению К. Крауча происходит переход от демократии к «постдемократии»), что выражается в ослаблении традиционных демократических институтов и политических партий, все большему переходу власти в руки экономической и политической элиты (Крауч 2010, 18-19). Все это приводит к росту популизма и широкому запросу на расширение политического участия большинства населения в определении моделей и путей дальнейшего развития. В развивающихся странах наблюдается преемственность основ универсальных общечеловеческих ценностей, норм и принципов демократического устройства, лежащих в основе развития европейской цивилизации, формируется синтез демократических основ и собственных национальных политических и культурных традиций.

2. Основные стратегии модернизации развивающихся стран

В настоящее время глобализация становится основной движущей силой модернизации развивающихся стран. Однако нельзя говорить о том, что модернизация развивающихся стран является слепым копированием основных принципов и условий развития, сложившихся в развитых странах. Опыт последних десятилетий модернизации таких стран, как Китай, Индия, Россия свидетельствует о том, что транзит моделей развития западного мира

для них неприемлем, а демократия как политическая основа глобализации и модернизации не является определяющим фактором развития, происходит отторжение вестернизации как одного из элементов глобализирующегося мира. По словам Д. Родрика:

Мы не можем одновременно поддерживать демократию, национальное самоопределение и экономическую глобализацию. Если нам нужна более глубокая глобализация, следует отказаться либо от национального государства, либо от демократической политики (Родрик 2014, 27).

Глобализация в развивающихся странах может привести к дальнейшему социально-экономическому развитию и повышению благосостояния населения, но не обязательно приведет к развитию демократии, обеспечению прав и свобод человека и формированию институтов «открытого общества».

На современном этапе мирового развития экономическая экспансия западных стран, проводимая в рамках глобализационных процессов, запускает в развивающихся странах процессы модернизации, но зачастую при этом приводит к социокультурным конфликтам, которые в какой-то степени можно назвать конфликтами цивилизаций, т.к. современная глобализация является и процессом «столкновения цивилизаций», следствиями которого могут стать либо «вестернизация» и «гибридизация», либо «фрагментаризация» мира (Толстухов 2003, 49). Такие процессы могут привести к серьезным деформациям национальной идентичности, к изменению социокультурных и цивилизационных норм и правил общественной жизни в развивающихся странах. Противодействие данным тенденциям может осуществляться через усиление националистических настроений, росту влияния националистически ориентированных политических и общественных структур.

Можно выделить две основные стратегии модернизации развивающихся стран. Во-первых, модернизация, основанная на силовом, политическом и экономическом давлении западного мира, которая приводит к слепому копированию западных социально-экономических и политических моделей развития и институтов, разрушает традиционные устои и цивилизационные модели развития, вызывает недовольство и протесты со стороны населения. Формальный перенос институтов и моделей демократического развития и рыночной экономики без учета социокультурной специфики и институциональных особенностей модернизирующегося общества не приводит к положительному эффекту.

Во-вторых, возможна стратегия модернизации на основе конвергенции современных глобальных моделей развития, в большей степени органично вписывающихся в социально-экономическую, политическую и культурную среду развивающихся стран. Успешное развитие Китая, Индии, Японии,

ряда новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии является примером развития на основе западных технологий и экономических и политических институтов при частичном сохранении и использовании при проведении модернизации национально-культурных особенностей, моделей и ценностей. При этом степень сочетания западных институтов и традиционных для данных обществ социокультурных и политических моделей, которая определяет успешность «национальной» стратегии развития в целом, последовательность, поэтапность и планомерность реформ, может варьироваться от преимущественно только технологических и экономических заимствований, до достаточно высокого уровня социокультурных заимствований, охватывающих экономическую, политическую и социокультурную сферы. Наиболее приемлемой стратегией дальнейшей модернизации развивающихся стран в условиях современной глобализации является стратегия конвергенции на основе взаимосвязи и взаиморазвития глобального, регионального и локального, которая проявляется не только в экономике, но и в сферах культурного и социального развития.

Если модернизация в XIX–XX вв. в период индустриального развития общества действительно требовала мобилизационного управления экономикой, носила силовой политический характер и предполагала экстенсивный путь развития, то в XXI в. на постиндустриальном этапе развития общества определяющим является интенсивный путь развития на основе производства продукции с высокой добавленной стоимостью. В современном, постиндустриальном обществе мобилизационный, догоняющий вариант модернизации становится менее эффективным, ведущая роль отводится знаниям и технологиям, что требует формирования новой экономики знаний, в основу которой положен человеческий капитал.

Это связано с рядом объективных факторов. Во-первых, в настоящее время процессы модернизации развивающихся стран перестают носить догоняющий характер, развитые страны вместо диктата и давления готовы к сотрудничеству и признанию позитивного опыта модернизации незападных стран, начинают наблюдаться процессы истернизации, характерные для таких стран, как Россия, Китай и Индия. Для населения этих стран характерно наличие «имперского» мировоззрения, приоритетными являются государственность, суверенитет, стремление к установлению многополюсного миропорядка на основе публичного декларирования принципа равноправия и нацеленности на создание глобальной культуры коллективизма, духовности и социальной справедливости (Мартынов 2008.). Во-вторых, с развитием роботизации и цифровизации глобальной экономики резко возрастает не только роль знаний, но и умение генерировать новые решения и модели экономической деятельности. В-третьих, продолжают изменяться механизмы рыночной конкуренции. В настоящее время лидерами становятся отрасли, продукция

которых обладает крайне высокой добавленной стоимостью и постоянно совершенствуется, при этом ее цена постоянно снижается (например, компьютеры, сотовые телефоны и другое цифровое оборудование). В мировой экономике продолжает возрастать роль сетевых структур в промышленности и торговли, вместо вертикально интегрированных компаний формируются глобальные индустриальные и цифровые торговые сети. Основной проблемой при этом становится не мобилизация трудовых ресурсов и привлечение новой рабочей силы, а продолжающееся ее высвобождение.

На современном этапе процессы глобализации включают в себя как стандартизацию и унификацию всех сфер жизни современного общества, так и проявления локальных, региональных и национальных особенностей, происходит взаимодействие тенденций универсализма и партикуляризма, «глобализация все больше включает в себя локальное, а локальное глобализируется» (Напсо 2013, 137). При этом именно локальное и региональное начинает выступать определяющим принципом развития на основе насыщения локального глобальным. Наблюдаемые в современном мире процессы глобализации и регионализации не обязательно могут быть факторами фрагментации мироустройства, они могут способствовать дальнейшей интеграции и глобализации на основе учета национально-государственных интересов и развития региональных союзов. Продолжает усиливаться взаимосвязь глобализации и локализации, что выражается в понятии «фрагментация», которое предполагает единство фрагментации и интеграции. Данные процессы могут стать основой развития глобализации.

3. Основные особенности глобализации в восточноевропейских странах

Существовали достаточные сложности включения в мировую капиталистическую систему и глобализационные процессы у стран Восточной Европы, входивших в так называемую «мировую систему социализма». На протяжении нескольких десятилетий XX в., они были вырваны из контекста мирового развития, их возвращение было достаточно болезненным. Одними из важных вопросов для научной и политической элиты Восточной Европы стали: сохранение государственной и социокультурной целостности и определение своей специфики в процессе вхождения в уже сформированное единое европейское сообщество. При этом сложились два основных подхода к решению этих вопросов. Первый предполагал формирование единого геополитического регионального сообщества стран Восточной Европы, при этом преобладала идея макрорегиональных «больших пространств», или

«пан-регионов», включающих в себя всю Восточную Европу (Коваленко 2013, 252). Например, начинают возрождаться идеи польского историка первой половины XX века Станислава Буковецкого, который предполагал создание федерации государств, расположенных от Балтийского до Черного моря (Bukowiecki 1922, 70). Некоторые современные политические лидеры и представители научного мира Польши продолжают говорить о необходимости сохранения «культурно-цивилизационного единства» народов Восточной Европы, на основе их объединения в единые культурные, экономические и политические сообщества, опирающиеся на многовековую совместную историю. Таким образом, могут сформироваться новые модели европейского социально-политического устройства, противостоящие евроскептицизму, национализму и изоляционизму. Польша постепенно становится идеологом и лидером реальных процессов формирования на востоке Европы единого геополитического макрорегиона, обладающим правосубъектностью и позволяющим выйти странам Восточной Европы из положения «полупериферии», при этом являющимся неотъемлемой частью общеевропейского цивилизационного пространства.

Второй подход исходит из опасности растворения социокультурной самобытности, историко-культурных национальных ценностей в едином общеевропейском социокультурном пространстве и приводит к росту национализма и стремлению к национально-культурной обособленности и консерватизму. Сложности и проблемы социально-экономического развития единой Европы приводят к тому, что в восточноевропейских странах побеждают консервативные политические силы, возрастает популярность правых партий, которые развивают стремление вернуться к традиционным ценностям, укрепляющим национально-культурные общности, суверенитет и обособленность наций.

Одним из проявлений национализма и изоляционизма является евроскептицизм, который получает широкое распространение во многих европейских странах. Жесткая централизация экономической и социальной сферы в рамках Евросоюза, господство европейской наднациональной бюрократии, ее растущая элитарность и неподконтрольность, пренебрежение к социокультурным особенностям европейских стран, приводят не только к росту евроскептицизма, но и к реальному желанию части населения многих европейских стран выйти из состава ЕС. Одной из центральных задач создания Евросоюза было стремление к преодолению источников конфликтов между европейскими странами, посредством замены идеологии национализма европеизмом, сформировать единое экономическое и социокультурное европейское пространство – «Единую Европу». Однако снижение темпов социально-экономического развития, рост безработицы, волны миграции, последствия мирового экономического кризиса, снижение доли и значения среднего класса приводят к ситуации нестабильности, снижению личной

и общественной безопасности и естественному стремлению к «спасению» посредством усиления роли национальных государств и национальной общности народов Европы. Сама идеология европеизма не предполагает развитие национальных государств и национально-культурной идентичности, поэтому евроскептицизм в странах Восточной Европы активно проявляется в экономической, политической и культурной сферах, некоторые из них объединились в Вышеградскую группу (Польша, Чехия, Венгрия и Словакия), стали возникать институциональные формы объединения.

Одним из факторов развивающих евроскептицизм является постепенный переход Европы от либерализма к неолиберализму. Если либерализм не противопоставлялся национальным интересам и национальной государственности, либеральные идеи в истории Европы объективно способствовали формированию современных европейских наций и национальных государств, то неолиберализм и мультикультурализм ведут к деградации наций и постепенному превращению их в новое единое европейское сообщество. В преамбуле к Маастрихтскому договору страны – члены ЕС заявили, что они «намерены установить гражданство, общее для граждан своих стран» (Treaty on European Union). В странах Восточной Европы, недавно освободившихся от наднациональной коммунистической идеологии, идеология неолиберализма и мультикультурализма воспринимается также болезненно, как и наднациональная коммунистическая, мешающая возврату к традиционным, национальным ценностям. В реальности же фундаментальные ценности современного Запада – это антитрадиционализм, крайний секуляризм и моральный релятивизм. По мнению Габора Воны, выйдя из «антиценностного» мира коммунизма, страны Восточной Европы попали в капиталистическую действительность с ее ценностным вакуумом (Vona). Необходимо, чтобы дальнейшая интеграция восточноевропейских стран в единое общеевропейское экономическое и социокультурное пространство проходила с учетом национально-государственных и социокультурных особенностей этих стран.

Библиография

- Бауман 2008: Bauman, Z. (2008), *Tekuchaya sovremennost'*. Moskva. [Бауман, З. (2008), *Текущая современность*. Москва.]
- Валлерстайн 2003: Wallerstein, I. (2003), *Konets znakomogo mira: Sotsiologiya XXI veka*. Moskva. [Валлерстайн, И. (2003), *Конец знакомого мира: Социология XXI века*. Москва.]
- Гобозов 2013: Gobozov, I. A. (2013), *Gosudarstvo i natsional'naya identichnost': Globalizatsiya ili internatsionalizatsiya?* Moskva. [Гобозов, И. А. (2013), *Государство и национальная идентичность: Глобализация или интернационализация?* Москва.]
- Гранин 2014: Granin, Y. D. (2014), *Globalizatsiya: dialektika istoricheskikh form osushchestvleniya*. In: *Vek globalizatsii*. [Гранин, Ю. Д. (2014), *Глобализация: диалектика исторических форм осуществления*. В: *Век глобализации*. 1(13), 90-103.]

- ГРАНИН 2017: Granin, Yu. D. (2017), *Zapad i alternativnyye strategii modernizatsii*. In: *Vek globalizatsii*. 3, 17-31. [Гранин, Ю. Д. (2017), *Запад и альтернативные стратегии модернизации*. В: *Век глобализации*. 3, 17-31.]
- КОВАЛЕНКО 2013: Kovalenko, A. A. (2013), *Politicheskoye samoopredeleniye stran tsentral'noy i Vostochnoy Yevropy: mezhdru yevroskeptitsizmom i natsionalizmom*. In: *Filosofiya khozyaystva*. 2 (86), 247-261. [Коваленко, А. А. (2013), *Политическое самоопределение стран центральной и Восточной Европы: между евроскептицизмом и национализмом*. В: *Философия хозяйства*. 2 (86), 247-261.]
- КРАУЧ 2010: Crouch, C. (2010), *Postdemokratiya*. Moskva. [Крауч, К. (2010), *Постдемократия*. Москва.]
- МАРТЫНОВ 2008: Martynov, B. F. (2008), «Grupповoy portret» stran bystrogo razvitiya. In: *Mezhdunarodnyye protsessy*. Т. 6. 16, 41-51. [Мартынов, Б. Ф. (2008), «Групповой портрет» стран быстрого развития. В: *Международные процессы*. Т. 6. 16, 41-51.]
- МАХАМАТОВ 2017: Makhamatov, T. M. (2017), *Ot epokhi globalizatsii k neoglobalizatsii: kul'turno-tsivilizatsionnyy aspekt*. In: *Vek globalizatsii*. 4, 55-61. [Махаматов, Т. М. (2017), *От эпохи глобализации к неоглобализации: культурно-цивилизационный аспект*. В: *Век глобализации*. 4, 55-61.]
- МОТРОШИЛОВА 2004: Motroshilova, N. V. (2004), *Idei yedinoy Yevropy: filosofskiye traditsii i sovremennost*. In: *Voprosy filosofii*, 11. 3-19. [Мотрошилова, Н. В. (2004), *Идеи единой Европы: философские традиции и современность*. В: *Вопросы философии*, 11. 3-19.]
- НАПСО 2016: Napso, M. D. (2016), *Natsionalisticheskaya ideologiya v prostranstve globalizatsii*. In: *Vek globalizatsii*. 3 (19), 133-140. [Напсо, М. Д. (2016), *Националистическая идеология в пространстве глобализации*. В: *Век глобализации*. 3 (19), 133-140.]
- ПАНТИН 2006: Pantin, V. I./Lapkin, V. V. (2006), *Filosofiya istoricheskogo prognozirovaniya*. Dubna. [Пантин, В. И./Лапкин В. В. (2006), *Философия исторического прогнозирования*. Дубна.]
- РОДРИК 2014: Rodrik, D. (2014), *Paradoks globalizatsii: demokratiya i budushcheye mirovoy ekonomiki*. Moskva. [Родрик, Д. (2014), *Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики*. Москва.]
- ТОЛСТУХОВ 2003: Tolstukhov, A. V. (2003), *Global'nyy sotsial'nyy kontekst i kontury ekobudushchego*. In: *Voprosy filosofii*. 8, 49-63. [Толстухов, А. В. (2003), *Глобальный социальный контекст и контуры экобудущего*. В: *Вопросы философии*. 8, 49-63.]
- ANDREEV 2013: Andreev, A. (2013), *The Russian mind and the Modernization*. In: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. IV, 257-273.
- БУКОВИЕЦКИ 1922: Bukowiecki, S. (1922), *Polityka Polski niepodległej*. Warszawa.
- ФУКУЯМА 2012: Fukuyama, F. (2012), *The Future of History Can Liberal Democracy Survive the Decline of the Middle Class?* In: https://files.foreignaffairs.com/legacy/attachments/PC9_The_future_of_history.pdf [доступ 13.11.2017].
- HARVARD Business Review. “The Globalization Backlash is Reverberating Through Boardrooms”. In: https://hbr.org/2016/10/the-globalization-backlash-is-reverberating-through-boardrooms?utm_campaign=HBR&utm_source=facebook&utm_medium=social [доступ 20.12.2017].
- TREATY on European Union, signed at Maastricht on 7 February 1992. In: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:C:1992:191:FULL&from=EN> [доступ 16.01.2018].
- VISION and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road. In: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html [доступ 13.01.2018].
- VONA 2013: Vona Gabor: *Euro-Atlanticism must be replaced by Eurasianism*. In: https://www.jobbik.com/g%C3%A1bor_vona_euro-atlanticism_must_be_replaced_eurasianism [доступ 16.01.2018].

ОКСАНА ГОЛОВАШИНА / OXANA GOLOVASHINA

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9911-175X>

Derzhavin Tambov State University

МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИИ УКРАИНСКИХ МИГРАНТОВ В ПОЛЬШЕ В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАРРАТИВОВ¹

Models of Integration of Ukrainian Migrants in Poland in the Context of the Conflict of Historical Narratives

Ключевые слова. Культурная память, травма, исторический нарратив, миграция, украинская миграция в Польше, конфликты памяти

KEYWORDS: Cultural memory, trauma, historical narrative, migration, Ukrainian migration in Poland, memory conflicts

ABSTRACT: The paper studies the integration models used by Ukrainian migrants living in Poland and the resulting problems associated with the rivalry between historical narratives of the Ukrainians and the host community. The author's work is based on the concept of cultural memory (Maurice Halbwachs, Aleida Assman) and the idea of the dynamic character of images of the past (Jeffrey K. Olick). The data for the study was collected during 30 in-depth interviews with the Ukrainian migrants and also from social networks, forums and open Internet resources. The study has revealed that the majority of the Ukrainian migrants seek to avoid the rivalry between historical narratives, arguing that they personally are not involved in it and events of the past are no longer actual in modern life. Close contacts with representatives of the host community contribute to the assimilation of the Ukrainians. Only a few of the interviewed respondents choose the Ukrainian historical narrative, however they are not going to throw their lot in with Poland. The paper also thoroughly discussed the factors contributing to the choice of one or another position.

Возрастающий поток украинских мигрантов в Польше повышает актуальность изучения соотношения польского и украинского исторических нарративов и их конфликтного потенциала. В настоящий момент около миллиона украинцев в Польше находятся в ситуации конкуренции исторических нарративов и практически ежедневно вынуждены выстраивать диалог с принимающим сообществом. При отсутствии работающих моделей такого диалога мигранты сами находят и/или создают варианты взаимодействия

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект No19-18-00421).

в зависимости от личной интерпретации полученной на родине исторической информации, опыта жизни в Польше, социального окружения и т.д. Довольно многочисленные общественные организации, помогающие украинцам (их подробный анализ см. Łada/Böttger 2016) решают экономические, социальные вопросы, но какая-либо трактовка исторических событий остается личным делом мигрантов. Для успешной интеграции они вынуждены отказываться от привычного им исторического нарратива или трансформировать некоторые его аспекты.

Предлагаемая статья представляет собой один из результатов проведенного в октябре–ноябре 2017 года изучения исторических нарративов русскоязычных мигрантов в городах Варшава, Краков, Познань. Цель исследования заключалась в анализе способов взаимодействия различных форм культурной памяти, в том числе, конфликтов, возникающих в процессе этого взаимодействия, границ усвоения и принятия различных представлений о прошлом и влияния на эти процессы культурной памяти принимающего сообщества. Выбор этих городов был обусловлен содержащимся в ряде работ (Brzozowska 2014; Grzymała-Kazłowska 2014) данными о расселении различных групп мигрантов. Основными источниками стали неструктурированные интервью с мигрантами, наблюдение за формальными и неформальными мигрантскими сообществами, мероприятиями, организованными мигрантами и/или для мигрантов, а также данные социальных сетей, тематических форумов, мигрантской прессы. Исследование было поддержано Центром польско-российского диалога и согласия (Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia). В этой статье представлены результаты обработки 30 интервью с украинскими мигрантами 20–47 лет, проживающими в Польше в течение 2–10 лет. 19 мужчин и 11 женщин, 15 человек приехало с Восточной части Украины и столько же с Западной. 18 человек – студенты высших польских учебных заведений (из них 12 совмещают учебу с работой), 6 работают в сфере обслуживания, 3 предпринимателей, 4 домохозяйки, 4 – заняты в сфере образования, 5 работают в строительстве, 2 находятся в поиске работы. Запись интервью велась на диктофон с согласия информантов. 76 % мигрантов назвали стремление повысить свой уровень жизни основной мотивацией для миграции (под «уровнем жизни» мигранты имели в виду уровень дохода, социальную стабильность, возможности для личностного и профессионального роста), остальные информанты в качестве причин миграции указали личные (замужество, помощь детям, которые уже проживают в Польше и т.д.), любопытство (хотелось пожить в другой стране), желание самостоятельной жизни, интерес к польской культуре и т.д. Среди респондентов не было профессиональных историков, мигрантов с историческим образованием или тех, кто назвал изучение истории своим устойчивым интересом.

История перестала быть только прерогативой избранных интеллектуалов, а все чаще становится объектом личных переживаний и коллективных интерпретаций в повседневных практиках. Поколения, оставаясь носителями личной, семейной памяти, используют доминирующий официальный дискурс, иногда соответствующую ему историософскую модель (Асриян 2017) для повествования о сохранившихся образах прошлого, и в ситуации возможного конфликта собственного опыта и официальной интерпретации (например, в постсоциалистических странах, где коллективные представления о прошлом находились под влиянием сначала социалистической, а потом пост (как правило, анти-) социалистической дискурсивной модели) возможны интересные, зачастую, парадоксальные сочетания. Интерпретация прошлого оказывается социальной практикой, определяющей модели поведения и действий людей. В этих условиях взаимоотношения Польши и Украины осложняются не историческими конфликтами, а конкуренцией исторических нарративов, цели которых определяется формированием национальной идентичности, необходимостью сплочения нации, существующими моделями исторического повествования, актуальной политической повесткой.

Миграция украинцев в Польшу началась еще в 1990-е, однако после 2014 года она резко увеличилась. В 2013 году украинцами были получены 1694 вида на жительство и 9795 временных видов на жительство (срок действия до 3 лет), в 2014 уже 3484 и 17 103 соответственно, а за 9 месяцев 2015 года – 4570 и 21 872 (Office for Foreigners 2015). На 1 июля 2016 году украинцам принадлежало 31% всех выданных иностранцам видов на жительство. Треть граждан Украины, получающих образование за рубежом, учатся в польских образовательных учреждениях (Gomółka 2016), при этом в 2014/2015 учебных годах количество украинцев в польских вузах увеличилось в два раза по сравнению с предыдущим периодом (Stadnyi 2015).

Анализ данных проведенного эмпирического исследования показал следующие результаты.

Самая распространенная стратегия, которой, в целом, придерживались 18 из 30 опрошенных мигрантов и большинство из участников мигрантских сообществ – это отказ от конкуренции. В основном, ее выбирают молодые люди, которое прожили в Польше несколько лет. Приезжая, украинцы не отказываются от своего исторического нарратива, но и не готовы принять новый, поэтому они или 1) пытаются снизить значение прошлого в современной жизни, или 2) отрицают личную связь с конфликтными событиями прошлого.

Первая стратегия в общих чертах совпадает с внешнеполитическими высказываниями украинского руководства. Это свидетельствует о наличии общих культурных оснований, заставляющих политическую элиту и граждан Украины выбирать схожие стратегии. Мигранты говорят, что трагические

исторические события (прежде всего, «Волынская резня») были давно, а сейчас другое время и не стоит обращать внимание на прошлое («Пора жить сегодняшним днём...смотреть вперёд, а не назад...») (М., 26 лет), «Это история...там есть много плохого, но есть и много хорошего...пора уже дать покой этим бесконечным раздорам...» (Ж., 37 лет). Иногда информанты призывают к более широкому взгляду на историю, которая не ограничивается польско-украинскими отношениями («Немцы тоже плохо обращались с нами обращались – и что с этого?») (М., 22 года), «Волынь – это региональный конфликт, он ничего не значит, таких много в истории было, зачем сейчас это вспоминать?» (М., 29 лет).

Данная стратегия может выражаться в признании равнозначности разных трактовок и возможности их сосуществовании. История в представлениях информантов оказывается собственностью государства, трактуется как часть государственной идеологии: «Пусть здесь снимают такие фильмы, какие им больше нравится. А мы улицы называем, как нам нравится» (М., 41 год); «В Варшаве на улицах говорят одно, в Львове – другое. Это нормально» (Ж., 33 года). Информанты избегают давать каких-либо оценок исторических событий или героев – они подчеркивают, что государство (Украина, Польша) имеет право на ту историю, которая им больше нравится, потому что никто не знает, как было на самом деле.

Вторая стратегия проявляется в отрицании своей личной связи с трагическими событиями прошлого: «Ни я, ни мои родственники в этом («Волынская резня») не участвовали» (Ж., 29 лет); «УПА – это не вся Украина» (Ж, 21 год), «Я вообще из другого города/ Это за тысячу километров от меня». Подобная позиция позволяет мигрантам объяснить себе, что фильм «Волынь» – не про них, а про каких-то других людей, которые не имеют к ним никакого отношения. Причем другая семейная история не дискредитирует эту стратегию: выходец из Украины, польские родственники которого пострадали при Волыни, сказал, что им уже не поможет, если он сейчас будет как-то по особенно относиться к этому событию. Эта стратегия позволяет сохранять личную дистанцию по отношению к польско-украинским битвам памяти за счет отрицания значимости прошлого.

Главная цель отказа от конкуренции исторических нарративов со стороны мигрантов – это желание уменьшить возможность возникновения конфликтных ситуаций в стране пребывания. Необходимость найти хорошую работу, общение с чиновниками представляются мигрантам более серьезными проблемами, чем события прошлого. Эта позиция связана с опытом знакомства с информантов с историей. Даже самые молодые из опрошиваемых мигрантов сталкивались на родине с непредсказуемостью прошлого своей страны. Если нарратив школьных учебников сохраняет определенную целостность на протяжении последнего десятилетия, то информация, поступающая через

СМИ, постоянно предлагает другие, часто противоположные предыдущим, трактовки, а старшие родственники или друзья могут выступать транслятором советского исторического нарратива, критикуемого современными украинскими пособиями по истории. Таким образом, мигранты настроены на формирование определенной гибридной идентичности, в которой культурная память страны исхода сочетается с актуальной культурной реальностью. Культурная память обычно довольно долго сохраняет доминирующие положение, чему способствует не только сама природа культурной памяти, но и отношение к мигрантам со стороны поляков как к «украинцам», «приезжим», «зароботчанам». Однако необходимо отметить тенденцию к увеличению роли актуальных культурных элементов с увеличением продолжительности пребывания в Польше и степени интеграции.

Иногда объяснения отношения к украинскому прошлому были довольно оригинальные: например, один информант объяснял его тем, что не чувствуют своей связи с Украиной или Польшей: «Я космополит . То есть безродный по сути... и то что я прожил 26 лет на территории Украины не делает меня украинцем» (М., 29 лет); другой считал социальную идентификацию важнее национальной: «Я простой работяга , и у нас своих проблем полно, вот и не грузим друг друг этой политической белибердой. Рабочий он и в Африке рабочий!» (М., 41 год). Стремление оправдать украинцев в Волыне, сохранив дружественное отношение к полякам, заставляет опять обращаться к общему врагу: один из информантов доказывал, что «Волынскую резню» организовали советские спецслужбы, переодевавшиеся в украинцев.

Длительная последовательная реализации этой стратегии при интеграции в принимающее сообщество невозможна. Вполне понятно, что мигранты могут не интересоваться историческими нарративами, однако принимающее сообщество не может в целом не касаться конфликтных событий в прошлом. Вопросы о Волыни и личности Степаны Бандеры, по словам информантов, стали довольно популярными в собеседовании для получения вида на жительство в последний год, при этом, как отмечают другие информанты, раньше на подобных собеседованиях не требовалось давать оценку историческим событиям.

Принятие (частично или полностью) исторического нарратива принимающего сообщества является еще одной стратегий, которую выбирают украинские мигранты.

Несмотря на декларируемое стремление оставить историю в прошлом, она ждет мигрантов в СМИ, фильмах, соседях, которые учились в других школах. Поэтому некоторые мигранты (8 человек из тех, с кем было проведено интервью), соглашаются с историческим нарративом принимающего сообщества. Как правило, об этом говорится в дискурсе осознания: «Я только здесь понял, какими мы были свиньями» (М., 38 лет); «Нам в школе про

это не говорили, а здесь понятно стало» (Ж., 40 лет). Все мигранты, участвующие в интервью, стремились оправдать принятие польского исторического нарратива: ссылались на свое гуманитарное образование, позволяющие им делать объективные, как они говорят, выводы, (независимо от того, в какой стране это образование было получено), на образование мужа/друга-поляка, реже – на самостоятельное исследование источников. «Мы должны признать свои исторические ошибки» (Ж., 33 года), «Раньше я об этом не знал, но теперь понимаю, за что поляки нас не любят» (М., 28 лет), – говорят мигранты. Отказываясь от того, чтобы обращать внимание на возможные конфликты с принимающим сообществом, мигранты подчеркивали те общие черты, которые, на их взгляд, объединяют поляков и украинцев: «славянская душа», разделенность нации и т.д. Эта точка зрения позволяет мигрантам констатировать свою интеграцию в польское сообщество, однако избежать резкой критики своей родины. Образ Советского Союза (и часто России) как тоталитарной империи, которая стремилась поссорить два народа (поляков и украинцев), терроризируя любые проявления свободомыслия, вполне соответствует современной польской политике памяти и перенимается в настоящий момент украинцами. В крайних случаях имеет место изменение собственной семейной истории, в которой дед, существовавший в сознании как участник Великой Отечественной войны (то есть, часть советского героического пантеона) интерпретируется как преступник.

Еще одной стратегией является выбор исторического нарратива, характерного для страны исхода, однако среди опрошенных украинцев только единицы выбрали подобную модель. Они критиковали поляков за их нежелание понимать украинскую историю и упрощенные трактовки и не собирались оставаться в Польше на постоянное место жительства (хотя и возвращаться в Украину тоже не планировали).

Трансляции украинского исторического нарратива не происходит, потому что невозможно говорить о существовании сплоченной украинской диаспоре в Польше. Возможно, реально работающие сообщества соотечественников появятся позже, но сейчас основной поток мигрантов из Украины, прибывающих в с 2014 года, не может быть интегрирован прежними или недавно образованными формальными организациями. само польское мигрантское сообщество сильно разобщено и иногда расколото. «Познакомлюсь с парнем-украинцем. Бандеревцам не беспокоить», - пишет девушка из Украины в сообществе мигрантов в социальных сетях. Толерантные по отношению к мигрантам, приехавшим из других стран, открытые к диалогу с поляками, украинцы при этом бывают крайне нетерпимы к своим соотечественникам. Они готовы отказаться от стереотипов, связанных с россиянами и поляками, несмотря на сложную совместную историю, но считают выходцев с Западной Украины агрессивными, националистами-фанатиками, а жителей Востока

– глупыми, склонными к алкоголизму и не знающими украинский язык. Несмотря на актуальную политическую ситуацию, выходец со Львова скорее согласится снимать квартиру совместно с россиянином, чем мигрантом из Днепрпетровска. Несмотря на наличие множества организаций, помогающих в интеграции украинцам, большинство опрашиваемых мигрантов стремятся избегать круга соотечественников или (обычно в случае слабого знания польского языка) предпочитают сообщества по интересам, которые носят в целом русскоязычный характер, и акцентирование любой национальной идентичности (украинской, российской, белорусской, азербайджанской) там не приветствуется. Подобная ситуация обеспечивает воспроизводство только самых неконфликтных образов (национальная кухня, популярная культура, образы природы).

Исследование не выявило разницы в ответах между мигрантами, приехавшими по рабочей, учебной визе и репатриантами, имеющими польские корни. Несмотря на то, что многие из репатриантов знают польский язык как родной, включены в польскую культуру, они также как остальные мигранты стремились избежать конкуренции нарративов, и выбирали польские трактовки только после длительного периода жизни в Польше – как и остальные украинские мигранты. Польское происхождение в большинстве исследуемых случаев затрудняло интеграцию, так как репатрианты не только решали задачи, естественные для всех мигрантов, но и пытались нивелировать конфликт между своим происхождением (и, зачастую, идентификацией) и реакцией на них окружающих как на украинцев. Информанты обращали внимание на то, что даже при знании польского языка на уровне родного, они не понимают польский юмор, сталкиваются с отрицательным отношением преподавателей в университетах, местных жителей. Так же не обнаружилась ожидаемая корреляция между предыдущим местом жительства информантов и их выбором той или иной стратегии – выходцы с Восточной и Западной Украины одинаково отвечали на вопросы.

На выбор той или иной стратегии приоритетное влияние оказывает окружение мигрантов. Анализ страниц в социальных сетях показали, что, чем больше связей с принимающим сообществом, тем чаще мигранты соглашались с польским историческим нарративом. Все информанты, склоняющиеся в этом варианте или состояли в смешанных браках (80% из тех, кто принимает польский исторический нарратив), или работали в польском коллективе. Довольно распространенные браки между поляками и украинцами, по мнению исследователей, не столько улучшают интеграцию украинцев, сколько приводят к их ассимиляции (Brzozowska 2014; Fihel/Górny/Grzymała-Kazłowska i in. 2007). Сами украинцы в интервью отмечают, что Польша стала домом, когда здесь родились дети.

Информанты, которые прожили в Польше более 5 лет, отмечают, что только в последние годы они столкнулись с неприятием украинцев. Однако в подробных интервью только трое из информантов напрямую сталкивались со случаями дискриминации по этническому принципу, но каждый рассказывал подобные истории, которые они слышали от знакомых, а те, в свою очередь, слышали их от других людей. Учитывая комментарии в тематических сообществах, можно констатировать, что уровень украинофобии нагнетается самими мигрантами и представляет собой своеобразный ответ на рост подобных настроений в СМИ.

Прошлое нельзя оставить позади, оно поджидает в речах политиков, смотрит с экрана телевизора, говорить словами соседней по транспорту. Снижение конфликтного потенциала интенсивной миграции украинцев в Польшу может быть только при условии совместно переосмысления и переработки общего прошлого и снижения его эмоциональной ангажированности.

Библиография

- ASRIYAN 2017: Asriyan, E. (2017), Etnicheskiy i politicheskiy mif kak faktor formirovaniya obshchestvennog. In: Przegląd Wschodnioeuropejski. VIII/1, 161-172. [Асриян, Э. (2017), Этнический и политический миф как фактор формирования общественного мнения. In: Przegląd Wschodnioeuropejski. VIII/1, 161-172.].
- BRZozowska/GRZYMAŁA-KAZŁOWSKA 2014: Brzozowska, A./Grzymała-Kazłowska, A. (2014), Procesy inkluzji migrantów a więzi i sieci społeczne wśród małżeństw mieszanych. In: Acta Universitatits Lodziensis, Folia Sociologica. 50, 69-87.
- FIHEL/GÓRNY/GRZYMAŁA-KAZŁOWSKA i in. 2007: Fihel, A./Górny, A./Grzymała-Kazłowska, A. i in. (2007), Od zbiorowości do społeczności: rola migrantów osiedleńczych w tworzeniu się społeczności imigranckich w Polsce. In: CMR Working Papers. 27/(85).
- GOMÓŁKA 2016: GOMÓŁKA, K. (2016), Studenci, doktoranci i stażyści z Ukrainy na polskich uczelniach. In: Przegląd Wschodnioeuropejski. VII/1, 85-98.
- GRZYMAŁA-KAZŁOWSKA 2014: Grzymała-Kazłowska, A. (2014), The role of different forms of capital for immigrant adaption and mobility. The case of Ukrainian and Vietnamese immigrants settled in Poland. In: Ethnicities. 15, 460-490.
- ŁADA/BÖTTGER 2016: Łada, A./Böttger, K. (red.). (2016), #EngageUkraine. Zaangażowanie społeczne Ukraińców w Polsce i w Niemczech. Warszawa.
- Office for Foreigners 2015: Office for Foreigners (2015). Statystyki. Data from the Office for Foreigners. In: <http://udsc.gov.pl/statystyki> [доступ 15.09.2015].
- STADNYI 2015: Stadnyi, E. (2015), Number of Ukrainian students abroad. In: <http://www.cedos.org.ua/uk/osvita/kilkist-studentiv-ukraintsiv-za-kordonom> [доступ 19.04.2015].

Ильдус Загидуллин / IL'DUS K. ZAGIDULLIN

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0501-2177>

Tatarstan Academy of Sciences

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ МУСУЛЬМАНСКОГО ДУХОВЕНСТВА ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА¹

Regulation of the Legal Status of the Muslim Clergy of the Taurian Province in the Second Third of the XIX Century

Ключевые слова: мусульмане Таврической губернии, крымско-татарское духовенство, мусульманский приход, государственные и исламские отношения

KEYWORDS: muslims of the Taurian province, Crimean tatar parish clergy, muslim parish, state and islamic relations

ABSTRACT: In article process of legal fixing by the law of december 23, 1831 year to muslim Crimean tatar clergy of the status of the privileged class, exempted from taxes, duties and corporal punishment is considered. Also the reasons of attempts of officials of various level to limit these privileges are established. Finally, keeping a privilege of the Crimean tatar clergy and showing thereby commitment to the fundamental principles of the patronage of the confessional policy of the Russian state for muslims of Taurida, officials have found a way to reduce its number by transfer of descendants of the non-serving of “hereditary” clergy to podatny class. Since 1848 year the composition of the higher and parish clergy was to be updated only at the expense of children of the serving clergy and descendants of non-serving of clergy who moved to other classes at the same time the first used the privilege exempting them from payment of taxes, “by inheritance”, the second – only during the performance of pastoral duties.

1. Введение

После аннексии Российской империей Крымского ханства, Екатерина II манифестом от 8 апреля 1783 года обещала местному населению «охранять и защищать их лица, храмы и природную веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно» (ПСЗ-1, т.21,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержки РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта №17-11-16011.

№15708). Еще одной мерой по укреплению лояльности местных элит стал рескрипт императрицы, данный Екатериновскому и Таврическому генерал-губернатору П.А. Зубову, от 17 сентября 1796 г. Одна из статей нового закона объявила крымско-татарское духовенство освобожденным от всяких податей и налогов (Киреенко 1897, 16-18). Включение Екатериной II мусульманского духовенства в список привилегированных сословий противоречило правовым основам православного государства. Именно поэтому «крамольный» рескрипт от 17 сентября 1796 г. не был включен в «Полное собрание законов Российской империи».

Целью нашего исследования является рассмотрение аргументов сановников правительства Николая I и механизма корректировки содержания при сохранении «фасада» законодательного акта екатерининской эпохи о привилегированном статусе «наследственного» мусульманского духовенства после превращения Тавриды из фронта-региона во «внутреннюю» губернию. Заявленная тема актуальна, прежде всего, в плане освещения начального этапа пересмотра в эпоху Николая I принципов конфессиональной политики Екатерины II в отношении ислама, которая получила окончательное оформление в пореформенный период, а также для выявления особенностей функционирования исламских институтов крымских татар по сравнению с другими мусульманскими сообществами в империи.

Историография темы ограничивается несколькими работами. Вышеназванный рескрипт от 17 сентября 1796 г. был впервые опубликован в 1918 г. И. Александровым (Александров 1918, 318, 321) и переиздан в 2003 г. Д. Ю. Араповым (Арапов 2003, 92)². В коллективной монографии украинских историков, посвященной истории ислама в Крыму, по рассматриваемому нами периоду освещается, главным образом, история местного религиозного управления, повествование о статусе духовенства ограничивается анализом «Положения о Таврическом магометанском духовном правлении и порядке отправления подлежащего ведению его дел» 1831 г. (Ганкевич, Хайрединова 2009, 156-157). Предыстория заявленной темы, а также динамика численности и социально-правового положения крымско-татарского духовенства во второй половине XIX – начале XX в. рассмотрены автором этой публикации (Загидуллин 2018, 724-740; Загидуллин 2018, 25-34). При написании исследования нами использовался проблемно-хронологический метод, позволивший в хронологическом развитии изложить изучаемую проблему.

² Д. Ю. Арапов пишет о нем как о об указе от 16 сентября 1796 г.

2. «Положение» 1831 г. о сословности крымско-татарского духовенства

Учреждение в 1802 г. Таврической губернии явилось точкой отсчета трансформации фронта-региона во «внутреннюю губернию», где действовала общеимперская система управления, хотя и сохранялись «родимые пятна» специфического статуса некоторых групп населения (Киренко 1897, 16-18). Во время обсуждения в 1831 г. в Государственном совете проекта устава Таврического магометанского духовного правления данное обстоятельство привело к полемике. Центральным пунктом стал поиск ответа на вопрос: «признавать ли таврическое духовенство особым состоянием, освобожденным от налогов и повинностей, или же признать, что эта льгота распространяется на период службы?».

Департамент законов Государственного совета, основываясь на ранее принятых законодательных актах и рескрипте от 17 сентября 1796 г., считал, что «означенное духовенство не составляет особого наследственного состояния», и что к нему могут принадлежать только те, которые по установленному порядку и избранию действительно поступили в отправление духовных должностей, и притом только в период исполнения этой должности (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 625. Л. 123).

При принятии окончательного решения были учтены доводы Главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий Д. Н. Блудова о том, что указ от 17 сентября 1796 г. был «всегда понимаем и исполняемым был таким образом, что духовенство сие составляет особый класс, свободный от податей и налогов, в который входят все записанные в оный духовные при ревизии с их семействами, а не одни исправляющие духовные должности лично» (там же, Л. 130-130 об.).

В результате данный тезис Д. Н. Блудова получил юридическое оформление в «Положении о Таврическом магометанском духовном правлении и порядке отправления подлежащего ведению его дел» от 23 декабря 1831 г. (ПСЗ-2, т. 6, ч. 2, № 5033): духовенство на основании дарованных прав остается навсегда свободным от всех налогов и повинностей (§ 6), право принадлежности к духовенству основывается на происхождении «от оногo и доказывается ревизскими сказками» (§ 7). В этой связи уместно подчеркнуть также политический аспект данного решения – получение правительством рычага контроля над динамикой численности духовенства, самое главное – возможности недопущения его быстрого прироста, как представлялось тогда государственным мужьям. Блудов предупреждал: «нельзя упустить из вида, что подтверждение сего права без принятия надлежащих мер к отращению свободного перехода татар в духовное звание может обратиться

к увеличению класса духовенства в ущерб государственных доходов» (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 625. Л. 130 об.-131).

«Положением» 1831 г. крымско-татарское духовенство было превращено в «закрытое сословие», из которого можно было перейти в купеческое и мещанское сословия (§ 9), однако не предусматривалась запись в духовенство из других сословий. По «Положению» 1831 г. высшее крымско-татарское духовенство составляли муфтий³, кади-эскер⁴, пять уездных кадиев⁵ (§ 14). Приходское духовенство было представлено «хатыпами» (хатибы), имамами⁶, маязинами (муадзины или азанчи)⁷ и служителями при мечетях⁸ (§ 18).

К приходскому духовенству были также причислены не только происходящие из «духовного состояния» мударрисы (учителя высшей или средней конфессиональной школы) и гочи (учителя начальной школы), но и занимающие эти должности лица из податных сословий с условием, что их «потомство не почитается принадлежащим к духовному состоянию» (§ 20). По личным преимуществам гочи приравнивались к муадзинам, в случае занятия должности имама или хатиба мударрис мог исполнять и приходские духовные обязанности (Примечание к § 20). В случае происхождения из «духовного состояния», начальники текий – шейхи⁹ – и служители при мечети – ферраши – также пользовались правами, дарованными духовенству (§ 21).

³ Таврический муфтий – духовный глава местных мусульман с правом издавать от себя по религиозным вопросам фетвы, после предварительного рассмотрения и решения в установленном порядке относящихся к этому делу в религиозном управлении, председателем которого он являлся (§ 15).

⁴ Кади-эскер – помощник таврического муфтия, заступающий на его место в случае его болезни или отсутствия, постоянный член ТМДП (§ 16).

⁵ Уездные кадии рассматривали и решали все возникающие в подведомственных им уездах дела по мусульманскому закону в рамках «Положения» 1831 г. (§ 17). В их компетенцию входило: решение гражданских тяжб и споров по разделу наследственных имуществ; постановление приговоров по делам уголовным и наблюдение за их исполнением; назначение опеки и попечительства над неспособными управлять своим имуществом; выдача в замужество женщин, не имеющих попечителя (веляя); надзор за исполнением завещаний; сбор и раздел между бедными закята, если для этого не установлено особого чиновника; наблюдение за общественными имуществами – строениями, дорогами и т. п. (Мусульманское духовенство Таврической губернии в конце XIX века: рапорт В. В. Вашкевича: сборник документов 2016, 56-57).

⁶ Хатибы – настоятели соборных мечетей, отправляющие общественное богослужение только по пятницам и годовым праздничным дням с чтением худбы (проповеди), имамы – руководители ежедневных пятикратных намазов в мечетях, на них возлагалось исполнение духовных треб и решение дел прихожан, регламентированных «Положением» 1831 г. (§ 19).

⁷ Муадзины – духовные лица, в определенное время призывающие единоверцев к молитве провозглашением символа веры с минарета или крыльца мечетей.

⁸ Ферраши или каюмы – сторожа при молитвенных домах, наблюдающие за их чистотой и, в случае отсутствия муадзина, исполняющие его обязанности.

⁹ Шейхи – начальники особых молитвенных домов-текие.

3. Формирование критериев определения статуса мусульманского духовенства

Таврические власти были недовольны высоким социальным положением крымско-татарского духовенства, которое по критерию наследования льгот от налогов и повинностей оказалось статусом выше даже православных священников, пользовавшихся этой привилегией лишь в период исполнения пастырских обязанностей. Таврический гражданский губернатор М. М. Муровцев в 1838 г. во всеподданнейшем отчете о состоянии губернии за 1837 г. сообщал о своем обращении к новороссийскому генерал-губернатору и полномочному наместнику Бессарабской области М. С. Воронцову с предложением обязать неслужащее духовенство платить налоги. Министр внутренних дел Д. Н. Блудов немедленно запросил по этому поводу мнение у М. С. Воронцова, который ответил, что это предложение противоречит «Положению» 1831 г., от введения данного новшества казна получит несущественный доход (Кравчук 2015, 21ссл.).

Между тем ходатайства об изменении статуса неслужащего крымско-татарского духовенства продолжали подаваться в высшие инстанции. Так, вновь назначенный таврический гражданский губернатор В. Я. Рославец высказался за «мягкое» решение проблемы, предложив во всеподданнейшем отчете за 1843 г. освобождать от податей только служащее духовенство с семейством и лично отцов семейств, происходящих из духовного звания, записанных в ревизских сказках, а их детей и их потомство подвергнуть, наряду с поселянами, к отбыванию повинностей (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 625. Л. 103 об.). Однако инициатива губернатора вновь осталась без должного внимания.

В этот же период споры о статусе крымско-татарского духовенства стали происходить между губернскими институтами власти. Таврическое губернское правление предложило казенной палате исключить из подушного оклада татар, доказавших выписками из ревизских сказок свое происхождение из «духовного состояния», хотя и не занимающих духовные должности. Казенная палата, посчитав, что духовные чины свободны от уплаты податей только когда состоят в должностях, признала это предложение неприемлемым (там же, Л. 100). По поводу возникшего разногласия министр финансов Е. Ф. Канкрин обратился к министру внутренних дел Л. А. Перовскому. Последний запросил экспертное заключение Второго Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии. Начальник отделения М. А. Балугьянский составил справку, ставшую основой инициатив силового ведомства.

М. А. Балугьянским было выделено пять групп мусульман, в той или иной степени имеющих отношение к крымско-татарскому духовенству. Прежде всего, это – высшие и приходские духовные лица, происходившие

из «духовного состояния», второй группой служащего духовенства названы избранные обществами в приходские должности лица из податного сословия, которые указом от 3 октября 1833 г. (ПСЗ-2. Т. 8. Ч. 1. № 6466) «лично» приписаны к духовенству и освобождены от уплаты податей, пока занимают духовные должности; их дети и семьи (кроме жен их) и потомки не подлежат такой льготе и показываются в ревизских сказках. Третьей группой именовались приписанные в другие сословия и происходившие из духовного звания лица, занявшие по выбору общества приходскую духовную должность. По Балугьянскому, они могли претендовать только на статус «личного» духовенства, т.е. в случае приписки к духовным лицам в установленном порядке лично освобождались от платежа податей до оставления должности.

Неслужащее потомственное крымско-татарское духовенство Балугьянским делилось на несколько групп. Прежде всего, искусственно выделяются дети духовенства, которые до этого времени не упоминались в законах, поэтому предлагалось определить их статус юридическим путем. Еще одной группой названы происходившие из духовного сословия, но перешедшие в другие сословия лица (купцы, мещане, крестьяне) и их потомки. В целом, этот документ проникнут духом николаевской эпохи и нацелен на формирование правовых основ ограничения численности крымско-татарского духовенства.

На основании справки статс-секретаря Балугьянского министр финансов Е. Ф. Канкрин рекомендовал обязать всех неслужащих духовных лиц избрать себе в годичный срок род деятельности, сделав исключение только их детям до достижения 18-летнего возраста (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 625. Л. 101-103 об.).

Доработав предложение Канкринина, Министерство внутренних дел 8 июля 1847 г. обратилось в Государственный совет с запиской «О магометанском духовенстве Таврической губернии». Подчеркивая нежелательность для российского государства сохранения статуса мусульманского наследственного духовенства, министр Л.А. Перовский рекомендовал: 1) оставить освобожденными от платежа податей и исполнения повинностей только занимающих духовные должности лиц, а также тех, кто был уволен в связи с возрастом (свыше 60 лет) или по причине увечья, а их сыновьям предоставлять льготу только до наступления совершеннолетия, т.е. до 21 года, предписав в течение одного года избрать род деятельности. (Льгота не распространялась на детей мударрисов, гочи, начальников текий, шейхов, феррашей в случае, если их отцы не занимали духовных должностей); 2) всем остальным – неслужащим – представителям наследственного духовенства предлагалось в течение одного года избрать род деятельности (там же, Л. 107 об.) что означало, по сути, перевод их в податное сословие.

Государственный совет 13 октября 1847 г. рекомендовал министру представить свои предложения на экспертное заключение Главноуправляющему Вторым отделением Собственной Е.И.В. канцелярией Блудову. В своем ответе

Блудов, демонстрируя убежденность в правоте ранее принятых решений, корректно написал: «II отделение убеждается в правильности своего о сих постановлениях заключения, которое им было принято при прежнем его производстве» (там же. Л. 108). Данный ответ лишил министра возможности дальнейшей инициативы.

Помощь Л. А. Перовскому неожиданно пришла из Новороссии. Обращение таврического гражданского губернатора В. И. Пестеля в 1847 г. о сохранении прежних привилегий исключительно служащему духовенству и освобождении неслужащих лиц духовного звания от льгот нашло поддержку у генерал-лейтенанта П. И. Федорова, временно исполняющего обязанности новороссийского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова.

Следует выделить два веских аргумента Пестеля. Во-первых, губернатор признался в бессилии предотвратить повторную приписку в «духовное состояние» сыновей и внуков духовенства, записанных в крестьянское и мещанское сословие, рисуя нерадужные перспективы для властей. Со времени издания «Положения» 1831 г., указывал губернатор, «домогательства татар-поселян о причислении к духовному сословию с целью избавиться от платежа податей и повинностей увеличились до чрезвычайности». Пестель был убежден, что для избежания платежа податей и повинностей значительная часть государственных крестьян перейдет в духовенство, хотя и не способно к исполнению духовной должности. Во-вторых, начальник губернии заручился поддержкой таврического муфтия и кади-искера, заявивших, что его проект «соответствует убеждению лучшей части магометан» (там же, Л. 109 об.-110 об.).

Поддержка генерал-лейтенанта П. И. Федорова кардинально изменило соотношение сил. С учетом того, что мнение генерал-губернатора являлось приоритетным, министр внутренних дел 4 марта 1848 г. вновь обратился с одноименной запиской в Государственный совет (там же, Л. 108).

На этот раз Перовский «бил прицельно»: сообщал о поддержке его проекта местным губернатором, муфтием и кади-эскером; для большей убедительности разыгрывая карту «несправедливого отношения» к Русской православной церкви, подчеркивая ущемленность православных священников духовенства перед мусульманским духовенством Таврической губернии в льготах, передаваемых по наследству. Резюмируя, со ссылкой на указ от 17 сентября 1796 г., министр предлагал освобождать от податей только служащее духовенство, происходящее из духовного звания (там же, Л. 112-112 об.).

По итогам обсуждения Государственный совет принял взвешенное и компромиссное постановление, высочайше утвержденное 24 мая 1848 г. (ПСЗ-2. Т. 23. Ч. 1. № 22297). Новый закон был направлен против увеличения численности мусульманского духовенства путем свертывания социальной основы его комплектования. Теперь льготами от уплаты налогов и исполнения

повинностей из числа «наследственного» духовенства могли пользоваться только занимающие духовные должности лица и их сыновья, а также старшие члены семей неслужащего духовенства. Все другие категории их родственников попадали под фискальный контроль государства и были обязаны в течение года приписаться в другое сословие, окончательно потеряв возможность приписаться в «наследственное» духовенство, даже в случае доказательства происхождения из духовного звания. Исключение делалось лишь тем, кто в установленном порядке избирался на приходскую должность, но мог рассчитывать на льготы лишь на время духовной службы. Таким образом, закон от 24 мая 1848 г. обрекал все неслужащее «наследственное» крымско-татарское духовенство на естественное вымирание.

4. Заключение

Сохраняя льготу крымско-татарского духовенства и демонстрируя тем самым приверженность основополагающим принципам покровительственной конфессиональной политики российского государства в отношении мусульман Тавриды, чиновники нашли способ уменьшения его численности путем перевода потомков неслужащего духовенства в податное сословие. Реформа в целом осуществлялась в русле конфессиональной политики правительства Николая I, в которой исламу, как одной из «терпимых» религий в империи, отводилось место после православной и других христианских конфессий.

Библиография

- АЛЕКСАНДРОВ 1918: Alyeksandrov, I. F. (1918), K istorii uchrezhdeniya Tavricheskogo magometanskogo dukhovnogo pravleniya. In: Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii. 54, 316-355. [Александров, И. Ф. (1918), К истории учреждения Таврического магометанского духовного правления. В: Известия Таврической ученой архивной комиссии. 54, 316-355.]
- АРАПОВ 2003: Arapov, D. Yu. (2003), Dokumenty ob upravlenii musul'manami Tavridy v kontse XVIII–XIX vv. (Zakonodatyel'nyye akty Yekatyeriny II i Alyeksandra I, doklad I. V. Lopukhina). In: Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. 7 (155), 91-98. [Арапов, Д. Ю. (2003), Документы об управлении мусульманами Тавриды в конце XVIII–XIX вв. (Законодательные акты Екатерины II и Александра I, доклад И. В. Лопухина). В: Сборник Русского исторического общества. 7 (155), 91-98.]
- ГАНКЕВИЧ/Хайрединова 2009: Gankyevich, V. Yu./Khayryedinova, Z. Z. (2009), Boytsova, Ye. V./Hankyevich, V. Yu./Muratova, E. S. et al. (eds.), Razvitiye musul'manskoj obshchiny v Tavricheskoy gubernii (konets XVIII – nachalo XX vv.). In: Islam v Krymu: Ocherki istorii funkcionirovaniya musul'manskikh institutov. Simfyeropol', 120-271. [Ганкевич, В. Ю./Хайрединова, З. З. (2009), Развитие мусульманской общины в Таврической губернии (конец XVIII – начало XX вв.). В: Бойцова, Е. В./Ганкевич, В. Ю./Муратова, Э. С. и др. (ред.), Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов. Симферополь, 120-271.]

- Загидуллин 2016: Zagidullin, I. K. (ed.) (2016), *Musul'manskoye dukhovenstvo Tavricheskoj gubernii v kontse XIX veka: raport V. V. Vashkevicha: sbornik dokumentov*. Kazan. [Загидуллин, И. К. (ред.) (2016), *Мусульманское духовенство Таврической губернии в конце XIX века: рапорт В.В. Вашкевича: сборник документов*. Казань.]
- Загидуллин 2018а: Zagidullin, I. K. (2018), *Dinamika chislennosti musul'manskogo krymsko-tatarskogo prikhodskogo «nasledstvennogo» dukhovenstva vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* In: *Nauchnyy Tatarstan*. 2, 56-65. [Загидуллин, И. К. (2018), *Динамика численности мусульманского крымско-татарского приходского «наследственного» духовенства во второй половине XIX – начале XX вв.* В: *Научный Татарстан*. 2, 56-65.]
- Загидуллин 2018б: Zagidullin, I. K. (2018), *Osobennosti formirovaniya musul'manskogo «nasledstvennogo» dukhovenstva v Tavride v 1783-1831 gg.* In: *Minbar. Islamskiye issledovaniya*. 11/4, 724-740. [Загидуллин, И. К. (2018), *Особенности формирования мусульманского «наследственного» духовенства в Тавриде в 1783-1831 гг.* В: *Минбар. Исламские исследования*. 11/4, 724-740.]
- Кравчук 2015: Kravchuk, A. S. (2015), *K biografii tavrcheskogo grazhdanskogo gubernatora Matveya Matveyevicha Muromtsova*. In: *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskiye nauki*. 1/4, 21-33. [Кравчук, А. С. (2015), *К биографии таврического гражданского губернатора Матвея Матвеевича Муромцова*. В: *Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского- Исторические науки*. 1/4, 21-33.]
- Киреенко 1897: Kiryeyenko, N. K. (1897), *O proshenii deputatov Tavricheskoj oblasti na Vysochaysheye imya v 1796 godu i vysochayshem ukaze 17 sentyabrya 1796 g.* In: *Izvestiya Tavricheskoj uchenoy arkhivnoy komissii*. 2, 11-19. [Киреенко, Г. К. (1897), *О прошении депутатов Таврической области на Высочайшее имя в 1796 году и высочайшем указе 17 сентября 1796 г.* В: *Известия Таврической ученой архивной комиссии*. 2, 11-19.]
- Полное собрание законов: *Polnoye sobraniye zakonov Rosiyskoy imperii. Sobraniye 1-ye*. Т. 21. № 15708. [Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 21. № 15708.]
- Полное собрание законов: *Polnoye sobraniye zakonov Rosiyskoy imperii. Sobraniye 2-ye*. Т. 23. Ч. 1. № 22297. [Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 23. Ч. 1. № 22297.]
- Полное собрание законов: *Polnoye sobraniye zakonov Rosiyskoy imperii. Sobraniye 2-ye*. Т. 6. Ч. 2. № 5033. [Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 6. Ч. 2. № 5033.]
- Полное собрание законов: *Polnoye sobraniye zakonov Rosiyskoy imperii. Sobraniye 2-ye*. Т. 8. Ч. 1. № 6466. [Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 8. Ч. 1. № 6466.]
- Российский государственный архив: *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv*. F. 821. Op. 8. D. 625. [Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 8. Д. 625.]

Список сокращений

- ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е.
ПСЗ-2 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е.
РГИА – Российский государственный исторический архив.
ТМДП – Таврическое магометанское духовное правление.

PIOTR OLECHOWSKI

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4108-2682>

Biuro Upamiętniania Walk i Męczeństwa IPN w Warszawie

POCZĄTKI DZIAŁALNOŚCI KONSULATU GENERALNEGO RP W KIJOWIE PO II WOJNIE ŚWIATOWEJ (1947–1949)

The Beginnings of Diplomatic Operation of Consulate General of the Republic of Poland in Kyiv after the Second World War (1947–1949)

SŁOWA KLUCZOWE: polski konsulat, Kijów, ZSRR, dyplomacja polska na Wschodzie, USRR.

KEYWORDS: Consulate of Poland, Kyiv, USSR, Polish diplomacy in Eastern Europe, Ukrainian Socialistic Republic

ABSTRACT: The article is about first period of diplomatic operation of Consulate General of the Republic of Poland in Kyiv after the end of the Second World War. The Consulate, which has been set in 1946, was able to start its work at the beginning of '1948 (even though the first Polish diplomatic corps appeared in Kyiv in September the year before). That case shows fully dependence of the Polish Ministry of Foreign Affairs on their Moscow principals. In the article has been described questions of setting-by the Consulate, constructing its staff and their first tasks. What is more, on the grounds of documents of the secret Soviet services' it has been shown some methods of invigilation the Staff's of the Consulate. The Author also described in short the relationships between the Consulate's personnel and specific of everyday life.

1. Uwagi wstępne

Dzieje polskiej dyplomacji na obszarze ZSRR nadal należą do słabiej zbadanych zagadnień w polskiej historiografii. Placówka w Kijowie nie jest pod tym względem wyjątkiem. Gdy weźmie się pod uwagę okres międzywojenny, dotychczas ukazało się zaledwie kilka tekstów naukowych na jej temat. Dotyczyły one jednak tylko wybranych zagadnień w bardzo ograniczonych ramach czasowych – najczęściej ostatnich lat działalności (Skóra 2010; Okipniuk 2016; Olechowski 2017). Tematyka dotycząca działalności polskiej placówki dyplomatycznej w Kijowie w okresie międzywojennym była także podejmowana w pracach związanych z funkcjonowaniem

poselstwa (później ambasady) w Moskwie (Urbańska 2006; Nowinowski 2008; Kruszyński 2010). Kijowski konsulat zakończył swą działalność wraz z wybuchem II wojny światowej.

Mimo wznowienia polsko-radzieckich stosunków dyplomatycznych w latach 1941–1943 działała wówczas jedynie Ambasada Polska w Moskwie (później przeniesiona do Kujbyszewa). Zlikwidowano ją w kwietniu 1943 r. (Szubtarska 2005; Grzybowski 2010).

Pierwsze próby reaktywacji placówki w Kijowie podjęto już w 1945 r. w zupełnie nowej sytuacji politycznej. Nie od razu przyniosły one jednak oczekiwany skutek. Formalnie urząd powołano do życia 1 grudnia 1946 r. Jednakże polski korpus dyplomatyczny przybył do Kijowa dopiero we wrześniu 1947 r. Normalne funkcjonowanie, związane z uznaniem ze strony państwa przyjmującego, placówka rozpoczęła natomiast w styczniu 1948 r.¹

Niniejszy artykuł ma za zadanie ukazanie pierwszych kilkunastu miesięcy działalności Konsulatu Generalnego RP w Kijowie po II wojnie światowej. Ramy chronologiczne obejmują okres od formalnego powołania placówki w grudniu 1946 r. do zmiany jej statusu z Konsulatu Generalnego na Konsulat, co nastąpiło w marcu 1949 r. W przygotowaniu tekstu posłużono się materiałami archiwalnymi proveniencji polskiej (Archiwum Ministerstwa Spraw Zagranicznych w Warszawie) oraz radzieckiej (Галузевий Державний Архів Служби Безпеки України у м. Києві – Wydzielone Państwowe Archiwum Służby Bezpieczeństwa Ukrainy w Kijowie). Sporą część przywołanej tu dokumentacji zaprezentowano w badaniach naukowych po raz pierwszy.

2. Powołanie placówki

Pierwsze próby powołania polskich urzędów dyplomatycznych w randze konsulatów na terenie ZSRR podjęto w marcu 1945 r. Reaktywowana Ambasada RP w Moskwie planowała uruchomić wówczas trzy placówki w stolicach republik radzieckich (Kijów, Mińsk, Wilno). Odpowiedź z Moskwy nadeszła 11 VII 1945 r. Obok wyrażonej zgody na powyższe, planowano jednocześnie na zasadach wzajemności powołać do życia radzieckie konsulaty na terenie Polski. Ich lokalizację przewidziano w Poznaniu, Krakowie i Gdańsku (AMSZ: Zesp. 27, w. 8, t. 114, k. 3). Z czasem jednak władze radzieckie pod różnymi pretekstami odwlekały podjęcie ostatecznych decyzji w sprawie powołania polskich placówek na swoim terytorium.

¹ Warto jednak dodać, że pewna autorka w swej pracy habilitacyjnej błędnie podaje, że polski konsulat w Kijowie rozpoczął działalność dopiero w 1971 r. Zob. A. Sawicz, *Konsulat bez precedensu. Agencja konsularna we Lwowie wobec problemów mniejszości polskiej*, Poznań 2017, s. 43.

Mimo tego strona polska postanowiła działać. Jedną z najważniejszych kwestii pozostawała obsada stanowiska konsula generalnego. Aktywne działania na tym polu poczynił wówczas lwowski oddział Związku Patriotów Polskich (ZPP). W grudniu 1945 r. na ręce ministra Jakuba Bermana skierowano charakterystykę osobową kandydata na szefa placówki – Eustachego Żylińskiego, profesora Uniwersytetu Lwowskiego i wiceprzewodniczącego ZPP we Lwowie. Określono go tam jako osobę doskonale orientującą się w radzieckich realiach, znającą przy tym biegle języki rosyjski i ukraiński. Podkreślono również jego rozległe kontakty w samym Kijowie, gdzie wcześniej ukończył studia wyższe (AMSZ: Zesp. 6, w. 29, t. 445, k. 5-6). W istocie, biorąc pod uwagę ówczesne uwarunkowania polityczne, owa kandydatura wydawała się jedną z lepszych propozycji. Początkowo zyskała ona zresztą aprobatę kierownictwa polskiego MSZ i ambasady w Moskwie. W notatce służbowej z 1946 r. Wydział Radziecki MSZ informował bowiem o zamiarze uruchomienia w Kijowie urzędu dyplomatycznego na czele z Żylińskim (AMSZ: Zesp. 6, w. 31, t. 478, k. 7). Dalsze działania organizacyjne ze strony polskiej również przebiegały bez zakłóceń. Radziecki MSZ w połowie maja 1946 r. obiecał załatwienie wszelkich formalności pod warunkiem znalezienia odpowiedniego lokalu. Tym razem nie powrócono jednak do samodzielnej willi przy ul. Liebknechta 1, zajmowanej przez polskich dyplomatów w okresie międzywojennym. Zaproponowano za to miejsce przy tej samej ulicy pod nr. 28 (AMSZ: Zesp. 6, w. 31, t. 481, k. 1-3). Kilka miesięcy później, we wrześniu 1946 r. lokal ten wizytował Naczelnik WR MSZ Janusz Zambrowicz. Według jego słów, był to oddzielny budynek, składający się z 11 pokoi (6 na parterze i 5 na piętrze), położony w centrum miasta, w bezpośrednim sąsiedztwie siedziby MSZ USRR. We wrześniu 1946 r. trwał tam jeszcze remont adaptacyjny, który miał się zakończyć stosunkowo szybko. Prognozowano zatem, że już w grudniu polska placówka mogłaby rozpocząć działalność. Strona radziecka wyraziła nawet prośbę, aby już w połowie listopada do Kijowa przybył ktoś z polskiego MSZ i pomógł w organizacji urzędu. Zambrowicz zaproponował wysłać z tą misją Żylińskiego. Zobowiązano się także dostarczyć meble na wyposażenie konsulatu (ibidem, k. 16-17). Nieco odmienne informacje uzyskał jednak tydzień później H. Wolpe, radca polskiej Ambasady w Moskwie. 22 IX 1946 r. spotkał się on z Naczelnikiem IV Wydziału Europejskiego MSZ ZSRR, Aleksandrowem. Podczas rozmowy poruszył kwestię powołania polskich placówek dyplomatycznych na terenie ZSRR. Poza Kijowem chodziło mu także o Mińsk i Wilno. Radziecki dyplomata odparł wówczas, iż w stolicy USRR na przeszkodzie stanęły „względy lokalne”. W ogóle natomiast nie odniósł się do dwóch pozostałych miast (ibidem, k. 18-19).

Mimo powyższej niejasności kierownictwo polskiego MSZ kolejny raz postanowiło działać niezależnie od sytuacji w ZSRR. Decyzją polskiego ministra spraw zagranicznych z 22 XI 1946 r. powołano do życia Konsulat Generalny RP w Kijowie. Według założeń okręg konsularny miał obejmować terytorium całej USRR. Rozpoczęcie pracy przewidziano już na 1 grudnia 1946 r. (AMSZ: Zesp. 6, w. 31, t. 480, k. 8)

Szybko się jednak okazało, że ów termin nie będzie możliwy do realizacji. W końcu listopada 1946 r. Naczelnik WR MSZ Zambrowicz poinformował o kolejnych trudnościach, oficjalnie związanych z remontem budynku, przewidzianego pod działalność placówki. Jego zdaniem mogła ona rozpocząć prace dopiero 1 stycznia 1947 r. (ibidem, k. 7). Szybko się jednak okazało, że i ta data będzie niemożliwa do uruchomienia placówki.

Zatem pomimo aktywności kierownictwa MSZ i Ambasady RP w Moskwie, polski Konsulat w Kijowie, choć formalnie powołany do życia, w praktyce nie mógł funkcjonować przez prawie rok.

Początek pracy

Oficjalne przejście przez polską placówkę dyplomatyczną budynku przy ul. Karola Liebknechta 28 w Kijowie nastąpiło 15 września 1947 r. Jak określił to w sprawozdaniu z wizytacji Zambrowicz, dom przeszedł generalny remont, co doprowadziło go do stanu odpowiedniego dla funkcjonowania tego typu urzędu. Co ważne, posiadał centralne ogrzewanie, gdyż wówczas w warunkach radzieckich nie było to codziennością. Nadal jednak urządzano wnętrza poszczególnych pomieszczeń i porządkowano podwórze. Na parterze ulokowano pokoje biurowe oraz prywatne mieszkanie konsula, składające się z dwóch pokoi. Organizowano także kancelarię i inne kwestie biurowo-mieszkalne. Budynek miał również dość dużą piwnicę, którą planowano z czasem zaadaptować na stołówkę i magazyn. Do całości przynależały także garaże, zlokalizowane na podwórzu (AMSZ: Zesp. 6, w. 33, t. 524, k. 5-6).

Pierwszy skład osobowy placówki liczył zaledwie sześć osób z Polski oraz dwóch miejscowych obywateli radzieckich (stróż i sprzątaczką). Jak podkreślił w raporcie Zambrowicz, niemal wszyscy nie znali podstawowych zasad protokołu dyplomatycznego. Zachowywali się zatem zbyt swobodnie w przestrzeni publicznej, ułatwiając przy tym pracę radzieckim organom bezpieczeństwa, śledzącym każdy ruch dyplomatów. Przejawiało się to szczególnie w życiu towarzyskim Polaków: w kijowskim teatrze zawsze mieli zajmować te same miejsca całą grupą, w dodatku rozmawiając głośno na wszelkie tematy. Używali przy tym niebezpiecznych słów, jak chociażby „bolszewik”, „bolszewicy”. W opinii pracowników restauracji i sprzedawców na targu polski korpus dyplomatyczny w Kijowie zachowywał się wówczas jak wycieczka, która przyjechała zwiedzać stolicę USRR (ibidem).

W celu poprawy funkcjonowania placówki, a także nawiązania lepszych stosunków z miejscowym MSZ, Zambrowicz zaproponował wysłanie do Kijowa jeszcze jednego dyplomaty, w charakterze wicekonsula. Miała to być osoba doskonale znająca radzieckie realia. Jego zdaniem do tej funkcji idealnie pasował pracownik WR MSZ, Paweł Włoński. Z zawodu był on prawnikiem, w dodatku podczas wojny pracował przez pięć lat jako adwokat na terenie ZSRR. Nie była to jednak jedyna

zmiana kadrowa zaproponowana przez polskiego urzędnika. Za wielce zasadne uznał on również odwołanie woźnego Henryka Tetkowskiego, pełniącego jednocześnie funkcję portiera placówki. Oficjalnym powodem był fakt, iż jako obywatel polski pobierał on zbyt wysokie wynagrodzenie w stosunku do sprawowanych funkcji. Zambrowicz uważał, że podobnie jak w ambasadzie w Moskwie niższy personel powinien być rekrutowany wyłącznie z miejscowych. Miało to przynieść przede wszystkim oszczędności finansowe (ibidem).

Z powyższych sugestii naczelnika z Warszawy jedynie pierwsza została od razu wcielona w życie. Włóński dołączył do składu konsulatu jeszcze w grudniu 1947 r. Objął stanowisko wicekonsula, dodatkowo zajmując się także ogólną organizacją życia wewnętrznego urzędu. Nie odwołano natomiast Tetkowskiego.

Po zakończeniu okresu przygotowawczego w Konsulacie Generalnym w Kijowie powołano sześć referatów: kancelarię, finansowo-gospodarczy, paszportowo-wizowy, repatriacji, opieki społecznej i prawny. Oprócz tego na terenie urzędu działały biblioteka, sekretariat oraz kasa gotówkowa. Tabela 1 prezentuje skład osobowy konsulatu w Kijowie w pod koniec 1947 r.

Tabela 1. Skład personalny Konsulatu Generalnego RP w Kijowie wg stanu na grudzień 1947 r.

Lp.	Imię i nazwisko	Rok urodzenia	Narodowość	Wykształcenie/zawód	Funkcja/zadania
1.	Aleksander Chłond	1911	Polak	wyższe, prawnik	konsul generalny
2.	Paweł Włóński	1919	Polak/Żyd	wyższe, prawnik	wicekonsul, referat prawny
3.	Hanna Salamonik	1921	Polka	brak danych	kancelaria
4.	Antoni Górski	1889	Polak	brak danych	referat finansowo-gospodarczy
5.	Janina Wasilewska	1919	Polka	średnie	referat paszportowo-wizowy/ biblioteka/poszukiwania osób
6.	Henryk Gordon	1920	Polak/Żyd	średnie, nauczyciel	referat repatriacji
7.	Jadwiga Nurkiewicz	1910	Polka/Żydówka	wyższe, dziennikarka	opieka społeczna/sekretariat/ kasa gotówkowa urzędu
8.	Henryk Tetkowski	1915	Polak	brak danych	portier/woźny

Źródło: AMSZ: Zesp. 6, w. 34, t. 533, k. 31-33, Konsulat Generalny w Kijowie

ГДА СБУ: Ф. 16, оп. 1, сп. 646, арк. 25-31, Справка на сотрудников генерального консульства Польской республики в гор. Киеве (16 апреля 1948 г., г. Киев)-зам. Министра государственной безопасности украинской ССР /Поперека/

Ponadto konsulat zatrudniał także dwoje mieszkańców Kijowa, obywateli radzieckich, w charakterze sprzątaczk i stróża (AMSZ: Zesp. 6, w. 33, t. 524, k. 5-6).

Do końca 1947 r. (a więc za okres trzech i pół miesiąca) budżet placówki zamknął się w kwocie 170 tys. rubli. Zdecydowaną większość (110 tys.), w ramach prowizorycznego budżetu, przydzieliło polskie MSZ. Była to rzeczywiście niemała suma, biorąc pod uwagę koniec roku budżetowego. Pozostałą część (60 tys.) wyasygnowano z kasy moskiewskiej ambasady. Na każdy miesiąc przewidziano wydatki

w wysokości 55 tys. rubli. Znaczną sumę, bo aż 35,5 tys., przeznaczono na wypłaty uposażeń pracowniczych, natomiast zaledwie 1,5 tys. na wydatki reprezentacyjne. Pozostałe środki przewidziano na innego rodzaju wydatki, jak choćby zakup samochodu marki „Buick” (koszt 22 tys. rubli), oraz dalsze remonty budynku i jego otoczenia (wylano asfalt na podwórzu) (ibidem, AMSZ: Zesp.6, w. 34, t. 533, k. 31-33).

Mimo formalnego rozpoczęcia funkcjonowania polskiego urzędu dyplomatycznego w Kijowie władze radzieckie w dalszym ciągu stwarzały pewne problemy. Przejawiało się to chociażby w odmowie wydania exequatur dla konsula generalnego Aleksandra Chłonda. Do czasu otrzymania owej zgody z punktu widzenia formalno-prawnego nie mógł on w pełni wykonywać funkcji dyplomatycznych. Oznaczało to także de facto brak legalizacji działalności polskiej placówki ze strony państwa przyjmującego. Ambasada RP w Moskwie prośbę w tej sprawie skierowała do MSZ ZSRR na początku października 1947 r. (AMSZ: Zesp. 6, w. 33, t. 520, k. 3). Wobec braku natychmiastowej reakcji kwestia exequatur podejmowana była również przy okazji spotkań z radzieckimi dyplomatami w Moskwie. Strona polska kilkakrotnie uzyskiwała obietnicę pozytywnego załatwienia tej sprawy („w ciągu kilku tygodni”). Na przeszkodzie stawały jednak rozmaite powody („nawał pracy w okresie przedświątecznym”, „względy techniczne”). Polscy dyplomaci starali się także podkreślić cierpiący na owej zwłóce prestiż kijowskiej placówki, która – choć powołana – nadal nie mogła wykonywać powierzonych jej zadań. Ostatecznie exequatur dla Chłonda wręczono w Moskwie dopiero 7 stycznia 1948 r. Tak długą zwłokę tłumaczono nieobecnością w kraju ministra Wiaczesława Mołotowa, a także sondowaniem możliwości prawnych objęcia okręgiem konsularnym całej USRR (AMSZ: Zesp. 27, w. 8, t. 114, k. 24, 28, 37-38). Wobec powyższego normalne funkcjonowanie polskiej placówki dyplomatycznej w Kijowie mogło się rozpocząć dopiero od stycznia 1948 r. Tak jak planowano, swym zasięgiem obejmowała ona całe terytorium USRR. Warto także dodać, że konsul generalny Chłond, dla którego wydano exequatur, niezbyt długo sprawował swój urząd. Po zaledwie trzech tygodniach, w końcu stycznia opuścił Kijów, udając się na leczenie do Polski. Odtąd pełniącym obowiązki szefa konsulatu został dotychczasowy wicekonsul Włoński (AMSZ: Zesp. 6, w. 33, t. 524, k. 5-6).

Jak zatem widać, z jednej strony polski Konsulat Generalny w Kijowie mimo formalnej nienależności w rzeczywistości pod każdym względem podlegał Ambasadzie RP w Moskwie. Stąd też wszelkie podejmowane decyzje musiały być konsultowane i uzyskać aprobatę ze stolicy ZSRR. Z drugiej jednak strony to właśnie polscy dyplomaci z ambasady wielokrotnie interweniowali i pomagali rozwiązać w centrali rozmaite problemy związane z Kijowem.

Główne kierunki działalności

Do najważniejszych zadań polskiego Konsulatu Generalnego w Kijowie należało przede wszystkim zbliżenie polsko-ukraińskie w dziedzinie kultury. Nawiązano zatem współpracę z miejscowymi związkami artystycznymi (pisarzy, kompozytorów, artystów-plastyków itp.). Co tydzień rozsyłano do powyższych instytucji biuletyny informacyjne o Polsce w języku rosyjskim (otrzymywane z ambasady w Moskwie). W planach było również rozpoczęcie wydawania owych czasopism po ukraińsku. Konsulat zorganizował też koncert muzyki polskiej, a także pokaz filmów o Ziemiach Odzyskanych nad Wisłą. Szczególnie uroczyście obchodzono także święto 22 lipca z udziałem ukraińskich polityków i dyplomatów. W ocenie MSZ w Warszawie dotychczasowa krótka przecież działalność placówki w znacznym stopniu przyczyniła się do zmiany w jej postrzeganiu i lepszych kontaktów z MSZ USRR (AMSZ, Zesp. 6, w. 34, t. 546, k. 21-24).

Ważnym zagadnieniem w omawianym okresie pozostawała również kwestia repatriacji. Do placówki wciąż spływały bowiem kolejne podania od rodzin, proszących o możliwość wyjazdu nad Wisłę. Dzielono je na dwie grupy: rodziny wojskowych-obywateli radzieckich z centralnej Ukrainy, służących w polskiej armii (ich liczbę szacowano na 2,3 tys.) oraz jak określono „Polonię Ukrainy Zachodniej” (łącznie 5,5 tys. rodzin). Oprócz tego zaliczano również 200 osób zwolnionych z łagrów, a także 100 zdemobilizowanych z Armii Czerwonej (AMSZ, Zesp. 6, w. 33, t. 524, k. 5-6).

Rzeczą naturalną w pracy placówki dyplomatycznej jest opieka nad własnymi obywatelami, znajdującymi się czasowo na terenie innego państwa. W omawianym czasie nie dochodziło jednak jeszcze do masowych przyjazdów Polaków na teren USRR. Nieliczne wyjątki stanowiły jedynie grupy zorganizowane, wysyłane najczęściej w celach propagandowych. Jedną z nich była delegacja chłopów polskich, goszcząca w Kijowie w końcu lutego 1948 r. Był to jeden z punktów dłuższego pobytu na terenie ZSRR. Polscy goście zwiedzili wówczas stolicę USRR, a także podzieleni na grupy, okoliczne kołchozy. Wrażenia i wypowiedzi były w większości pozytywne. Jednakże zarówno konsul Włóński, jak i organa MGB odnotowały kilka wypowiedzi wielce nieprzychylnych. Mieli w nich przodować członkowie PSL, będący w gronie członków wycieczki. Jedną z nich, Maria Sztakielska zwróciła uwagę na konieczność wyjazdu na pola uprawne i rozmowy z chłopami, nie zaś z ich kierownictwem. Doszło też do absurdalnej sytuacji, kiedy to konsul Włóński musiał wszystkim członkom delegacji polskiej (liczącej 24 osób) wypłacić po 50 rubli na papierosy, gdyż strona polska nie wyposażyła ich w żadne środki pieniężne (AMSZ, Zesp. 7, w. 15, t. 128, k. 2-12; ГДА СБУ, Ф. 16, оп. 1, сп. 685, арк. 233-236). W omawianym okresie swej działalności kijowski konsulat pośredniczył także w akcji rewindykacyjnej polskich dóbr kultury z terenu USRR (Matwijów 1996).

Konsulat a służby USRR

Oczywiste jest, że powołanie polskiego Konsulatu Generalnego w Kijowie od razu wywołało żywe zainteresowanie radzieckich służb specjalnych. Pierwsze raporty obserwacyjne pochodziły z kwietnia 1948 r. Dotyczyły one ogólnej sytuacji w placówce, a także zawierały charakterystyki poszczególnych jej pracowników. Każdemu z nich poświęcono kilka zdań na temat wykształcenia, zainteresowań i rozkładu dnia. Osobny raport dotyczył jedynie Włońskiego, wówczas już p.o. konsula generalnego. Zdaniem funkcjonariuszy MGB, od czasu objęcia przez niego funkcji szefa placówki, jej personel podzielił się na dwie grupy. Pierwszą stanowił sam Paweł Włoński wraz z sekretarką Jadwigą Nurkiewicz i referentem Henrykiem Gordonem. Cała trójka była narodowości żydowskiej, jednakże oficjalnie w dokumentach podawała polskie pochodzenie. Pozostali pracownicy konsulatu mieli doskonale wiedzieć o owym ukrywaniu rzeczywistej tożsamości przez kolegów z pracy. Dlatego też nie utrzymywali z nimi jakichkolwiek kontaktów, oprócz służbowych. Uwagę radzieckich funkcjonariuszy przykuło także zachowanie Włońskiego na zewnątrz placówki. Przy każdej okazji miał się przedstawiać jako konsul, a nie wicekonsul. W kręgach MGB odebrano to jako jasną deklarację i zamiar objęcia w przyszłości funkcji szefa placówki. Natomiast w rozmowie z przedstawicielem Ambasady Polskiej w Moskwie Włoński miał otwarcie krytykować byłego konsula, Chłonda. Zarzucał mu brak ostrożności w życiu codziennym i wydawanie pieniędzy placówki w celach prywatnych. Poza tym MGB ustaliło, że Włoński, mimo posiadania żony, nawiązał intymną relację ze swoją podwładną Nurkiewicz. Fakt ten był powszechnie znany wszystkim pracownikom placówki. Częstym zjawiskiem stały się również kłótnie konsula z żoną, zakończone jej pobiciem. Małżonka, jako Rosjanka, niejednokrotnie groziła mężowi, że wyda go organom bezpieczeństwa, gdyż w jej opinii miał być „wrogiem Rosjan”. Owe groźby miały skłonić konsula do zmiany swej postawy i podjęcia próby naprawy relacji rodzinnych. Z czasem polskiego dyplomatę zaczęto także podejrzewać o pracę na rzecz obcego wywiadu. Wniosek ten wypłynął z obserwacji spotkania Włońskiego z nieznaną osobą w hotelu „Inturist”. Rozmowa przebiegała w języku angielskim, którym Polak oficjalnie posługiwał się dość słabo. Nieco później miano także zauważyć zbyt nie zainteresowanie konsula obiektami wojskowymi w stolicy USRR (ГДА СБУ, Ф. 16, оп. 1, сп. 646, арк. 25-32).

Jak zaznaczono wyżej, obserwacji służb specjalnych podlegał nie tylko konsul generalny. Informacje zbierano także na pozostałych członków korpusu dyplomatycznego oraz członków ich rodzin. W ten sposób ustalono, że podczas przewlekłej choroby pierwszego szefa placówki, Chłonda, jego żona Jadwiga nawiązała zażyłe relacje z Gordonem. Wieść o tym miała doprowadzić jej męża do depresji, połączonej nawet z myślami samobójczymi. Ostatecznie jednak Chłond sam poinformował małżonkę, iż ze względu na ich związek i wspólne dziecko zrezygnował

z tego zamiaru. Po jego wyjeździe na leczenie do kraju (31 stycznia 1948 r.) żona Jadwiga jeszcze przez 1,5 miesiąca pozostała w Kijowie. Dołączyła do męża dopiero 15 marca 1948 r.

Jak zaznaczono w tym samym raporcie, szczególną uwagę zwrócono na obecność wśród pracowników placówki osób narodowości żydowskiej. Jedną z nich była Nurkiewicz, sekretarka konsulatu. Ustalono, że miała ona wielu znajomych na terenie całego ZSRR (Lwów, Stanisław, Stalingrad), z którymi utrzymywała kontakty i korespondowała. Pisała także listy do Palestyny, gdzie w rodzinie siostry przebywała jej córka. W związku z tym poszukiwała kontaktów z osobami mającymi rodzinę w ZSRR w celu przekazywania pieniędzy na utrzymanie córki. Nurkiewicz nie była także zadowolona ze swojej roli i posady w konsulacie. Jak zaznaczyła w rozmowie z ówczesnym szefem Chłondem, nie zamierzała jednak wracać do Polski. Planowała zapewne powrót do wyuczonego zawodu dziennikarki (podjęła nawet naukę języka angielskiego). W charakterystyce osobowej nie zapomniano wspomnieć o jej kontaktach intymnych z Włońskim. W opinii funkcjonariuszy MGB miało to spowodować niezdrowe relacje w całej placówce.

Inny pracownik Antoni Górski, księgowy placówki, sam określił się jako znawca „rosyjskich warunków i rosyjskiego życia”. Wielokrotnie zatem na posiedzeniach kolektynu konsulatu zwracał uwagę na konieczność konspiracji i ostrożność przy zawieraniu kontaktów z osobami postronnymi na terenie miasta. To samo mówił odnośnie do rozmów telefonicznych, nie miał bowiem wątpliwości, że aparaty znajdowały się na podsłuchu. Określono go zatem jako jednostkę wrogo nastawioną do wszystkiego, co radzieckie. Na potwierdzenie owej tezy przytoczono wychwalanie przez niego kultury polskiej oraz krajów Europy Zachodniej, z jednoczesną krytyką osiągnięć radzieckich. Górski był także zdecydowanym przeciwnikiem „grupy żydowskiej” na terenie placówki. W opinii innych pracowników konsulatu jako księgowy wielokrotnie nie wypłacał całych należnych sum wynagrodzenia. Miano także zastrzeżenia do sposobów planowania wydatków i prowadzenia księgowości.

Niewiele udało się natomiast radzieckim funkcjonariuszom ustalić odnośnie do Gordona (poza faktem podejrzenia go o skrywanie żydowskiego pochodzenia). Zarzucono mu jedynie brak rejestracji ślubu z wywodzącą się z Moskwy Rosjanką, Zoją Korszynową. Podkreślono też, że mimo posiadania żony w czasie choroby ówczesnego szefa placówki Chłonda, Gordon nawiązał intymne relacje z jego żoną Jadwigą.

Równie mało informacji dotyczyło Janiny Wasilewskiej, referentki konsulatu. Do Kijowa przybyła ona wraz z matką, z którą też mieszkała, nie porzucając przy tym stanu panińskiego. Jako przedstawicielka „polskiej grupy” w kolektynie pracowniczym miała się w sposób wielce negatywny odnosić do trójki Żydów z konsulatu. Jej praca w urzędzie oceniana była źle. Zapewne z tego powodu Wasilewska dążyła do podniesienia swych kompetencji (w tym także nauki języka rosyjskiego).

Najmłodszym pracownikiem była Hanna Salomonik, w chwili powołania placówki mająca zaledwie 26 lat. Zdaniem radzieckiego MGB pierwszy szef konsulatu Chłond wypowiedział się w sposób negatywny na temat jej postawy w pracy. Podkreślił jednak rozliczne kontakty Salomonik w moskiewskiej ambasadzie i polskim MSZ. Zapewne to spowodowało utrzymanie jej na stanowisku.

Ostatnią osobą zatrudnioną w kijowskim konsulacie był Tetkowski, pełniący jednocześnie funkcję portiera i woźnego. Wyjazd do stolicy USRR był dla niego niewątpliwym awansem, gdyż wcześniej pracował jako ślusarz w warszawskiej siedzibie MSZ. Jako pracownik niższego szczebla nie miał dostępu do dokumentacji wytwarzanej w konsulacie, a także nie uczestniczył we wszystkich posiedzeniach kolektywu pracowniczego. Mimo to funkcjonariuszom MGB udało się ustalić, że miewa on duże skłonności do spożywania alkoholu, a także prowadzenia rozrywkowego trybu życia.

Kryptonim „Biuro”

Oprócz powyższych początkowych charakterystyk wszystkich pracowników polskiego konsulatu MGB w kolejnych miesiącach prowadziło dalszą inwigilację placówki. Głównym celem była w tym zakresie osoba p.o. szefa urzędu – Włońskiego. Sprawie nadano kryptonim „biuro”. Po kilku miesiącach aktywnej pracy wywiadowczej radzieccy funkcjonariusze ustalili nowe fakty z przeszłości wicekonsula. Przede wszystkim raz jeszcze potwierdzono fakt skrywania przez niego żydowskiego pochodzenia. W rzeczywistości miał się nazywać Pinchas Fogel. Fakt ten potwierdziło także dwóch agentów MGB o pseudonimach „Elis” (z Kijowa) oraz „Lew” (z ówczesnego Stanisława). Obaj informatorzy wnieśli również nowe informacje, pozwalające udowodnić kolejne kłamstwa konsula Włońskiego. W czasie II wojny światowej miał on przebywać na terenie USRR, a nie jak podawał w życiorysie pod Moskwą. Wraz z rozpoczęciem okupacji niemieckiej wyjechał do Astrachania, a następnie do Rostowa nad Donem. Stamtąd z kolei ewakuował się do stacji Kagalnickiej, gdzie przebywał już do końca działań wojennych. W momencie wejścia wojsk niemieckich w to miejsce przyszedł konsul po raz pierwszy miał podawać się za Włońskiego, w dodatku narodowości rosyjskiej. Wówczas jednak słabo władał językiem rosyjskim, co przykuło uwagę Niemców. Dodatkowo, tamtejsza komisja medyczna jednoznacznie potwierdziła jego żydowską narodowość (prawdopodobnie poprzez ujawnienie faktu obrzezania). Mimo to uniknął śmierci, jak również wywiezienia na roboty do Niemiec. Po wyzwoleniu stacji Kagalnickiej zaczął pracować w tamtejszej adwokaturze, jednocześnie przyjęto go od razu na czwarty rok w instytucie (nie ustalono jednak jakiego i gdzie). Dopiero po ukończeniu owej uczelni otrzymał dyplom magistra prawa. Nijak jednak miało się to do oficjalnej

wersji jego życiorysu. Wszędzie podawał bowiem, iż był absolwentem prawa na Uniwersytecie Warszawskim (ГДА СБУ: Ф. 16, оп. 11, сп. 661, арк. 196-198).

W toku dalszych działań operacyjnych szybko ustalono liczne kontakty konsula Włońskiego z osobami narodowości żydowskiej. W większości wypadków oczekiwały one od niego pomocy w zakresie wyjazdu do Polski. Jedną z nich był Józef Szechter, lekarz ze Stanisława. Odwiedził on konsula Włońskiego w lutym 1948 r. na terenie kijowskiej placówki. Tam też uzyskał obietnicę wyjazdu nad Wisłę. Dyplomata zastrzegł jednak, aby nikogo nie informował o przebiegu spotkania. W kręgach MGB zostało to odczytane jako wyraźna obawa konsula o ujawnienie jego skrywanej przeszłości (którą doskonale znał Szechter, pochodzący przecież ze Stanisława, podobnie jak Włoński). Owo przypuszczenie miał również potwierdzić wspomniany już wyżej agent „Lew”, działający na terenie obwodu stanisławskiego (ГДА СБУ: Ф. 16, оп. 1, сп. 661, арк. 199-201).

W tym samym czasie (w lutym 1948 r.) konsulat w Kijowie odwiedził Manys Garkawi, Żyd pochodzący z obwodu baranowickiego na terenie Białoruskiej SRR. Pod nieobecność Włońskiego w placówce przyjął go Gordon. Garkawi miał go poinformować o własnych staraniach w wyjeździe do Polski. Nie udało mu się to w 1946 r., zaś później nielegalnie próbował przedostać się drogą kolejową przez Brześć, gdzie także musiał zawrócić. Poprosił więc Gordona o pomoc w uzyskaniu biletu do stacji granicznej w Medyce (wówczas jeszcze położonej w USRR)². Ten z kolei powtórzył ową prośbę swemu szefowi. Włoński natychmiast udał się do kijowskiego oddziału „Inturistu”, gdzie poprosił o uzyskanie biletu do Lwowa na nazwisko Garkawiego. Argumentował to faktem, iż ten Żyd, jako dawny obywatel polski, może skorzystać z prawa repatriacji nad Wisłę. Do wyjazdu ostatecznie jednak nie doszło, gdyż Garkawi został aresztowany w Kijowie przez organa MGB. (ГДА СБУ: Ф. 16, оп. 1, сп. 646, арк. 20-24).

Innym Żydem utrzymującym kontakty z konsulem Pawłem Włońskim był Bernard Glazman, naczelnik oddziału zdjęć w kijowskim studiu kinowym. Podczas jednego ze spotkań dyplomata miał mu powiedzieć o konieczności wzajemnego wspierania się, gdyż w Kijowie z niektórymi Polakami (w tym wypadku miał na myśli siebie oraz Glazmana, a więc Żydów) obchodzono się gorzej niż z psami. Zalecał także swemu rozmówcy podjęcie starań o wyjazd do Polski, gdyż ujawnienie jego przeszłości mogło stać się przyczyną aresztowania.

² Po zakończeniu II wojny światowej Medyka początkowo należała do ZSRR. Dopiero na mocy układu o korekcie granic między Polską a USRR z 1951 r. weszła w skład państwa polskiego.

Zmiana nazwy placówki

W momencie wydania decyzji i organizacji polskiego konsulatu w Kijowie strona radziecka, jak już zaznaczono, stwarzała liczne problemy. Nigdy jednak wśród argumentów nie podnoszono kwestii nazewnictwa urzędu. Pierwsze głosy niezadowolenia, sugerujące konieczność zmian, pojawiły się w lutym 1949 r. Wówczas to podczas rozmowy (11 II 1949 r.) z przedstawicielem radzieckiego MSZ radca ambasady w Moskwie Zambrowicz usłyszał pytanie, na jakiej podstawie placówka w Kijowie używa nazwy Konsulat Generalny. Radziecki urzędnik powołał się przy tym na wydany w styczniu 1948 r. exequatur, w którym była mowa o zgodzie na pracę konsula, a nie konsula generalnego. Strona radziecka wyraźnie nie zamierzała rezygnować, skoro do sprawy powrócono już tydzień później (18 II 1949 r.). Tym razem oficjalne stanowisko ZSRR mówiło, iż państwo to nie ma żadnych przeciwwskazań dla używania obowiązującego nazewnictwa. Zażądano jednak, aby polski rząd wystąpił w tej sprawie z oficjalną notą do Moskwy. Jednocześnie zasugerowano korzystniejsze, zdaniem radzieckiego urzędnika, rozwiązanie. Polegało ono na zmianie napisów na oficjalnych blankach placówki oraz treści tablicy na budynku kijowskiego urzędu (z „Konsulat Generalny” na „Konsulat”). Oficjalnie kwestię decyzji pozostawiono stronie polskiej AMSZ: Zesp. 27, w. 8, t. 117, k. 25-26). Była to jednak typowa gra pozorów. Owa sugestia w rzeczywistości oznaczała po prostu polecenie służbowe z Moskwy, które należało jedynie wykonać. Stąd też już po dwóch tygodniach, 5 marca 1949 r. minister Zygmunt Modzelewski podpisał zarządzenie znoszące Konsulat Generalny RP w Kijowie. W tym akcie prawnym w miejsce dotychczasowej placówki powołano do życia Konsulat RP w Kijowie (AMSZ: Zesp. 27, w. 8, t. 114, k. 38). Tym samym polski urząd dyplomatyczny po nieco ponad roku funkcjonowania w takiej formule prawnej przestał istnieć.

* * *

Powołanie polskiej placówki dyplomatycznej w Kijowie po II wojnie światowej należy uznać mimo wszystko za sukces. W dobie pełnej zależności ówczesnego państwa polskiego od Moskwy udało się uzyskać pewne odstępstwa od obowiązujących reguł. Jak pokazały późniejsze wydarzenia, kijowski urząd powstał stosunkowo szybko (dla przykładu na otwarcie placówki w Mińsku – stolicy Białoruskiej SRR czekano aż do 1971 r.). Oczywiście, konsulat w Kijowie nie mógł prowadzić pełnej działalności dyplomatycznej, pozostając przez cały czas niejako filią Ambasady RP w Moskwie. Był też obiektem stałej obserwacji i inwigilacji ze strony służb bezpieczeństwa USRR. Ujawnienie przez te organa ukrywanej żydowskiej tożsamości p.o. szefa placówki nie było jednak w ówczesnej Polsce czymś niespotykanym. Tuż po II wojnie światowej spora część pracowników aparatu państwowego wywodziła się bowiem właśnie spośród osób wyznania mojżeszowego. Włoński nie został jednak

nigdy oficjalnym szefem placówki. W następnych latach konsulat kontynuował swą działalność, koncentrując się przede wszystkim na promocji polskiej kultury nad Dnieprem.

Bibliografia

Opracowania

- SKÓRA 2010: Skóra, W. (2010), Porwanie kierownika polskiej placówki konsularnej w Kijowie Jerzego Matusińskiego przez władze radzieckie w 1939 r. W: Stroński, H./Seroczyński, G. (red.), *Polska dyplomacja na Wschodzie w XX – początkach XXI wieku*. Olsztyn/Charków, 414-437.
- OKIPNIUK 2016: Okipniuk, W. (2016), Konsulat Generalny II Rzeczypospolitej w Kijowie. Tragiczny epilog jesieni 1939 r. W: *Przegląd Archiwalny*. 9, 151-164.
- OLECHOWSKI 2017: Olechowski, P. (2017), Konsulat generalny Rzeczypospolitej Polskiej w Kijowie pod lupą radzieckich służb specjalnych w kwietniu 1938 r. W: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. VIII/2, 159-169.
- URBAŃSKA 2006: Urbańska, I. (2006), Ambasada Rzeczypospolitej Polskiej w Moskwie w latach 1936–1939. Warunki pracy w rzeczywistości stalinowskiej. W: *Dzieje Najnowsze*. 38/4, 95-107.
- NOWINOWSKI 2008: Nowinowski, (S. M.) (2008), Zakończenie działalności Ambasady i konsulatów RP w Związku Sowieckim jesienią 1939 r. W: *Zeszyty Historyczne*. 164, 3-60.
- KRUSZYŃSKI 2010: Kruszyński, M. (2010), *Ambasada RP w Moskwie 1921–1939*. Warszawa.
- SZUBTARSKA 2005: Szubtarska, B. (2005), *Ambasada polska w ZSRR w latach 1941–1943*. Warszawa.
- GRZYBOWSKI 2010: Grzybowski, J. (2010), Ambasada RP w Kujbyszewie wobec problemu obywateli polskich narodowości białoruskiej i ukraińskiej w ZSRR w latach 1941–1943. W: Stroński, H./Seroczyński, G. (red.), *Polska dyplomacja na Wschodzie w XX – początkach XXI wieku*. Olsztyn/Charków, 455-462.
- MATWIJÓW 1996: Matwijów, M. (1996), *Walka o lwowskie dobra kultury w latach 1945–1948*. Wrocław.

Archiwa

- Archiwum Ministerstwa Spraw Zagranicznych w Warszawie (AMSZ)
- Zesp. 6, w. 29, t. 445, k. 5-6, List Naczelnika Wydziału I Departamentu Politycznego /inż. W. Czajka/ do Ob. Ministra Bermana w miejscu /Tajne/ 10 grudnia 1945 r.
- Zesp. 6, w. 31, t. 478, k. 7, W Kijowie otwieramy Konsulat /brak daty, podpisu/.
- Zesp. 6, w. 31, t. 481, k. 1-3, Dr H. Wolpe, Radca Ambasady R.P. w Moskwie do Wiceministra Spraw Zagranicznych Obywatela Zygmunta Modzelewskiego w Warszawie, Moskwa dnia 21 maja 1946 r. /Tajne/.
- Zesp. 6, w. 31, t. 481, k. 16-17, J. Zambrowicz, Naczelnik Wydziału Radzieckiego: Sprawozdanie z przeprowadzonych rozmów /nieoficjalnych/ z przedstawicielami USRR w czasie pobytu w Kijowie, Zaporozżu i Odesie w dniach 10-15 września 1946.
- Zesp. 6, w. 31, t. 481, k. 18-19, Dr H. Wolpe, Charge d'Affaires a.i., Do Kierownika Ministerstwa Spraw Zagranicznych ob. Ministra Józefa Olszewskiego w Warszawie, Moskwa dnia 2 października 1946 r. /Poufne/.
- Zesp. 6, w. 34, t. 546, k. 21-24, Konsulat Generalny R.P. w Kijowie. Zarys dotychczasowej działalności Konsulatu w dziedzinie zbliżenia kulturalnego polsko-ukraińskiego.
- Zesp. 6, w. 31, t. 480, k. 8, Akt ustanowienia Konsulatu Generalnego R.P. w Kijowie, Warszawa dnia 22 listopada 1946 r.
- Zesp. 6, w. 31, t. 480, k. 7, Naczelnik Wydziału Radzieckiego J. Zambrowicz: Notatka dla Min. Olszewskiego, Warszawa, dnia 27.XI.46 r.

- Zesp. 6, w. 33, t. 524, k. 5-6, J. Zambrowicz, Sprawozdanie z mego pobytu w Konsulacie polskim w Kijowie w dniach 8–10 października 1947 r. /poufne/.
- Zesp. 6, w. 34, t. 533, k. 31-33, Konsulat Generalny w Kijowie.
- Zesp. 6, w. 33, t. 520, k. 3, Pismo/Tajne/ Министерство Иностранных дел Союза ССР 4 Европейский Отдел г. Москва. [Ministerstwo Inostrannyh del Sojuza SSR 4 Jewropiejiskij Otdiel g. Moskwa.]
- Zesp. 7, w. 15, t. 128, k. 2-12, Notatka służbowa dla Ambasadora R.P. w Moskwie Ob. Mariana Naszkowskiego /Konsul Paweł Włoński/, SBU F. 16, op. 1, sp. 0685, k. 233-236/.
- Zesp. 27, w. 8, t. 114, k. 24, Raport XV /Aleksander Juszkiewicz/, Radca Ambasady R.P. w Moskwie.
- Zesp. 27, w. 8, t. 114, k. 28, Raport XII /Aleksander Juszkiewicz/ Radca Ambasady R.P. w Moskwie.
- Zesp. 27, w. 8, t. 114, k. 37-38, Notatka służbowa /Pohoryles Leonard/ II sekretarz Ambasady R.P. w Moskwie.
- Zesp. 27, w. 8, t. 114, k. 3, Народный Комиссариат Иностранных Дел, Москва 11 июля 1945 года. Письмо г-ну З. Модзелевскому, чрезвычайному и Полномочному Послу Польской Республики [Narodnyj komissariat Inostrannyh Del, Moskwa 11 ijula 1945 goda. Pis'mo g-nu Z. Modzilewskomu czeriezwyczajnomu i Polnomocznomu Poslu Poł'skoj Rjespubliki.]
- Zesp. 27, w. 8, t. 117, k. 25-26, Sprawa nazwy „Konsulat Generalny R.P. w Kijowie. /Janusz Zambrowicz/ Radca Ambasady R.P. w Moskwie; Zmiana nazwy Konsulatu w Kijowie. /Janusz Zambrowicz/ Radca Ambasady R.P. w Moskwie.
- Zesp. 27, w. 8, t. 114, k. 38, Zarządzenie MSZ, Warszawa dnia 5 marca 1949 r. /Minister Z. Modzelewski/.
- Галузевий Державний Архів Служби Безпеки України у м. Києві (ГДА СБУ)
- Ф. 16, оп. 1, сп. 661, арк. 196-198, Специальное сообщение № 3584 по агентурному делу «БЮРО», 27 август 48 г., зам. Министра государственной безопасности украинской ССР /Генерал-Майор Поперека/. [Spiecialnoje soobsczenije № 3584 po agenturnomu diełu «BIURO», 27 awgust 48 g., zam. Ministra gosudarstwiennoj bezopasnosti ukraińskiej SSR /Gienierał-Major Popierieka/.]
- Ф. 16, оп. 1, сп. 661, арк. 199-201, Специальное сообщение № 3585 по агентурному делу «БЮРО», 27 август 48 г. зам. Министра государственной безопасности украинской ССР /Генерал-Майор Поперека/. [Spiecialnoje soobsczenije № 3585 po agenturnomu diełu «BIURO», 27 awgust 48 g., zam. Ministra gosudarstwiennoj bezopasnosti ukraińskiej SSR /Gienierał-Major Popierieka/.]
- Ф. 16, оп. 1, сп. 685, арк. 233-236, Специальное сообщение о пребывании польской крестьянской делегации в г. Киеве, 1 марта 49 г., Министр Государственной безопасности украинской ССР /Савченко/. [Spiecialnoje soobsczenije o pieriebywanii polskoj kriestjanskoj dielegacyi w g. Kijewie, 1 marta 49 g., Ministr Gosudarstwiennoj bezopasnosti ukraińskiej SSR /Sawczenko/.]
- Ф. 16, оп. 1, сп. 646, арк. 25-32, Справка на сотрудников генерального консульства Польской республики в гор. Киеве – 16 апреля 1948 г., зам. Министра государственной безопасности украинской ССР /Поперека/. [Sprawka na sotrudnikow gienieralnogo konsulstwa Polskoj rjespubliki w gor. Kijewie, 16 apriela 1948 g., zam. Ministra gosudarstwiennoj bezopasnosti ukraińskiej SSR /Popierieka/.]
- Ф. 16, оп. 1, сп. 646, арк. 20-24, Специальное сообщение о генеральном консульстве Польской республики в гор. Киеве, 16 апреля 1948 г., Министр Государственной безопасности украинской ССР /Савченко/. [Spiecialnoje soobsczenije o gienieralnom konsulstwie Polskoj rjespubliki w gor. Kijewie, 16 apriela 1948 g., Ministr Gosudarstwiennoj bezopasnosti ukraińskiej SSR /Sawczenko/.]

Prasa

- РАТАУ, Делегаты крестьян Польской Народно-Демократической Республики на Украине, «Львовская Правда», № 53, 5 марта 1948 г., с. 5. [Dielegaty kriestjan Polskoj Narodno-Diemokratycznej Rjespubliki na Ukrainie, «Lwowskaja Prawda», № 53, 5 marta 1948 g., s. 5.]

PAWEŁ PIETNOCZKA

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2970-2132>

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

PRIORYTETY PROGRAMOWE KANDYDATÓW NA URZĄD PREZYDENTA UKRAINY W 2019 ROKU

Program Priorities of Candidates for the Office of President of Ukraine in 2019

SŁOWA KLUCZOWE: priorytety programowe, wybory prezydenckie, kandydat, program wyborczy, Ukraina

KEYWORDS: Programme priorities, presidential election, candidate, election programme, Ukraine

ABSTRACT: The aim of the article is to present the proposals of candidates running for the office of President of Ukraine in 2019. It has been shown what issues they paid closest attention to in their election programmes, how they intended to ensure national security, restore territorial integrity, fight corruption, and improve the socio-economic and political situation in Ukraine. Attention was brought to the proposals of those candidates who received at least 10% support in the election. Therefore, the election programmes of Volodymyr Zelensky, Petro Poroshenko, Yulia Tymoshenko and Yuriy Boyko were analysed.

1. Wprowadzenie

31 marca 2019 r. odbyły się na Ukrainie wybory prezydenckie, w których wzięła udział rekordowa w historii niepodległości państwa ukraińskiego liczba 39 kandydatów (Вибори 2019). Wśród głównych pretendentów do zwycięstwa w okresie bezpośrednio poprzedzającym rozpoczęcie oficjalnej kampanii wyborczej wymieniano byłą premier Julię Tymoszenko, komika telewizyjnego Wołodymyra Zeleńskiego oraz ubiegającego się o reelekcję Petra Poroszenkę. Na największe poparcie społeczne tych kandydatów wskazywały badania opinii publicznej przeprowadzone m.in. przez Kijowski Międzynarodowy Instytut Socjologii (Суспільно-політичні 2018), Fundację „Inicjatywy Demokratyczne” im. Ilki Kuczeriwa oraz Ukraińskie Centrum Badań Ekonomicznych i Politycznych im. Ołeksandra Razumkowa (Підсумки 2018, 2). Jednak w trakcie kampanii wyborczej, która oficjalnie rozpoczęła się 31 grudnia 2018 r., nastąpił znaczny wzrost poparcia społecznego dla kandydatury Zeleńskiego. Ostatecznie też to on uzyskał największe zaufanie wyborców, zarówno

w pierwszej – 31 marca 2019 r., jak i drugiej turze wyborów – 21 kwietnia 2019 r.¹ Tym samym komik telewizyjny i aktor filmowy, kandydat stawiający pierwsze kroki w polityce, pokonał w rywalizacji o najwyższy urząd w państwie „starych polityków” i został nowym prezydentem Ukrainy.

Celem artykułu jest przybliżenie postulatów programowych kandydatów ubiegających się o urząd prezydenta Ukrainy w 2019 r. oraz ukazanie, na jakie kwestie zwrócili szczególną uwagę w swoich programach wyborczych, w jaki sposób chcieli zapewnić bezpieczeństwo państwa, przywrócić integralność terytorialną, doprowadzić do zwalczenia korupcji, poprawić sytuację społeczno-gospodarczą oraz polityczną na Ukrainie. Na osiągnięcie powyższego celu pozwoliła analiza programów wyborczych poszczególnych kandydatów. Uwaga została skoncentrowana na postulatach programowych tych kandydatów, którzy uzyskali w wyborach co najmniej 10% poparcia. Analizie zostały więc poddane zarówno programy wyborcze Wołodymyra Zełenskigo i Petra Poroszenki, którzy zmierzili się w walce o ostateczne zwycięstwo w drugiej turze elekcji, jak i programy Julii Tymoszenko i Jurija Bojki, a więc polityków, którzy z pozostałych kandydatów mieli zdecydowanie największe szanse, aby kontynuować rywalizację o najwyższy urząd w państwie w decydującej turze wyborów.

2. Priorytety programowe kandydatów na urząd prezydenta Ukrainy

Zwycięzca elekcji prezydenckiej – W. Zełenski² na początku programu wyborczego zaznaczył, że dołoży starań, aby znacznej poprawie uległ poziom życia na Ukrainie. Zapowiedział zwiększenie wynagrodzeń, rent i emerytur, zmniejszenie opłat komunalnych, poprawę jakości dróg, uproszczenie procedur pozwalających na rozpoczęcie działalności gospodarczej. Obiecał poprawę do tego stopnia, że na Ukrainie nie będzie już ogłoszeń „Praca w Polsce”, natomiast w Polsce pojawią się ogłoszenia „Praca na Ukrainie”. Odnosząc się do reform politycznych Zełenski zadeklarował pozbawienie immunitetu prezydenta, parlamentarzystów oraz sędziów, umożliwienie narodowi określania najważniejszych zadań stojących przed władzą w drodze referendum, zgłoszenie projektów ustaw „O impeachmentie Prezydenta Ukrainy” i „O odwołaniu deputowanego ludowego Ukrainy”. Podkreślił potrzebę

¹ Podczas pierwszej tury W. Zełenski otrzymał 30,24% głosów, P. Poroszenko – 15,95%, J. Tymoszenko – 13,40%, zaś J. Bojko – 11,67%. Na kolejnych miejscach uplasowali się: A. Hrycenko – 6,91%, I. Smeszko – 6,04%, O. Laszko – 5,48 i O. Wiłkuł – 4,15%. W drugiej turze W. Zełenski cieszył się poparciem 73,22% wyborców, zaś J. Poroszenko 24,45% (Результати 2019).

² Do rywalizacji wyborczej Zełenski został zgłoszony przez Partię Polityczną „Sługa Narodu”, której formalne początki sięgają marca 2016 r. (Відомості 2019). Początkowo jednak ugrupowanie funkcjonowało pod nazwą Partia Zdecydowanych Zmian. Obecna nazwa „Sługa Narodu”, przyjęta w 2017 r., nawiązuje do tytułu serialu komediowego, w którym Zełenski wcielił się w rolę prezydenta.

przeprowadzania wyborów parlamentarnych i samorządowych na podstawie list otwartych, przywrócenia zaufania do sądów oraz pozbawiania mandatu parlamentarzysty za „głosowanie na dwie ręce” oraz niską frekwencją podczas prac Rady Najwyższej. Odnosząc się do kwestii bezpieczeństwa, co uczynił dopiero w czwartym rozdziale programu, zaznaczył, iż w pierwszej kolejności należy zapewnić pokój Ukrainie³. W tym celu zamierza zwracać się do państw, które podpisały memorandum budapeszteńskie⁴ oraz państw UE, aby te udzieliły wsparcia Ukrainie w jej dążeniu do zakończenia wojny, odzyskania okupowanych terenów oraz pociągnięcia agresora do odpowiedzialności za wyrządzone szkody⁵. Kandydat podkreślił przy tym, że przedmiotem negocjacji nie może być rezygnacja z interesów narodowych oraz swoich terytoriów. Zełenski opowiedział się za integracją euroatlantycką, ale jednocześnie zaznaczył, iż kwestia przystąpienia do NATO powinna zostać rozstrzygnięta podczas referendum ogólnoukraińskiego. Zapowiedział dołożenie starań mających na celu doprowadzenie do wzrostu prestiżu służby w armii, zapewnienia godnych warunków służby i rozwoju żołnierza oraz zapewnienia wynagrodzenia na poziomie standardów natowskich (Передвиборна 2019).

Wśród podstawowych zadań w zakresie rozwoju gospodarki Zełenski wymienił walkę z szarą strefą, zapewnienie wolności konkurencji i rozwoju produkcji krajowej, zagwarantowanie kredytów długoterminowych o niskim oprocentowaniu, a także pozyskanie inwestorów zagranicznych. Zapowiedział ponadto uproszczenie systemu podatkowego oraz utworzenie „klarownego rynku ziemi”. Jeden z rozdziałów programu został poświęcony konieczności odniesienia zwycięstwa nad korupcją. Dlatego kandydat „Sługi Narodu” zapowiedział brak tolerancji dla tego zjawiska. Podejrzani o korupcję mają zostać pozbawieni możliwości opuszczania aresztu po wpłaceniu kaucji, natomiast skazani na podstawie zarzutów o korupcję będą pozbawiani majątku i objęci zakazem obejmowania stanowisk państwowych. Kandydat zadeklarował przy tym udzielenie przez państwo niezbędnego wsparcia organom antykorupcyjnym, w tym Najwyższemu Sądowi Antykorupcyjnemu. Zełenski zapowiedział także dofinansowanie służby zdrowia oraz oświaty. Szpitale i szkoły mają otrzymać nowoczesne wyposażenie, zaś lekarze i nauczyciele wysokie wynagrodzenia. Podkreślił przy tym potrzebę popularyzacji zdrowego sposobu życia, rozwoju działań profilaktycznych, obowiązkowych i przeprowadzanych co roku bezpłatnych badań. Ponadto w swoim programie zwycięzca wyborów zapowiedział zapewnienie mieszkańcom dostępu do szybkiego Internetu, zapewnienie dostępu

³ W 2014 r. Rosja dokonała aneksji Krymu; od tego też roku trwa nieogłoszona wojna w Donbasie. Szerzej na temat agresji rosyjskiej wobec Ukrainy zob. Baluk/Doroszko 2017.

⁴ Memorandum Budapeszteńskie o Gwarancjach Bezpieczeństwa zostało podpisane 5 grudnia 1994 r. przez przywódców USA, Wielkiej Brytanii, Rosji oraz Ukrainy. W zamian za rezygnację przez Ukrainę z broni jądrowej otrzymywała ona gwarancje bezpieczeństwa. Jak się miało okazać gwarancje nieskuteczne (Kopijka/Hołowczenko 2017, 180-181).

⁵ Warto zwrócić uwagę, że Zełenski unikał w programie wyborczym podawania nazwy państwa będącego agresorem.

do informacji na temat przetargów państwowych oraz umożliwienie oddawania głosu podczas wyborów i referendum za pomocą Internetu. Jak zostało wspomniane, Zelenski odniósł się w swoim programie do kwestii integracji Ukrainy z NATO. Jednocześnie, co warto zaznaczyć, nie przybliżył swojego stanowiska wobec przystąpienia Ukrainy do Unii Europejskiej. Niewiele miejsca poświęcił zagadnieniom związanym z sytuacją językowo-kulturową. W ostatnim zdaniu programu zaznaczył jedynie: „Należy zjednoczyć się wszystkim, którzy niezależnie od płci, języka, wiary i narodowości po prostu lubią Ukrainę” (Передвиборна 2019).

Ubiegający się o reelekcję prezydent Petro Poroszenko zdołał uzyskać drugi wynik i tym samym mógł rywalizować w drugiej turze wyborów. W niej jednak musiał uznać wyższość stawiającego pierwsze kroki w polityce konkurenta. Poroszenko już w pierwszych zdaniach programu wyborczego podkreślił konieczność wejścia Ukrainy do Unii Europejskiej i Organizacji Traktatu Północnoatlantyckiego. Członkostwo w tych organizacjach uznał za ostateczną i bezpowrotną gwarancję niezależności i bezpieczeństwa państwa ukraińskiego. Zapowiedział, iż w 2023 r. Ukraina złoży wniosek o członkostwo w UE⁶, a ponadto otrzyma i rozpocznie wcielanie w życie Planu Działań na rzecz członkostwa w NATO. Polityk zapowiedział, iż przystąpienie do tych organizacji byłoby poprzedzone przekształceniem Ukrainy w okresie najbliższych pięciu lat w regionalnego lidera, m.in. w sektorze agrarnym, w zakresie rozwoju przemysłu oraz rozwoju turystyki (Піпорпана 2019, 1).

W dalszej części programu Poroszenko wskazał na osiągnięcia Ukrainy za czasów swojej prezydentury. Do nich zaliczył odrodzenie armii, która zdołała przeciwstawić się rosyjskiej agresji, umocnienie pozycji Ukrainy na arenie międzynarodowej, utworzenie koalicji transatlantyckiej na rzecz wsparcia Ukrainy oraz uzależnienie sankcji międzynarodowych nałożonych na Rosję od pełnej deokupacji Donbasu i Krymu. Zaznaczył przy tym, iż będzie kontynuowana modernizacja ukraińskich sił zbrojnych, ukończony zostanie system obrony przeciwraкетowej i przeciwpowietrznej, zwiększeniu ulegnie poziom wsparcia socjalnego dla żołnierzy i rodzin uczestników walk. Do sukcesów Poroszenko zaliczył również obronę europejskiego i euroatlantyckiego wyboru Ukrainy oraz podpisanie umowy stowarzyszeniowej z UE i utworzenie strefy wolnego handlu, co miało pozwolić na wzrost udziału UE w eksporcie Ukrainy do poziomu ponad 42%⁷. Wskazał również na przerwanie rosyjskiej blokady handlowej, rezygnację z kupna od Rosji gazu, przeciwstawienie się podjętej przez Moskwę próbie doprowadzenia do zniszczenia ukraińskiej gospodarki. Do osiągnięć zaliczył także odnotowywany wzrost gospodarczy, czterokrotne zmniejszenie poziomu inflacji w porównaniu z 2015 r., stabilny od kilku lat

⁶ Trzeba nadmienić, iż władze ukraińskie już znacznie wcześniej deklarowały złożenie wniosku o członkostwo w UE, a mianowicie w okresie prezydentury W. Juszczenki (Dumała 2007, 345).

⁷ Polityczna część umowy stowarzyszeniowej została podpisana 21 marca 2014 r. przez premiera A. Jaceniuka, zaś ekonomiczna 27 czerwca 2014 r. przez prezydenta P. Poroszenkę (Pietnoczka 2018, 160-161).

kurs hrywny, wprowadzenie ruchu bezwizowego z UE, bardzo ścisłą współpracę z NATO oraz przeprowadzoną decentralizację, której skutkiem ma być trzykrotny wzrost dochodów lokalnych budżetów. Ponadto do osiągnięć zaliczył utworzenie organów antykorupcyjnych oraz prace nad utworzeniem Najwyższego Sądu Antykorupcyjnego, wprowadzenie obowiązku deklarowania przez urzędników dochodów i majątku, wyprowadzenie z szarej strefy przetargów państwowych, a także skierowanie do budżetu kilkuset miliardów hrywien jako efektu dotychczasowej walki z korupcją. Polityk zwrócił również uwagę na działania podejmowane w zakresie ochrony języka i wsparcia kultury ukraińskiej. Nadanie tomosu przyznającego autokefalię Kościołowi Prawosławnemu Ukrainy uznał za „akt duchowej niezależności Ukrainy” (Прорпaма 2019, 2-3).

Poroszenko zapowiedział kontynuację działań na rzecz odnowienia integralności terytorialnej, na rzecz odzyskania okupowanych terenów Donbasu oraz Krymu. Powyższy cel zamierzał osiągnąć za pomocą kroków polityczno-dyplomatycznych, zapewnienia jedności koalicji proukraińskiej, wykorzystywania sankcji oraz mechanizmu misji ONZ, którą miałyby zostać objęta niekontrolowana przez Kijów część Donbasu. Zapowiedział również kontynuację prac mających na celu uwolnienie wszystkich ukraińskich obywateli przetrzymywanych na terytorium Rosji oraz okupowanych przez nią ukraińskich terenach. Za niezwykle ważne zadanie do zrealizowania Poroszenko uznał przezwyciężenie ubóstwa, co miało nastąpić za pomocą udzielenia wsparcia najsłabszym grupom społecznym – ludziom starszym, niepełnosprawnym i rodzinom wielodzietnym. Zadeklarował wzrost wynagrodzeń oraz zwiększenie pomocy w związku z przyjściem na świat dziecka, a szczególnie w przypadku rodzin wychowujących troje i więcej dzieci. Za niezbędne Poroszenko uznał również kontynuację reformy podatkowej, reformy oświaty i służby zdrowia oraz polityki decentralizacji, a także utrzymanie wsparcia dla języka ukraińskiego jako jedyne go języka państwowego (Прорпaма 2019, 3-5).

Na trzecim miejscu w wyborach uplasowała się była premier Julia Tymoszenko, zgłoszona do rywalizacji wyborczej przez Ogólnoukraińskie Zjednoczenie „Ojczyzna”, na którego czele stoi od 1999 r. (Pietnoczka 2014, 220-221; Українська 2012, 163). Już w pierwszych zdaniach programu wyborczego „Nowy kurs Ukrainy” podkreśliła, że jego realizacja to droga do przywrócenia pokoju oraz okupowanych terytoriów. W rozdziale „Nowa strategia pokoju i bezpieczeństwa” sprecyzowała, iż zapewnienie pokoju oraz odzyskanie Krymu i Donbasu nastąpi na drodze wojskowo-dyplomatycznej. Miały zostać podjęte kroki w celu zapewnienia procesu negocjacyjnego na bazie memorandum budapeszteńskiego. Jednocześnie Tymoszenko wskazała na potrzebę umacniania armii, przeprowadzenia jej modernizacji zgodnie ze standardami NATO. Zapowiedziała zapewnienie europejskiego poziomu warunków służby żołnierzy, zagwarantowała mieszkania, bezpłatną opiekę zdrowotną, godną emeryturę oraz dodatkowe ulgi dla uczestników walk i ich rodzin. Tymoszenko deklaryowała również dołożenie wszelkich starań mających na celu

pociągnięcie Rosji do odpowiedzialności za wyrządzone Ukrainie, jej obywatelom i biznesowi szkód (Новий 2019, 1-2). W rozdziale „Nowa ludowa konstytucja” liderka „Ojczyzny” zapowiedziała szereg reform politycznych, mianowicie likwidację systemu klanowo-oligarchicznego, pozbawienie prezydenta, sędziów i deputowanych immunitetu, zmniejszenie liczby parlamentarzystów z 450 do 350, umożliwienie obywatelom dokonywania zmiany władzy centralnej i lokalnej w drodze referendum, przyznanie opozycji parlamentarnej szeregu uprawnień kontrolnych. W części programu zatytułowanej „Nowa strategia gospodarcza” była premier odniosła się do zagadnień finansowych, polityki energetycznej, rolnej oraz podatkowej. Zapowiedziała odnowienie zaufania do systemu bankowego, udzielenie wsparcia rozwojowi ukraińskich banków, zmianę nieefektywnej polityki Narodowego Banku Ukrainy, rozwój energetyki odnawialnej, stworzenie realnej konkurencji na rynku energii elektrycznej, demonopolizację importu gazu oraz rozwój górnictwa, który miałby pozwolić na uniknięcie importu drogiego węgla. Tymoszenko zadeklarowała również udzielenie wsparcia gospodarstwom farmerskim oraz małym i średnim przedsiębiorstwom rolnym, reorganizację administracji podatkowej, ostateczną likwidację milicji podatkowej oraz przeprowadzenie reformy systemu podatkowego (Новий 2019, 2-4).

W części programu poświęconej sferze społecznej Tymoszenko zapowiedziała „europejskie wynagrodzenie”. W myśl tego postulatu w ciągu pięciu lat miał nastąpić wzrost średniego ukraińskiego wynagrodzenia do poziomu średniego wynagrodzenia w Polsce. Liderka „Ojczyzny” wskazała również na potrzebę przeprowadzenia reformy emerytalnej, reformy służby zdrowia, przeprowadzenia modernizacji szpitali i przychodni. Zapowiedziała, iż w ciągu pierwszego miesiąca po objęciu urzędu prezydenta doprowadzi do dwukrotnego zmniejszenia cen za gaz, a tym samym obniżenia opłat za ogrzewanie i ciepłą wodę. Mieszkańcy otrzymywali by tańszy gaz wydobywany na Ukrainie, zaś budowa terminali pozwalających na import nierosyjskiego gazu skroplonego miałaby pozwolić na obniżenie cen gazu dla przemysłu. Była premier zapowiedziała ponadto utworzenie centrów kultury ukraińskiej za granicą, finansowanie przez państwo tłumaczeń na języki obce największych zdobyczy literatury ukraińskiej, niskooprocentowane kredyty dla młodzieży i klasy średniej, ułatwienia w zakresie uzyskania kredytu hipotecznego, a także przywrócenie świadczeń z tytułu urodzenia dziecka w wysokości 50 tys. hrywien w przypadku pierwszego dziecka, 100 tys. – drugiego oraz 150 tys. – trzeciego i kolejnego (Новий 2019, 4-7). Warto podkreślić, iż w tym programie nie znajdziemy postulatów dotyczących potrzeby przystąpienia Ukrainy do UE i NATO. Szczególnie może dziwić brak zapisu mówiącego o potrzebie wejścia do UE, gdyż był on obecny w programie, z którym Tymoszenko szła do wyborów prezydenckich w 2014 r. (Передвиборна 2015, 2).

Na czwartym miejscu w wyborach i jednocześnie ostatnim kandydatem, który miał znaczne szanse na uzyskanie poparcia pozwalającego na udział w drugiej turze

wyborów, był Jurij Bojko – wicepremier za prezydentury Janukowycza. Szanse na drugą turę wyborów zostały jednak w znacznym stopniu zmniejszone w wyniku udziału w elekcji prezydenckiej Ołeksandra Wiłkuła, ubiegającego się, podobnie jak Bojko, o uzyskanie poparcia prorosyjskiego elektoratu zamieszkującego głównie południowo-wschodnie obwody Ukrainy. Bojko uczestniczył w wyborach z poparciem ugrupowania „Opozycyjna Platforma – za Życie”, którego jest współprzewodniczącym (Опозиційна 2019). Na początku programu wyborczego były wicepremier podkreślił, że Ukraina musi być państwem neutralnym i należy w nim ukształtować taki naród polityczny, w którym wszystkie narodowości będą miały zagwarantowane równe prawa oraz równe warunki do rozwoju, niezależnie od ich liczebności i miejsca zamieszkania. Zadeklarował, iż doprowadzi do zakończenia walk na wschodzie, odrodzenia gospodarki, zapewnienia sprawiedliwości społecznej, utworzenia nowych miejsc pracy, wzrostu wynagrodzeń, powstrzymania wzrostu cen oraz zmniejszenia opłat komunalnych. Przywrócenie pokoju na Ukrainie zamierzał osiągnąć za pomocą wykonania przez Kijów wszystkich zobowiązań międzynarodowych oraz rozpoczęcia bezpośrednich negocjacji ze wszystkimi stronami konfliktu. Były wicepremier zapowiedział także zwiększenie kompetencji władzy lokalnej, wprowadzenie bezpośrednich wyborów kierowników regionów, utworzenie policji municypalnej, likwidację ograniczeń w zakresie wolności słowa, myśli oraz sumienia, zapewnienie niezależności sądownictwa, przeciwdziałanie wybiórczemu stosowaniu prawa oraz niewtrącanie się państwa w sprawy Kościoła (Програма 2019b, 1-3). Ostatni z postulatów należy zapewne rozumieć jako krytykę skierowaną pod adresem władz na czele z prezydentem Poroszenką za sprzyjanie nadaniu Kościołowi Prawosławnemu Ukrainy autokefalii.

Wśród obietnic wyborczych Bojki znalazło się również wsparcie producentów krajowych, zmniejszenie podatków, zwiększenie rent i emerytur oraz stworzenie warunków pozwalających migrantom ekonomicznym na powrót na Ukrainę. Zapowiedział wsparcie w postaci korzystnych kredytów dla małego i średniego biznesu oraz udzielenie wsparcia dla rolnictwa, m.in. poprzez przywrócenie ulg podatkowych. Jednocześnie polityk zapewnił, iż ziemia pozostanie własnością rolników, zaś ewentualne utworzenie rynku ziemi musiałyby zostać poprzedzone referendum ogólnokrajowym. Kandydat zadeklarował realizację programu budowy mieszkań socjalnych oraz zwiększenie świadczeń z tytułu urodzenia dziecka. W przypadku pierwszego miało ono wynosić – 100 tys. hrywien, drugiego – 200 tys., zaś trzeciego i kolejnych – 400 tys. Bojko zadeklarował również zmiany w służbie zdrowia, systemie emerytalnym oraz w oświacie, które miałyby wyjść naprzeciw oczekiwaniom społecznym. Odnosząc się zaś do miejsca Ukrainy na arenie międzynarodowej, polityk podkreślił, że zapewni realną pozablokowość państwa ukraińskiego, doprowadzi do przezwyciężenia „sprzeczności” w relacjach z państwami sąsiedzkimi, w tym Rosją, a ponadto zapewni partnerskie relacje z innymi państwami, jak również organizacjami międzynarodowymi (Програма 2019b, 3-6).

3. Podsumowanie

Dokonując porównania priorytetów programowych poszczególnych kandydatów, należy odnotować, iż najbardziej zbieżne były postulaty z obszaru polityki społecznej. Kandydaci wskazywali na potrzebę zwiększenia wynagrodzeń (Zełenski, Poroszenko, Tymoszenko, Bojko), zwiększenia rent i emerytur (Zełenski, Bojko), zmniejszenia opłat komunalnych (Zełenski, Tymoszenko, Bojko), reformy służby zdrowia (Poroszenko, Tymoszenko, Bojko) czy zwiększenia świadczeń z tytułu urodzenia dziecka (Poroszenko, Tymoszenko, Bojko). Warto przy tym odnotować, iż niektórzy politycy niejako konkurowali na zasadzie: kto zaproponuje więcej. Tymoszenko deklarowała, iż świadczenie z tytułu urodzenia pierwszego dziecka wyniesie 50 tys. hrywien, drugiego – 100 tys., zaś trzeciego i kolejnego – 150 tys. Przelicytował ją jednak Bojko, według którego tego typu pomoc miałyby wynosić odpowiednio – 100 tys., 200 tys. i 400 tys. hrywien. Spośród proponowanych reform politycznych należy wymienić wspólne dla Zełenskiego i Tymoszenko postulaty dotyczące pozbawienia immunitetu prezydenta, parlamentarzystów oraz sędziów, a także zwiększenia roli instytucji referendum. Wśród rozwiązań charakterystycznych w tym obszarze dla poszczególnych kandydatów należy zwrócić uwagę na deklaracje Zełenskiego dotyczące zgłoszenia projektu ustawy „O impeachmentie Prezydenta Ukrainy”, wprowadzenia list otwartych w wyborach parlamentarnych i samorządowych czy pozbawienia mandatu parlamentarzysty za „głosowanie na dwie ręce” oraz niską frekwencję podczas prac RN. W przypadku Tymoszenko należy odnotować zapowiedź likwidacji systemu klanowo-oligarchicznego, zmniejszenie liczby parlamentarzystów z 450 do 300 oraz przyznanie opozycji parlamentarnej szeregu uprawnień kontrolnych. Natomiast z postulatów charakterystycznych wyłącznie dla Bojki trzeba wymienić wprowadzenie bezpośrednich wyborów kierowników regionów, zapewnienie niezależności sądownictwa oraz przeciwdziałanie wybiórczemu stosowaniu prawa. Jednym z największych wyzwań, przed którymi stoją ukraińskie władze, jest skuteczna walka z korupcją. Potrzebie zwalczania tego zjawiska znaczną uwagę poświęcili jednak tylko dwaj kandydaci – Zełenski i Poroszenko.

Niezwykle istotnym zadaniem, przed którym stoją od 2014 r. elity polityczne Ukrainy, jest zapewnienie pokoju w Donbasie oraz przywrócenie integralności terytorialnej państwa. Do tego zagadnienia, co zresztą nie powinno dziwić, odnieśli się wszyscy kandydaci. Zełenski możliwość zapewnienia pokoju i przywrócenia integralności terytorialnej widzi w sytuacji uzyskania odpowiedniej pomocy od państw, które podpisały memorandum budapeszteńskie oraz partnerów z UE. Na to memorandum zwróciła również uwagę Tymoszenko, według której negocjacje powinny być prowadzone na podstawie jego postanowień. Poroszenko podkreślił potrzebę utrzymania jedności koalicji proukraińskiej, wykorzystywania sankcji

oraz objęcia misją ONZ terenów okupowanego Donbasu. Natomiast Bojko wskazał na konieczność wykonania przez Kijów zobowiązań międzynarodowych oraz prowadzenia negocjacji ze wszystkimi stronami konfliktu, przez co należy zapewne także rozumieć prowadzenie rozmów z przywódcami nieuznawanych republik. Należy zaznaczyć, że dwaj kandydaci, którzy zmierzali się o ostateczne zwycięstwo w drugiej turze wyborów, opowiedzieli się za integracją euroatlantycką Ukrainy. Zełenski jednak w przeciwieństwie do Poroszenki uznał, iż ostateczną decyzję dotyczącą przystąpienia do NATO powinni podjąć obywatele w drodze referendum. Tymoszenko nie odniosła się do kwestii wejścia Ukrainy do NATO, natomiast Bojko odrzucił możliwość przystąpienia do tego sojuszu, podkreślając, iż zapewni neutralność i pozablokowość Ukrainy. Warto jeszcze na koniec zaznaczyć, iż jedynym spośród powyższych kandydatów, który w programie wyborczym opowiedział się za przystąpieniem Ukrainy do UE był ubiegający się o reelekcję Poroszenko. Deklarował przy tym, iż wniosek o członkostwo w tej organizacji Ukraina złoży w 2023 r. Poroszenko nie dane jednak było zwycięstwo w wyborach o najwyższy urząd w państwie w 2019 r., a to w jakim stopniu Zełenski, a więc nowo wybrany prezydent, będzie kontynuował politykę poprzednika na rzecz integracji Ukrainy z UE, pokażą dopiero najbliższe miesiące i lata.

Bibliografia

- BALUK/DOROSZKO 2017: Baluk, W./Doroszko, M. (red.) (2017), *Wojna hybrydowa Rosji przeciwko Ukrainie w latach 2014–2016*. Lublin.
- DUMAŁA 2007: Dumala, A. (2007), *Stosunki Ukrainy z Unią Europejską*. W: Pietraś, M./Kapuśniak, T. (red.), *Ukraina w stosunkach międzynarodowych*. Lublin, 323-349.
- КОРІЖКА/ХОЛОВЦЕНКО 2017: Kopyjka, W./Hołowczenko, W. (2017), *Reakcja wspólnoty międzynarodowej na kryzys w relacjach rosyjsko-ukraińskich*. W: Baluk, W./Doroszko, M. (red.), *Wojna hybrydowa Rosji przeciwko Ukrainie w latach 2014–2016*. Lublin, 180-197.
- ПІЕТНОЦЬКА 2014: Pietnoczka, P. (2014), *Partie polityczne w niepodległej Ukrainie 1991–2007*. Olsztyn.
- ПІЕТНОЦЬКА 2018: Pietnoczka, P. (2018), *Eurointegracyjna droga Ukrainy*. W: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. IX/1, 153-165.
- ВИБОРИ 2019: *Wybory Prezydenta Ukrainy (2019)*. [Вибори Президента України.] W: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp003pt001f01=720.html> [dostęp 31.05.2019].
- ВІДОМОСТІ 2019: *Vidomosti shchodo zarejestrovanykh u vstanovlenomu zakonom porjadku politychnykh partiy stanom na 01.01.2019 roku*. [Відомості щодо зареєстрованих у встановленому законом порядку політичних партій станом на 01.01.2019 року.] W: <https://minjust.gov.ua/m/4561> [dostęp 7.05.2019].
- КАРМАЗІНА 2012: Karmazina, M. (red.) (2012), *Ukrayins'ka bahatopartiynist': politychni partiyi, vyborchi bloky, lidery (kinets' 1980-kh – rochatok 2012 rr.)*. Kuuyiv. [Кармазіна, М. (red.) (2012), *Українська багатопартійність: політичні партії, виборчі блоки, лідери (кінець 1980-х – початок 2012 рр.)*. Київ.]
- НОВИЙ 2019: *Novyy kurs Ukrayiny. Peredvyborna prohrama kandydatana post Prezidenta Ukrayiny Tymoshenko Yuliyi Volodymyrivny (2019)*. [Новий курс України. Передвиборна програма

- кандидата на пост Президента України Тимошенко Юлії Володимирівни.] W: <http://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/WP001> [dostęp 9.09.2019].
- ОПОЗИЦІЙНА 2019: Opozytsiyna platforma – za zhyttya (2019). [Опозиційна платформа – за життя.] W: <https://www.platform.org.ua/lidery/> [dostęp 6.06.2019].
- ПЕРЕДВИБОРНА 2015: Peredyborna prohrama kandydata na post Prezydenta Ukrainy Tymoshenko Yuliyi Volodymyrivny (2015). [Передвиборна програма кандидата на пост Президента України Тимошенко Юлії Володимирівни.] W: <http://www.cvk.gov.ua/pls/vp2014/wp001> [dostęp 4.09.2015].
- ПЕРЕДВИБОРНА 2019: Peredyborna prohrama kandydata na post Prezydenta Ukrainy Volodymyra Zelens'koho (2019). [Передвиборна програма кандидата на пост президента України Володимира Зеленського.] W: <http://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/WP001> [dostęp 21.03.2019].
- ПІДСУМКИ 2018: Pidsumky–2018: hromads'ka dumka (2018). [Підсумки–2018: громадська думка.] W: <https://dif.org.ua/article/pidsumki-2018-gromadska-dumka> [dostęp 31.05.2019].
- ПРОГРАМА 2019a: Prohrama kandydata na post Prezydenta Ukrainy Petra Oleksiyovycha Poroshenka „Velyka derzhava vil'nykh i shchaslyvykh lyudey” (2019a). [Програма кандидата на пост Президента України Петра Олексійовича Порошенка „Велика держава вільних і щасливих людей”.] W: <http://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/WP001> [dostęp 21.03.2019].
- ПРОГРАМА 2019b: Prohrama kandydata na post Prezydenta Ukrainy Yuriya Boyka „Plan myrnoho rozvytku dlya Ukrainy” (2019b). [Програма кандидата на пост Президента України Юрія Бойка „План мирного розвитку для України”.] W: <http://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/WP001> [dostęp 27.03.2019].
- РЕЗУЛЬТАТИ 2019: Rezul'taty holosuvannya po Ukraini (2019). [Результати голосування по Україні.] W: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp300pt001f01=719.html> [dostęp 9.03.2019].
- СУСПІЛЬНО-ПОЛІТИЧНІ 2018: Suspil'no-politychni nastroyi naseleenny: lystopad-hruden'2018 roku (2018). [Суспільно-політичні настрої населення: листопад-грудень 2018 року.] W: <http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=806&page=1> [dostęp 31.05.2019].

KULTURA, LITERATURA, MEDIA

ARNOLD McMILLIN

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6883-9852>

London

THE PROSE AND DRAMA OF AN OUTSTANDING POET, VOŁHA HAPIEJVA

KEYWORDS: Belarusian prose drama feminism humour fantasy language grammar

ABSTRACT: This article reviews the prose and drama of Vołha Hapiejeva up to 2018. The main themes of her work are: feminism, gender and sexual relations in a patriarchal society, and also various aspects of contemporary life. A Candidate of Science, she brings into her works, humorously, a variety of linguistic and grammatical forms. Her work is notable for its strong use of imagery, lively dialogues and many, especially in the plays, much absurdity. Without doubt Hapiejeva is not only one of boldest and most original of the promising Belarusian poets of our day, but also a very talented prose writer and dramatist.

Vołha Hapiejeva (b. 1982) is an active scholar, as well as one of the leading Belarusian poets of today, with strong principles and beliefs as well as enjoyment of fantasy. She has, however, also made original and highly imaginative contributions to prose and drama, where her notable individuality of style, thematic variety and stylistic mastery combines bizarre and biting wit with at times almost casual pathos. It is with these two genres that this review of her work up to 2018 is concerned. A prominent critic (Kiślicyna 2006, 135) has suggested that this writer is very close to her heroines; in writing about the novel and plays, however, I have consistently used the word ‘narrator’, albeit assuming that the narrator is female.

1. Prose

It has been suggested that Hapiejeva’s work in prose, particularly, her novel, stand out favourably from her early poetry (Šaŭliakova 2005, 113ff.). Whilst greatly admiring this writer’s work as a whole, the present author does not necessarily agree with this opinion, although he shares the critic’s great admiration for her prose.

Our review of Hapiejeva’s prose begins with a rather typical reference to language and grammar, it is somewhat unexpected to find apples associated with modern linguistics in a brief piece, ‘Jablyki, albo Hienieratyŭnaja hramatyka’ (Apples, or Generative grammar), which ends with two humorous rhetorical questions:

Ці сапраўды ўсё можна звесці да пэўнага мінімальнага набору аперацый?
 Ці сапраўды ўсё можна звесці да яблыка? (Hapiejeva 2017, 44)
 (Can everything really be reduced to a certain minimal selection of operations? Can
 everything really be reduced to an apple?)

The novel in modern and post-modern literature is one of the most fluid of all literary genres, and it is hardly surprising that a poet who early in her creative career took part in the Bum-Bam-Lit movement, should make a most unusual and original contribution to this genre. Her prose work to date comprises the novel, 'Rekanstrukcyja nieba (Raman u detaliach – Detał u ramane)' (Reconstruction of the sky (A novel in details – Detail in a novel) (Hapiejeva 2003, 91-139) and the already mentioned collection of essays, (V)iadomyja historyji,¹ as well a charming children's book in prose, which will be mentioned later; a brief further prosaic element is 'MANIFEST vieršaŭ' (A MANIFESTO of poems) in her second book of poetry, Niaholieny ranak (An unshaven morning) (Hapiejeva 2008, 53).

The novel begins with a Warning (*Papiaredžańnie*) telling readers of either sex in a humorous way what they may or may not do. Amongst the former are writing while reading, and imagining themselves in the shoes of the main characters, taking part in the (in)equality of society by fierce criticism or by lofty odes or use certain phrases as incantations against toothache, unhappy love or the evil eye. On the other hand not recommended are learning phrases by heart or reading them at large public gatherings. The novel itself consists of twenty-five more or less discrete parts (referred to as Details) randomly numbered from 0 to 83. Some critics feel that this loose, fragmentary, collage-like form gives the possibility of extending the novel in future (Šaŭliakova 2005, 113), and it certainly seems that the order could be changed, although each Detail seems to be very carefully constructed, despite variegated content, and some relate to each other, be it by ideas, themes, narratorial voice or other elements.

The first of them (Detail 21), like several of the subsequent ones, contains a number of features familiar from Hapiejeva's verse: synecdoche, personification and a strong feminist sensibility, in this case awareness of the 'male gaze'. The sun descends somewhere near her breast, and another, presumably male, figure wants to draw a line straight from her nipple to the pupil of his eye. Towards the end of the piece the personified nipple feels itself important, self-confident and proud. It or she knew that somebody would certainly kiss, lick, fondle, and perhaps even bite it. The final line, however changes the tone: 'Такой самаўпэўненасці заўсёды бракавала мне' (I always lacked such self-confidence, Hapiejeva 2003, 93). The next Detail (4), like several others, is to do with dreams and memory, the narration moving unobtrusively between two people, with references to such cultural

¹ The pun in this title between known and edible cannot be translated closely, although a loose approximation might be (Cr)edible stories.

figures as Borges, Sartre and Henry Moore. The narrator who elsewhere sometimes seems attracted to women as well as men here shows tenderness towards a male figure, Eugene, who is so soft that eggs would not break under his feet (Hapiejeva 2003, 95). In Detail 15 there is a choice between going to bed and getting up. In her flat there is a man, injured by hooligans, who likes listening to Chopin, but the narrator's arms get tired by playing for him. He insensitively asks why she does not take in a young man, in the tone of why not take in an animal; she thinks that all animals should live in freedom and, in any case, as she notes dismissively, her flat is on the sixth floor (Hapiejeva 2003, 116).

Angels appear in several of Hapiejeva's poems and not always in romantic let alone religious form as, for example, in 'špinami ũ šnieh padajem...' (we fall on our backs into the snow) where they have changed into mufti at the end of a war (Hapiejeva 2003, 63). In Detail 16 the angels are wingless, and, in a somewhat whimsical scene of youthful imagination, a child collects hens' feathers (thirty-seven of them, to be precise), fluffy ones like little rabbits and sharp black ones like soldiers (another of this writer's recurrent images). They are placed in a tea jar, and she goes for a bike ride, but it is a curiously expressionless day, and she does not know whether she is riding or being drawn along. In Detail 31 the atmosphere is quite different. Late for an appointment with a worldly angel (who smokes, for instance), she is embarrassed by the angel's demonstratively loud voice, and escapes by thinking of Mary Queen of Scots. This turns into a short essay on the Queen, complete with a portrait and footnotes, which ends with the narrator's opinion that the image of her presented by Schiller and Zweig was idealized (Hapiejeva 2003, 118-20).

Love, loneliness and (un)faithfulness are recurrent elements in Hapiejeva's novel, just as they are in her verse. Detail 2 discusses time zones and their relevance to faithfulness, concluding that any betrayal is only to time itself:

Мы жывем у розных краінах і ў розных часавых паясах. Калі тут 10, там яшчэ 9. Так што ў мяне ў запасе гадзіна. Я вучуся не хлусіць. Хоць, калі ня хлушчу я, абавзкова знойдзецца нехта, хто будзе хлусіць мне. Я старанна праектую свае сказы, нібыта архітэктар, асабліва, калі кажу, што ты чалавек, якога кахаю, пазьбягаючы пры гэтым слова «адзіны», якое пазбавіць мяне магчымасьці будаваць іншыя палацы ў гонар іншых чалавекаў, якіх я кахаю. Да таго ж, калі я цалуюся зь не-табой, гэта адбываецца на гадзіну раней. У тваім часе я заўсёды шчырая й заўсёды з табой. Так што, калі ты вырашыш зьехаць у Аўстралію, 6 месяцаў вольнага жыцця мне гарантаваныя. Як гарантаванае табе маё вечнае чаканьне, бо адзіны, каму я здраджваю – гэта час. (Hapiejeva 2003, 98)

(We live in different countries and in different time zones. When it is 10 here, there it is still 9. So I have an hour to spare. // I am learning not to lie. Although, when I do not lie myself, there will always be someone else who lies to me. I plan my sentences carefully, like an architect, especially when I say that you are the person I love, avoiding the word 'alone', which would deprive me of the possibility of building other palaces

in honour of other people I love. Moreover, when I kiss someone who is not you, it happens an hour earlier. At that time I am always sincere and always with you. So that if you decide to go to Australia, I am guaranteed six months of free life, just as you are guaranteed my eternal waiting, because the only thing I betray is time)

A quite different view of time, geography and love is found in Detail 83, where the narrator appears to regard her lovers as patients, comparing the geography of the city to her own body. At first the patients can find her intimate parts without maps, but later, touched by the attentions of veterans of love, she goes out and finds that the names of the streets are wound around the names of her patients, noting in her diary that they particularly like the word ‘tomorrow’, although there can only be today (Hapiejeva 2003, 135). In Detail 8 she apparently makes a reference to the poem that brought her fame and notoriety, ‘na padlozie vandrujuć papiery’ (on the floor papers are wandering about, Hapiejeva 2003, 18), when she is in the company of a rather domineering male acquaintance who both disgusts and attracts her: she thinks that he suspects that his coffee has sperm in it, something she denies vehemently (Hapiejeva 2003, 101-02). In Detail 13 the narrator disturbs the regular life and peace of another man by her violence to him and his beloved pet animals, leading him, after a long silence during which she feels herself a little slut, to make a humble but devastating declaration: ‘мене так сорамна, але я не кахаю цябе’ (I am so sorry, but I do not love you, Hapiejeva 2003, 104). The result is a string of disparate numbers and letters on the page (can this be related to the numeration of the Details?), followed by the narrator’s collapse in pieces on the carpet.

It is not only calm and orderliness that disturbs the narrator, but more generally the standardization of life that she sees around her. In Detail 12, set in the metro (public transport is a frequent setting for her thoughts), she finds herself sitting opposite a statistically typical family: father, mother and daughter. She begins to observe the man closely, thinking about how the child was physically conceived, and how empty their faces are. Nevertheless, she imagines snatching the man away, concluding ‘Дасканалнасьць не для мяне’ (Perfection is not for me, Hapiejeva 2003, 127). Standardization is also to the fore in Detail 72 in which the narrator sees a notice put up by a woman with countless children, seeking a quiet corner for them all. This makes her feel that she too would like a corner for herself and starts to think of how large her own family is growing, with all her lovers who address her by a huge number of names related to Volha (Volia, Olia and so on). She hopes to find a flat and puts up her own public notice, but soon runs into the desire of society to standardize everything:

Толькі перакроч ганак – ты адразу адчуеш як усё й усё прапахла адзіным жаданьнем – уціснуць усіх у нейкія памеры, нумары, знакі, лічбы, адрасы, гендэры, статусы, іміджы, не ведаю я, які ў мяне памер. (Hapiejeva 2003, 112)

(As soon as you cross the threshold you immediately feel that everyone and everything smells of a single wish: to squeeze everybody into certain sizes, numbers, signs, figures, addresses, genders, statuses, images. I do not know what my size is.)

The narrator continues by reflecting on the life of a pretty saleswoman outside her shop, but the main theme is the standardization of everyone in life, epitomized by the measuring and fitting in a clothes shop: ‘Тут галоўнае працэс, а ня вынік’ (Here the main thing is the process, not the result, Hapiejava 2003, 113). Her conclusion is indeed depressing:

Але выкруціцца немагчыма. Цябе ўсё адно заклясыфікуюць, дадуць асабісты нумар, падбяруць адпаведнае азначэньне, падпішуць цану, знайдуць пакупніка, па-святочнаму запакуюць і адправяць. Куды? Куды-небудзь, лёс – ён як і нумар – ва ўсіх свой асабісты. (Hapiejava 2003, 113)

(But there is no way to get out of it, They will classify you anyhow, they will give you a personal number, will choose a suitable significance, will find a customer, pack you up in festive style and send you off. Where to? Anywhere, fate is like a number – everyone has their personal one.)

The pretty saleswoman is not the only female to draw the narrator’s attention in this novel. Detail 28 describes a kindergarten attraction towards a child of a Russian mother and Jewish father who has an exotic name. She fantasizes about marrying her and living together when they grow up. The details are already being planned: ‘Я прыляплю сабе вусы падчас рэгістрацыі, і ніхто не адгадаецца, што я – гэта я’ (I shall stick a moustache onto myself during the registration, and nobody will guess that I am who I am, Hapiejava 2003, 129). Another example of gender-bending is found in Detail 34 where the narrator entertainingly describes being willing to imagine a partner (who has recommended far too many books to her) in the lotus position. Here are the opening lines:

Я згодная ўявіць цябе ў позе лётаса пры адной умове: ты маеш быць асобай мужчынскага полу, бо цябе-жанчыну я ўяўляла бы ў іншай прасторава-часавай камбінацыі. Да таго ж зь цябе астрымалася б ня самая лепшая паненка. Не хавайся, вопратка табе не спатрэбіцца... (Hapiejava 2003, 103)

(I am willing to imagine you in the lotus position on one condition: you must be a person of the male sex, for I should imagine you as a woman in a different combination of space and time. Moreover, you would not make the best little lady. Don’t hide yourself, you won’t need your clothes...)

Before continuing this theme, it is worth reiterating that in the work of Volha Hapiejava, despite her sometimes graphic description of physical relationships

and the female body,² for her narrator here, as for the heroine of her poetry, sex, whatever its orientation, is far less important than questions of gender. Through the narrator of the novel, she shows a strong feeling for physical sensations, from language to touch, sights and sounds, as well as to smells. Before turning to two Details that seem less fantastical than others, reminding one critic of a Bildungsroman (Šaūliakova 114) (Details 0, 28, 83 and 9), Detail 45 should be mentioned, describing as it does a meeting with a mysteriously attractive woman on a trolleybus who is compared to a smelly rather than fragrant white flower (Hapiejeva 2003, 110). There is, however, nothing remotely pleasant about the smells in Detail 0, which describes the fourteen-year-old narrator voluntarily visiting an old woman, although she is not her granny, and it is difficult for the teenager not to wonder why her husband does not look after her. The fantastic description of the smells and the medicines lead her to ask herself whether she has acquired her own smell yet. The story moves on to her at the age of nineteen, when she rejects forthrightly boys who talk about her in the abstract; when one of them says she smells of milk because she is so young, she declares that she does not like milk and drinks coffee. She lies on the floor with her drink and reads a book called *Perversions* until she is interrupted by a potted plant falling to the floor. Such random sequences of events are far from rare in the novel and, indeed, the plays.

Detail 6, which appears to end in the world of recognizable reality, opens boldly with the repeated words: 'Кожны дзень я кагосьці зьядаю' (Every day I shall eat somebody, Hapiejeva 2003, 106). Although she does not care a jot that nobody reproaches her for this crime, she nonetheless becomes a nervous wreck, unable to hold her cutlery and so on. She wishes a certain Heinrich could help, but he himself is quite hopeless, unable to open a jar of jam without falling into depression. Despite all this, the narrator allows herself a few musical jokes, beginning with *lia-nota* (laziness, which can also be read as the sixth note of the solfeggio, 'la'). She appears to fall asleep after turning on a tap in the bathroom, imagining an ocean from which she saves a foreign beauty, whose grateful father arranges a marriage between them (Hapiejeva 2003, 107). As she wakes from this exciting dream, she is back to a banal conversation and children's songs. Next the narrator seems to be a teacher who sometimes goes to the cinema with her postgraduates; she thinks that one of them may be in love with her, but her conviction that children can be very cruel usually makes these young men go away (Hapiejeva 2003, 108).

Detail 54 describes the death of a tree to which she had always spoken and which in turn spoke and listened to her. The narrator imagines the trees as lovers, or at least gossips, deciding that men are more inclined to spread stories than

² In her openness about her body she resembles another, very different, young poet Valžyna Mort (b. 1981).

women and, in any case, people are crazy. There seems to be an echo here of one of her poems, 'Zryvajusia...' (I fall off..., Hapiejeva 2003, 53).

The excerpts from the novel given so far have shown tremendous thematic variety, both between the Details and also within many of them. *Rekanstrukcyja nieba* is a very literary work, as we are reminded by the opening of Detail 3a: 'Новы дзень (пераклад з ангельск.)' (A new day [translation from Eng.], Hapiejeva 2003, 114). Each of this piece's six paragraphs begins with 'Ад каго' (From whom), comprising excerpts from a correspondence. In the first of them she knows the announcement has come from a woman, and hopes to find out more about her, asking her to write again, mindful nonetheless of all the viruses coming from nearby Russia. The third letter, addressed to Volia concerns her depression and advises her not to pay so much attention to other people – some flowers are destined to bloom in isolation. The fourth begins breezily: '...хай, sweety, як там маешся?' (Hi, sweetie, how's things?), worrying about why the narrator is depressed – is she to blame? Life working in Macdonalds, she reminds her correspondent, is no joke. This is followed by another letter speaking of her illness and disquiet that 'our Vital' seems in no hurry to return from the United States, and hoping that he won't stay there with all those fat American girls (Hapiejeva 2003, 115). In the last letter she blames the narrator for sending her a Valentine card and then going off with someone else – she has not been able to get through by telephone and suspects deception, ending bitterly: 'У мяне новы тэлефон, і, вядома ж, табе пляваць, як мне на новым месцы. // Бывай.' (I have a new telephone and, of course, you could not care less how I am getting on in my new job. // Goodbye, Hapiejeva 2003, 115). Detail 3 contrasts a familiar opera by Verdi at La Scala, in which the heroine empathises with the heroine, with the more worldly concerns of her Italian friend who is so absorbed in parking her car cheaply that it becomes for her the principal event of the evening (Hapiejeva 2003, 3).

As a final example from this diverse and absorbing novel, Detail 9 (the last) returns to the ubiquitous theme of the narrator's loneliness. It begins by her listening to other people's conversations from adjoining cabins in the post office, excusing her behaviour as an escape from boredom. Loneliness is also a constant presence in the flat of a prostitute of her acquaintance, who, when she goes out, takes with her a warmly wrapped plastic doll; she is also cold at home, wearing a scarf (that may also be made of plastic). The narrator tries to phone her, but the prostitute has to phone one of her shy clients to tell him of her situation before dragging him in for painful sex. Later the narrator finds the phone is often busy, so decides to write a letter, avoiding all sentimentality, describing how she plans to go to a carnival. She plans also to write such a letter to an 'amber king', from which he will somehow or another learn that all my acquaintances – angels, postgraduates, killers, lovers, collectors, vegetarians, mountaineers – are currently undergoing a course of treatment, and will even be discharged soon. In the last paragraph

the narrator, watching the leaves falling joyfully from their branches, concludes that you can deceive not only other people but also yourself (Hapiejeva 2003, 138-39).

The novel is signed off in a most personal manner: ‘цалую абдымаю, вашая воляга’ (I kiss and embrace you, your Voľha)

* * *

To write entertainingly about food and eating is by no means easy, although in the Renaissance François Rabelais made a magnificent job of describing some of its grosser forms. Voľha Hapiejeva’s collection of miniature articles on this subject, (V)iadomyja historyi, is in some respects a philosophical *jeu d’esprit*, which displays the writer’s fecund imagination, and reveals some of her most personal concerns, not least in the first section, ‘Hrečka, albo Prajavy šavinizmu’ (Buckwheat, or Phenomena of chauvinism), which is a humorous essay on this plant and what can and cannot be done with it. The narrator calls herself a complete chauvinist who cannot be anything else, while buckwheat is compared to a refined young lady, whose voice she does not accept, as it can do nothing except be buckwheat; in its place she would certainly become a feminist (Hapiejeva 2017, 7-8). The next piece is ‘Pamidor, albo pra ab’jektyŭnaju reaľnaść’ (The tomato or about objective reality), which describes how the narrator abuses a neglected tomato. A humorous footnote discusses various forms of reality that logically equate her to a tomato (Hapiejeva 2017, 9-10). Despite that, the tomato is subject to her powerful character, and dies. The next section is less philosophical: ‘Cybulia, albo etika nielubovi’ (The onion, or the ethics of dislike) describes the narrator’s antipathy to onions, causing her to learn the word for this vegetable in fifteen foreign languages in order to avoid ordering it. She considers that the effect it has on salads is like a whole class in school being blamed for the ‘sin’ of one of them. She also says that a whole country can be blamed for an individual, which would not happen with a cucumber or radish on their own (Hapiejeva 2017, 11-12). The themes of some other sections relate to stereotypical thinking: lovers (sweet cakes), loneliness (canapés), the problem of choice (tea), the question of trust (macaroni), social categories (sweets), cultural relativism (caterpillars),³ the power of thought (ragout), universal relativity (icing sugar), the metaphysics of tiredness (conserves), incompatible exclusivity (ratatouille), symbolic practices (mushrooms) and the miracle of empathy (chestnuts). The section entitled ‘Pialmieni, albo pra stalaść formy i zmiestu’ (Pelmeni, or about the mature link between form and content) describes the narrator’s parting with a boyfriend of four years’ standing, all because of pelmeni.⁴ Not having enjoyed this food

³ The English are traditionally aghast at the French fondness for eating frogs’ legs, but if caterpillars are considered edible in Belarus, or anywhere else, the present writer confesses to complete ignorance of the matter.

⁴ The nearest Western food to pelmeni is ravioli.

as a child, she tries to make her friend eat it as a test. She then calls him a pelmeni man and, as she says, goes into internal emigration. Later the ex-boyfriend gets married, and goes to restaurants boasting of his enjoyment of carpaccio of beef, but nothing can change reality. The pelmeni man remains pelmeni (Hapiejeva 2017, 30-31). A quite different story about pelmeni is Aliaksiej Palačanski's 'Pielmieni. Sudzilišča jedakoŭ' (Pelmeni. The judgment of the eaters, Palačanski 2014, 54-64).⁵

After the food, the second part of the book is about the implements and places for eating it. In the first section, 'Nož i vidieliec' (Knife and fork, Hapiejeva 2003, 57-58), the narrator describes how she always remembers one of her men when she places her cutlery 'correctly' after a meal. In the next, 'Posud i defiektŭ' (Crockery and defects, Hapiejeva 2017, 59-61), she relates the story of various breakages, comparing damaged items to people with flaws that can make them either very individual or outcasts. Maybe crockery takes on our faults and breaks under the strain, or maybe the damaged mug is a Buddhist, teaching her not to become attached to things, and making it easier to part with those that have gone. A characteristic section is 'Sieliadziečnica' (The sardine dish) that begins with a description of this piece of crockery and the specifics of its use (with a note on the changing status and use of sardines). The last sentence is typical of the narrator and her philosophical approach: 'Такое сабе самаспазнанне ісціны быцця праз рэч (*чытай, талерку*)' (Such is the truth of existence through a thing [*read plate*], Hapiejeva 2017, 65). Also philosophical is 'Kitajskija palački' (Chinese chopsticks). The narrator describes how she learned how to use these instruments from Chinese friends. One (Belarusian) lover gave her a pair, but his successor (not wanting to be reminded of his predecessor) snapped them in half and threw them out of the window, whilst a third lover got another pair and enjoyed using them too. The narrator supposes this may be seen as an illustration of Hegelian thesis, antithesis and synthesis (Hapiejeva 2017, 66-67). Finally may be mentioned 'Jajkarezka' (The egg cutter), which, when a child, the narrator seized upon, being deprived of her piano while staying with her granny, and enjoyed playing on this 'harp-like' device before it was confiscated by adults and put back in the cupboard with other rarely used items. Now, when the world is full of advanced gadgets, the egg cutter is dear to her because it contains music. The writer's musical interests have, of course, also been manifested in the novel, and music plays a significant role in her play, *Tam* too.

Finally should be mentioned here, and not only because it follows a description of her book about food, Hapiejeva's first delightful children's book, *Sunny sup* (Sad soup, Hapiejeva 2014) which was awarded the Ex libris prize in 2013.

⁵ Belarus's big brother Russia treats many subjects, including food, very seriously. For an entertaining review of this subject see Wylie 2018.

2. Drama

There are some snatches of dialogue in Volha Hapiejeva's verse and prose, but her drama for the purposes of this article comprise three plays, 'Kaliiekcyjanier' (The collector), which formed part of her debut book (Hapiejeva 2003), Kardyjahrama – historyja adnoj niazhody: Kazka-fars (Cardiogram – the story of one misfortune: A fairy tale–farce, Hapiejeva 2011), and 'Tam' (There, Hapiejeva 2016).

The first is an imaginative surrealist play, with an epigraph from Sartre: 'L'enfer c'est les autres' (Hell is other people). The introduction, 'Pradmova da p'jesy' (Preface to the play) is quite extraordinary and it is not clear how and by whom it would be read. Here are the last four lines:

І пайду сьвяткаваць вызваленне
сваёй рэспублікі
Я – нацыянальны герой
Люблю бублікі (Hapiejeva 2003, 77)
(And I shall go to celebrate the liberation of my republic / I am a national hero / I like
bagels)

It was first staged in 2003 in the Museum of the History of Belarusian Literature, with a cast drawn from some of the leading writers of today: Viktor Žybuł and his wife Viera Burlak (aka Džeci), Valžyna Mort and Alhierd Bacharevič. The following year it was staged again in the Palace of Arts, and later (in Polish translation) in Lublin.

The dramatis personae are:
Dumka (Thought, female),
Jon (He, male),
Supračaz (Gasmask, sexless),
Man with a little cart,
Woman with a suitcase,
A female voice.

The setting is: a room with a bed in the middle, and a blindfolded girl tied upright against one wall. To one side stands Jon, dressed as a fireman, holding a gasmask and looking straight ahead. The text is supposed to be delivered without any emotion. The latter instruction must have been difficult with the lively cast of writers who played the parts at its first performance.

A brief account of what happens is the best way to describe this extraordinary work. In Act I Jon, who turns out to be a collector,⁶ describes his thoughts about Dumka who seems to obsess his mind, and whom he controls by keeping her captive. She has come into his life on Tuesday (all days turn out to be Tuesdays). Amongst the absurdity is a woman's voice off stage announcing a train that will depart from Platform 5 in six months and thirty-one days time. Enter the man with the little cart, paying no attention to the other two characters, but complaining about a crowded tram the day before, when he had smothered a howling baby to quieten it; after describing the other passengers on the tram, he removes his cart, making soothing sounds. In Act II Jon talks to the young woman, whom he describes as his wife. She wishes to discuss grammar, but he can only make incomprehensible sounds. Her attitude towards him is a mixture of sympathy and scorn, particularly for his imaginary heroism at work. Her attitude is feisty:

Я ж Думка. Я старанна выконваю сваю працу. Я ніколі не спазняюся паведамляць камусьці пра штосьці, бо хтосьці й дзесьці ўжо забыўся на кагосьці калісьці. (Hapiejeva 2003, 83)

(I am Dumka. I conscientiously carry out my work. I am never late to inform someone about something, because somebody somewhere has already forgotten about someone some time.)

After this declaration, Jon, not unreasonably, starts to bang his head against the wall, soon followed by Dumka herself. Their conversations are totally absurd, but when he reads a little poem from his grandma that, amongst other things, calls her his Thought, Dumka furiously declares that she is her own thought. An alarm sounds and the man with the cart and the woman with the case quarrel about the sex of the children they want to have. The alarm sounds again. In Act III Jon and Dumka have nonsensical but fierce discussions about the nature of thought and the rules of writing, provoked by the name Hramadzki Hramada Hramadavič, for example. The woman with the case re-enters and hangs a poster around the neck of the man with the cart, 'Ladies! Let us defend our younger brothers!' (Hapiejeva 2003, 87). The woman talks about her ideal wife (even if she cannot cook properly) but agrees that she should be talking about an ideal husband. They discuss what he should have – he does, it turns out, have a collection of sperm, for which the woman has no use. She fixes a string between the bed and the lamp, and the latter goes on and off as she pulls it. In the fourth and last act all are on stage. The alarm sounds again. An announcement is made of a new virus, by which everyone must tell lies. To preserve hygiene all must wash in cold water. As a prophylactic one should tell three or four fibs a day. The second point is that one must be especially

⁶ He is a collector in the sense of English novelist John Fowles's *The Collector* (Fowles 1963), which in 1965 became a successful and influential film.

careful about contact with the opposite sex. The fine for non-compliance is half the minimum wage. All remove their gasmasks. Darkness.

Over ten years later Hapiejeva wrote 'Kardjahrama', a comedy in six acts, all of which, except Act III, comprise only one scene. The epigraph is: '...doctor, people are dying there without love...'

The dramatis personae are:

Rozum (Reason, male),

Serca (Heart, male),

Postman (male),

Amur (Cupid, female),

Doctor (male),

A red dress (no sex).

On the stage is a screen showing a building site and workers on it, in front of which sit Serca and Rozum drinking wine with their backs to the audience. The Postman brings Serca an arrow (which has to be signed for). The dialogue, as throughout this play, is mostly farcical. Rozum is very finicky, grabbing at Amur's words, as if at a lover. There is much discussion of love and its desirability or otherwise. Rozum suggests death as a way of escaping the traumas of love, and the relationship between these two extremes becomes a recurrent theme in this work. There is some play with orthographically close words, such as was seen in Hapiejeva's earlier writing, and then Rozum produces some suitably absurd statistics:

На дзесяць шлюбאў адзінадцаць развядуцца, са ста выпадкаў смерці прычынай дзевяноста дзевяці – каханне. (Hapiejeva 2011, 50)

(For ten marriages, eleven end in divorce, from a hundred case of death ninety-nine of them are caused by love)

Act II is more literary: the setting is Amur's room where the red dress (a desired but false aid to love in the play) is hanging, and she is lying down writing with enthusiasm, when the Postman enters and starts criticizing her for laziness. She reads him a love lyric, but he thinks she should find a poem on the internet and do something useful like archery. Amur faints on hearing Rozum suggested as a companion. A doctor is called who asks her a series of psychological questions, which only leads to suspicions that he is a spy (there are a lot of them about). It is agreed that love is a drug and Amur might be a dealer but not a user. In Act III Rozum is trying to advise Serca on how to win the favours of a pretty girl sitting on a bench; in a later scene Serca dresses as a woman, and he and the girl engage in a flirtatious conversation, Rozum tells Serca to write a poem, suggesting that without love the alternative is death (Hapiejeva 2011, 143). After its recitation,

Amur notes that, with emancipation, all sorts of things can happen (Hapiejeva 2011, 144). Serca starts shouting ‘Down with men!’, as if at a demonstration (Hapiejeva 2011, 144).

In Act III Amur and the Postman are sitting in her flat, where there is no sign of the red dress; on the walls of the room mysterious graffiti include the words ‘fool, read books’. Suddenly the Postman notes an arrow sticking out of Amur’s back. In Act IV Amur and the Postman are on the floor looking at slides of faces (also shown to the audience on a screen) of boys, men, girls, celebrities and so on, for Amur to choose from. She reads again a poem, some of which had been heard earlier, and the end of which suggests death. In Act V Serca asks Amur whether there is anything gay there? (Hapiejeva 2011, 145). He has by now bought the red dress, which they both regret stealing. Amur rejects Serca’s advances, saying she brought all the troubles on herself by hoping for peace and harmony. The dress is no use for an empty heart. Act VI consists of a poem pointing up the moral of the farce, at least for those who do not reject love. Here are the last two lines:

Усё жыццё, ці хаця бы палову,
Галоўнае – кахай і кожны дзень нанова. (Hapiejeva 2011, 146)
(All your life, well, at least half of it,
The main thing is to make love and every day again)

As with all Hapiejeva’s plays, the sharply witty dialogue demands to be performed or read in full and aloud, rather than short printed excerpts.

Volha Hapiejeva’s last play to date is the four-act ‘Tam’ (Hapiejeva 2016), with the epigraph: ‘what are you doing here – preparing a revolution or collecting money for something?..’. Also farcical, but more violent than its predecessors, it contains sadness and squalor as well as humour. Women’s lot is much to the fore, as are concomitant male delusions. In ‘Rekanstrukcyja nieba’ the instruction had been to read the text without any emotion, but here the situation is reversed, as this play is notable for heightened feelings, and far longer passionate, as well as absurd, speeches and declarations than in the earlier plays.

The dramatis personae are:

First woman (well coiffed and with lipstick), 75 years old,
Second woman, young in casual dress,
Dirty woman, middle-aged and in ordinary clothes,
Composer, a woman of about 40 in a tuxedo and bow tie,
Barmaid, aged 20–30, dressed in an apron and cap,
Track walker,
Conductor, a middle-aged woman,
Train manager, a man of 30–40, in uniform under a greatcoat.

The play, which is set on a train, opens with an absurd conversation between the first and the second woman about husbands during which the latter confuses the words *padvodnik* (submariner) with *palkoŭnik* (lieutenant). The first woman explains that submarines only sink through the weight of the books in them, and that her husband is an underwater librarian, although she cannot explain what happens to the books afterwards, supposing that they are given to the fish or burned. Before the next scene a fat man in braces crosses the stage silently in front of the women. In the second scene the two women talk about a variety of other topics, beginning with the hospitality of Moldova and the superiority of their boars as the source of sausages, then, in the third scene (after the fat man has crossed the stage again), different kinds of vets are discussed (to cure live animals and to certify dead ones); other topics include soldiers returning from Poland, including one attractive officer, whose invitation to go for a ride had been rejected by the older woman, and who died in a car crash the next day (Hapiejeva 2016, 216). She produces a bottle of ‘holy water’, which she proposes to give to one of her religious friends who had not been allowed to kiss the cross by her priest, who told her to come to church more often.

Act II is set in the buffet car where the second woman, the conductor and the dirty woman sit at a table. The dirty woman complains about being called dirty, despite her constant washing, and prays for a miracle that would lead to her being called clean. She believes that dirt is indelible unless one believes (in the teaching of the Patriarch). When the barmaid comes to take their orders, the composer asks for her voice and a cabbage salad, leading to a ridiculous discussion about cabbages. The musician enumerates her compositions and laments that she is expected to have a husband and children; she also rejects the idea of composing for local celebrities. When the barmaid returns with the cabbage, singing ‘la, la, la’, the dirty woman tries to persuade her to join the composer’s orchestra, even though the latter does not yet exist. She, however, is not interested in joining anything, including a meeting of anonymous women – if anything, she will join a meeting of anonymous barmaids. The second woman makes great play with linguistic paradoxes, such as joining something that does not exist, despite the fact that many say linguistics is a useless science. She envisages great publicity, with the headline, ‘Жанчына перамагла мову’ (A woman has overcome language, Hapiejeva 2016, 219). In her passion she grasps the barmaid by the shoulders, saying, ‘Няўжо вы не хочаце змяніць жыццё мільёнаў прыгнечаных і абяздоленых?’ (Do you really not want to change the lives of millions of the oppressed and unfortunate?, Hapiejeva 2016, 219). A siren sounds, followed by instructions on the service of customers. The train manager comes in to reprove the barmaid for constantly saying, ‘I don’t know’, ‘I don’t understand’. He threatens to send her to a ‘Ghetto of Silent Women’ for those who have lost their voices. In her alarm at this dreadful prospect, she confuses all her words, for instance, *nor* (of burrows) for *norm* and *maniu* (I shall entice)

for *menu* (menu). The dirty woman and composer persuade her to come into the orchestra, whereupon the manager declares that he will be their conductor.

Act III is set in the original carriage, and is as diverse in content as the first two. The barmaid returns, having been dragged off to coach 8 to perform. She had left behind a huge bag, reminding the second woman of the Vietnamese who once were everywhere, despite not having ‘proper’ noses like the Belarusians. She hopes to sell things to the other women once they cross the frontier, but they have their own financial operations in mind. The manager announces that he has met a famous conductor and wants the barmaid to come with him, but only to work in the buffet. There ensues a terrifying meteor-like hail of stones that are being thrown at the train by local hooligans, and it seems that the dirty woman has been killed. Suddenly a voice from above begins reproaching the composer for denying that when she was four-years-old she was interfered with by one of her family members’ dirty hands, and saying that the only way of losing this memory is by recounting it now. She is devastated, but the voice continues, saying that at first she treated it as a joke but then began interfering with other women. She is told to forget it, but cannot. The noise of the train drowns her protestations, and in the darkness she seems to have committed suicide.

In Act IV, scene 1 the two original women are discussing the emptiness of the older woman’s life, and the train conductor joins them with her own tales of exhaustion. She tells them of the fate of the barmaid who did not fit into the orchestra and was sent to the feared ghetto, described as worse than a concentration camp, where she died (Hapiejeva 2016, 226). They reach a station and the two passengers leave the train. In the second scene the manager is seen preening himself in front of a mirror and thinking aloud. He muses on how it is right that women have the menial jobs. It is ordained ‘ПА ПРЫРОДЗЕ’ (BY NATURE, Hapiejeva 2016, 226). He goes on to discuss, as examples, the women on the train. Their highest ambition is to get his body and position. The women have left the train without him, but he interprets this as their wanting to give him a surprise. Or perhaps the conductor has murdered them in order to have him for herself. When this idea is rejected, he stabs her with a knife. To him belong the last words of the play: “Ну вось і ўсё. Цяпер галоўным буду я” (‘Well, that’s it. Now I shall be the main one’, Hapiejeva 2016, 227).

* * *

Volha Hapiejeva’s first three plays show a great talent for lively dialogue, humorous situations, and the raising of a host of contemporary issues, ranging from women’s rights in a patriarchal society to the role of linguistics as a legitimate field for scholarly enquiry. Only in ‘Tam’, however, are these issues very clearly presented, without, it must be said, losing any of the comic exchanges between the characters

in whose depiction she excels. Although only one of these plays has been staged at the time of writing, they all work well as literary texts and can be enjoyed by readers as well as theatre audiences.

Naturally, describing the work of a young writer is unfinished business. It is expected that Voľha Hapiejeva's work as poet, prose writer and dramatist will fulfil its early promise, and continue to flourish in future. Her many enthusiastic readers, including the present author, will await with impatience many more years of creativity from this fecund, boldly inventive and immensely varied writer.

References

- FOWLES (1963): Fowles, J. (1963), *The Collector*. London.
- HAPIJEVA (2003): Hapiejeva, V. (2003), *Rekanstrukcyja nieba*. Minsk.
- HAPIJEVA (2011): Hapiejeva, V. (2011), *Kardyjahrama – historyja adnoj niazhody: Kazka-fars*. In *Dziejaslou*, 2011, 50, 137-46.
- HAPIJEVA (2014): Hapiejeva, V. (2014), *Sumny sup*. Minsk.
- HAPIJEVA (2016): Hapiejeva, V. (2016), *Tam*. In *Dziejaslou*, 2016, 85, 213-27.
- HAPIJEVA (2017): Hapiejeva, V. (2017), *(V)iadomyja historyi*. Minsk.
- KIŠLICYNJA (2006): Kišlicynja, H. (2006), *Novaja litaraturnaja situacyja: Žmiena kulturnaj paradyhmy*. Minsk.
- PALAČANSKI (2014): Palačanski, A. (2014), *Moj čvik*. Minsk.
- ŠAŬLIAKOVA (2005): Šaŭliakova, I. (2005), *Restaŭracyja ščyraści*. Minsk.
- WYLLIE (2018): Wyllie, B. (2018), *From Imperial Pineapples to Stalinist Sausage: The Politics and Poetics of Food in Russian Literature*. In: Piatti-Farnell, L./Brien, D. L. (eds), *The Routledge Companion to Literature and Food*. New York/Oxford, 351-63.

ANDRIEJ KOTIN

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-2421>

Uniwersytet Zielonogórski

**W POSZUKIWANIU UTRACONEJ METODY,
CZYLI WŁODZIMIERZ SOŁOWJOW A IDEA SOFIJNA
W NOWEJ KSIĄŻCE HENRIECKE STAHL
„SOPHIA IM DENKEN VLADIMIR SOLOV’EVS.
EINE ÄSTHETISCHE REKONSTRUKTION”**

**In Search of Lost Method, or Vladimir Solovyov and the Sophiological
Thought in Henriecke’s Stahl New Book “Sophia im Denken Vladimir
Solov’evs. Eine Ästhetische Rekonstruktion”**

SŁOWA KLUCZOWE: Sołowjow, Sofia, metodologia, filozofia, poezja

KEYWORDS: Solovyov, Sophia, methodology, philosophy, poetry

ABSTRACT: The article is based upon Henriecke Stahl’s newest monograph under the title “Sophia im Denken Vladimir Solov’evs. Eine ästhetische Rekonstruktion”. The author’s precise analysis focuses on the metamorphosis of the Sophia-idea in both Solovyov’s philosophy and poetry. The following review discusses the most important aspects of Stahl’s book as well as the semantic peculiarity of her methodology. Other significant and meaningful elements are various frames of reference between Solovyov and German philosophers (Kant, Hegel, Schelling) and mystics (Jacob Böhme) and Eastern Orthodox thinkers, especially those of the hesychast spiritual tradition (Gregory Palamas, [Pseudo-]Dionisys the Areopagite, Maximus the Confessor).

Henriecke Stahl jest slawistką, literaturoznawczynią, profesorką na Uniwersytecie Trier. Zajmuje się ona rosyjską literaturą „Srebrnego Wieku” (Andriej Biely), rosyjską filozofią religijną XIX i XX stulecia (Włodzimierz Sołowjow, Aleksiej Łosiew) oraz współczesną poezją rosyjską. Bada także klasycyzm rosyjski, literaturę polską, w ostatnim czasie zaś poświęca się również najnowszej poezji ukraińskiej. Ponadto Stahl specjalizuje się w komparatystyce kulturo- i literaturoznawczej oraz metodologii badań literackich. Jest członkinią licznych naukowych stowarzyszeń, współwydawczynią i założycielką serii książek, oscylujących w obrębie slawistyki i poezji („Trierer Abhandlungen zur Slavistik”, „Neue Lyrik” i in.), a także kierowniczką trzech projektów badawczych, dotyczących liryki rosyjskiej bieżącego i poprzedniego stulecia.

Jej najnowsza praca to ponad 500-stronicowa monografia „Sophia im Denken Vladimir Solov'evs” („Sofia w myśli Włodzimierza Sołowjowa”) o intrygującym podtytule „Eine ästhetische Rekonstruktion” („Rekonstrukcja estetyczna”) (Stahl 2019). Centralna teza – wyraźnie określona przez autorkę tuż we wstępie – głosi, iż zarówno filozoficzna, jak i poetycka twórczość Sołowjowa ma charakter mistyczny. Inaczej mówiąc, wyłania się ona z pewnego głęboko personalnego doświadczenia duchowego: mianowicie z obserwacji Sofii („Mądrości Bożej”) – drugiego, obok rosyjskiego poety i filozofa, kluczowego tematu książki. Zdaniem Stahl Sołowjow świadomie stosował w swoich tekstach pewne ukryte strategie natury estetyczno-literackiej, służące umyślnemu zakamuflowaniu głębszych struktur semantycznych („Erzeugung von Tiefensinn”) (Stahl 2019, 4).

Ta wyjściowa teza okazuje się bardzo istotna nie tylko z powodów interpretacyjnych, lecz także z perspektywy proponowanej, a właściwie poniekąd utworzonej przez autorkę metodologii badawczej. Otóż Stahl podchodzi do kwestii metodologicznych w sposób zarazem precyzyjny i kreatywny. Doskonale zdając sobie sprawę ze złożonej specyfiki obiektu jej badań, autorka decyduje się na zastosowanie metody w pewnym sensie innowacyjnej. Dlatego też dokładny opis tej metodologii stanowi sporą część rozdziału pierwszego, będącego wprowadzeniem zarówno w podstawową problematykę książki, jak i w sposób prowadzenia badań nad tą problematyką. Na czym więc polega metodologia Stahl? Odpowiedź na to pytanie autorka rozpoczyna od krótkiego omówienia dwóch zasadniczych postępowania analitycznych: metody hermeneutycznej oraz strukturalnej. Podczas gdy pierwsza traktuje tekst jako zestaw znaków, który badacz powinien odkodować, druga w dużej mierze rezygnuje z przywiązania do „znaczeniowości” tekstu, skupiając się na skrupulatnej analizie jego budowy oraz stylu. Właśnie w tym odejściu od celów interpretacyjnych dostrzega autorka kryzys współczesnego literaturoznawstwa. Słusznie zwraca uwagę na fakt, iż interpretacja, w tej czy innej formie, siłą rzeczy musi pozostać „sercem” („Herzstück”) literaturoznawstwa i filozofii (Stahl 2019, 8), czyli tych dwóch dziedzin, na których styku sytuuje się twórczość Sołowjowa. Zarazem przyznaje jednak, że tradycyjna hermeneutyczna interpretacja nazbyt często traktowała tekst literacki niczym zjawisko przyrody, wedle klasycznej oświeceniowej idei „czytania” świata jako otwartej księgi: przy czym różnica nauk humanistycznych od ścisłych ma polegać tylko na tym, że pierwsze dążą do *objaśnienia* świata, drugie natomiast do jego *zrozumienia* (Stahl 2019, 10). Strukturalizm z kolei, w przekonaniu Stahl, doprowadził ostatecznie do całkowitego unicestwienia potrzeby interpretacji jako takiej. Drugie „ekstremum” – tu Stahl odnosi się do psychoanalizy, teorii postkolonialnej czy gender studies – niweluje wszelkie wartości stricte literackie gwoli innych dyscyplin naukowych. Metoda ta może okazać się pożyteczna z punktu widzenia socjologii bądź psychologii, niewiele jednak wnosi do analizy literaturoznawczej w sensie ścisłym (Stahl 2019, 11-12). Reasumując, obie bazowe formy badań nad tekstami literackimi – hermeneutykę i strukturalizm – są zdaniem autorki wysoce

niedoskonałe, wymagające dopełnienia czy też raczej swoistej syntezy. To bowiem, czego brakuje metodzie hermeneutycznej – czyli możliwość bezstronnej naukowej weryfikacji subiektywnie generowanych „sensów” – zawiera w sobie metoda strukturalistyczna. Z kolei to, od czego strukturalizm celowo się odżegnuje – czyli refleksja osobista („die Reflexion des eigenen Standpunktes”) wraz z dążeniem do holistycznego uchwycenia kontekstu – odnajdziemy w hermeneutyce (Stahl 2019, 18-19). Dlatego proponowana przez Stahl metoda opiera się na połączeniu obu technik analizy literaturoznawczej, czyli na *hermeneutyce strukturalnej* („strukturele Hermeneutik”), swoistym dialogu pomiędzy subiektem poznawczym a tekstem (Stahl 2019, 19-20). Wówczas staje się w pełni zrozumiałą podtytuł monografii, ponieważ „rekonstrukcja estetyczna” literacko-filozoficznego dorobku Sołowjowa bezpośrednio wiąże się z tezą, iż jego filozofia uformowana jest w wysokim stopniu estetycznie bądź poetologicznie, jego poezja natomiast kryje w sobie cały szereg zawoalowanych sentencji filozoficznych, a często wręcz mistycznych objawień. Trzeba odnotować, że bynajmniej nie wszyscy badacze dorobku Sołowjowa podzielają ten pogląd. Przykładowo, Janusz Dobieszewski twierdzi w monografii „Włodzimierz Sołowjow. Studium osobowości filozoficznej”, że: „Spekulatywno-systemowe ujęcie Sofii jest [...] obiektywnie zdecydowanie ważniejsze od ujęcia osobisto-mistycznego” (Dobieszewski 2002, 284). Stahl natomiast wiarygodnie udowadnia na podstawie starannie dobranego materiału oraz gruntownej analizy tekstologiczno-filozoficznej, iż nie należy, a wręcz nie wolno dzielić sofologii Sołowjowa na spekulatywną i mistyczną, ponieważ jedna jest dopełnieniem i kontynuacją drugiej. Razem zaś stanowią nierozzerwalną, spójną całość. Ta specyfika Sołowjowskich tekstów powoduje konieczność literaturoznawczej analizy nie tylko jego wierszy, lecz także filozofii, gdyż pod powierzchnią dyskursu filozoficznego teksty Sołowjowa są mistyką (Stahl 2019, 25).

Na szczególną pochwałę zasługuje strukturalna klarowność książki, korelująca z misternie przemyślanymi strukturami badanych przez nią tekstów Sołowjowa. Podobnie jak pierwszy rozdział, również następny rozpoczyna się od stawiania tezy dotyczącej tym razem bezpośrednio rosyjskiego poety i filozofa. Sołowjow – twierdzi Stahl – mimo że nigdy nie utajał duchowej podwaliny swojej twórczości, jednak usiłował w dużym stopniu zamaskować ją przed oczami świata („vor den Augen der Welt”) (Stahl 2019, 29). Siebie samego widział natomiast jako swego rodzaju prekursora czasów odległych, kiedy mówienie o takich rzeczach stanie się możliwe i powszechne. Autorka zwraca w tym kontekście uwagę na zamiłowanie Sołowjowa do syntezy nauki, religii oraz sztuki literackiej, podkreślając, iż budował on swoją filozofię zarówno na podstawowych dogmatach wiary chrześcijańskiej, jak i na pojęciach zaczerpniętych z języka filozofii, przeważnie niemieckiej (Stahl 2019, 32). Niemniej jednak na wczesnym etapie swojej twórczości filozoficznej Sołowjow mówi o osobistym doświadczeniu mistycznym częściej i wyraźniej aniżeli w późniejszej fazie, kiedy wzmianki o tym całkowicie zanikają, ustępując miejsca

powszechnej chrześcijańskiej dogmatyce kościelnej/cerkiewnej. Przeżywanie mistycznej relacji z Sofią staje się jednym z centralnych motywów licznych wczesnych wierszy poety, do 1880 roku (Stahl 2019, 34). Na pewnym etapie swojego rozwoju duchowego dochodzi Sołowjow do wniosku, iż wszystko, co są w stanie zaoferować człowiekowi zdrowy rozsądek i nauka, okazuje się bezbronne wobec pytania o sens bądź też wartość życia materialnego samego w sobie. Skoro więc jest ono pozbawione wszelkiej wartości, skoro każde ludzkie dążenie lub osiągnięcie jest ulotne i nikłe, żadne zaś doświadczenie nie daje pełni żywego przekonania, iż to, co przeżywamy, jest naprawdę rzeczywiste – wówczas nie pozostaje nic innego oprócz samobójstwa (Stahl 2019, 36)¹. W dalszej części drugiego rozdziału Henriecke Stahl porusza m.in. bardzo interesujący wątek wpływu wybitnego niemieckiego mistyka Jakuba Böhmego na kształtowanie się Sołowjowskiej sofiologii. Temat ten, do którego autorka będzie jeszcze wracała (Stahl 2019, 103-117), tworzy jedną z licznych tematycznych gałęzi bogatej polifonicznej całości. Innym znaczącym wątkiem rozdziału są modlitwy Sołowjowa do Sofii, a także jego rozumienie tzw. modlitwy serca („Herzensgebet”) (Stahl 2019, 125), w języku polskim bardziej znanej jako „modlitwa Jezusowa” – jednej z najśłynniejszych, najprostszych, a zarazem najbardziej tajemniczych modlitw ascezy (wschodnio)chrześcijańskiej. Trzeba przy tym odnotować nadzwyczajną, encyklopedyczną wręcz nie tylko literacką, lecz także teologiczną erudycję autorki. Potrafi ona na zaledwie kilku stronach odwołać się do tradycji hezychazmu (bizantyjskiego nurtu mistycznego XI–XIV wieków), wspominając i pomyślnie streszczając kilka istotnych postulatów Grzegorza Palamasa (Stahl 2019, 127), Niła Sroskiego (ibidem, 128), Józefa Wołokolamskiego (ibidem), a zaraz potem przejść do omawiania pokrewieństw pomiędzy pismami Włodzimierza Sołowjowa a niedokończoną powieścią Aleksieja Pisiemskiego (ibidem, 136). Autorka wskazuje również na ważne różnice pomiędzy wczesnym a późniejszym rozumieniem przez Sołowjowa mistyki chrześcijańskiej. Chodzi tu między innymi o aspekt świadomości indywidualnej (*Ichbewusstsein*), która wedle młodego Sołowjowa poznaje inne istoty zawsze tylko przez pryzmat zewnętrznego przejawu, nie zaś poprzez ich wewnętrzną jaźń (Stahl 2019, 87). Bliżej końca rozdziału zarysowuje się nowy istotny wątek, mianowicie: Sofia jako istota z jednej strony boska (Stahl 2019, 159), z drugiej zaś konkretna/osobowa (Stahl 2019, 157-158).

Rozdział trzeci dalej rozwija tę problematykę. Traktuje on o metamorfozach idei Sofii w twórczości Sołowjowa. Autorka po raz kolejny wykazuje się rozległą i głęboką wiedzą na temat filozofii religijnej, powołując się na katolickiego teologa Karla Pfliegera i rosyjskiego myśliciela Aleksieja Łosiewa (Stahl 2019, 175), św. Augustyna (ibidem, 180), Pseudo-Dionizyego Areopagite i Boecjusza (ibidem, 184), Platona (ibidem, 185), a także na najważniejszych niemieckich filozofów i twórców

¹ Tu ciekawa zdawałaby się kwestia zestawienia rozterek młodego Sołowjowa z filozofią egzystencjalizmu (np. Alberta Camusa) oraz generalnie ideą śmierci z wyboru w myśli zachodnioeuropejskiej.

epoki oświecenia i romantyzmu (Kant, Schelling, Hölderlin, Hegel) (ibidem, 182). Autorka analizuje metafizyczną triadę „Dobro, Prawda, Piękno” („Gut”, „Wahr”, „Schön”) (ibidem), posługując się pewnym wypracowanym przez siebie schematem, wedle którego te trzy pojęcia odnoszą się konsekwentnie do trzech osób Trójcy Świętej, przy czym Ojciec utożsamiany jest z dobrem, Syn z prawdą, Duch Święty natomiast z pięknem (ibidem). Należałoby tu w moim odczuciu nieco ostrożniej obchodzić się z tym wielce ważkim splotem, jakim jest połączenie metody z przedmiotem badań, na który ta metoda jest skierowana. Nie zmienia to jednak faktu, że metodologia Stahl jest we współczesnym dyskursie literackim zjawiskiem nie tylko absolutnie oryginalnym, ale wręcz wyjątkowym. Myślenie sofiologiczne przeszło u Sołowjowa – twierdzi Stahl – przez trzy transformacje (ibidem). Wczesne wyobrażenia o Sofii jako swoistej pośredniczce pomiędzy człowiekiem a Bogiem z biegiem lat ulegają znacznej komplikacji. Sołowjow zaczyna coraz bardziej traktować Sofię najpierw jako część bądź „dopełnienie” Trójcy Świętej, później z kolei jako istotę ponadhierarchiczną („ein überhierarchisches Geistwesen”) (Stahl 2019, 202). Generalnie rzecz biorąc, stosunek bytu do idei polega – tłumaczy autorka – na dążeniu do *inności* (konkretny, materialny byt dąży do abstrakcyjnej, nie-namacalnej idei, co działa również w przeciwną stronę). Aby Sofia zaistniała w świecie fenomenów, musi ona zostać *uświadomiona* w trybie personalnym, czyli w umyśle jednostki. Intencja człowieka („Wollen”) skierowana jest na dobro, jego myślenie („Denken”) dąży do prawdy, uczucie zaś pragnie piękna („Schönheit”), przy czym każda z tych trzech idei tworzy swój odrębny świat, zawierający w sobie wszystkie trzy wymienione aspekty (Stahl 2019, 210). W podobny sposób wykazuje Sofia również trzy zasadnicze formy bytowania: Duch („Geist”), Umysł („Intellekt”) oraz Dusza/Ciało („Seele bzw. Leib”), ponieważ ciało i dusza są wedle Sołowjowa tożsame w sferze duchowej (Stahl 2019, 218). W systemie filozoficznym Sołowjowa – twierdzi autorka – Sofia jawi się jako istota ponadhierarchiczna, co łączy ją z pojęciem „Logos” (Stahl 2019, 219), które stanowi swego rodzaju „warunek” powstania wszelkich sfer i form wszelkiego istnienia. Także wspomniane trzy sfery rodzą się dopiero dzięki twórczej syntezie („Zusammenwirken”) (Stahl 2019, 219), Słowa (Logos) i Sofii. W ten sposób staje się ona łącznikiem na wszystkich możliwych płaszczyznach współdziałań Jednostki z Absolutem oraz Materii z Ideą. Sofiologia jest zatem w ujęciu Sołowjowa zarazem antropologią (Stahl 2019, 279). W ostatecznym rozrachunku to właśnie Sofii pisane jest połączenie się z oczyszczoną, uduchowioną ludzkością („vergöttlichte Menschheit”). Ów akt widział Sołowjow jako personifikację tej samej wolności, która po raz pierwszy została zrealizowana w osobie i życiu Jezusa Chrystusa (Stahl 2019, 225). W tym momencie Stahl robi bardzo interesującą uwagę, iż Sołowjow podkreśla, że w chrześcijaństwie tak naprawdę liczy się nie tylko (i nie tyle nawet) nauczanie Chrystusa, lecz także przede wszystkim sam fakt („der faktische Inhalt”) Jego przyjścia na świat: materializacja Ducha, zejście Idei do empirycznego, czasoprzestrzennego bytu (Stahl 2019, 235).

W drugiej połowie rozdziału trzeciego autorka omawia sofijną mistykę w poezji Sołowjowa, stwierdzając, iż mistyczna strona jego filozofii wyraźniej ukazuje się w liryce niż w ściśle teoretycznych pismach (Stahl 2019, 251). Analizuje ona liczne fragmenty Sołowjowskich wierszy, w tym również mniej znanych, zaczerpniętych z prywatnej korespondencji poety i filozofa (Stahl 2019, 255). Nadmienia też wątek sobowtóra, pojawiający się na późnym etapie jego twórczości poetyckiej (Stahl 2019, 261), oraz tęsknotę za mistycznym odnowieniem oraz poszukiwaniem nowego pojęcia „ja” (ibidem, 262). W tym przewartościowaniu tego, co indywidualne, względem tego, co transpersonalne, oraz w poszukiwaniu pocieszenia i wsparcia w świecie przyrody (Stahl 2019, 265) można moim zdaniem dopatrzeć się ciekawych paraleli między myślą i estetyką Sołowiowa a romantyzmem niemieckim.

Podobieństwa te wybrzmiewają z podwójną siłą tuż na początku następnego – czwartego – rozdziału, poświęconego ścieżkom, którymi mistyka sofijna podąża w dziełach Sołowjowa („Wege sophianischer Mystik im Spätwerk Solov'evs”) (Stahl 2019, 281). Autorka przytacza bowiem Sołowjowską baśń artystyczną („Kunstmärchen”) (Stahl 2019, 281), stanowiącą centralną część późnego dzieła filozoficznego „Tajemnica progresu” („Тайна прогресса”) (Stahl 2019, 282), które składa się zarówno z baśni samej w sobie, jak i autorskiego komentarza do niej. W komentarzu tym – podkreśla Stahl – dyskretnie wskazuje Sołowjow na ukrytą w „tekście głównym” metodę, za pomocą której można odkodować głębszą semantyczną strukturę („Tiefenstruktur”) baśni (Stahl 2019, 283). Istotne jest przy tym rozumienie przez Sołowjowa – w interpretacji Stahl – prawdziwej natury baśni jako wytworu kulturowego:

Ein Märchen ist nicht individuell hervorgebrachtes Wissen, sondern stellt [...] eine überindividuelle Quelle des Wissens dar. Es kann als Offenbarung eines tieferen Wissens, von Weisheit, aufgefasst werden. (Stahl 2018, 283). [Baśń nie jest indywidualnie zdobytą wiedzą, lecz stanowi [...] ponadindywidualne źródło wiedzy. Można ją pojmować jako objawienie pewnej głębszej wiedzy, zwanej mądrością.]

Sądzę, że każdemu, komu (podobnie jak autorowi niniejszej recenzji) nie są obce idee i postulaty romantyzmu europejskiego, a w szczególności niemieckiego, fragment ten natychmiast skojarzy się z tą filozofią baśni, jaką napotkać można chociażby u wczesnych romantyków (przede wszystkim u Novalisa, ale również u Tiecka, Wackenrodera i in.). Stahl natomiast podąża w swojej analizie w kierunku bardziej teologicznym, zaznaczając, iż w baśni tej wybrzmiewa krytyka Kościoła Katolickiego, który usiłuje zbudować swego rodzaju „duchowe cesarstwo rzymskie” („ewiges römisches Reich”) w świecie doczesnym, materialnym, zapominając o podstawowej zasadzie Sofii, właściwej dla chrześcijaństwa wschodniego, prawosławnego (Stahl 2019, 295-296). Jednak religia wedle baśni Sołowjowa wywodzi się z etyki, nie musi więc opierać się na wierze (wszak myśliwy nie wierzył w nakreślony przez starszą panią obraz życia wiekiustego po tamtej stronie rzeki) (Stahl 2019, 294). Poprzez to autorka ukazuje, jak w późnej fazie twórczości myśliciela – również

w „Trzech spotkaniach” i „Krótkiej opowieści o Antychryście” – na nowo odradzają i rozwijają się dążenia młodego Sołowjowa do syntezy nauki ze sztuką, rzetelnej analizy z natchnioną kreatywnością. Poeta i filozof zostaje określony przez Stahl jako „prorok Sofii” („Prophet Sophias”) (Stahl 2019, 294). Wspomina ona także o aspekcie ikonograficznym, omawiając mozaikę w kijowskiej Katedrze św. Sofii (Stahl 2019, 315), skrupulatnie rozpatrując dualistyczną i triadyczną strukturę poematu „Trzy spotkania” (analiza tego wiersza zajmuje ponad 10 stron), badając tekst najpierw strukturalnie, następnie zaś hermeneutycznie (ibidem, 328-343). Mówiąc zaś o Sołowjowskiej mystyce miłości, autorka zaznacza, iż w relacji między mężczyzną a kobietą etap zakochania jest wedle Sołowjowa szczególnie istotny, ponieważ podczas idealizacji umiłowanego obiektu otwiera się swego rodzaju „okno w rzeczywistości” („Fenster in der Wirklichkeit”), poprzez które – podobnie jak poprzez przyrodę lub sztukę – człowiek może uzyskać wgląd do innego, duchowego świata (Stahl 2019, 344). Wybitny polski literaturoznawca Leszek Engelking wspomina o tym aspekcie filozofii Włodzimierza Sołowjowa w kontekście wątków erotycznych w twórczości Vladimira Nabokova (Engelking 2011, 7-41). Również anagram poetycki w wierszu o Matronie, który przytacza w swojej monografii Stahl (Stahl 2019, 348), może wywołać pewne skojarzenia z literackimi chwytami Nabokova. Teologicznie rzecz biorąc, stworzony przez Boga wszechświat traktuje Sołowjow jako „obraz kobiecości doskonałej” („образ совершенной женственности”), który musi zrealizować i wcielić się gwoli każdej żywej istoty zdolnej ku temu, by się z tą kobiecością połączyć (Stahl 2019, 346). Bardzo ciekawy jest aspekt relacji pomiędzy Sołowjowem a Tołstojem, który wprawdzie zostaje ukazany jako oponent myśli Sołowjowskiej w „Trzech rozmowach” i „Opowieści o Antychryście”, jednakże był dla rosyjskiego poety i filozofa, zwłaszcza w latach 90. XIX stulecia, stałym punktem odniesienia oraz źródłem pewnych rewizji jego własnych poglądów, jak dowodzi Stahl na podstawie przytoczonej dokumentacji epistolarnej (Stahl 2019, 360-362). Przeczy to radykalnemu stwierdzeniu Lwa Szestowa, który w eseju „Spekulacja i Apokalipsa” pisał, że Sołowjow zupełnie się nie interesował Tołstojem, a co więcej, „zrobił on wszystko, co mógł, by zdławić żywą i oryginalną myśl rosyjską” (Szestow 2007, 30). Najistotniejsza różnica pomiędzy wczesną a późną sofologią Sołowjowa polega natomiast na stosunku do czynnika ludzkiego. Myśliciel coraz bardziej skłania się ku temu, iż inkarnacja Sofii w świecie materialnym dokonuje się jednak niezależnie od wysiłku człowieka, poprzez zwycięstwo Chrystusa nad złem i śmiercią, przy czym obowiązkiem indywiduum jest w znacznym stopniu sprzeciwianie się złu (Stahl 2019, 368). Ostatnie części czwartego rozdziału poświęcone są krytyce filozofii Włodzimierza Sołowjowa, m.in. przez Aleksieja Łosiewa (któremu autorka częściowo przyznaje rację), oraz problematyce neokantowskich aspektów Sołowjowskiej myśli (Stahl 2019, 405).

Piąty, niezwykle ilustratywny, rozdział pracy, będący zarazem jej zwieńczeniem, oscyluje wokół autorów i tekstów, z których Sołowjow zaczerpnął swoją sofologiczną

wizję i filozofię. Można wprawdzie zadać pytanie: Czy nie lepiej byłoby umieścić pojedyncze fragmenty tego rozdziału na początku książki, w części wstępnej? Mogłoby to ułatwić czytelnikowi mniej obeznanemu w temacie dalsze zrozumienie pojedynczych kwestii dotyczących idei Sofii w myśli i twórczości Sołowjowa. Natomiast niebywała ścisłość typologiczna oraz wartość poznawcza tego rozdziału są wprost niezaprzeczalne. Jest to więc bardziej typologiczno-porównawcza część książki, skupiająca się na koncepcji Sofii, historii powstania i rozwoju filozofii mistycznej od neoplatonizmu, poprzez rozmaite odmiany mistycyzmu chrześcijańskiego aż po nauki teozoficzne ubiegłego stulecia. Autorka wskazuje na zapożyczoną od Platona dialogową formę przekazu w dziele Sołowjowa pod znamienym tytułem „La Sophia”, w którym filozof występuje zarazem jako protagonista swojego własnego tekstu, opisując i jednocześnie interpretując swoje doświadczenia mistyczne (Stahl 2019, 437). Jednak kluczową postacią jest w tym kontekście Plotin, wciąż powracający w kolejnych częściach rozdziału. Stahl zwraca uwagę m.in. na to, że zarówno dla Sołowjowa, jak i dla Plotina metafizyczna istota człowieka („das metaphysische Wesen”) nie należy do indywidualnej duszy, aczkolwiek relacja pomiędzy tą istotą a konkretną osobą zawsze jest odmienna, personalna (Stahl 2019, 454). Odwołuje się autorka – za pośrednictwem Sołowjowa – nawet do Kabały. Mianowicie w połączeniu tej ostatniej z neoplatonizmem widział myśliciel siłę mistycznej filozofii chrześcijaństwa. Taka interpretacja myśli chrześcijańskiej, zwłaszcza w jej prawosławnym ujęciu, spotykała i nadal spotyka się, oczywiście, z krytyką ze strony bardziej konserwatywnych przedstawicieli tegoż wyznania. Henriecke Stahl unaocznia to na przykładzie chociażby Siergieja Chorużego, który przestrzega przed przypisywaniem filozofii Włodzimierza Sołowjowa do tradycji hezychazmu, akcentując radykalne, jego zdaniem, różnice pomiędzy Sołowjowskim mistycyzmem a naukami Kościoła Prawosławnego (Stahl 2019, 458). W związku z tym autorka podejmuje się także szerszego tematu stosunku mistyki prawosławnej do platonizmu (Stahl 2019, 461-468), przytaczając ostatecznie jeden z centralnych postulatów prawosławia: „Bóg stał się człowiekiem, aby człowiek stał się Bogiem” („Gott ist Mensch geworden, damit der Mensch Gott werde”) (Stahl 2019, 468). Osobny podrozdział traktuje również o mistryce Dionizyego Areopagity, szczególną uwagę poświęcając jego metodologii, a dokładnie rzecz biorąc, syntezie metody apofatycznej z katafaticzną, teologii negatywnej z pozytywną (Stahl 2019, 474-478). Inne ważne punkty odniesienia w ostatnim rozdziale monografii to Ewagriusz z Pontu, Grzegorz z Nyssy, Makary Wielki oraz inni tzw. ojcowie pustyni. Na końcu powraca zaś autorka do mistyki i filozofii niemieckiej, czyli przede wszystkim do Böhmego i Schellinga, zestawiając ich kosmogonię z myślą Sołowjowa, przekonująco polemizując z tymi badaczami, wedle których Sołowjow całkowicie wywodził swoją filozofię od Schellinga, jedynie powtarzając oraz interpretując podstawowe idee niemieckiego romantyka (Stahl 2019, 524-525). Stahl twierdzi natomiast, iż w dziełach Sołowjowa zostaje raczej podjęta próba syntezy myśli Schellinga,

u którego Sofia także stanowi duchowy bądź intelektualny aspekt Boskości (Stahl 2019, 536), a Böhmego, który traktuje świat ducha jako świat substancjonalny („wesenhaft”) (Stahl 2019, 526). Ostatni podrozdział ma z kolei nieco „nietzscheański” wydźwięk w tytule: „Sofijna mistyka Sołowjowa: człowiek jako przejście” („Solov’evs sophianische Mystik: der Mensch als Übergang”) (Stahl 2019, 542). Jednak chodzi tu oczywiście o zupełnie innego rodzaju traktowanie człowieka jako etapu „przejściowego” niżli czynił to autor „Tako rzecze Zaratustra”. Mistyka sofijna jawi się u Sołowjowa jako transsubstancjonalna przemiana indywidualnej jaźni, poprzez którą całe jestestwo, cały Kosmos doznają przemienienia. Ciekawe, że Sołowjow widział to w dużej mierze jako proces intelektualny, ponieważ: „Myślenie staje się kontemplacją Sofii” („Denken wird Schau Sophias”) (Stahl 2019, 542).

Podsumowując całość, chciałbym zwrócić jeszcze uwagę na pewną interesującą zbieżność pomiędzy tym, co Stahl pisze o estetyczno-filozoficznej metodzie Sołowjowa, a jej własną metodologią badawczą. Otóż czytamy w książce np. następujące zdanie:

Solov’ev möchte beweisen, dass die westliche Philosophie konsequent auf eine radikale Erkenntniskrise in der Gegenwart zuläuft, die durch die Methode des westlichen Philosophierens bedingt ist und daher einen methodischen Paradigmenwechsel zur Überwindung der Krisis erforderlich macht. (Stahl 2019, 48). [Sołowjow chce udowodnić, że filozofia zachodnia konsekwentnie prowadzi do radykalnego kryzysu poznania, który panuje w teraźniejszości, a wywołany został poprzez metodę zachodniego sposobu filozofowania, toteż wymaga on całkowitej zmiany paradygmatu metodologicznego, aby ów kryzys przewyciężyć.]

Nasuwa się w tym momencie pytanie, czy nie możemy wobec tego uznać, iż również autorka – tuż w pierwszym rozdziale omawianej monografii – nie posługuje się podobną strategią? Przedstawia wszakże fundamentalny jej zdaniem problem współczesnego literaturoznawstwa, polegający właśnie na braku odpowiednich (i odpowiednio opracowanych) technik metodologicznych, za pomocą których należałoby interpretować tak nietypowe i skomplikowane teksty, jakimi są poezja i filozofia Sołowjowa. Podobnie jak ten ostatni, Stahl wskazuje na swego rodzaju kryzys, charakterystyczny dla dzisiejszego dyskursu literaturoznawczego, aby następnie zaproponować i unaocznic – już na konkretnym przykładzie analizy dzieł Sołowjowa – ewentualną próbę wyjścia z tego kryzysu za pomocą metodologii, łączącej w sobie strukturalistyczną precyzję z głębią interpretacyjną. W ten właśnie sposób postępuje autorka, szczegółowo omawiając takie wiersze Sołowjowa, jak przykładowo „Близко, далеко, не здесь и не там” (Stahl 2019, 94-101), „Песнь офитов” (ibidem, 141-150), „У Царицы моей есть высокий дворец...” (Stahl 2019, 150-155) oraz wiele innych. Przy tym wciąż zachowuje ona niezbędną dystans do obiektu swoich badań. Z jednej strony nie sposób bowiem, jak Stahl wielokrotnie

podkreśla, jednoznacznie sformułować/opisać mistycznego doświadczenia Sołowjowa, z drugiej zaś autorka podejmuje próbę uchwycenia najważniejszych aspektów semantycznych, z tego doświadczenia wynikających, wciąż zaznaczając jednak, że zwłaszcza literackie teksty myśliciela mają skłonność do wymykania się próbom ich kontrolowania („dem kontrollierenden Zugriff”) (Stahl 2019, 545), otwierając przestrzeń dla rozmaitych, niekiedy wzajemnie się wykluczających interpretacji. Świadczy to o wysokim stopniu dyskrecji analitycznej i uczciwości badawczej, cechującej każdą wybitną rozprawę naukową, do jakich niewątpliwie należy omawiana pozycja.

Bibliografia

- DOBIESZEWSKI, J. (2002), Włodzimierz Sołowjow. Studium osobowości filozoficznej. Warszawa.
- ENGELKING, L. (2011), Chwył metafizyczny. Vladimir Nabokov – estetyka z sankcją wyższej rzeczywistości. Łódź.
- SZESTOW, L. (2007), Spekulacja i Apokalipsa. Filozofia religijna Włodzimierza Sołowjowa. W: Szestow, L. Spekulacja i Objawienie. Filozofia religijna Włodzimierza Sołowjowa i inne artykuły. Przeł. i oprac. J. Chmielewski. Kęty.
- STAHL, H. (2019), Sophia im Denken Vladimir Solov'evs. Eine ästhetische Rekonstruktion. Münster.

IRINA BAKLANOVA

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4328-0973>

National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute)

THE IMAGE OF RECIPIENT OF JOURNALISTIC TEXT WITHIN NEWSPAPER HEADLINES

KEYWORDS: image of recipient, Grice's verbal communication maxims, implicit information, journalistic headlines, journalistic texts

ABSTRACT: The article is focused on the revealing of the intended recipient image which is reflected implicitly in a journalistic text. The aim of the article is to identify the sources of information about the intended recipient image of newspaper headlines basing on Grice's verbal communication maxims. The study continues similar work carried out on the material of the other types of non-fiction text: memoirs, scientific and advertising. The research results seem significant in determining the circle of potential recipients of various newspaper and magazine publications and editing the publications taking into account the anticipated readers.

1. Introduction

Modern linguistics can be characterized by the transition from a detailed study of the language system regarded "in itself and for itself" according to Ferdinand de Saussure to the in-depth study of language functioning of as a means of communication. This transition shows that much of the information in communication process is transmitted implicitly and examined in terms of "relation of signs to their interpreters" (Morris 1983, 62), which makes the study of implicitness one of the challenging linguistic problems. One of the aspects of this problem is revealing the intended recipient image which is reflected implicitly in a text.

M. M. Bakhtin (1996, 310) drew attention to the fact that the text reflects the consciousness of the perceiver. The concept of "the image of recipient" is one of the main research aspects in works on narratology (Paducheva 1996; Schmid 2003), on text interpretation (van Dijk 1989; Dolinin 1985; Fedorova 2017), on speech impactstylistics and theory (Isskers 1999; Mustajoki 2011; 2012; Kiklewicz 2017), on linguistic pragmatics (Arutyunova 1981; Formanovskaya 1998; Shmeleva 1997; Kiklewicz 2014), on the study of language personality (Gol'din/Sirotinina 1997; Karaulov 1987), on transition of implicit information (Arnol'd 2010; Fedosyuk 2012; Grice 1975).

The scientific novelty of the research lies therein: firstly, this article continues analyzing the image of recipient of journalistic text after it was put under analysis on the material of the other types of non-fiction text: memoirs, scientific and advertising (Baklanova 2014; 2017). Secondly, the study of the intended recipient image reflected implicitly in a journalistic text is based on the theory which was developed by the author for the study for analyzing the image of recipient of all kinds of non-artistic texts in terms of H. P. Grice's verbal communication maxims and which has not been used previously by other researchers. Thirdly the research contributes to the development of a pragmatic theory, to explanation of the general nature of language functioning and to the explanation of the nature of implicit information.

The statements above define the purpose of the article: to show how to use verbal communication maxims of Grice to reveal the intended recipient image which is reflected implicitly in a journalistic text, in particular in the headlines of newspaper articles. The purpose of the article defines its objectives: 1) To analyze different linguistics research areas related to the problem of a text recipient; 2) To summarize and describe the results of linguistic study on a text recipient that formed the basis of revealing the intended recipient image which is reflected implicitly in a non-fiction text; 3) To prove that the proposed theory can serve as a basis of revealing the intended recipient image which is reflected implicitly in a journalistic text.

2. Research methodology

2.1. Research materials

The research was based on the material of about 100 article headlines from Russian newspapers of 2015: "Novaya Gazeta", "Komsomolskaya Pravda" and "Moskovsky Komsomolets". From the above material six headlines were selected and considered in the article.

Headlines are selected on the basis of possession of different content, stylistic differences and different linguistic forms. Due to their differences the selected headlines are able to give a complete picture of the method of revealing of images of the intended recipients from the headlines.

2.2. Methodology basics of revealing of the intended recipient image from the newspaper headlines

The results of analysis of scientific works on recipient allowed developing a methodology analyzing ways to reveal the intended recipient image which is reflected implicitly in a journalistic text (Baklanova 2014; 2017). Here are the main theses of this methodology.

1. The research made by M. M. Bakhtin suggests that the image of recipient is reflected not only in fiction, but also in non-fiction texts.

2. The source of information about the recipient are linguistic means which in accordance with the language codes, ideological norms and aesthetic concepts (Shmid 2003) are used in the text in order to make the text clear to the recipient (Gol'din/Sirotinina 1997; Karaulov1987).

3. For most newspaper and magazine texts the image of recipient is a component of the implicit content, the transmission of which is not included in the communicative intentions of the sender of the text, i.e. by textual implicit content (Fedosyuk 2012).

4. The intended recipient image which is reflected implicitly in a text is derived from the explicit meaning of text language units as a result of its interaction with the knowledge of the recipient of the text, including the information that the recipient derives from the context and the situation of communication (ibidem).

5. The implications containing the information about the image of the intended recipient are derived from the text on the basis of Grice's (1975) verbal communication maxims. On the one hand, if the sender of the text focuses on the recipient and therefore keeps to the maxims of verbal communication, he arranges the text that matches the recipient's knowledge. Therefore, on the other hand, the researcher knowing that the construction of the text was made in terms of maxims of verbal communication can deduce implicitly recognized image of the intended recipient from the text.

3. Methods of revealing the intended recipient image from newspaper headlines

The methods of revealing the intended recipient image from non-fiction texts, especially from newspaper headlines, are based on implicit information, i.e.

the content that having no direct expression can still be derived from the explicit content of a language unit as a result of its interaction with the knowledge the recipient of the text, including the information that the recipient derives from the context and the situation of communication (Fedosyuk 2012, 159).

The source of information about the image of the recipient is

an implicit content which can be deduced from the text, although its transition was not within the sender's communication goals. The content is transmitted in such contextual and situational conditions that not only do not require its obligatory perception, but also do not indicate that this perception was part of the communicative intentions of the sender (Fedosyuk 2012, 160).

The following dialogue can be considered as an example: "A. Yesterday I spent the whole evening talking with the popular Russian pop singer Alla Pugacheva on the phone. – B. How could it be? Didn't she spend the last night performing on the concert?" (Fedosyuk 2012, 160).

It seems quite obvious that the communicative intention of A. included transition of implicit information about his close acquaintance with Pugacheva: talking, i.e. easy, informal conversation, for a whole evening and even on the phone requires close, friendly relations. At the same time the use of this sentence in the Russian language indicates that the communicative intentions of A. did not include the message that last night Pugacheva was not performing at the concert. However B. brought information from the message context that was unexpected for A.: If A. spent the whole yesterday evening chatting with Pugacheva on the phone, therefore she was not at the concert. The information derived by B. is by textual implicit information (*ibidem*). The image of the recipient, i.e. information about B. derived on the basis of this by textual implicit information indicates that B. is indifferent to the fact that A. has close acquaintance with Pugacheva.

Grice (1985, 222) discovers that communication is controlled by the Principle of Cooperation, according to which the communicative contribution of the sender and the receiver of the text has to be the one that such a joint decided goal requires. As specific representatives of the Principle of Cooperation Grice calls verbal communication maxims: maxims of Quantity, Quality, Attitude and Method which were developed by him in order to demonstrate the mechanism of revealing implicit information from the text. Here is one of Grice's examples.

As we know maxims of Quality consist of the following rules: "Your statement must not contain less information than is required (for fulfillment of the current dialogue purposes)" and "Your statement must not contain more information than is required". It follows thence that the recipients should get enough information required for its understanding. If the volume of the transmitted information seems wrong, therefore the information sender transmits some of it implicitly. This information is a source of implicit meanings. As an example Grice analyzes the statement: A woman is a woman. The sender of the text was not to say less than necessary and utter a completely uninformative statement about the identity

of the woman to herself. Realizing this, the recipient is able to detect the implicit meaning of the statement: “A woman has some features which need to be considered” (Grice 1985, 229).

The mechanism of verbal communication maxims can be considered from another side, i.e. the researcher could analyze them in terms of their apparent disorder — information transmitted implicitly. In this case verbal communication maxims may be the key to revealing the image of the recipient. The sender of the text allegedly “infringing” them is focused on this recipient.

Maxims of Quality regulate the amount of information so that if the sender of the text explains messages sent by him in detail, it is most likely that their content is new to the intended recipient; if the same messages are transmitted briefly, therefore, many of the components are already familiar to the recipient.

Maxims of Method consists in phrases: “Express your thoughts clearly”, “Avoid confusing expressions” and “Avoid ambiguity”. Their content implies that the sender of the text uses the language signs understandable to the recipient. Therefore, if the sender explains the selected language means, he focuses on the recipient who probably does not understand their meaning; if the sender does not explain the selected language means, then he focuses on the recipient, who understands the language units.

As newspaper headlines are usually brief, it seems important to consider the image of the intended recipient only in terms of the maxims of Quantity and Method.

According to a number of researchers the aim of a newspaper headline is to draw recipient’s attention (Dembska 2015; Issers 1999). Therefore, they are often built with the involvement of different functional styles, elements of language play and precedent texts — proverbs, quotations from movies, names of famous people (Gudkov 1999; Yelistratov 2004; Karaulov 1987; Krasnykh 1998). However, their short and unconventional forms are not compensated by explanations, despite the maxims of Quantity and Method. It follows thence that the intended recipient understands the core of a headline and its language means.

4. Analysis

The method of revealing the image of recipient from a newspaper headline was applied to the 6 headlines. The following means reflecting the images of intended recipients were derived.

Example 1: *Prigovorit’ vorob’ja k rasstrelu iz pushki* [“To sentence a sparrow to be shot out of a cannon”] (“Novaya gazeta” 2015. 69, 3).

The headline is based on precedent text – Russian proverb *Streljat’ iz pushki po vorob’jam*, which has the meaning “to take extraordinary efforts to handle a trifle”.

As already mentioned, short and unconventional form of headlines are not compensated by the explanation despite the maxims of Quantity and Method, which means that the headline is focused on the following intended recipient.

1. The recipient understands the meaning of this proverb.
2. Recipient understands that the headline is based on the proverb.
3. The recipient has a sense of language and sense of humor that arouses his interest in the headline and in the following newspaper article.
4. Interpreting the headline the recipient is likely to expect a message which refers to the meaninglessness of an impact to a certain situation due to its insignificance in comparison with the scale of the impact.

Example 2: *Tak ne dostavajsja zhe ty nikomu?* ["So no one will get you?"] ("Novaya gazeta" 2015. 87, 4).

This headline is also built on the basis of exclamation from the precedent text *Tak ne dostavajsja zhe ty nikomu!* It was exclaimed by Karandyshev – a character of a play "Without a Dowry" written by a famous Russian playwright A. N. Ostrovsky and its film adaptation "Cruel Romance". With these words he shoots the girl Larissa that promised to marry him, but then preferred another man.

The precedent declarative statement is used in the form of a question in the headline. Brevity and unconventional form of headlines is not compensated by the explanation despite the maxims of Quantity and Method, which means that the headline is focused on the following intended recipient.

1. The recipient knows that these are the words of the play by Ostrovsky or its film adaptation.
2. The recipient remembers the situation when these words were uttered.
3. Interpreting the headline's question the recipient understands that he will probably be proposed to assess whether the situation described in an article is similar to the one in the play by Ostrovsky.

Example 3: *Vse ujdut, a ja ostanus'* ["All will go, but I'll stay"] ("Novaya gazeta" 2015. 26, 9).

The headline is based on the name of the feature film of the modern Russian director Valeria Gai Germanika *Vse ujdut, a ja ostanus'*. This film tells a drama story of school girls from the area of new buildings. They are not understood by their classmates, parents and teachers and dream of a school dance which should be the end of their troubles. But the dance results in drugs, alcohol, fighting and rough sex. Girls are morally broken. One of the friends could not accept the fact that there are no prospects in her life and exclaims: "Everybody Dies But Me!"

The headline is an almost exact repetition of the headline of the film: the only replacement is the word *die* by the word *go*. Brevity and unconventional form

of headlines is not compensated by the explanation despite the maxims of Quantity and Method, which means that the headline is focused on the following intended recipient.

1. The recipient knows the content of the film.
2. The recipient understands that the headline is based on the name of this film.
3. The construction of the article headline based on the name of the famous film attracts recipient's attention.
4. Interpreting the headline the recipient is probably ready for a newspaper article describing somebody's great expectations which were suddenly and rudely broken.

Example 4: *On samyj luchshij Holms i Krokodil* ["He's the best Crocodile and Holmes"] ("Komsomol'skaya pravda" 2015. 23, 8).

This headline is based on a song line of the character named Cheburashka of an animated film of 1970-ies "Cheburashka and Crocodile Gena". The song has a line dedicated to Crocodile Gena – *On samyj luchshij w mire Krokodil* [He's the best crocodile in the world]. Cheburashka and Crocodile Gena are precedent characters. As can be seen, the words "in the world" are replaced by the precedent surname "Holmes" owned by the main character of Russian television series "Prikljuchenija Sherloka Holmsa i doktora Vatsona" ["The Adventures of Sherlock Holmes and Dr. Watson"] based on the works of A. Conan Doyle. A famous Russian actor Vasily Livanov voiced the character of Crocodile Gena and played the role of Sherlock Holmes in the television series.

Brevity and unconventional form of headlines is not compensated by the explanation despite the maxims of Quantity and Method, which means that the headline is focused on the following intended recipient.

1. The recipient knows the cartoon about Cheburashka and Crocodile Gena.
2. The recipient knows the lyrics of Cheburashka's song.
3. Most likely the recipient's childhood was around the 1970-ies.
4. The recipient knows the television series "The Adventures of Sherlock Holmes and Dr. Watson".
5. The recipient knows that Vasily Livanov voiced the character of Crocodile Gena and played the role of Sherlock Holmes.
6. The recipient is probably fond of television.
7. Interpreting the headline the recipient understands that this article will focus on the actor Vasily Livanov.

Example 5: *Shengen podkral'sja nezametno* ["Shengen crept over unnoticed"] ("Moskovskii komsomolets" 2015. 155, 12).

The headline is based on a rough vernacular idiom that begins with obscene words and points to the sudden problem situation.

Brevity and alternative form of headlines, despite the maxim Quantities and Methods are not compensated by the explanation, which means that the headline is focused on the next intended recipient.

1. The recipient knows the rough vernacular idiom and its meaning.
2. The recipient understands that the headline is based on the invective idiom.
3. It attracts his attention (by a word-play or by such expressive words or by the democratic form of the statement).
4. The recipient is not shocked by obscene vocabulary.
5. Interpreting the headline the recipient probably expects the content of the article to report that Russia should be prepared for sudden trouble from Schengen countries.

Example 6: *Osyteneli* [“Irritated”] (“Novaya gazeta” 2015. 85, 5).

The word in the headline is a contamination of the verb *osatanet'* [irritate] that means (in Russian) “to come into a state of extreme anger and rage” and built on its basis occasionalism *osyteneli* formed from the word *sytyi* [fed].

Brevity and alternative form of headlines, despite the maxim Quantities and methods are not compensated by the explanation, which means that the headline is focused on the next intended recipient.

1. The recipient has a sense of language.
2. The recipient has a sense of humor.
3. The recipient is able to assess the word-play *osAtanet'* / *osYtenet'*.
4. The recipient is able to compare the word-play with grocery problems at the end of summer 2015.
5. The recipient’s attention is drawn by the word-play and its political meaning.
6. Interpreting the headline the recipient probably expects a newspaper article to provide him with information about Russian food policy in the late summer of 2015.

5. Conclusion

The developed method of revealing of the intended recipient image which is reflected implicitly in a journalistic text and the analysis of newspaper headlines conducted on its basis confirm the need for two sources of analysis. Firstly, it is implicit information, the transmission of which is not included into the communicative intentions of the sender of the text – by textual implicit information. It reflects the text perception by the intended recipient despite the objectives of the sender. Secondly, these are the implications that are derived from the apparent violation of the amount of content and linguistic form of the headlines on the basis of the two Grice’s maxims – maxims of Quantity and Method. The lack of expla-

nation of the content (maxim of Quantity) and unconventional form of headlines (maxim of Method) indicate the awareness of the recipient. Thus, the work confirms the possibility of applying the method of revealing of the intended recipient image which is reflected implicitly to a journalistic text.

References

- ARNOL'D 2010: Arnol'd, I. V. (2010), *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'*. Moskva. [Арнольд, И. В. (2010), *Семантика. Стилистика. Интертекстуальность*. Москва.]
- ARUTYUNOVA 1981: Arutyunova, N. D. (1981), Faktor adresata. In: *Izvestiya AN SSSR. Ser. literatury i yazyka*. 4, 356-367. [Арутюнова, Н. Д. (1981), Фактор адресата. В: *Известия АН СССР. Сер. литературы и языка*. 4, 356-367.]
- BAKHTIN 1996: Bakhtin, M. M. (1996), *Sobranie sochinenij v 7 tomah*. T. 5. Moskva. [Бахтин, М. М. (1996), *Собрание сочинений в 7 томах*. Т. 5. Москва.]
- BAKLANOVA 2014: Baklanova, I. I. (2014), *Obraz avtora i obraz adresata nekhudozhestvennogo teksta*. Moskva. [Бакланова, И. И. (2014), *Образ автора и образ адресата нехудожественного текста*. Москва.]
- BAKLANOVA 2017: Baklanova, I. I. (2017), *Publichnye vystupleniya sovetskogo perioda: obraz avtora i obraz adresata (na materiale obsuzhdenij romana V. Grossmana «Za pravoe delo»)*. In: *Politicheskaya ling-vistika*. 2, 10-18. [Бакланова, И. И. (2017), *Публичные выступления советского периода: образ автора и образ адресата (на материале обсуждений романа В. Гроссмана «За правое дело»)*. В: *Политическая лингвистика*. 2, 10-18.]
- DEMBSKA 2015: Dembska, K. (2015), *K probleme dezorientiruyushchih gazetnyh zagolovkov (na primere krylatyh edinic russkogo yazyka)*. In: Dembska, K./Głuszkowski, M. (red.), *Rosja w dialogu kultur*. 1. Poznań, 408-415.
- DIJK, VAN 1989: Dijk, van T. A. (1989), *Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya*. Moskva. [Дейк, ван Т. А. (1989), *Язык. Познание. Коммуникация*. Москва.]
- DOLININ 1985: Dolinin, K. A. (1985), *Interpretaciya teksta*. Moskva. [Долинин, К. А. (1985), *Интерпретация текста*. Москва.]
- ELISTRATOV 2004: Elistratov, V. S. (2004), "Tekst", "Klip" i "Precedent": (SMI i my). In: *Voprosy russkogo yazykoznanija*. Vyp. 11. Moskva, 134-139. [Елистратов, В. С. (2004), "Текст", "Клип" и "Прецедент": (СМИ и мы). В: *Вопросы русского языкознания*. Вып. 11. Москва, 134-139.]
- FEDOROVA 2017: Fedorova, L. (2017), *Diskurs massovyh demonstracij*. In: *Przeglad Wschodnioeuropejski*. VII/1, 101-119. [Федорова, Л. (2017), *Дискурс массовых демонстраций*. В: *Przeglad Wschodnioeuropejski*. VII/1, 101-119.]
- FEDOSYUK 2012: Fedosyuk, M. Yu. (2012), *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka*. Moskva. [Федосюк, М. Ю. (2012), *Синтаксис современного русского языка*. Москва.]
- FORMANOVSKAYA 1998: Formanovskaya, N. I. (1998), *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty edinic obshcheniya*. Moskva. [Формановская, Н. И. (1998), *Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения*. Москва.]
- GOL'DIN/SIROTININA 1997: Gol'din, V. E./Sirotinina, O. B. (1997), *Rechevaya kul'tura*. In: Karaulov, Yu. N. (red.), *Russkij yazyk. Enciklopediya*. Moskva, 413-415. [Гольдин, В. Е./Сиротинина, О. Б. (1997), *Речевая культура*. В: Караулов, Ю. Н. (ред.) *Русский язык. Энциклопедия*. Москва, 413-415.]
- GRICE 1975: Grice, H. P. (1975), *Syntax and Semantics*. Vol. 3: *Speech Acts*. New-York.
- GRICE 1985: Grice, H. P. (1985), *Logika i rechevoe obshchenie*. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. Vyp. 16. *Lingvisticheskaya pragmatika*. Moskva, 217-237. [Грайс, Г. П. (1985), *Логика и речевое общение*. В: *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16. *Лингвистическая прагматика*. Москва, 217-237.]

- GUDKOV 1999: Gudkov, D. B. (1999), *Precedentnoe imya i problemy precedentnosti*. Moskva. [Гудков, Д. Б. (1999), *Прецедентное имя и проблемы прецедентности*. Москва.]
- ISSERS 1999: Issers, O. S. (1999), *Kommunikativnye strategii i taktiki russskoj rechi*. Omsk. [Иссерс, О. С. (1999), *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Омск.]
- KARAULOV 1987: Karaulov, Yu. N. (1987), *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'*. Moskva. [Караулов, Ю. Н. (1987), *Русский язык и языковая личность*. Москва.]
- KIKLEWICZ 2014: Kiklewicz, A. (2014), *O kommunikativno-pragmatycznych aspektach mnogoznaczności*. In: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. V/2, 225-241.
- KIKLEWICZ 2017: Kiklewicz, A. (2017), *Fragmentacja teksta jako narzędzie perswazywności w informacyjnych serwisach internetowych*. In: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. VIII/1, 185-205.
- KRASNYKH 1998: Krasnyh, V. V. (1998), *Virtual'naya real'nost' ili real'naya virtual'nost'?* Moskva. [Красных, В. В. (1998), *Виртуальная реальность или реальная виртуальность?* Москва.]
- MORRIS 1983: Morris, Ch. (1983), *Semiotika*. Moskva. [Моррис, Ч. (1983), *Семиотика*. Москва.]
- MUSTAJOKI 2011: Mustajoki, A. (2011), *Prichiny kommunikativnyh neudach: popytka obshchej teorii*. In: *Russkij yazyk za rubezhom*. 4, 76-86. [Мустайоки, А. (2011), *Причины коммуникативных неудач: попытка общей теории*. В: *Русский язык за рубежом*. 4, 76-86].
- MUSTAJOKI 2012: Mustajoki, A. (2012), *A speaker-oriented multidimensional approach to risks and causes of miscommunication*. In: *Language and Dialogue*. 2/2, 216-243.
- PADUCHEVA 1996: Paducheva, E. V. (1996), *Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa)*. Moskva. [Падучева, Е. В. (1996), *Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива)*. Москва.]
- SCHMID 2003: Schmid, V. (2003), *Narratologiya*. Moskva. [Шмид, В. (2003), *Нарратология*. Москва.]
- SHMELEVA 1997: Shmeleva, T. V. (1997), *Model' rechevogo zhanra*. In: *Zhanry rechi*. Saratov. [Шмелева, Т. В. (1997), *Модель речевого жанра*. В: *Жанры речи*. Саратов.]

OKSANA PUKHONSKA

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0543-4847>

The National University of Ostroh Academy

ТРАВМАТИЧНА ПАМ'ЯТЬ В УКРАЇНСЬКІЙ ЛІТЕРАТУРНІЙ РЕЦЕПЦІЇ: СИМПТОМИ ПОСТЗАЛЕЖНОСТІ

Traumatic Memory in Ukrainian Literary Reception: Symptoms of Post-dependence

КЛЮЧОВІ СЛОВА: пам'ять, тоталітаризм, травма, література, війна, культурна амнезія, посттоталітарний дискурс

KEYWORDS: memory, totalitarianism, trauma, literature, war, cultural amnesia, post-totalitarian discourse

ABSTRACT: The paper is devoted to analysis of the post-totalitarian memory in literary reception of Ukraine. After the decades of ignoring, this memory became the driving force of social processes and the construct of national identity. The author pays attention to the social trauma of soviet repressions and Second World War, which negatively influenced cultural consciousness of the society. Displaced and forgotten memory is understood as the main reason for lack of progress in the post-Soviet Ukraine. The traumatic experience of the past turned out to be both a lesson and an incentive for large-scale public and conscious transformations, about which modern authors write.

1. Вступ

Історична травма культур пострадянського простору все частіше стає об'єктом сучасних гуманітарних досліджень, в тому числі й літературознавства. Особливого статусу це явище набуває в українській науці. На початку 2000-х українське суспільство переживає чергові геополітичні напруження, які гостро увиразнюють брак фундаментальних знань і оцінок власного тоталітарного минулого. Найбільше це помітно у ментальному розколі мешканців Східного і Західного регіонів країни. За таких умов література особливо гостро реагує на виклики часу, пропонуючи свою версію перепрочитання

радянського досвіду, його найбільш травматичних і дискусійних моментів, з огляду на кілька причин.

По-перше, постмодерні експерименти із художнім текстом, популярні у 1990-х не призвели до очікуваної реновації. Брак літературної традиції та інородність стилю увиразнили потребу пошуків компромісу поміж вимогами часу і пострадянськими запитами культури. Тема тоталітарної пам'яті і травматичного досвіду виявилась якраз тим чинником, котрий зближував різні покоління, соціальні групи та культурні осередки. На відміну від літератури історичної, література пам'яті починає працювати із живим досвідом свідків ще зовсім недавніх подій. Т. Гундорова вважає, що саме «після-постмодерна література, переживши період ейфорії, викликаної постмодерними ідеями циркуляції тілесності, у різний спосіб повертає цінності окремого живого досвіду, автобіографізму...» (Гундорова 2013, 162). Художні тексти останніх двох десятиліть у різні способи відкривають витіснену пам'ять минулого і надають їй властивого звучання та змісту в процесі перманентної реабілітації національної свідомості від наслідків тоталітаризму.

По-друге, спостерігаємо культурне пробудження від ейфорії незалежності і зіткнення суспільства з реальністю, в якій відчутною була криза пам'яті. Героїчна історія, запропонована художніми текстами шістдесятників¹, виявилась надто гіперболізованою. Вона сягала дототалітарного періоду, намагаючись реанімувати історичні перемоги, за якими приховувались стратегічні поразки. Саме історія найчастіше ставала об'єктом політичних маніпуляцій. Унаслідок зтяжної пострадянської кризи економіки, політики і культури суспільство виявляло запити на розв'язання гордієвого вузла минулого, хоча б на зразок того, як це відбулося у сусідніх пострадянських країнах (Литва, Латвія, Естонія, Польща, Угорщина та ін.).

По-третє, маємо справу із радикальною переоцінкою радянського минулого, заснованого на культурних і наукових тенденціях перепрочитання тоталітаризму на Заході. Минуле, особливо у художніх текстах молодих українських авторів, розглядалося у стосунку до його наявності у сучасності. Як стверджує Ю. Табашевська, «н о в е почали розрізняти не тільки у контексті того на скільки воно є власне н о в и м, але також з огляду на те, як воно дефініює с т а р е» (Tobaszewska 2013, 468).

Цікаво, що в умовах глобалізації світу, коли швидкість, багатоманітність і змінність інформаційних потоків спонукає до активної самоорганізації

¹ Покоління, яке прийшло в мистецтво наприкінці 1950-х – у 1960-х роках. У їхніх творах порушувались проблеми української історії і культури. Досить сміливими були спроби реновації модерної мистецької традиції. Більшість представників руху шістдесятництва згодом зазнали репресій, деяким довелося піддатися ідеологічним вимогам компартії. Після розпаду СРСР шістдесятники спробували взяти реванш і очолити політичне, історичне й літературне відродження незалежної України.

людини т у т і т е п е р, інтерес до минулого стає доволі інтенсивним. Саме в ситуації високорозвиненої сучасності А. Гідденс вбачає найбільш сприятливі умови для виявлення і дослідження впливу віддалених у часі подій на поведінку постзалежних суспільств сьогодні (Giddens 2002, 8). Із настанням «кінця історії» (за Ф. Фукуямою) суспільство щонайглибше занурюється у процес витіснення недавнього травматичного досвіду, прагне сформувати нові культурні канони і моральні принципи функціонування у світі.

Як і в багатьох радянських республіках та країнах соцтабору, в Україні на той час уже визрівали важливі культурні трансформації, особливо в літературній сфері. Остаточне і якісно інше переосмислення наслідків тоталітарного терору в українській літературі відбувається паралельно із суспільно-політичними зрушеннями, що проявлялися у протестних акціях *Україна без Кучми* (2000–2001) та *Помаранчева революція* 2004 року. Як слушно зауважує Я. Поліщук, на цьому етапі трансформується саме суспільство, «відбуваються драматичні зміни у світогляді та ментальності сучасних українців, у їхніх морально-етичних настановах» (193, 165). Публікується ряд художніх творів, що відображають цілком сміливу, ґрунтовну і трагічну візію радянського минулого. До них відносимо «Солодку Дарусю» Марії Матіос, «Рівне/Ровно» (2004) Олександра Ірванця, «Тему для медитації» (2006) Леоніда Кононовича, «Музей покинутих секретів» (2009) Оксани Забужко, «Століття Якова» (2010) Володимира Лиса, «Записки українського самашедшого» (2010) Ліни Костенко. Письменники намагаються показати своє бачення травматичного минулого у поколіннєвому розрізі. Художня словесність стає для них інструментом реанімації витісненої та викривленої пам'яті. Як зауважив Д. Клябанаў, літературний твір – це «можливість виповісти наболіле, заявити про власне світосприйняття, донести до широкого кола читачів власну позицію щодо найважливіших, з погляду автора, проблем» (Клябанаў 2014, 140). Вищезгадані тексти відбивають також регіональну специфіку розуміння та інтерпретації радянського тоталітарного минулого, а також його п р и с у т н о с т і / н е - п р и с у т н о с т і у сьогоденні. На прикладі кількох генерацій, в тому числі й намолодшої, автори порушують проблему пережитого болю, втрат, національної дискримінації, а також досвід переосмислення спільного тоталітарного минулого населенням різних регіонів країни. Найактуальнішим у цьому плані видається образ молодого українця, який пробує зрозуміти і емпатично відчувати пережиту травму предків, сформувати свої оцінку і судження щодо того історичного періоду, усвідомити власну тожсамість в умовах межового часу.

Властиво, що лише у 2010-х в українській гуманітаристиці з'являються нечисленні, однак ґрунтовні наукові праці, що інтенсивно ангажуються у процес вивчення минулого як пам'яті. Дослідження Алли Киридон, Людмили та Владислава Гриневичів, Ірини Захарчук, Оксани Кісь, Тамари Гундорової,

Ярослава Грицака, Миколи Рябчука, об'єктом студій яких стають тексти літератури *fiction* та *non-fiction* цілком по-новому актуалізують тему тоталітаризму та посттоталітарної пам'яті.

Увага, в тому числі й літературна, до тоталітарного досвіду зростає в період Євромайдану і особливо після нього. Тоді ж практично у всіх сферах суспільного життя спостерігаємо критичне переосмислення радянського минулого і спроби виявити в ньому найбільш травматичні, та з різних причин замовчувані події і факти. З новою силою активізуються «націоналістичні» міфи, пов'язані із етнічними та ментальними особливостями радянської історії України. Значний внесок у їх деконструкцію роблять державні та приватні науково-дослідні інституції, такі як Український інститут національної пам'яті, чи Український інститут вивчення Голокосту «Ткума». Анексія Росією Криму та спровокована нею ж війна на Донбасі у 2014-му привносять у літературу проблему радикальної переоцінки історії Другої світової війни, яка упродовж двох десятиліть незалежності прочитувалася у світлі радянської історіографії.

Вже сьогодні можемо говорити про наявність потужного корпусу художніх текстів, які в різний спосіб і на різних рівнях репрезентують своє бачення тоталітаризму («Книга забуття» (2013) В. Слапчука, «Під крилами великої матері» (2015) С. Процюка, «Вогняна Зима» (2015) А. Кокотюхи, «Троща» (2017) В. Шкляра та ін.). Вони оприявнюють цілком нову і вкрай необхідну стратегію пропрацювання суспільної травми, котра глибоко вражає пострадянську свідомість. З огляду на проблематичні преференції сучасної української літератури, пропоную до розгляду найбільш знакові: розуміння та інтерпретація поняття тоталітаризму і впливу його наслідків на сучасне українське суспільство, пролонгованість Другої світової війни в ідеологічному та фізичному вимірах.

2. Тоталітаризм і/чи література

Наслідки тоталітаризму сьогодні відчутні практично в усьому світі. Минуле не залишилося у минулому. Воно вчасно не трансформувалося у суспільний дискурс, а відтак було позбавлене відповідних інтерпретацій. З цього приводу більшість посттоталітарних культур у наш час переживають вплив як браку пам'яті, так і одночасно її травматичного надміру.

Сучасний художній текст розглядаємо як метафоричний медіум поміж пам'яттю історичною та її культурною рецепцією сьогодні. Будучи впродовж усього тоталітарного періоду чи не найефективнішим засобом втілення режимної ідеології, художня література значно видозмінилася в плані функціональності та естетичної вартості. І. Голомшток зазначає, що саме

в ХХ сторіччі пряма залежність форм мистецтва, його стилістики і мови від нав'язуваної ззовні ідеології стала естетичною закономірністю із настільки трагічним значенням, якого не було в жодній із попередніх епох (Gołomsztok 1980, 6). Українська література сьогодні демонструє подвійну поставу супроти тоталітарного минулого. По-перше, прочитуємо в ній стійкий протест проти соцреалістичної спадщини, втілений у тривалих пошуках властивих форм мистецького самовираження (здебільшого таке явище спостерігаємо ще на початку 1990-х у «Московіаді» Ю. Андруховича, «Сталінці» О. Ульяненка, «Дефіляді в Москві» В. Кожелянка). По-друге, сучасне українське письменство вдається до тотальної ревізії наслідків культурної стагнації, спровокованої досвідом багатолітнього тоталітарного терору («Ворошиловград» С. Жадана, «Музей покинутих секретів» О. Забужко, «Танго смерті» Ю. Винничука).

Тоталітаризм, як відомо, посягнув передусім на свободу особистості, думки, слова які були вкрай необхідними для природного розвитку літератури. За Дж. Оруелом, тоталітарним режимом заборонялося не тільки висловлюватись, але й думати. Що більше, вказувалося, що потрібно думати; втілювалась ідеологія, яка мала бути акцептована більшістю, а відтак нав'язувалася модель поведінки, контролю підлягали навіть емоції (Оруэл 1989, 244). В таких умовах художня словесність, яка мала би відображати вільні погляди автора на актуальні реалії, опиняється під тотальною загрозою. Мистецтво як ефективний засіб пропаганди і втілення «правильних» міфів та стереотипів зіграло пріоритетну роль у творенні та утвердженні тоталітарних режимів. Їх пропаганда розповсюджувалась не лише через патетичні промови вождів, засоби масової інформації, а передусім через культуру, яка повністю реорієнтовувалася на служіння державній системі. Ідеологічна історія мистецтва, за І. Голомштоком, завжди починається із проголошення його знаряддям створення нової – пролетарської, арійської, фашистської чи комуністичної – культури і, як наслідок цього, із заперечення всіх попередніх та існуючих культурних форм (Gołomsztok 1980, 7). Література в такому контексті посідала місце чи не найважливішого транслятора ідеологічних смислів і служила ефективним механізмом перетворення класової суспільної свідомості на свідомість масову. А тому ті художні твори, котрі претендували на мистецьку оригінальність та відображали сутність, суперечливу впроваджуваній ідеології, опинилися під забороною, знищувалися, а більшість тогочасних письменників були розстріляні.

Із приходом до влади нацистів, у Німеччині спостерігається масове спалення книг, закриття бібліотек, вилучення з навчальних та наукових установ літератури, яка суперечила ідеологічній доктрині нової влади. Комуністичний режим у Радянському Союзі проводив репресії інтелігенції, вилучав із публічного обігу літературу національно-історичного змісту і ту, котра відображала новітні мистецькі віяння. Модерністичне мистецтво для

м и с т е ц т в а піддавалося тотальній ревізії, здійснювалась його повна політизація. За спостереженнями Б. Будена, комуністичні політики не були ні літературознавцями, ні істориками мистецтва, однак беззастережно бралися за створення безальтернативного і єдиноправильного «твору мистецтва» – соціалізму. Разом із тим вони були його критиками і експертами в справі поетики і жанру – деміургічної поетики будови нового світу (Buden 2012, 148).

Ідеологічна література була покликана впроваджувати в культурний дискурс виключно тоталітарні ідеї. Саме тому на авансцену радянської літератури виходять безкомпромісні адепти режиму і адоранти культів вождя й партії фадееви, островські, тіхонови і ін. В результаті літератури окупованих країн втратили перспективу продовження автентичних традицій, що перешкодило їх природному історичному розвитку.

Інша причина культурної травми – терор супроти еліти (інтелігенції, духовенства, митців, освітян), етнічних меншин (та й, зрештою, цілих націй). Ідеологічна пропаганда виправдовувала всякого роду репресії, як найбільш дієві методи боротьби з *н е б л а г о н а д і й н и м и*, в о р о ж и м и державі елементами. Один із найжорстокіших винаходів тоталітаризму, який служив для розправи із «нібито-ворогами», – концентраційні табори. Розуміємо, що це були не лише місця позбавлення волі, примусової праці, чи фізичного знесилення, а й середовище духовного і морального нищення.

Травма виявилась настільки глибокою, що українська література сьогодні, за винятком окремих художніх творів («Янгол у сірому» Н. Гуменюк, «Лицарі любові і надії» Л. Романчук, «Червоний» А. Кокотюхи), мемуарів та індивідуальних їх досліджень, практично не порушує табірної теми. Причини цього цілком очевидні. Пострадянська пам'ять а р і о р і а с о ц і о у є комуністичне минуле з суцільним концентраційним табором, в якому «залізною рукою заганяли людину до щастя»². Варто, однак, наголосити, що в світовій літературі спостерігаємо ревіталізацію цієї теми. Саме комунікативна пам'ять про досвід концтабору як властивого явища тоталітаризму живе в суспільному дискурсі покоління, котре виростало у світлі невимовленої травми батьків і дідів. Сучасна літературна молодь відчуває не страх перед травмою, а надмір непроговореної травматичної пам'яті. Оминути її не вдасться через різні обставини. А тому поруч із документально-художнім «Іншим світом» (*A World Apart: a Memoir of the Gulag*, 1951) Густава-Герлінга Грудзінського з'являються власне белетристичні тексти «Зулейха відкриває очі» (2015) Гузель Яхіної, «Історія однієї зечки й інших з/к – з /к, а також деяких вольняшек» (1993) Катерини Матвеевої, «Іспанські очі» (*Hiszpańskie oczy*, 1993) Марії Нуровської, а через тривалий час і «Матері» (*Matki*, 2011) Павола Ранкова, із «Димами над Біркенау» (*Думу над Birkenau*, 1945) Северини Шмаглевської, з'являється

² Ідеологічне гасло так званого радянського перевиховання.

«Хлопчик в картатій піжамі» (*The Boy in the Striped Pyjamas*, 2006) Джона Бойна чи «Крадійка книжок» (*The Book Thief*, 2005) Маркуса Зузака та ін. Досвід сталінських таборів в сучасній українській літературі досі залишається в тіні, за винятком численних мемуарів, опублікованих свого часу в еміграції.

3. Війна як аберация пам'яті

Однією з наскрізних тем в літературі упродовж десятиліть залишається Друга світова війна. Останнім часом вона стала особливо актуальною, з огляду на події на українському Донбасі. Апелюючи до історичного досвіду, війна на Сході України сьогодні не видається чимось несподіваним. Мілітарна поведінка Росії як спадкоємниці СРСР (про що не одноразово заявляли її очільники), одразу ж після його розпаду була чітко скерована на утримання сфери політичних, ідеологічних та військових впливів на територіях колишнього підпорядкування радянському Кремлю. Чим більше постзалежні суспільства віддалялися від цих сфер впливу, тим більшою ставала загроза військового вторгнення Росії. Як приклад – конфлікт у Придністров'ї, війни у Чечні, бойові дії у Грузії. Всюди, де вибухали гарячі точки, використовувався практично єдиний сценарій – розпалювання сепаратистських настроїв, підживлюваних дискусійними в окремих регіонах питаннями мови, історії, релігії, пам'яті. За Е. Арнольдом, Росія сприймала пострадянські країни як номінально незалежні (Arnold 1985, 112). Саме тому Революція гідності, а згодом і донбаська війна виявили новий етап боротьби проти чергової колонізації України.

Художні твори, заангажовані в тему бойових дій на Донбасі, найчастіше розглядають її у контексті ширшому – як видозмінене продовження Другої світової. Ц. Тодоров переконує, що саме у Європі пам'ять тої війни дотепер залишається надміру актуальною, як через численні відзначення, так і через медійні дискурси нових локальних конфліктів, що час від часу виникають там, де комуністична політика мала вирішальний вплив на суспільну свідомість (Todorov 2011, 97). У цьому контексті війна на Сході України є метафорою протистояння поміж минулим і майбутнім, тобто, поміж тим, що і як маємо пам'ятати, і яким чином це має/може сформувати нашу національну ідентичність.

Друга світова стала переломним моментом в історії всієї цивілізації. Саме вона активізувала студії пам'яті як людського досвіду, передовсім у його травматичному вимірі. Реабілітація післявоєнного світу, виявилась складним, розтягнутим на десятиліття процесом. Одразу після офіційної капітуляції гітлерівської Німеччини Радянський Союз перебрав на себе роль єдиного

«переможця» і господаря на відвойованих землях Східної і значної частини Центральної Європи. Останнім часом стало остаточно зрозуміло: перемога радянської армії у Другій світовій війні виявилась перемогою однієї тоталітарної ідеології над іншою. Така кардинальна зміна історичних парадигм проковує також зміну їх наукової та художньої рецепції. Відтак політика пам'яті (заснованої на відносно живому ще, комунікативному досвіді людства) у дослідницькому та художньому дискурсах все частіше домінує над ідеологічною роллю історії. Радянська влада створила міт перемоги, вдало маскуючи за ним власні злочини над населенням окупованих територій під час просування фронту на Захід.

Парадоксально, однак спекулятивною тема цього травматичного досвіду стає не так у суспільстві переможених, скільки в культурі переможців. Радянська ідеологія практично сакралізувала міт війни. СРСР перебрав на себе безкомпромісне право жертви (у такій же подачі це право успадковує Росія після розпаду Союзу). У пропагованій ним ідеології навіть жертви Голокосту втратили можливість повноцінного визнання, особливо на теренах ідеологічного впливу Союзу.

Беручи до уваги географію Другої світової, розуміємо, що найбільші бої відбувалися власне на територіях поміж Німеччиною і Росією. Практично всі ці землі після війни опинилися у складі Радянського Союзу. На це звертає увагу Тимоті Снайдер, дефініюючи ці території сьогодні як «Криваві Землі», маючи на увазі не «політичну географію імперій», а «людську географію жертв», у якій «Криваві Землі це місце, на якому найбільші душолюбні режими Європи вершили свої найтемніші справи» (Снайдер 2011, 15).

Літературні тексти повоєнного часу, аж до розпаду Радянського Союзу, писалися виключно у стилі соцреалізму. Альтернативна література (тексти, опубліковані в діаспорі чи у підпіллі), не мала доступу до радянського читача, або ж цей доступ був вкрай обмеженим. За спостереженнями А. Завади, Друга світова війна зі своїми наслідками стала одним із вирішальних досвідів, тем і обов'язків літератури (Zawada 2001, 5), незважаючи на те, що в більшості повоєнних культур ці наслідки стали відчутними лише по десятиліттях. Альтернативу радянській пропаганді українська література (як і більшість національних літератур СРСР) могла розвинути виключно поза межами краю. В еміграції вийшли друком кілька творів, які репрезентували власне український вимір цієї травми. Ідеться про «Огненне коло» (1953) та «Людина біжить над прірвою» (1965) Івана Багряного, «Чого не гоїть огонь» (1959) У. Самчука, «Україна в огні» (1943) О. Довженка (кіноповість хоч і опублікована на території Радянського Союзу, однак після її виходу була забороненою до друку і для екрану).

У той час, коли завданням соцреалістичної літератури був головний опис героїзму радянських солдатів, а домінантною ідеєю – трагедія і жертвність

радянського суспільства, то вже в 1990-ті роки художня рецепція війни переживає кризу інтерпретації: якщо радянського суспільства більше немає, то хто тепер жертва, переможець і переможений? Національним літературам природно бракувало історичного ґрунту, якого годі було шукати в радянській історіографії. В посттоталітарний період з'являються друком ті художні тексти, які сьогодні формують дискурс пам'яті про війну. Особливо цінний він в умовах бойових дій на Донбасі, розцінюваних як боротьба минулого з теперішнім, за правдиву пам'ять. Таку рецепцію війни прочитуємо у творах «Маріупольський процес» (2015) Г. Вдовиченко, «Іловайськ» (2015) Є. Положія, «Чорне Сонце» (2015) В. Шкляра, «Укри» (2015) Б. Жолдака, «Аеропорт» (2015) С. Лойка, «Довгі часи» (2016) В. Рафаєнка, «Інтернат» (2017) С. Жадана, «АМОР[Т]Е» (2017) О. Іванюк та ін.

Досвід літературного проговорювання травми апелює до пошуку відповідної художньої мови, властивих образів та художніх тропів, які можуть передати відчуття людини на війні та війни в людині. Як справедливо вказують дослідники (А. Ассман, А. Еткінд), він може вийти наяву лише з певної часової відстані, а також із відстані культурної, що відділяє безпосереднє переживання травми від її опосередкованої (а значить, і охудожненої, образно-символічної) рефлексії. Почуття й переживання болю, страху, втрати, смерті потребують особливого образного ключа: з одного боку, вони не можуть бути передані звичайними образами, потребують специфічних тропів, з іншого, – апелюють до простої, безпашосної оповіді, в якій можуть бути адекватно відображені. Саме такі способи художнього відображення травми й освоює сьогодні українське письменство – з меншим чи більшим успіхом.

4. Висновки

Отже, дослідження сучасної української літератури на підставі студій пам'яті переконує у наявності широкого суспільного запиту на перепрочитання минулого. Особливо це помітно у світлі тих подій, які впродовж останніх кілька років тримають у постійній напрузі не лише Україну, а й весь пострадянський і ширше – світовий соціум. Спроби чергового реваншу тоталітарних амбіцій Росії призвели до війни на Сході України, а також уявили наявність значно більшої проблеми: розпад Радянського Союзу виявився історичною формальністю. Запрограмовані ним процеси денационалізації, упокорення, стерилізації етнічних культур тривають досі. Українська література періоду незалежності активно викривала гібридність радянської системи і творила контрдискурс її посттоталітарним проявам. Художня творчість письменників свідчить про незворотні процеси ревіталізації національної пам'яті

через ґрунтовну ревізію тоталітарної історії та пропрацювання тих її етапів, які спричинилися до глибокого травми, наслідки якої найбільшою мірою відчутні сьогодні.

Бібліоґрафія

- ARNOLD 1985: Arnold, A. (1985), *Afganistan. The Soviet Invasion in Perspective*. Stanford.
- BUDEN 2012: Buden, B. (2012), *Strefa przejścia. O końcu postkomunizmu*; tłum. M. Sułowskiego. Warszawa.
- GIDDENS 2002: Giddens, A. (2002), *Nowoczesność i tożsamość. „Ja” i społeczeństwo w epoce późniejszej nowoczesności*. Warszawa.
- GOŁOMSZTOK 1980: Gołomszток, I. (1980), *Język artystyczny w warunkach totalitarnych*. London.
- GUNDOROVA 2013: Gundorova, T. I. (2013), *Tranzitna kultura. Simptomi postkolonialnoi travmi: statii ta eseyi*. Kyiv. [Гундорова, Т. І. (2013), *Транзитна культура. Симптоми постколоніальної травми: статті та есеї*. Київ.]
- KLIABANAŬ 2014: Kliabanaŭ, D. (2014), *Uladzimir Hlušakoŭ: aktualnyja hramadskija problemy praz pryzmu litaraturna tvora*. In: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. V/2, 137-154. [Клябанаў, Д. (2014), *Уладзімір Глушакоў: актуальныя грамадскія праблемы праз прызму літаратурнага твора*. В: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. V/2, 137-154.]
- ORWELL 1989: Orwell, G. (1989), *«1984» i esse raznyih let*; per. s angl. V. S. Muravev. Moskva. [Оруэл, Дж. (1989), *«1984» и эссе разных лет*. Москва.]
- POLISCHUK 2008: Polischuk, Ya. O. (2008), *Iz diskursiv i diskusiy*. Harkiv. [Поліщук, Я. О. (2008), *Із дискурсів і дискусій*. Харків.]
- SNYDER 2011: Snyder, T. (2011), *Krivavi zemli: Evropa pomizh Gitlerom ta Stalinim*; perekl. z angl. Kyiv. [Снайдер, Т. (2011), *Криваві землі: Європа поміж Гітлером та Сталінім*. Київ.]
- TABASZEWSKA J. (2013), *Gdy nie sposób wyzwolić literatury z «obowiązków»*. Początek lat dwudziestych XX w. a rodząca się świadomość postzależności. W: Gosk, H./Kraskowska, E. (red.), *(P)o zaborach, (p)o wojnie, (p)o PRL*. Polski dyskurs postzależnościowy dawniej i dziś. Kraków, 525-543
- TODOROW 2011: Todorow, T. (2011), *Nadużycia pamięci*. W: *Znak*. II/677, 90-97.
- ZAWADA 2001: Zawada, A. (2001), *Literackie półwiecze 1939–1959*. Wrocław.

MAGDALENA ŻMIJKOWSKA

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2680-7318>

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

PROBLEMATYKA KALININGRADZKA NA ŁAMACH „GAZETY OLSZTYŃSKIEJ” W LATACH 2015–2019

The issue of Kaliningrad in “Gazeta Olsztyńska” in the years 2015–2019

WYRAZY KLUCZOWE: prasa, prasa regionalna, dziennik „Gazeta Olsztyńska”, obwód kaliningradzki, analiza zawartości mediów

KEYWORDS: press, regional press, “Gazeta Olsztyńska” daily, Kaliningrad Oblast, analysis of media content

ABSTRACT: The article is a presentation of the results of the analysis of the (quantitative and qualitative) content of “Gazeta Olsztyńska” in the field of issues of the Kaliningrad region in 2015–2019. The Olsztyn daily is for the inhabitants of the Warmian-Masurian region one of the sources of knowledge about the Kaliningrad region and its inhabitants. The texts published in “Gazeta Olsztyńska” are also a reflection of the internal political situation and prevailing Polish-Russian relations. They are also one of the ways to promote economic cooperation and cultural exchange in the Warmian-Masurian Voivodeship and the Kaliningrad District.

1. Wstęp

Zakończenie II wojny światowej wpłynęło m.in. na ostateczny rozpad Prus Wschodnich. Na konferencji w Poczdamie strony zwycięskie zgodziły się oddać pod zarządek Związku Radzieckiego północne obszary prowincji wraz z Królewcem (późniejszy obwód kaliningradzki) – do czasu podpisania formalnego porozumienia międzynarodowego (Sakson 2011, 152). Południowe obszary Prus Wschodnich (Warmia i Mazury) przyłączone zostały do Polski. Po wysiedleniu ludności niemieckiej w latach 1947–1949 obwód kaliningradzki stał się zamkniętą, zmilitaryzowaną strefą wojskową, niedostępną dla cudzoziemców i obywateli ZSRR, był całkowicie odizolowany od Zachodu. Do portu zawijały tylko statki radzieckie, a wiele międzynarodowych szlaków kolejowych i drogowych urywało się na granicy z Polską. Sytuacja taka uwarunkowana była strategicznym znaczeniem obwodu jako miejsca

stacjonowania floty bałtyckiej ZSRR oraz sił lądowych i powietrznych należących do tzw. drugiego rzutu. W związku z zimną wojną międzynarodową umowę z Niemcami podpisano dopiero w 1990 r., kiedy to zrzekły się pretensji do tego terytorium. Rozpad ZSRR i odzyskanie niepodległości przez kraje nadbałtyckie spowodował zmianę położenia geopolitycznego obwodu kaliningradzkiego. Ponownie znalazł się on w centrum dyskusji politycznych. Obwód został oddzielony od Rosji, stał się „wyspą” otoczoną przez państwa – Polskę i Litwę – które następnie stały się członkiem NATO i Unii Europejskiej. Ostateczne wydzielenie obwodu ukształtowało się 8 grudnia 1991 r., gdy przestał istnieć ZSRR (Sakson 2014, 2).

Współczesne położenie obwodu kaliningradzkiego jest wyjątkowe. Jego mieszkańcy, aby dotrzeć do centralnej Rosji, muszą przejechać przez teren Litwy, Białorusi lub Łotwy. Na długości 231,9 km rozciąga się granica pomiędzy Polską a obwodem kaliningradzkim. Terytoria obwodu oraz województwa warmińsko-mazurskiego to dwa regiony sąsiadujące, tj. posiadające wspólną, lądową granicę (Sakson 2014, 3). Ze względu na wspólne dziedzictwo historyczne i rolę polityczną tworzą one potencjalny obszar współpracy transgranicznej, sąsiedzkiej prowadzonej przez wspólną granicę w ramach przylegających do siebie regionów przygranicznych. Współpraca ta przybiera różnorodne formy: od zinstytucjonalizowanej euroregionów, kooperacji partnerskiej oraz nieformalnej jednostek terytorialno-administracyjnych (samorządów), organizacji pozarządowych i innych instytucji, po codzienne kontakty między mieszkańcami.

Artykuł przedstawia wyniki analizy ilościowej (statystycznej) i jakościowej, przeprowadzonej na podstawie materiałów prasowych poświęconych problematyce kaliningradzkiej, a opublikowanych na łamach „Gazety Olsztyńskiej” w latach 2015–2019. Jako przedmiot badań wybrano „Gazetę Olsztyńską”, dziennik regionalny ukazujący się 6 razy w tygodniu. Gazeta jest wydawana i redagowana w Olsztynie, cieszy się największym czytelnictwem w województwie warmińsko-mazurskim. Powstała na bazie powolnego rozbudzania się świadomości narodowej Warmiaków w końcu XIX wieku. Przeznaczeniem tego „polsko-katolickiego” pisma była obrona języka polskiego i wiary katolickiej w dobie pruskiej germanizacji. Pierwszy numer „Gazety Olsztyńskiej” ukazał się 16 kwietnia 1886 r. Redaktorem naczelnym był Jan Liszewski – nauczyciel, poeta i drukarz. 1 września 1939 budynek gazety otoczyło Gestapo. Zniszczono maszyny drukarskie, a gmach zburzono. W 1951 r. wraz z reorganizacją prasy Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej w całym kraju w Olsztynie powołano dziennik Komitetu Wojewódzkiego PZPR pod nazwą „Głos Olsztyński”, który od 6 kwietnia 1970 r. zaczął ukazywać się pod tytułem „Gazeta Olsztyńska”. Miało to być niby-nawiązanie do tradycji przedwojennej gazety. W okresie przemian w 1989 r. „Gazeta Olsztyńska” pozostając dziennikiem PZPR, usunęła z winiety hasło „Proletariusze wszystkich krajów łączcie się!”, zamieniając je na: „Co dzień Polak Narodowi służy!”. W końcu grudnia 1989 r. średni roczny nakład gazety wynosił 75 253 egzemplarze i był niższy w stosunku do 1988 r.

o 27 tys. egzemplarzy (Łukaszewicz 2006, 564). Na szczególną uwagę w tym okresie zasługują przemiany własnościowe tytułu koncernu PZPR. „Gazetę Olsztyńską”, pozostającą największym dziennikiem informacyjnym w regionie Warmii i Mazur, przejęła spółka, którą tworzyli dziennikarze oraz Bank Handlowo-Kredytowy SA w Katowicach. Od 3 maja 1991 r. gazetę wydaje spółka „Edytor”, której udziałowcem w sierpniu 1998 został niemiecki wydawca Franz Xavier Hirtreiter (Łukaszewicz 2006, 567).

Cezurę początkową artykułu stanowi rok 2015. Wybór początkowej daty wynika z faktu, iż artykuł jest kontynuacją badań prowadzonych we wcześniejszym okresie przez autorkę w zakresie omawianej tematyki na łamach „Gazety Olsztyńskiej” w latach 2004–2014, czego efektem był opublikowany artykuł (Żmijkowska 2016, 109-122). Cezurę końcową stanowi rok 2019, na którym zamknięto kwerendę.

Celem tekstu jest odpowiedź na pytania:

1. Jakie zagadnienia związane z problematyką kaliningradzką znajdują odbicie w „Gazecie Olsztyńskiej”?
2. Na jakich zagadnieniach dziennikarze skupiali się najczęściej?
3. Z jaką częstotliwością redakcja publikowała materiały prasowe na temat problematyki kaliningradzkiej?
4. Czy materiały poświęcone analizowanej problematyce publikowano na eksponowanych miejscach?
5. Jaka była struktura gatunkowa materiałów poświęconych problematyce kaliningradzkiej w „Gazecie Olsztyńskiej”?

Za główną metodę badawczą obrano analizę zawartości, którą jej twórca i kodyfikator, B. Berelson (1952, 18; zob. też Lisowska-Magdziarz 2004, 13) zdefiniował jako technikę badawczą służącą obiektywnemu, systematycznemu i ilościowemu opisowi jawnej zawartości komunikacji. Populację stanowiło 250 numerów (w skali roku) „Gazety Olsztyńskiej”, które ukazały się w latach 2015–2019. Następnie wyłoniono korpus badawczy, a więc zbiór tekstów wyekscerpowanych w celu przeprowadzenia szczegółowej analizy zawartości. Kryterium wyboru wiązało się z poruszaną tematyką. W wyniku selekcji wyróżniono 60 materiałów prasowych, w tym 10 fotografii. Jako jednostkę analizy (ang. *analysis unit*) przyjęto pojedynczy materiał prasowy.

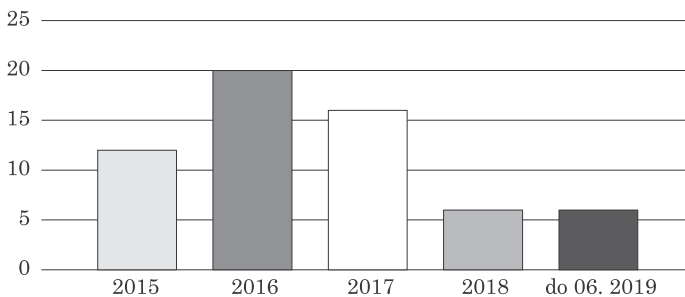
Kolejnym krokiem była budowa klucza kategoryzacyjnego (Pisarek 1983, 96-110; Lisowska-Magdziarz 2004, 54-57; Riffe, Lacy, Fico 2005, 132-138; Neuendorf 2017, 111 i n.), który pozwolił określić najchętniej poruszane tematy i ograniczyć zróżnicowanie tematyczne materiałów prasowych do kilku najczęściej pojawiających się obszarów. W kluczu kategoryzacyjnym wyróżniono następujące kategorie badawcze: data wydania, strona, na której opublikowano materiał prasowy, gatunek dziennikarski, tytuł materiału prasowego oraz tematyka materiału prasowego. Za podstawową jednostkę analizy przyjęto pojedynczy artykuł. Za wypowiedź

prasową mówiącą o problematyce kaliningradzkiej uznane zostały teksty traktujące o historii, kulturze, gospodarce, życiu codziennym, stosunkach sąsiedzkich, sytuacji politycznej obwodu kaliningradzkiego

2. Analiza statystyczna

Wykres 1 przedstawia częstotliwość występowania problematyki kaliningradzkiej na łamach „Gazety Olsztyńskiej”. W latach 2015–2019 opublikowano 60 materiałów prasowych. Wykres pokazuje, że zainteresowanie redakcji tematyką kaliningradzką nie było stałe i uzależnione od bieżących wydarzeń.

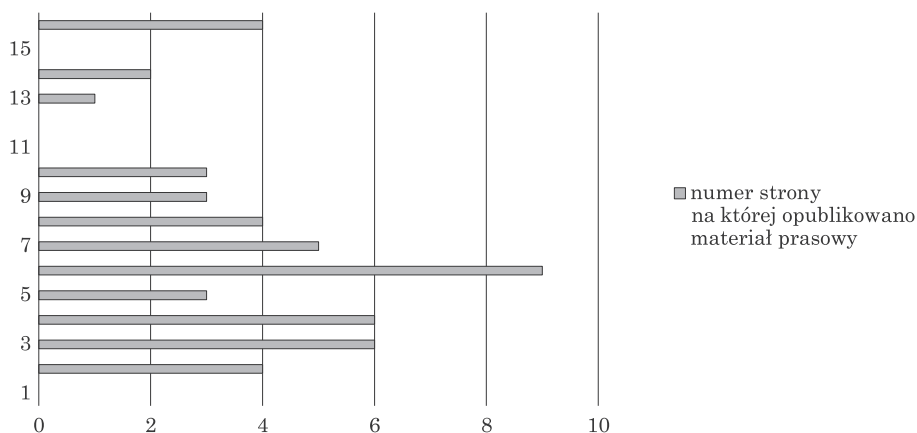
Z zaprezentowanych niżej danych statystycznych wynika, że najwięcej materiałów w zakresie omawianego tematu na łamach dziennika opublikowano w latach 2016 i 2017. Wzrost publikacji od 2016 r. można tłumaczyć decyzją rządu RP o zawieszeniu małego ruchu granicznego pomiędzy obwodem kaliningradzkim i województwem warmińsko-mazurskim, która wywołała dyskusję na łamach prasy regionalnej. Dodatkowo, w 2017 r. obchodzono jubileusz 15-lecia podpisania umowy o współpracy Warmii i Mazur z obwodem kaliningradzkim.

Wykres 1. Skala zainteresowania redakcji „Gazety Olsztyńskiej” problematyką kaliningradzką w latach 2015–2019

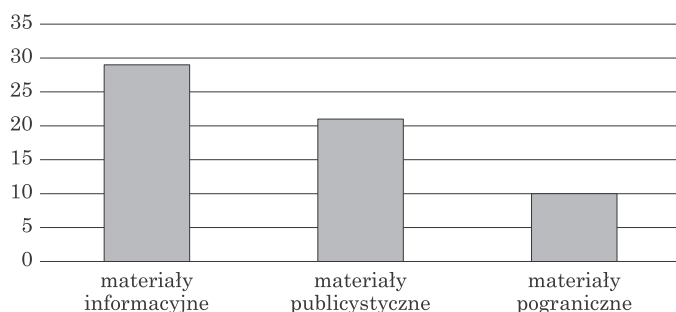
Źródło: opracowanie własne

Ekspozycja materiałów prasowych jest miernikiem zainteresowania redakcji omawianą problematyką. Teksty dotyczące zagadnień kaliningradzkich w latach 2016 i 2017 publikowano na wyeksponowanych miejscach, w tym na 2, 3 i 4 stronie. Wśród 60 materiałów prasowych 10 z nich to zdjęcia. Teksty i fotografie publikowano z kolei najczęściej na stronach: 6 oraz na 7 i 8 zarówno w dziale krajowym, jak i zagranicznym, a także ekonomicznym, turystycznym i w ogłoszeniach (zob. wykres 2). Na pierwszą okładkę teksty dotyczące obwodu kaliningradzkiego w omawianym okresie nigdy nie trafiły, co może świadczyć o tym, iż redakcja nie przywiązywała wagi do omawianej problematyki. Informowała czytelnika, lecz nie ekspozycjonowała tych materiałów.

Wykres 2. Ekspozycja materiałów prasowych poświęconych problematyce kaliningradzkiej opublikowanych w „Gazecie Olsztyńskiej” w latach 2015–2019
 Źródło: opracowanie własne

Wykres 3 wskazuje, że między 60 materiałami prasowymi odnoszącymi się do problematyki kaliningradzkiej znalazły się teksty: 29 o charakterze informacyjnym, 21 – publicystycznym, 10 – pogranicznym. Do materiałów informacyjnych zaliczono następujące gatunki dziennikarskie: informację, korespondencję i fotografię, do publicystycznych: artykuł, felieton, wywiad i komentarz, a do pogranicznych: list do redakcji. Wspomniane dane wskazują, że materiały informacyjne zdecydowanie przeważały nad publicystyką. Struktura gatunkowa materiałów prasowych wyraźnie świadczy o tym, że „Gazeta Olsztyńska” w omawianym okresie była raczej kanałem informacyjnym w zakresie problematyki kaliningradzkiej niż źródłem opinii wyrażanych przez dziennikarzy na ten temat. Materiały informacyjne publikowane na łamach „Gazety Olsztyńskiej” miały maksymalnie poszerzać wiedzę o sytuacji w obwodzie kaliningradzkim, stosunkach między regionem Warmii i Mazur a obwodem kaliningradzkim oraz promować oba regiony.

Wykres 3. Struktura gatunkowa materiałów prasowych dotyczących problematyki kaliningradzkiej opublikowanych na łamach „Gazety Olsztyńskiej” w latach 2015–2019
 Źródło: opracowanie własne

3. Analiza jakościowa

Zgodnie z opracowanym kluczem kategoryzacyjnym tabela 1 przedstawia szczegółowy wykaz głównych kategorii tematycznych dotyczących problematyki kaliningradzkiej, poruszanych na łamach „Gazety Olsztyńskiej” w latach 2015–2019.

Tabela 1. Wykaz tematów dotyczących problematyki kaliningradzkiej poruszanych w „Gazecie Olsztyńskiej” w latach 2015–2019

Tematyka	Liczba materiałów prasowych (%)
Relacje między sąsiadującymi ze sobą regionami pogranicznymi	50
Mały ruch graniczny	35
Promocja regionów	15

3.1. Relacje między sąsiadującymi ze sobą regionami przygranicznymi

Od 2013 r. w Kaliningradzie funkcjonowało przedstawicielstwo Warmińsko-Mazurskiej Specjalnej Strefy Ekonomicznej (dalej: WMSSE). Zajmowało się ono pomocą przedsiębiorcom zainteresowanym wejściem na rynek rosyjski. Chodziło głównie o małe i średnie przedsiębiorstwa. Jak informowano na łamach „Gazety Olsztyńskiej”, w 2015 r. uruchomiono w stolicy obwodu biuro WMSSE, dzięki któremu samorządy mogły promować region warmińsko-mazurski i regionalne firmy po rosyjskiej stronie. Jak podkreślił Marek Karólewski, ówczesny prezes WMSSE, w rozmowie z redaktorem „Gazety Olsztyńskiej”, że mimo napiętej sytuacji politycznej w związku z konfliktem na Ukrainie, „[...] biznes nie lubi granic. – Coraz więcej Rosjan pyta o możliwości inwestowania w Polsce” (Mielnicki 2015, 15). Niestety, już w kolejnym roku na łamach dziennika można przeczytać, że placówka, która w Rosji miała pomóc przyciągać inwestorów do WMSSE i promować polskich przedsiębiorców, została zamknięta. W tej sprawie wypowiedział się ówczesny prezes Grzegorz Smoliński, który wskazywał na powody ekonomiczne zamknięcia placówki. Poinformował, że zaczął się zastanawiać nad sensem utrzymywania przedstawicielstwa, gdy strona rosyjska przedstawiła aneks do umowy najmu lokalu na biuro. Umowa formalnie skończyła się w grudniu 2015 r.

Przeliczyłem koszty i uznałem, że dalsze jego utrzymywanie mija się z celem, bo nie przynosi żadnych efektów, a generuje jedynie niepotrzebne wydatki. Stąd decyzja o zamknięciu (Szydłowski 2016, 3).

Z tą decyzją nie zgadzał się np. Marcin Kuchciński, były dyrektor ds. pozyskiwania inwestorów w WMSSE. Wskazywał, że sensowność utrzymania przedstawicielstwa

WMSSE zależy od tego, o jakich efektach mówimy. Czy pod uwagę bierzemy wymierne kwestie finansowe, czy cel działania strefy?

Przedstawicielstwo w Kaliningradzie było miejscem, dzięki któremu polskie firmy mogły zaistnieć na rynku rosyjskim, miejscem, gdzie jej przedstawiciele mogli się spotkać z przedstawicielami biznesu z obwodu kaliningradzkiego (Szydłowski 2016a, 6).

Zagadnienie ilustrujące stosunki między regionami Warmii Mazur a obwodem kaliningradzkim to sytuacja panująca na polsko-rosyjskich przejściach granicznych. Cyklicznie pojawiające się na łamach „Gazety Olsztyńskiej” wypowiedzi prasowe kreowały ich negatywny obraz. W tytułach artykułów dominowały stwierdzenia: wymuszali haracze; kolejny napad na Polaków; na przejściu granicznym z Rosją coraz niebezpieczniej; granica straszy itp. (Wojciechowski 2015, 1; Kundzicz 2015, 13). Wspomniane publikacje prasowe dotyczyły m.in. pobicia i prób wymuszania haraczy od Polaków wracających z zakupów w obwodzie kaliningradzkim, w sprawie których prokuratury rejonowe w Braniewie (Kundzicz 2015a, 7) i Bartoszycach (Grabowski 2015, 6) wszczęły śledztwo.

Z kolei w 2016 r. redakcja omawianego dziennika informowała o niepokojącej sytuacji, jakim było rozmieszczenie przez Rosjan wyrzutni rakiet „Iskander” i „IS-400 Triumf” na terenie obwodu kaliningradzkiego (Mielnicki 2016, 3). Podając przyczynę tej sytuacji, redakcja gazety przytoczyła słowa Wiktora Ozierowa, szefa senackiej komisji obrony Federacji Rosyjskiej, który stwierdził, że

to wynik agresywnej polityki NATO, zmuszającej Moskwę do wzmocnienia własnej obrony powietrzno-kosmicznej. [...] Rosja była przeciwna rozbudowie elementów amerykańskiej tarczy antyrakietowej w Europie (Przyborowski 2016, 6).

W 2017 r. obchodzono 15. rocznicę podpisania umowy o współpracy Warmii i Mazur z obwodem kaliningradzkim. Z tej okazji na łamach „Gazety Olsztyńskiej” odbyła się dyskusja na temat korzyści wynikających ze wspomnianej współpracy. W tej sprawie wypowiedzieli się na łamach dziennika ówczesny i byli marszałkowie województwa warmińsko-mazurskiego. Jak podkreślili, 15 lat stało się podstawą do szerszych kontaktów zarówno gospodarczych, kulturalnych, jak i budowy więzi sąsiedzkich między mieszkańcami obu regionów. Wszyscy rozmówcy zgodnie stwierdzili, iż

[...] mimo wielkiej polityki, która ma wpływ na nasze sąsiedzkie relacje, powinniśmy dalej rozwijać te kontakty, bo to leży w naszym interesie (Mielnicki 2017, 7).

Omawiany dziennik relacjonował także przebieg obchodów 15-lecia umowy o współpracy między Warmią i Mazurami a obwodem kaliningradzkim. Z tej okazji odbył się uroczysty koncert w Filharmonii Warmińsko-Mazurskiej w Olsztynie.

Na scenie wystąpiła Kaliningradzka Obwodowa Orkiestra Instrumentów Ludowych pod dyrekcją Andrieja Stiepanienki. Przed koncertem wręczono Proporce Dobrego Sąsiedztwa, które przyznał Zarząd Krajowy Stowarzyszenia Współpracy Polska-Wschód, doceniając wzorowe relacje między Warmią i Mazurami a obwodem kaliningradzkim. Obchody zamykało spotkanie na Wydziale Humanistycznym Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie. Gościem był ambasador Federacji Rosyjskiej w Polsce, Siergiej Andriejew, który wygłosił wykład pt. „Trudne relacje polsko-rosyjskie i jak się w tej sytuacji odnaleźć” (Przyborowski 2017, 16; Mazgal 2017, 16). Na wykład redakcja gazety zwróciła szczególną uwagę, gdyż ambasador stosunki polsko-rosyjskie określił jako najgorsze chyba od zakończenia II wojny światowej.

I ta sytuacja powstała nie za rządów obecnych, PiS, ale za poprzedniego rządu. Jeszcze za rządu na czele z PO strona polska wiosną 2014 roku zamroziła dialog polityczny z Rosją. Po dojściu do władzy PiS polityka Polski wobec Rosji w istocie pozostaje niezmienna (Mielnicki 2017a, 5).

Od 2008 r. Urząd Statystyczny w Olsztynie wraz ze swoim rosyjskim odpowiednikiem, Terytorialnym Organem Federalnej Służby Statystyki Państwowej Obwodu Kaliningradzkiego, publikuje dokument o nazwie „Obwód kaliningradzki i województwo warmińsko-mazurskie w liczbach” (Urząd Statystyczny w Olsztynie, Terytorialny Organ Federalnej Służby Statystyki Państwowej Obwodu Kaliningradzkiego 2017). Wyniki takich danych statystycznych za rok 2016 r. zostały czytelnikom przedstawione na łamach „Gazety Olsztyńskiej”. Województwo warmińsko-mazurskie według wspomnianego raportu z 2016 r. bije na głowę obwód kaliningradzki w zakresie wielkości powierzchni, demograficznym oraz wielkości zarobków. Natomiast w kwestii wydatków sprawy mają się zupełnie inaczej, mieszkańcy obwodu kaliningradzkiego wydają więcej (Grabowski 2017, 10; Mielnicki 2017b, 4).

3.2. Mały ruch graniczny

Jak wskazują dane w tabeli 1, pod względem liczby publikacji na łamach „Gazety Olsztyńskiej” drugą problematykę stanowią teksty prasowe, które dotyczą małego ruchu granicznego pomiędzy województwem warmińsko-mazurskim i obwodem kaliningradzkim. Podstawowym celem Umowy o małym ruchu granicznym, podpisanej w Moskwie 14 grudnia 2011 r. przez Radosława Sikorskiego i Siergieja Ławrowa, było wprowadzenie ułatwień w przekraczaniu granicy polsko-rosyjskiej przez mieszkańców strefy przygranicznej, na którą składa się obwód kaliningradzki, 7 powiatów województwa pomorskiego oraz 13 powiatów województwa warmińsko-

-mazurskiego. Na podstawie Umowy mieszkańcy tych terenów mogli przekraczać granicę bez wiz, używając do tego celu wyłącznie dokumentu podróży potwierdzającego tożsamość oraz specjalnego zezwolenia na wielokrotne przekraczanie granicy (Konsulat Generalny Rzeczypospolitej Polskiej w Kaliningradzie 2012; Zielińska-Szczepkowska/Zabielska 2016, 349). Natężenie tekstów mówiących o tym zagadnieniu wynika z faktu, iż od 4 lipca 2016 r. mały ruch graniczny z obwodem kaliningradzkim został zawieszony przez polską stronę (Konsulat Generalny Rzeczypospolitej Polskiej w Kaliningradzie 2016). Powodem wstrzymania miał być szczyt państw Sojuszu Północnoatlantyckiego (NATO) w Warszawie w dniach 8–9 lipca oraz Światowe Dni Młodzieży w Krakowie w dniach 26–31 lipca. Decyzja ta odbiła się bardzo negatywnie według mieszkańców terenów przygranicznych województwa warmińsko-mazurskiego. Świadczy też o tym dyskusja, jaka na temat skutków zaistniałej sytuacji odbyła się na łamach „Gazety Olsztyńskiej”. W początkowym okresie, gdy pisano tylko o tymczasowym zawieszeniu, redakcja „Gazety Olsztyńskiej” przytaczała wypowiedzi mieszkańców terenów przygranicznych województwa, wskazujące na obawy dotyczące np. spadku obrotów w handlu, hotelarstwie i gastronomii po polskiej stronie: „Mały ruch żywił granice, zostały tylko wizy” (Mielnicki 2016b, 3; zob. też Grabowski 2016, 4). Po miesiącu od zawieszenia małego ruchu granicznego apelowano na stronach gazety, iż to

w interesie Warmii i Mazur jest, aby zmieniło się to jak najszybciej, bo ruch może być mały, ale biznes ogromny. A zamknięty szlaban bije o wiele mocniej w Polaków (Mielnicki 2016c, 14).

Temat możliwości wznowienia małego ruchu granicznego z obwodem kaliningradzkim powrócił na łamy „Gazety Olsztyńskiej” w 2019 r., w trakcie trwającej kampanii wyborczej do Parlamentu Europejskiego. Wtedy to można było znaleźć wypowiedzi kandydatów w wyborach do Europarlamentu, którzy często poruszali temat perspektywy wznowienia małego ruchu granicznego (Karski 2019, 9).

3.3. Promocja regionów

Trzecią grupą tematyczną pod względem liczby publikacji prasowych na stronach „Gazety Olsztyńskiej” są teksty dotyczące promocji obwodu kaliningradzkiego na Warmii i Mazurach oraz województwa warmińsko-mazurskiego w obwodzie. Informowano na łamach dziennika o podejmowanych inicjatywach, relacjonowano przebieg spotkań i wydarzenia w zakresie omawianej tematyki. Przykładem może być informacja o spotkaniu przedsiębiorców i władz samorządowych Warmii i Mazur z rosyjskimi partnerami (Wasilewski 2015, 4). Za taki przykład może posłużyć też artykuł o współpracy Stowarzyszenia Gmin „Polskie Zamki Gotyckie” z obwodem

kaliningradzkim, w ramach której opracowano transgraniczne szlaki turystyczne (Mazgal 2015, 9). Innym razem redakcja informowała o wystawie „Mikołaj Kopernik 1473–1543” prezentowanej w Kaliningradzie, którą zorganizowało Biuro Promocji Urzędu Miasta w Olsztynie (Przyborowski 2016a, 8).

4. Zakończenie

Jak wspomniano na początku artykułu, niniejsza publikacja jest wynikiem kontynuacji prowadzonych wcześniej badań w zakresie omawianej problematyki na stronach olsztyńskiego dziennika. Obecność tematyki kaliningradzkiej na łamach „Gazety Olsztyńskiej” można podzielić na trzy okresy. Pierwszy trwa od 1989 do 2003 r. Wówczas redakcja dziennika poruszając na swoich łamach zagadnienia dotyczące obwodu kaliningradzkiego, skupiała się głównie na przybliżaniu przemilczanej do tamtej pory jego historii (Żmijkowska 2014, 191). W kolejnym okresie, w latach 2004–2014, tematyka historyczna w przeciwieństwie do poprzedniego okresu ustąpiła miejsca innym zagadnieniom. W tym czasie w zakresie problematyki kaliningradzkiej na łamach „Gazety Olsztyńskiej” oprócz historii wyróżniono kilka innych kategorii tematycznych, takich jak: turystyka, promocja regionów, współpraca gospodarcza i stosunki między przygranicznymi regionami (Żmijkowska 2016, 116). Jak wykazała przeprowadzona analiza ilościowa i jakościowa w zakresie omawianej problematyki, na łamach „Gazety Olsztyńskiej” w latach 2015–2019 z upływem czasu redakcja dziennika straciła zainteresowanie obwodem kaliningradzkim. Niezależnie od tego olsztyński dziennik wciąż jest jednym ze źródeł wiedzy na temat obwodu kaliningradzkiego, jego mieszkańców oraz relacji narodowościowych panujących na tym terenie. Łamy dziennika są odbiciem zarówno krajowych nastrojów politycznych, jak i relacji polsko-rosyjskich, z wyodrębnieniem relacji – woj. warmińsko-mazurskie a obwód kaliningradzki. W mniejszym stopniu, w porównaniu do okresu lat 2004–2014, jest też jednym ze sposobów promocji, możliwości współpracy gospodarczej i kulturowej wspomnianych terenów Warmii i Mazur oraz obwodu kaliningradzkiego.

Bibliografia

- BERELSON (1952): Berelson, B. (1952), Content analysis in communication research. New York.
- GRABOWSKI 2015: Grabowski, A. (2015), Wymuszali haracze na granicy, siedzą już za kratkami: Polak i Rosjanin aresztowani na trzy miesiące. W: Gazeta Olsztyńska. 83, dod. Goniec Bartoszycki. 15, 6.
- GRABOWSKI 2016: Grabowski, A. (2016), Mniej Rosjan w mieście, bo rząd zawiesił mały ruch graniczny. W: Gazeta Olsztyńska. 158, dod. Goniec Bartoszycki. 27, 4.
- GRABOWSKI 2017: Grabowski, A. (2017), Mniej zarabiają, niż wydają. W: Gazeta Olsztyńska. 231, 10.
- KARSKI 2019: KarSKI, K. (2019), Mały ruch wraca do gry. W: Gazeta Olsztyńska. 118, 9.

- w liczbach. W: <https://olsztyn.stat.gov.pl/publikacje-i-foldery/foldery/obwod-kaliningradzki-i-województwo-warminsko-mazurskie-w-liczbach-201,4,9.html> [dostęp 20.06.2019].
- WASILEWSKI 2015: Wasilewski, J. (2015), Znaleźli wspólny język: spotkanie przedsiębiorców i władz samorządowych z rosyjskimi partnerami. W: *Gazeta Olsztyńska*. 165, dod. Goniec Bartoszycki. 29, 4.
- WOJCIECHOWSKI 2015: Wojciechowski, M. (2015), Kolejny napad na Polaków w Rosji. W: *Gazeta Olsztyńska*. 77, dod. Olsztyn, 1.
- ZIELIŃSKA-SZCZEPKOWSKA/ZABIELSKA 2016: Zielińska-Szczepkowska, J./Zabielska, I. (2016), Mały ruch graniczny z Obwodem Kaliningradzkim Federacji Rosyjskiej a rozwój turystyki zakupowej. W: *Ekonomiczne Problemy Turystyki*. 3(35), 349-382.
- ŻMIJKOWSKA 2014: Żmijkowska, M. (2014), Prasa olsztyńska po 1989 roku jako źródło wiedzy o kulturze pamięci. W: *Narojczyk, K. (red.), Olsztyn jako region pamięci 1989–2013*. Olsztyn, 311-336.
- ŻMIJKOWSKA 2016: Żmijkowska, M. (2016), Problematyka kaliningradzka na łamach „Gazety Olsztyńskiej” w latach 2004–2014. W: *Zeszyty Naukowe Ostrołęckiego Towarzystwa Naukowego*. XXX, 109-122.

ШАЙЗАДА ТОХТАБАЕВА / SHAIZADA TOKHTABAYEVA

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8605-6253>

Institute of Oriental Studies named after R. B. Suleimenova

ОБРАЗ КУЗНЕЦА В ТРАДИЦИОННОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ КАЗАХОВ XIX – 1-ОЙ ПОЛ. XX ВВ.: МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

Image of a Blacksmith in the Traditional World View of Kazakhs in 19th – first Half of 20th Centuries

Ключевые слова: этнология, компаративистика, Центральная Азия, новое время, архетипы

KEY WORDS: ethnology, comparative studies, Central Asia, modern era, archetypes

АБСТРАКТ: The article analyzes the multi-faceted personality of the Kazakh blacksmith in ethnotraditional perception compared with the culture of other nations. Such parameters as birth and “magical” diversion of hereditary gift, professional etiquette and the social status of the blacksmith have been considered. The attention has been paid to such qualities of the blacksmith as spiritual self-control, lack of greed, strength and nobility of character. The mentioned is justified by the idea that the moral defects of a master can enter into conflict with his sacred activities which could lead his family to misfortune.

1

Кузнечное дело было развито по всему миру, что было неотъемлемой чертой цивилизационного развития. На территории Казахстана художественная обработка металла восходит к андроновскому периоду XVIII–VIII вв. до н.э., искусству ранних кочевников VII–V вв. до н.э., традициям средневекового периода VI–XVIII вв. (Тохтабаева 2005, 27-48). Рудокопы из казахской среды занимались разработкой металла (меди, олова золота, серебра,) и его выплавкой в XVI–XVII веков вплоть до конца XIX – нач. XX веков (Масанов 1961, 152).

Особенности ремесла по обработке металла у казахов заключаются в отсутствии цехов, что было неприемлемо в условиях кочевого образа жизни. Металлообработчики работали иногда в одном ауле, но в одиночку, передавая по наследству ремесленные навыки, а также инструментарий; мастерской им служила старая юрта. Казахский кузнец XIX в., знал соотношения металлов

для успешной плавки, мог изготавливать котлы, ковать полусабли, длинные ножи (Валиханов 1961, 464), изготавливать ювелирные украшения, сельскохозяйственный инвентарь, декоративные бляхи для декорирования предметов жилищной среды. Если в XVIII в. мастера делились на ювелиров и кузнецов, то в XIX в. эти специализации бывало совмещались в одной личности кузнеца.

Кузнечное дело, связанное с практической стороной жизни, было всегда затребовано, вплоть до 2-ой пол. XX в., т.е. до тех пор, пока бытовой металлический инвентарь не стал поставляться промышленностью.

2

Рождение дара металлообработчика отображено в многочисленных рассказах родных и близких, а также самих кузнецов (Тохтабаева 1972–1998). Избранника вначале одолевала неизлечимая болезнь, затем во сне ему неоднократно являлся предок-мастер, который вручая избраннику молоток, тиски или другие инструменты, настоятельно убеждал его заняться металлообработкой. До тех пор, пока избранник не брался за дело, болезнь его не оставляла. Необычайность творческой деятельности кузнеца проявляется и в том, что художественные озарения приходят обычно во сне. Стало быть, занятие ремеслом для «избранника» становится необходимостью, от него постоянно требуется выход творческой энергии, ниспосланной “свыше”. Описанные явления соотносятся с «рождением» шамана, что входит в контекст общемировой идеи избранничества (Штернберг 1936, 140ссл.). Согласно полевым материалам, не только шаманы, кузнецы и ювелиры, но и каждый человек должен следовать своему сущностному, чаще наследственного характера, призванию. В противном случае, как считают до сих пор казахи, отказ от своего предназначения не даст открытых дорог, жизненного везения.

3

Сложность ремесла требовала не только смекалки, знаний, но и трудолюбия, концентрации творческих усилий мастера. Мастер должен был знать свойства металлов и их соотношений для сплавов, искусно владеть техническими приемами, обладать конструктивным чутьем, быть знатоком этнических символов, хранителем местных художественных традиций и вместе с этим быть ориентатором новых эстетических ценностей. В работе кузнеца отсутствовала коллективность труда, за исключением литья пиршественных котлов. Такой характер труда способствовал изолированности, замкнутости его внутреннего мира.

Профессиональный этикет проявлялся в том, что перед работой мастер обращался к Патрону кузнечного дела с короткой молитвой и просьбой о ниспослании удачи в работе. После этого он молча прикасался к мехам либо наковальне, а затем, закрыв глаза, несколько раз гладил ладонями лицо. Этикет касался также духовного самоконтроля: ему следовало гнать от себя негативные мысли, обиду, зло, всячески изживать в себе человеческие слабости, не допускать стяжательства, так как считалось, что нравственные пороки мастера могут войти в конфликт с его сакральной деятельностью и привести его или семью к несчастью. Все это способствовало формированию сдержанности в чувствах, твердости и благородства духа. Кузнецы отличались атлетическим телосложением, прямой осанкой, твердой и неторопливой походкой, скупыми жестами и немногословием. Вместе с этим существуют противоположные примеры внешних характеристик образа кузнеца. К примеру, в древнегреческой мифологии описывается некрасивый хромоногий кузнец Гефест, что демонстрирует дуалистическое осмысление образа кузнеца в архетипическом сознании.

Каждый кузнец сообразно профессиональному этикету, старался передать свое умение потомку или ученику, в особенности, перед концом жизни. Это было обосновано представлением о греховности уйти в мир иной, не оставив свой опыт для дальнейшего развития искусства во благо людей. Такое правило строго соблюдалось еще в недавние времена в традиционной среде бытования, поскольку в противном случае следовало наказание как мастеру, так и его потомкам. Бывало, что кузнец, оставляя оборудованную мастерскую уходил в мир иной, в таком случае потомки обязаны были продолжать его дело. Тем не менее, в ходе полевых исследований (Тохтабаева 1972–1998) был выявлен ряд фактов, когда дети, посещая мастерскую, производили что-то по мелочи для поддержания, по их словам, здоровья. Однако, вступив в совершеннолетие, дети решили избрать иные профессиональные пути, согласно реалиям современного времени. Для этого им пришлось предварительно пройти через обряд отвода наследственного таланта «*аруах қайтару*». Так как предстояло свершение противоприродного ритуала, с трудом удалось найти знахарку, которая молитвами и заклинаниями смогла отвести наследственный дар за соответствующее вознаграждение. В итоге, эти инфоры, получив высшее образование, стали заниматься политикой, бизнесом, просвещением. Некоторые из них, ныне с высоким социальным положением (фамилии которых не разрешено упоминать), все-таки на досуге могут изготовить ювелирную поделку, точно определить на глаз пробу серебра и золота, что объясняют они тем, что наследственный талант, оказывается, до конца не покидает своих «избранников».

4

В осмыслении личности кузнеца традиционным мировоззрением казахов и других народов прослеживаются ряд аналогий. Связь кузнечного дела с космическим миропорядком, где наковальня соотносится с идеями неба, прослеживается у многих народов мира (Дьяконов 1990, 42). В традиции казахов кузнец ұ с т а воспринимался как личность, наделенная сверхъестественной силой, что, отчасти, определилось связью его деятельности со священным огнем (очищающей субстанцией) и железом («сакральным» металлом), осмысливавшихся в общемировом сознании древнего и средневекового периодов как субстраты, способные противодействовать зловредной нечисти (Фрезер 1980, 257; Тайлор 1989, 109). Во многих народных традициях кузнеца уважали и одновременно остерегались, ассоциируя его с колдуном (Тайлор 1989, 92), его образ сливался также с деятельностью шамана. Пиететное отношение к кузнецам, связываемых с сакральной сферой деятельности, существовало и у тюркоязычных народов Сибири; их относили к избранникам, «хранителям тайн мастерства» (Сагалаев 1990, 117). У монголов в труде «Богатырские сказания о Чингисхане», говорится о златокузнецах, создавших золотые луки и стрелы...» (Кочешков 1973, 28). У многих народов кузнец осмысливался как посредник между срединным миром людей и небесным; его образ связывался также с подземным огнем (Металл 2006, 59), что запечатлено и в древней мифологии греков (Гефест), римлян (Вулкан). Магическая сила кузнеца распространялась и на его мастерскую, инструменты, что обосновало некоторый страх у людей перед этими объектами и запрет входить без необходимости в обитель мастера. Даже после смерти кузнеца никто, за исключением потомков, не мог забрать себе инструменты из-за боязни быть наказанным, что объясняет их сохранность в мастерских, до сих пор находимых в сельских местностях.

Имеются ряды примеров (Тохтабаева 1972–1998), когда люди, вероятно, от самовнушения, излечивались от простуды, бесплодия, психического расстройства. Профиль лечения двух последних болезней, думается, соотнесён с признанием за кузнецом созидательной силы функции демиурга, устроителя вселенной, что отражено в мифологии многих народов мира. Излечивались больные, прикасаясь к «магической» наковальне, производя удары молотком. Либо кузнец с помощью мехов обдувал больного, поил его водой, вскипяченной раскаленными щипцами. Такого рода лечебные эффекты казахи объясняли синкретизмом функции шамана и кузнеца, отдавая предпочтение последнему, как более сильной личности. Следует отметить, что магической силой наделялись также железные предметы, изготовленные кузнецом; их казахи клали в качестве оберега под колыбель, у порога, во время ухода из дома,

а также рядом с роженицей для благополучного разрешения от бремени. Такие же представления прослеживаются в традициях якутов, тувинцев, дагестанцев (Саввинов 2001, 82; Вайнштейн 1974, 82; Гаджиев 1991, 62, 66) и других народов мира (Дьяконов 1990, 42).

5

Социально-экономический аспект в жизнедеятельности кузнеца у казахов, как и у якутов (Саввинов 2001, 75) отличался своеобразием. Кузнецы, обладавшие неким ореолом таинственности, чудодейственной силой, согласно традиционному мировоззрению, были уважаемы среди соплеменников. В период боевых действий кузнец изготавливал оружие (доспехи, полусабли, длинные ножи) безвозмездно. Этим он вносил свою лепту в защиту своего рода-племени, поскольку его старались не брать на войну, оберегая его жизнь. В XIX в. среди общин оседло-земледельческих районов Казахстана кузнецы, изготавливавшие сельскохозяйственный инвентарь, освобождались от ежегодных работ, получая с каждого хозяйства по 1–1,5 пуда зерновых (Казахи 1995, 41). Значимость мастеров в сознании казахов отражена также в мемориальном зодчестве XIX в.: на поминальных каменных стелах усопших кузнецов имеются изображения инструментов, необходимых, как объясняют информеры, для работы мастера в ином мире (Левшин 2009, 341).

Казахские кузнецы, как и поэты, шаманы, проявляли некоторое равнодушие к своему материальному статусу. Это было обосновано уверенностью в постоянном заработке, творческой увлеченностью, а также некоторой благодарностью к Всевышнему за дар. Вместе с тем такие черты выгодно позиционировали мастера в среде сородичей, поддерживая ими же приписанный ему имидж «необычного» человека. Обычно кузнец не оговаривал размер вознаграждения, что входило, как и его поведенческий стиль, в этикетную канву. Однако, заказчик старался по достоинству оплатить работу из-за уважения и некоторого страха перед мастером, которого боялись обидеть, а с другой – в результате образно-эмоционального осмысления казахами некоторых высокохудожественных произведений, относимых к сакральным предметам.

Очевидно, такое пиететное осмысление народом «таинственного» образа кузнеца, обосновало тот факт, что он далеко в недостаточной мере запечатлен в казахском фольклоре. Можно сказать, что некая боязнь перед этой личностью сыграла роль своего рода препоны в отображении мастера в устном народном творчестве. Приведём лишь некоторые имеющиеся данные из фольклора. К примеру, кузнец *уста* упоминается лишь в одном казахском эпосе (Ер Таргын 1958, 165), фигурирует он также в некоторых пословицах:

«Қолың ұста болсын, сөзің қысқа болсын» («Пусть руки будут умелыми, а слова краткими»), а также поговорок: «Ұста пышаққа жарымас («Кузнец без ножа») типа «сапожник без сапог») и фразеологизмы: «Ұстаның қолы көпке ортақ» («Руками кузнеца пользуются все»).

Таким образом, резюмируя изложенное, можно полагать, что казахский кузнец, отличающийся многогранностью внутренних характеристик, приобрел в традиционном сознании казахского народа статус загадочной высокопочитаемой личности, наделенной силой духа и способностью к магическим действиям. Пиететное осмысление образа кузнеца, деятельность которого связана с сакральными священным огнем и железом, свойственно многим народам мира. Его продукция: орудия труда, конское снаряжение, боевое оружие и другие изделия, часто воспринимаемые как священные предметы, были жизненно важны. Такого рода осмысление личности мастера в свою очередь мотивировало стиль его этикетной линии (сдержанность, отсутствие стяжательства), что выгодно позиционировало его среди других. В целом, окружающая среда многие характеристики в образе кузнеца трактовала как мистические, чудодейственные, что связано с архетипическими представлениями, восходящих к древнейшим периодам. Коллективное сознание людей прошлых времен, начиная со времени появления зачатков металлургии, воздвигло личность кузнеца в архетип, что и объясняет параллелизм в смысловом наполнении рассмотренного образа в таком широком пространственном диапазоне.

В прошлом преемственность наследственного ремесла была обязательной, очевидно, не только из-за экономических соображений, а также страха быть наказанным свыше Патроном, но, вероятно, из-за и получаемого эмоционального удовлетворения. Созидательный мыслительный процесс, чувство творческого озарения – все это аккумулировалось в сознании мастера и передавалось потомкам в виде наглядного примера, а возможно и на генетическом уровне. Это и объясняет тот факт, что современные потомки, отказавшись от кузнечной ремесленности, стали заниматься другой профессиональной деятельностью. Однако, многие из них сих пор чувствуют непреодолимое притяжение к металлопроизводству.

Библиография

- АРГЫНБАЕВ 1969: Argynbayev, Kh. (1969), Kazakhtyn er-turman zhabdyktary. Kazakhstan v XV–XVIII vekah. Alma-Ata. [Аргынбаев, Х. (1969), Казактын ер-турман жабдыктары. Казахстан в XV–XVIII веках. Алматы.]
- АХМЕТЖАНОВ 1996: Akhmetzhanov, K. S. (1996), Zharagan temir kigender. Bатырлардын кару-zharagy, askeri oneri, salt-dasturleri. Almaty. [Ахметжанов, К. С. (1996), Жараган темір кигендер. Батырлардын кару-жарагы, аскери онери, салт-дастурлери. Алматы.]

- Байбурин 1981: Bayburin, A. K. (1981), Semioticheskiy status veshchey i mofologiya. Material'naya kul'tura i mifologiya. Leningrad. [Байбурин, А. К. (1981), Семиотический статус вещей и мифология. Ленинград.]
- ВАЙНШТЕЙН 1961: Vaynshteyn, S. I. (1961), Istoriya narodnogo iskusstva Tuvy. Moskva. [Вайнштейн, С. И. (1961), История народного искусства Тувы. Москва.]
- ВАЛИХАНОВ 1961: Valikhanov, Ch. Ch. (1961), Sobraniye sochineniy v pyati tomakh. T. 1. Alma-Ata. [Валиханов, Ч. Ч. (1961), Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. Алма-Ата.]
- ГАДЖИЕВ 1991: Gadzhiev, G. A. (1991), Doislamskiye verovaniya i obryady narodov Nagornogo Dagestana. Moskva. [Гаджиев, Г. А. (1991), Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. Москва.]
- Дьяконов 1990: D'yakonov, I. M. (1990), Arkhaicheskiye mify Vostoka i Zapada. Moskva. [Дьяконов, И. М. (1990), Архаические мифы Востока и Запада. Москва.]
- ЕР ТАРГЫН. 1958: Yer Targyn (1958), Kazakhskiy epos. Per. S. Lipkina. Alma-Ata. [Ер Таргын (1958), Казахский эпос. Пер. С. Липкина. Алма-Ата.]
- КАЗАХИ 1995: Kazakhi (1995), Istoriko-etnograficheskoye issledovaniye. Almaty. [Казахи (1995), Историко-этнографическое исследование. Алматы.]
- КОШЕЧКОВ 1973: Kocheshkov, N. V. (1973), Narodnoye iskusstvo mongolov. Moskva. [Кошечков, Н. В. (1973), Народное искусство монголов. Москва.]
- ЛЕВИ-СТРОСС 2001: Lévi-Strauss, C. (2001), Strukturnaya antropologiya. Moskva. [Леви-Стросс, К. (2001), Структурная антропология. Москва.]
- ЛЕВШИН 2009: Levshin, A. I. (2009), Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaysatskikh, ord i stepey. Almaty. [Левшин, А. И. (2009), Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы.]
- ЛОТМАН 2002: Lotman, Y. M. (2002), Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva. Sankt-Peterburg. [Лотман, Ю.М. (2002), Статьи по семиотике культуры и искусства. Санкт-Петербург.]
- МАСАНОВ 1961: Masanov, E. (1961), Kuznechnyye i yuvelirnyye remesla v kazakhskom aule. Alma-Ata. [Масанов, Э. (1961), Кузнечные и ювелирные ремесла в казахском ауле. Алма-Ата.]
- МЕТАЛЛ 2006: Metall. Mnogolikaya planeta. (2006), Moskva. [Металл. Многоликая планета (2006). Москва.]
- САВВИНОВ 2001: Savvinov, A. I. (2001), Traditsionnyye metallicheskiye ukrasheniya yakutov XIX – nachalo XX veka. Novosibirsk. [Саввинов, А. И. (2001), Традиционные металлические украшения якутов XIX – начало XX века. Новосибирск.]
- САГАЛАЕВ 1990: Sagalaev, A. M. (1990), Traditsionnoye mirovozzreniye tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Znak i ritual. Novosibirsk. [Сагалаев, А. М. (1990), Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск.]
- ТАЙЛОР 1989: Taylor, E. B. (1989), Pervobytnaya kul'tura. Moskva. [Тайлор, Э. Б. (1989), Первобытная культура. Москва.]
- ТОХТАБАЕВА 2005: Tokhtabayeva, Sh. Zh. (2005), Serebryanuy put' kazakhskikh masterov. Almaty. [Тохтабаева, Ш. Ж. (2005), Серебряный путь казахских мастеров. Алматы.]
- ТОХТАБАЕВА: Tokhtabayeva, Sh. Zh. Polevyye materialy (nablyudeniye, besedy, fotografirovaniye) avtora (1972–1973) v Vostochnom Kazakhstane, (1974–1975) v Centralnom Kazakhstane, (1967) v Severnom Kazakhstane, (1987–1988) v Zapadnom Kazakhstane, (1998) v Yujnom Kazakhstane. [Тохтабаева, Ш. Ж. Полевые материалы (наблюдение, беседы, фотографирование) автора (1972–1973) в Восточном Казахстане, (1974–1975) в Центральном Казахстане, (1976) в Северном Казахстане, (1987–1988) в Западном Казахстане, (1998) в Южном Казахстане.]
- ФРЕЗЕР 1980: Frezer, Dzh. Dzh. (1980), Zolotaya vetv'. Issledovaniye magii i religii. Moskva. [Фрезер, Дж. Дж. (1980) Золотая ветвь. Исследование магии и религии. Москва.]
- ШТЕРНБЕРГ 1936: Shternberg, L. Ya. (1936), Izbrannichestvo v religii. Pervobytnaya religiya v svete etnografii. Leningrad. [Штернберг, Л. Я. (1936), Избранничество в религии. Первобытная религия в свете этнографии. Ленинград.]

JĘZYK

ALEKSANDER KIKLEWICZ

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6140-6368>

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

ПОЛЬСКАЯ И РУССКАЯ ШКОЛЫ КУЛЬТУРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ ПОДХОДОВ

Polish and Russian School of Cultural Linguistics: Similarity and Differences of Approaches

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: культурная лингвистика, антропологическая лингвистика, этнолингвистика, языковой vs культурный детерминизм, эвристическая функция языка, языковая картина мира

KEYWORDS: cultural linguistics, anthropological linguistics, ethnolinguistics, language vs cultural determinism, heuristic function of language, language world view

АБСТРАКТ: The author reviews contemporary cultural linguistics (as one of the fields of anthropological linguistics) in two Slavic countries: Poland and Russia. The first part of the article discusses the general theoretical foundations of cultural linguistics, as well as the circumstances in which it was established in Poland and Russia (USSR). In the second part, the author discusses the distinguishing features of both linguistic traditions. So he writes that in Russia, researchers are more interested in linguoculturology, in particular in the description of concepts and the so-called conceptsphere. In Poland there is a stronger tradition of researching folk culture, folk psychology and folk language, for this reason the methodology of Polish research is based to a greater extent on empirical procedures, such as field research and surveys.

1. Введение

Основы современной культурной лингвистики были заложены в работах немецкой психологической школы второй половины XIX века (К. Бругмана, О. Шрадера, Х. Штейнталя, В. Вундта, Э. Касирера), которая – в свою очередь – сформировалась на фундаменте философских и лингвофилософских теорий эпохи Просвещения (особенно И. Гердера) и эпохи романтизма (в первую очередь В. фон Гумбольдта). У истоков этих теорий лежали идеи реализма, релятивизма и языкового активизма (подробнее см.: Chruszczewski 2011, 17),

а также эмпирические исследования в области (новой для того времени) полевой лингвистики (англ. *field linguistics*), в частности, диалектологии. Свой вклад в развитие данного направления внесли также славянские ученые. В Восточной Европе этому способствовали публикации И. И. Срезневского, Ф. И. Буслаева, П. А. Лавровского, Д. Н. Овсяннико-Куликовского и особенно А. А. Потебни как ведущего представителя харьковской лингвистической школы. Во второй половине XIX века и начале XX века в Польше также сформировалась традиция антропологической лингвистики (с сильным этнографическим и психологическим уклоном); к ее представителям относят А. А. Крыньского, Я. Лося, Я. Розвадовского, В. Пожезиньского, К. Нича, Л. Малиновского, А. Гавроньского, М. Рудницкого, Г. Улашина, С. Шобера и др. Антропологическое направление в Польше было настолько сильным, что значительно повлияло на рецепцию структурализма, который встретил резкую критику и никогда не стал таким заметным явлением, как в СССР или соседней Чехии (подробнее об этом: Kiklewicz 2002, 276 и др.; 2013, 243 и др.).

Обращение к двум школам культурной лингвистики: польской и русской, – имеет под собой два основания. Во-первых, это – научная деятельность И. А. Бодуэна де Куртенэ и Н. В. Крушевского – поляков, которые значительное время работали в российских университетах и одновременно представляли две школы, при том что работы обоих языковедов, по мнению авторитетного исследователя К. Нича, «в польской лингвистике стоят особняком» (Nitsch 1960, 262).

Во-вторых, Польша и Россия – две славянские страны, в которых культурная лингвистика получила наибольшее развитие. Это подтверждает электронная библиографическая база iSybislaw Института славистики Польской академии наук (<http://www.isybislaw.ispan.waw.pl>): наибольшее количество документов (монографий, статей в сборниках и журналах), соответствующих ключевому слову *lingwistyka kulturowa* (культурная лингвистика) представлено на польском и русском языках. Интерес к проблематике культурной и, шире, антропологической лингвистики проявляется не только в количестве публикаций, но также в тематике научных конференций и проектов, диссертаций, в грантовой политике, тематическом перепрофилировании университетских программ. Нельзя утверждать, что это направление имеет доминирующий характер (см. Kiklewicz 2015, 40), однако оно все более заметно в ключевых научных дискурсах и в их ключевых позициях. Например, один из пленарных докладов, открывающих XVI Международный съезд славистов в Белграде (в августе 2018 года) был прочитан Е. Бартминьским, ведущим польским представителем этнолингвистики, а тема доклада была: «Язык в контексте культуры».

В первой части статьи культурная лингвистика будет рассмотрена в системе современного лингвистического знания, в первую очередь – в ее отношении

к антропологической парадигме, а во второй части будут описаны различные характеристики польской и русской версий данного лингвистического направления.

2. Культурная лингвистика как научная дисциплина

Польская и русская традиции культурной лингвистики имеют общее основание – функциональный подход к языку как продукту социальной и познавательной деятельности, осуществляемой в рамках определенного культурного сообщества. В таком подходе можно видеть наследие теории лингвистического натурализма (биологизма): зависимость от среды считается свойством живых или адаптационных систем – в отличие от неживых (см. Гофман-Кадошников 1984, 325; Арнольд 1991, 119).

Адаптивный характер языка наиболее очевиден в его «народной» версии: при этом культурный фактор языкового поведения наиболее материализован (в виде уклада жизни, ритуальных действий, обрядов и т.д.). Я. Анусевич (Anusiewicz 1994, 11) отмечал, что этнолингвистика занимается прежде всего исследованием нелитературных форм существования языка. Подтверждением этому является многотомный «Словарь народных стереотипов и символов» („Słownik stereotypów i symboli ludowych”), издаваемый в Люблинском университете.

Функциональный подход обычно рассматривается в оппозиции к структурному, алгоритмическому языкознанию, которое трактует язык как замкнутую, номотетическую систему. В действительности же эта оппозиция имеет относительный характер. Оба направления: функционализм (в частности, культурализм) и структурализм, – объединяет идея эмергентизма. Постулат, согласно которому целое не тождественно сумме частей, способ или тип конфигурации которых создает новые значимости, имеет фундаментальное значения для структурного анализа (см. Лотман/Успенский 1971, 151; Миллер 1972, 38; Szymańska 1980, 3). Подобно тому, как структурализм, по утверждению Ц. Рувинского (Rówiński 1984, 292), «всегда стремится к представлению объекта как целого», культурализм опирается на предпосылку об эмергентном характере культуры, которая не сводится к сумме отдельных картин мира или типов поведения (ср. концепцию эмергентного культурного познания, англ. *emergent cultural cognition*: Sharafian 2008, 109 и др.; 2016, 36). Такой характер в широко известной концепции Э. Дюркгейма имеют «социальные факты»:

Коллективная привычка существует не только как нечто имманентное ряду определяемых ею действий, но по привилегии, не встречаемой нами в области

биологической, она выражается раз навсегда в какой-нибудь формуле, повторяющейся из уст в уста, передающейся воспитанием, закрепляющейся даже письменно. Таковы происхождение и природа юридических и нравственных правил, народных афоризмов и преданий, догматов веры, [...] кодексов вкуса, устанавливаемых литературными школами и пр. Существование всех их не исчерпывается целиком одними применениями их в жизни отдельных лиц, так как они могут существовать и не будучи действительно применяемы (Дюркгейм 1996, 313-314).

Идея эмергентизма реализуется также в понятии культурного программирования человеческого поведения: культуре свойствен определенный детерминизм, в частности, воздействие на содержание первичных и вторичных знаковых (символических) систем.

Известная польская исследовательница А. Домбровская (Dąbrowska 2004-2005, 141) пишет, что культурная лингвистика, предметом которой является изучение отношений между языком и культурой, относится к более общему направлению исследований языка с учетом его в з а м о д е й с т в и я с в н е ш н и м и ф а к т о р а м и (что определяется такими терминами, как интеракционизм или коннексионизм). При этом Домбровская подчеркивает необходимость различать антропологическую и культурную лингвистику: предметная область первой дисциплины шире и охватывает такие аспекты, как физическая среда обитания языкового сообщества (см. понятие англ. *physical anthropology*), уклад жизни (включая ритуалы и обряды), система социальных отношений, биологические (в частности, расовые) и психологические характеристики (например, когнитивные стили, типы темперамента) и др. (подробнее см.: Manelis Klein 2006, 296). Т р а д и ц и я а н т р о п о л о г и ч е с к о й л и н г в и с т и к и с ф о р м и р о в а л а с ь н а б а з е изучения бесписьменных, некодифицированных языков, которые обслуживают сферу ежедневных, частных межличностных отношений (так называемую естественную коммуникацию) и не подвержены или мало подвержены влиянию городской, индустриальной и официальной (элитарной) культуры. Считается, что именно такая среда имеет наиболее естественный характер и лежит у истоков формирования человеческого рода и человеческого языка. В литературе можно встретить также мнение, что антропологическая лингвистика принципиально не ограничивается рамками культурных (в частности, этнических) сообществ, поскольку некоторые (получающие отражение в языке) формы человеческого знания и поведения имеют универсальный характер (Zaniewski и др. 2016, 158).

Такой, широкий взгляд на природу языковых явлений представлен в лингвистическом наследии И. А. Бодуэна де Куртенэ. С одной стороны, он писал:

Первым, кардинальным требованием объективного исследования должно быть признано убеждение в безусловной психичности (психологичности) и социальной (социологичности) человеческой речи (1963/2, 17).

Бодуэн утверждал, что в языке аккумулируется многовековой познавательный опыт народа, и в этом смысле он является источником «особого знания» (цит. по: Skarżyński 2016, 166), которое необходимо учитывать в исследованиях в области антропологии, этнологии и социальной психологии. Например, сопоставительное изучение лексики, по мнению Бодуэна, позволяет делать выводы о взаимодействии разных культурных сообществ и их истории.

В то же время ученый высказывался против одно-однозначного толкования отношения между языком и культурой. Он писал, что каждое культурное сообщество подвержено внешним влияниям, в результате чего каждая культура носит смешанный характер, что отражается и в языке, а именно – в сосуществовании собственных, исконных и заимствованных элементов (см: Skarżyński 2016, 181). Это обстоятельство затрудняет лингвистическую реконструкцию культуры.

Бодуэн, однако, не ограничивался указанием на культурный фактор формирования и функционирования языка – значительное внимание он уделял также, а может быть, в первую очередь биологическому фактору, который, по его мнению, сыграл решающую роль в эволюции фонетических систем. Ученый писал, что обнаруживаемая в филогенезе языка тенденция к перемещению фокуса звукопроизводства из полости гортани в полость рта, особенно к ее передней части, объясняется прямохождением (Бодуэн де Куртенэ 1963/1, 211; 1963/2, 118 и др.; Skarżyński 2016, 148 и др.).

В представлении Г. Палмера (Palmer 1996, 5 и др.) культурная лингвистика имеет несколько составляющих: у ее истоков лежит антропоцентрическая теория Ф. Боаса, которая позднее нашла продолжение в этносемантике – в России к этому направлению можно, например, отнести концепцию лексического фона Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова (1980). Третьей составляющей является разработанная Д. Хаймсом и Дж. Гумперзом этнография речи. Для данного направления характерна установка на специфические, культурно обусловленные параметры коммуникативного поведения, т.е. прагматический аспект отношения между языком и культурой. К этнографии речи примыкают более поздние направления: межкультурная прагматика в версии А. Вежбицкой (Wierzbicka 1991), этнопрагматика в версии К. Годдарда (Godard 2004), микросоциоллингвистика и др.

С учетом приведенной выше информации можно представить следующую иерархию понятий:

Трудность решения так поставленной задачи состоит прежде всего в отсутствии необходимых инструментов: интерпретацию человеческого поведения со ссылкой на языковой фактор всегда можно оспорить, аргументируя, что люди говорят так-то и так-то, потому что так-то и так-то думают. Может быть, поэтому во второй половине XX века эвристический подход к языку уступил место концепции культурного детерминизма, у истоков которой стоял Ф. Боас. В этом случае мы имеем дело со слабой версией этнолингвистики, когда принимается постулат о культурной мотивации языковой системы и речевого поведения: язык трактуется как «средство закрепления этнического мировидения» (Журавлев 1995, 9). Идея о том, что язык и культурная среда неразделимы, а культурный опыт отражается в языке и других символических системах, лежит в основе методического культурализма (или конструктивизма) (нем. *der Methodische Kulturalismus*) – направления исследований Марбургской школы (см. Рыльцева 2008, 146 и др.). В том же духе основатель современной польской культурной лингвистики Я. Анусевич писал о языке как резервуаре культуры (Anusiewicz 1994, 10).

Из постулата «об изоморфности культуры и языка и применимости к культурным объектам тех методов и способов изучения материала, которые выработаны в современной лингвистике» (Журавлев 1995, 10), естественно вытекает идея лингвистической реконструкции культуры (см. Grzegorzczukowa 2014, 129). Поскольку языковые знаки, как пишет М. Л. Ковшова (2013, 34), несут культурную информацию (по принципу: «Если *x* как представитель культурного сообщества знает значение слова, он знает о референте слова нечто дополнительно к этому благодаря общему коллективному опыту»), лингвистический анализ наиболее устойчивых единиц, например, фразеологизмов, способен раскрыть, по выражению В. М. Мокиенко (2001, 6), их «общекультурный фон». Таким образом, единицы основного словарного запаса, их устойчивые сочетания, а также «прецедентные» тексты (поговорки, афоризмы, молитвы, песни, тосты, речевки, анекдоты и др.) трактуются этнолингвистами как формы репрезентации и инструменты реконструкции специфического для каждого сообщества культурного кода. Своим историческим содержанием этнолингвистика, по мнению Толстого (1995, 26), отличается от социолингвистики, изучающей функционирование современных языков (хотя следует отметить, что некоторые методы, например, полевые исследования, были заимствованы у социолингвистов).

Общие рассуждения о влиянии культуры на язык можно конкретизировать, используя три параметра: 1) фактор (или эффектор); 2) область приложения; 3) рецептор (или область отражения). С учетом того, что каждая из этих категорий (своего рода переменных) представлена несколькими значениями, общую картину взаимодействия можно представить в виде следующей схемы.

ФАКТОР		ОБЛАСТЬ ПРИЛОЖЕНИЯ		ОБЛАСТЬ ОТРАЖЕНИЯ
Физический (экологический)		Универсальный		Форма
Биологический		Этнический		Комбинаторика
Социо- культурный		Субэтнический (социальный)		Семантика
Познавательный		Индивидуальный		Прагматика

На схеме представлены четыре основных категории факторов: физический, биологический, социо-культурный (поведенческий) и познавательный. Из них только два последних имеют отношение к культуре, хотя два первых фактора важны при более широком, антропологическом подходе. Четыре области приложения – некоторая условность, так как понятно, что возможна и более детальная спецификация. Субэтнический уровень означает разного рода социальные группы – по региональному, классовому, национальному, профессиональному, половому, возрастному признаку и т.д. Наконец, что касается областей отражения, здесь выделены четыре фундаментальные категории языка: форма, комбинаторика (сочетаемость, синтаксис), семантика и прагматика. Важно учитывать, что воздействию внешних факторов подвержен не только план содержания языковых единиц, но также план выражения. Существуют, например, социально приемлемые и неприемлемые формы языкового поведения (Белл 1980, 50), а социальная дифференциация плана выражения языковых единиц традиционно считается одним из главных предметов социолингвистики (Яворская 1992, 41).

Все категории на схеме соединены линиями. Они означают направление обусловленности. Схема позволяет исчислить 64 возможных комбинаций, т.е. типов обусловленности. Их можно представить в виду списка символов: ФУФ, ФУК, ФУС, ФУП, ФЭФ, ФЭК, ФЭС, ФЭП ... ССФ, ССК, ССС, ССП, СИФ, СИК, СТС, СТП ... ПСФ, ПСК, ПСС, ПСП и т.д. Например, формула СЭП означает <социо-культурный фактор на этническом уровне воздействует на прагматику языка>, формула ПИС <познавательный фактор на индивидуальном уровне воздействует на семантику языка>, формула БУФ <биологический фактор на универсальном уровне воздействует на форму языка> и т.д.

В научной литературе описаны только некоторые из этих типов. Наиболее часто предметом исследования становится влияние социального фактора на речевое поведение и влияние познавательного фактора на языковое содержание. При этом следует отметить тенденцию, которая наблюдается и в польских, и в русских исследованиях: узкое понимание культуры как коллективного знания. М. Л. Ковшова определяет культуру

как пространство культурных смыслов, или ценностного содержания, вырабатываемого человеком в процессе миропонимания, и кодов, или вторичных знаковых систем, в которых используются разные материальные и формальные средства для означивания культурных смыслов (Ковшова 2013, 70).

Подобным же образом Домбровская видит задачу культурной лингвистики в использование языковых данных для описания культурно программируемого восприятия мира (Dąbrowska 2004-2005, 141), хотя еще более радикальную, вербоцентрическую точку зрения высказал известный французский социолог культуры А. Моль: «Культура – это, в сущности, огромное множество сообщений» (1973, 126). Мнение, что культура сводится к репрезентирующим человеческую деятельность знаковым системам и без них не мыслится, разделяет и П. Хрущевский: в его определении культура – это динамическая и изменчивая система знаний, хотя польский исследователь принимает во внимания и социальные факторы ее формирования: знания обусловлены выработанными сообществом моделями поведения и социальной практикой (Chruszczewski 2011, 16). Действительно, без социального, интерактивного компонента дефиниция культуры лишена смысла, а когнитивно-семантический аспект проблемы «язык – культура» является только одним из нескольких аспектов (см. Manelis Klein 2006, 296). Напомню, что Сепир определял культуру «как то, что данное общество делает и думает», добавляя: «Язык же есть то, как думают» (1993, 193).

Сложный, многомерный характер культуры проявляется в диверсификации исследований. В связи с этим можно упомянуть две выделенные С. Холлом (Hall 1980, 60 и др.) парадигмы культурологических исследований: первая имеет рефлексивный, идеологический характер, вторая ставит акцент на социальных практиках. Обе парадигмы интегрируются при функциональном подходе к культуре (см. Malinowski 2000a; 2000b) как системе социальных институтов, упорядоченных в соответствии с необходимостью удовлетворения человеческих потребностей (на разных уровнях организации общества), а также соответствующих им ментальных форм репрезентации внешней действительности, инструментов и продуктов деятельности (артефактов). Такой подход декларируется, например, авторами «Белостокского манифеста» (см. Zaniewski и др. 2016, 164), которые в качестве воздействующего на языковую систему фактора принимают во внимание не только духовную, но и материальную культуру. Например, по их утверждению, мануфактурная и промышленная продукция в Европе (особенно в Англии и Шотландии в XVIII–XIX вв.) обусловила необходимость создания обширных технических терминологий, в частности, систем составных терминов. Кроме того авторы отмечают роль перехода к городской культуре, который обусловил процессы специализации и социальной дифференциации лексики.

Семантические процессы в языке и речевом поведении необязательно представляют собой непосредственное отражение коллективного знания – у их истоков могут лежать другие, в частности, социальные мотивы. Например, социологи пишут о нарастании идеологической и политической поляризации как тенденции, которая наблюдается в последние десятилетия также в странах Восточной Европы и Польше (Sartory 1976; Hazan/Reuven 1995; Garand 2010; Finseraas 2010 и др.). Это явление находит отражение в языковой коммуникации, а именно – языковой агрессии, реализуемой посредством экспрессивно и оценочно окрашенной лексики, включая вульгаризмы. Богатый материал этого рода представлен в статье Е. М. Верещагина (Vereščagin 2002).

3. Польская и русская версии культурной лингвистики: различия

Современное лингвокультурологическое направление в славянских странах распространилось в 70-е и особенно 80-е года прошлого века. На его развитие в Польше и России (СССР) повлияли, однако, несколько разные обстоятельства. В СССР этнолингвистика (с ее апелляцией к народному языку) воспринималась как альтернатива для структурализма, который в значительной степени сформировался в контексте элитарной модернистской культуры (Kiklewicz 2012, 32). Н. И. Толстой (1995, 25) открыто противопоставлял этнолингвистику общей семиотике, в основе которой лежит структурализм Ф. де Соссюра. С другой стороны, этнолингвистика в целом соответствовала марксистскому языкознанию и прежде всего его тезису о социальной природе языка, хотя О. А. Радченко (2004, 93 и др.) усматривает в отношении между марксистским (универсалистским, по его определению) и идиоэтническим подходом антагонизм. В польском языкознании 70–80-х годов не было такого сильного антагонистического мотива: культурализм vs структурализм – может быть, потому, что структурализм, как уже указывалось во Введении, не представлял в Польше такого заметного явления, как в СССР.

Несмотря на общие теоретические предпосылки, польская и русская традиции культурной лингвистики и этнолингвистики различаются рядом важных характеристик. Прежде всего следует указать на различие понятийной категоризации тематического поля «язык и культура». Каждое научное сообщество выработало собственные способы профилирования этой проблемы. Само направление исследований в славянских странах относительно редко определяется как *культурная лингвистика* – в базе iSybislav имеется по 49 документов с таким ключевым словом на польском и русском языках. Намного чаще употребляются альтернативные термины: *лингвокультуроло-*

логия и этнолингвистика (хотя, как уже отмечалось в предыдущем разделе, их нельзя считать полными синонимами). Первый термин намного чаще встречается в работах русских ученых: так в базе e-library.ru отмечено 2259 документов с ключевым словом *лингвокультурология* и только 803 документа с ключевым словом *этнолингвистика*. В базе iSybislav, напротив, отмечено 103 польских документа с ключевым словом *etnolingwistyka* и ни одного документа с ключевым словом *lingwokulturologia*. Российские ученые, кроме того, довольно активно пользуются также производным термином *лингвокультура*, который в польском научном обиходе не принят.

Другое различие касается базовых категорий языковой картины мира (или лингвокультуры). В России такой базовой категорией считается *концепт* как специфическая для данного культурного сообщества форма интеграции разного рода информации о объектах – референтах знаков. Польские исследователи преимущественно обращаются к понятию *стереотипа*, имея в виду наиболее общие, устойчивые (подтвержденные контекстами) коннотации лексических значений. В базе iSybislav имеется 73 документа на русском языке с ключевым словом *концепт* и только 14 документов со словом *стереотип*. В документах на польском языке обнаруживается обратная пропорция: *koncept* – 28, *stereotyp* – 158. В русских публикациях стереотипы, главным образом, определяются применительно к формам культурно маркированного поведения (см. Байбурин 1985).

И. В. Зыкова (2017, 105) к ключевым единицам метаязыка лингвокультурологии относит также *концептосферу*, которая понимается как совокупность концептов, обладающих понятийным, образным и ценностным содержанием. В базе e-library.ru упоминается 10587 публикаций с этим ключевым словом. В польских публикациях этот термин практически не встречается (за исключением редких публикаций русистов).

Различаются отдельные направления лингвокультурологических исследований. В России, например, востребована проблематика *языковой личности*, которая, вслед за Ю. Н. Карауловым, понимается как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью» (1989, 3). В Польше это понятие встречается только в работах немногих русистов. Польские термины *język osobniczy*, *idiolekt*, *idiostyl* употребляются в социолингвистике и стилистике и касаются, главным образом, формальных особенностей языка писателей (см. Brzeziński 1988).

Польская версия этносемантики касается главным образом *языковой картины мира*. Следует отметить, что существует также концепция *текстовой картины мира*, автором которой является Войцех Кайтох (Kajtoch 2008, 14 и др.).

Это понятие, однако, намного чаще встречается в русской литературе. В частности, оно активно разрабатывается в рамках имагологии, которая в Польше представлена значительно скромнее. Если в польской базе POL-Index отмечено только 33 публикации с ключевым словом *imagologia*, то в российской базе e-library.ru отмечено 1030 таких публикаций. В России, в Томском университете, с 2014 года издается научный журнал «Имагология и компаративистика». При этом различаются понятия *имагология* и *имиджология*: первое направление занимается изучением образов (или, другими словами, культурных концептов) в художественном сознании (см. Рябчикова 2018), а второе – использованием образом в процессах социальной коммуникации, в частности, в таких сферах, как политика, реклама, массовая коммуникация, *public relations* и др. (см. Почепцов 2000; Бережная/Васякин 2016).

Современная польская традиция этнолингвистики в определенной степени сформировалась под влиянием американской когнитивной семантики, в частности, работ таких ученых, как Дж. Лакофф или Р. Лангакер. К исследованиям были привлечены базовые понятия американской когнитологии: идеализированная когнитивная модель (англ. *idealized cognitive model*), когнитивная база, домен, профиль, фасета и др. (см. Bartmiński/Niebrzegowska 1998). В русских исследованиях, особенно если их предметом является историческая реконструкция народной культуры, когнитологический инструментарий принципиально отсутствует, и это естественно с учетом того, что предметом когнитивной лингвистики, как пишет А. А. Камалова (2008, 22), является «речевая деятельность людей, т.е. реальные процессы порождения и понимания текстов».

Впрочем, нельзя утверждать, что русские лингвокультурологические публикации вовсе лишены связи с когнитивной наукой, однако такого рода декларации имеют преимущественно спекулятивный характер. Например, в часто цитируемой монографии В. А. Масловой (2004) практически отсутствуют ссылки на работы западных специалистов, а когнитивное (по сути псевдокогнитивное) исследование текстов сводится к анализу семантических коннотаций отдельных лексем. В подобном ключе написана монография казахстанских авторов: Ахметжанова/Мусатаева 2013.

В польской традиции более разработан эмпирический компонент. К источникам этнолингвистической информации Е. Бартминьский (Bartmiński 1998, 66) относит не только систему языка, высказывания, тексты и языковую интуицию, но также анкетирование. Один первых опытов такого рода описания этнических стереотипов был предпринят К. Писарковой (Pisarkowa 1994), а признанным авторитетом в этой области является М. Фляйшер (Fleischer 1997). Наиболее регулярно анкетирование применяется в аксиологических исследованиях (Bartmiński/Grzeszczak 2014, 29). В России эмпирический компонент, главным образом, реализуется в полевых

исследованиях, у которых, однако, другая задача: изыскание материала, который мог бы использоваться для исторической реконструкции. Кроме того следует отметить, что полевые исследования, особенно в последнее время, все менее популярны – предпочтение отдается менее трудоемким процедурам, например, дистрибутивному анализу лексических единиц, который служит основой для конструирования разного рода концептов и концептосфер.

В польской версии культурной лингвистики больше внимания уделяется аксиологической составляющей (что подтверждают данные библиографической базы iSybislav). Польская концепция этнолингвистики предусматривает субъективный характер отражения мира, что проявляется в оценочной семантике как важнейшем элементе коннотативного содержания знаков. Канон ценностей составляет фундамент языковой картины мира. Теоретические основы аксиолингвистики разработаны в работах Я. Пузыниной, которая считается общепризнанным авторитетом в этой области. Исследователи люблинской группы работают над составлением польского аксиологического словаря (Bartmiński/Grzeszczak 2014, 24).

В России также исследуются ценностные концепты (например, в работах С. Г. Воркачева), однако интерес к этой проблематике относительно слабый, что подтверждают данные базы e-library: из 36698 публикаций с тегом «языкознание» только 24 (0,06%) соответствуют поисковому слову *ценность*. В русской литературе более разработана семантическая категория оценки («ценность» и «оценка» – близкие, но не тождественные понятия), см. монографии Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюновой, Л. Ю. Иванова и др. В теоретическом аспекте эти исследования, однако, обнаруживают мало общего с культурной лингвистикой — они относятся к области интенциональной (и отчасти модальной) семантики, ср. высказывание Арутюновой: «Концепт оценки построен на представлении о количестве» (1988, 19).

Особенностью русской этнолингвистики является широкое понимание этой дисциплины, выходящее за границы собственно лингвистической проблематики, т.е. изучения языковых форм. Во многих случаях за фасадом этнолингвистики скрывается антропология повседневности или же этнография, например, исследование региональных культур – лингвистический компонент таких исследований вторичен. Например, трудно усмотреть лингвистическую проблематику в монографии А. Ф. Журавлева «Домашний скот в поверьях и магии восточных славян» (1994) или в монографии А. Б. Страхова «Культ хлеба у восточных славян. Опыт этнолингвистического исследования» (1991), хотя обе работы квалифицируются как этнолингвистические. А. А. Камалова и Л. А. Савелова, авторы монографии «Лингвокультурологическое описание северной русской деревни» (2007), несмотря на присутствие элемента *лингво-* в названии книги, уделяют мало внимания языковым свойствам архангельского диалекта – в основном, описывается материальная и духовная культура его

носителей. Этнолингвистическое исследование В. В. Усачевой (2008, 18 и др.) состоит в описании народных ритуалов, микроритуалов и обрядов с учетом контекстуальных устойчивых фраз.

Такое положение дел объясняется общей установкой русской этнолингвистики, которую Толстой трактовал как своего рода частную семиотику. Эта частная семиотика, по его утверждению, «призвана определить набор семиологических средств и символов в славянской культурной сфере, их соотношение и систему, их общность для славянского мира и их локальные различия» (1995, 25). Толстой писал, что специалисты по этногенезу и славянским древностям пользуются археологическими и лингвистическими данными, тогда как этнолингвисты опираются на фольклорный и этнографический материал (что можно трактовать как признание алингвистичности).

В русских исследованиях (особенно при изучении «концептосфер») областью приложения эвристической функции языка чаще всего является этнос, а ученые стремятся выделить и описать ключевые слова русской культуры (см. Зализняк и др. 2005). Во многих работах усматривается аполгетический пафос, т.е. возвышение русской культуры, на что обращают внимание А. В. Павлова и М. В. Безродный (2013, 141 и др.). Это направление исследований часто подвергается критике: Зарецкий 2008; Шафилов 2013; Киклевич 2017; Березович 2018 и др. Так, известный исследователь фразеологии В. М. Мокиенко (2007, 50) отмечает направленность этнолингвистических исследований «на поиски национальной специфики языка как культурологического феномена». Решению этой задачи, по мнению Мокиенко, мешает обобщенная и субъективная интерпретация языковых фактов, «выдаваемых за сугубо национальные стереотипы». В статье ученого мы читаем:

Общая методологическая особенность многих исследований такого рода – глобальность выводов, построенных на неадекватном сопоставлении фактов разных языков или вообще отсутствие сопоставительного фона (Мокиенко 2007, 50).

Мокиенко критикует также идею «монокультурной картины мира», приверженцы которой, по его мнению, «мало обращают внимание, [...] что поиски национально специфического в фольклоре всегда органически уживались с признанием общечеловеческого и общеевропейского» (там же, 51; см. также: Шафилов 2019).

В основе этой дискуссии лежит, как думается, скрытый идеологический мотив. Идиоэтническая теория языка в России все еще вызывает у многих ассоциацию с марризмом – классовым учением о языке, подобно тому, как в Германии – с неогумбольдтианством (Радченко пишет об интеграции этих направлений, см. 2014, 96 и др.). В обоих случаях языкознание стало инструментом идеологической пропаганды, элементом коммунистической (в СССР)

и национал-социалистической (в Германии) диктатуры. В СССР противники «нового учения о языке» стали жертвами массовых политических репрессий. Этим объясняется факт, что на этнолингвистическую проблематику в послевоенном немецком языкознании было наложено негласное табу. Подобным образом и в России вызывает отрицание чрезмерная идеологическая эксплуатация лингвокультурологических выводов, их интерпретация с точки зрения национальной, великорусской идеи.

В польской исторической памяти этнолингвистика, как и другие идиоэтнические теории языка, не играют какой-либо значительной роли, поэтому современное восприятие этого научного направления лишено негативного идеологического фона.

* * *

В заключение следует отметить, что в целом культурная лингвистика и этнолингвистика представляют более заметное явление в современном польском языкознании. Этому способствуют целенаправленные институциональные действия групп ученых, сконцентрированных прежде всего в университетских центрах Люблина, Вроцлава и Кракова. Этнолингвистическое направление в Польше реализуется в серии долгосрочных проектов, к которым относятся: 1) серии публикаций, таких, как упомянутый уже «Словарь народных стереотипов и символов», «красная» серия, серия „Język a kultura”, а также издаваемый с 1988 года журнал „Etnolingwistyka” (подробнее об этом: Кульпина/Татаринов 2012); 2) участие польских исследователей в Этнолингвистической комиссии Комитета языкознания ПАН и Этнолингвистической комиссии при Международном комитете славистов (которые многие годы возглавлял Е. Бартминьский); 3) более 20 тематических конференций, организованных в Люблине, начиная с 1975 года; 4) постоянно действующий семинар «Лингво-культурологическая картина мира славян на сопоставительном фоне» и др.

Польские этнолингвисты, как представляется, в большей степени наследуют традицию своего направления, у истоков которого стоял П. Смочинский – автор проекта «Атласа говоров Люблинского края»: в современных польских публикациях сохраняется интерес к народному языку, хотя область исследований расширяется за счет привлечения новых типов дискурсов элитарной культуры. В России заметен крен в направлении концептологических исследований, в результате чего лингвокультурология постепенно вытесняет этнолингвистику, что проявляется в постановке задач, выборе материала, терминологии и методах исследования.

Каждое научное направление, особенно что касается гуманитарных и социальных наук, в разных странах реализуется с учетом локальной традиции и особенностей культуры. История идей объективно связана

с политической, военной, экономической и др. историей – в этом смысле у каждой европейской страны свой опыт. Только с учетом этого исторического фона можно понять многие реалии современные культуры, в том числе и языкознания. Этнолингвистическая проблематика активно разрабатывается в Польше и России, а также других странах бывшего СССР, однако она почти не представлена в Чехии или Германии. Опыт каждой национальной школы ценен и потому, что он опирается на специфический, всегда аутентичный материал, и потому, что представляет собой своеобразную интеграцию (или конфигурацию) элементов собственной научной традиции. Каждая такая конфигурация означает одну из возможных перспектив решения проблемы, а научное познание как раз и состоит в том, чтобы определять, интерпретировать, оценивать, модифицировать и оптимизировать эти перспективы.

Библиография

- Арнольд 1991: Arnol'd, I. V. (1991), *Sovremennyye lingvisticheskiye teorii vzaimodeystviya yazyka i sredy*. In: *Voprosy yazykoznaneya*. 3, 118-126. [Арнольд, И. В. (1991), *Современные лингвистические теории взаимодействия языка и среды*. В: *Вопросы языкознания*. 3, 118-126.]
- Арутюнова 1988: Arutyunova, N. D. (1988), *Типу yazykovykh znacheniy: ocenka, sobytiye, fakt*. Moskva. [Арутюнова, Н. Д. (1988), *Типы языковых значений: оценка, событие, факт*. Москва.]
- АХМЕТЖАНОВА/МУСАТАЕВА 2013: Akhmetzhanova, Z. K./Musatayeva, M. S. (2013), *Aktual'nyye problemy lingvokognitologii i lingvokul'turologii*. Almaty. [Ахметжанова, З. К./Мусатаева, М. Ш. (2013), *Актуальные проблемы лингвокогнитологии и лингвокультурологии*. Алматы.]
- Байбурин 1985: Bayburin, A. K. (1985), *Nekotoryye voprosy etnograficheskogo izucheniya povedeniya*. In: Bayburin, A. K. (ed.), *Etnicheskiye stereotypy povedeniya*. Moskva, 7-21. [Байбурин, А. К. (1985), *Некоторые вопросы этнографического изучения поведения*. В: Байбурин, А. К. (ред.), *Этнические стереотипы поведения*. Москва, 7-21.]
- Белл 1989: Bell, R. (1980), *Sotsiolingvistika. Tseli, metody, problemy*. Moskva. [Белл, Р. (1980), *Социоллингвистика. Цели, методы, проблемы*. Москва.]
- БЕРЕЖНАЯ/ВАСЯКИН 2016: Berezhnaya, M. S./Vasyakin, B. S. (2016), *Imidzhelogiya*. Moskva. [Бережная, М. С./Васякин, Б. С. (2016), *Имагология*. Москва.]
- БЕРЕЗОВИЧ 2018: Berezovich, Y. L. (2018), *Psevdonauchnyye postroyeniya v sovremennoy lingvokul'turologii*. V: Yakimov, P. A. (ed.), *Chetvertyye Moiseyevskiyе chteniya. Natsional'nyye i regional'nyye osobennosti yazyka. 1*. Orenburg, 132-138. [Березович, Е. Л. (2018), *Псевдонаучные построения в современной лингвокультурологии*. В: Якимов, П. А. (ред.), *Четвертые Моисеевские чтения. Национальные и региональные особенности языка. 1*. Оренбург, 132-138.]
- БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ 1963/1: Baudouin de Courtenay, I. A. (1963), *Izbrannyye trudy po obshchemu yazykoznaneyu. 1*. Moskva. [Бодуэн де Куртенэ, И. А. (1963), *Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1*. Москва.]
- БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ 1963/2: Baudouin de Courtenay, I. A. (1963), *Izbrannyye trudy po obshchemu yazykoznaneyu. 2*. Moskva. [Бодуэн де Куртенэ, И. А. (1963), *Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2*. Москва.]
- ВЕРЕЩАГИН/КОСТОМАРОВ 1980: Vereshchagin, E. M./Kostomarov, V. G. (1980), *Lingvostranovedcheskaya teoriya slova*. Moskva. [Верещагин Е. М./Костомаров, В. Г. (1980), *Лингво-страноведческая теория слова*. Москва.]

- ГОФМАН-КАДОШНИКОВ 1984: Gofman-Kadoshnikov, P. B. (1984), Sistemnyy analiz iyerarkhii urovney zhizni. In: Sistemnyye issledovaniya 1984. Moskva, 322-328. [Гофман-Кадошников, П. Б. (1984), Системный анализ иерархии уровней жизни. В: Системные исследования 1984. Москва, 322-328.]
- ДЮРКГЕЙМ 1996: Durkheim, É. (1996), Metod sotsiologii. In: Dobren'kov, V. I. (ed.), Zapadno-yevropeyskaya sotsiologiya XIX – nachala XX vekov. Moskva, 309-365. [Дюркгейм, Э. (1996), Метод социологии. В: Добренъков, В. И. (ред.), Западно-европейская социология XIX – начала XX веков. Москва, 309-365.]
- ЖУРАВЛЕВ 1994: Zhuravlev, A. F. (1994), Domashniy skot v pover'yakh i magii vostochnykh slavyan. Etnograficheskiye i etnolingvisticheskiye ocherki. Moskva. [Журавлев, А. Ф. (1994), Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки. Москва.]
- ЖУРАВЛЕВ 1995: Zhuravlev, A. F. (1995), Slavyanskaya etnolingvistika v rabotakh N. I. Tolstogo (predisloviye redaktora). In: Tolstoy 1995, 8-12. [Журавлев, А. Ф. (1995), Славянская этнолингвистика в работах Н. И. Толстого (предисловие редактора). В: Толстой 1995, 8-12.]
- ЗАЛИЗНЯК/ЛЕВОНТИНА/ШМЕЛЕВ 2005: Zaliznyak, A. A./Levontina, I. V./Shmelev, A. D. (2005), Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira. Moskva. [Зализняк, А. А./Левонтина, И. В./Шмелев, А. Д. (2005), Ключевые идеи русской языковой картины мира. Москва.]
- ЗАРЕЦКИЙ 2008: Zaretskiy, Ye. V. (2008), Bezlichnyye konstruktсии v russkom yazyke: kul'turologicheskiye i tipologicheskiye aspekty (v sravnenii s angliyskim i drugimi indoevropeyskimi yazykami). Astrakhan'. [Зарецкий, Е. В. (2008), Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками). Астрахань.]
- ЗЫКОВА 2017: Zyкова, I. V. (2017), Metayazyk lingvokul'turologii: konstanty i varyanty. Moskva. [Зыкова, И. В. (2017), Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. Москва.]
- КАМАЛОВА 2008: Kamalova, A. A. (2008), Semanticheskaya kategoriya sostoyaniya. Olsztyn. [Камалова, А. А. (2008), Семантическая категория состояния. Olsztyn.]
- КАМАЛОВА/САВЕЛОВА 2007: Kamalova, A. A./Savëlova, L. A. (2007), Lingvokul'turologicheskoye opisaniye severnoy russkoyderevni. Arkhangelsk. [Камалова, А. А./Савёлова, Л. А. (2007), Лингвокультурологическое описание северной русской деревни. Архангельск.]
- КАРАУЛОВ 1989: Karaulov, Yu. N. (1989), Russkaya yazykovaya lichnost' i zadachi yeye izucheniya. In: Karaulov, Yu. N. (ed.), Yazyk i lichnost'. Moskva, 3-9. [Караулов, Ю. Н. (1989), Русская языковая личность и задачи ее изучения. В: Караулов, Ю. Н. Язык и личность. Москва, 3-9.]
- КИКЛЕВИЧ 2017: Kiklewicz, A. (2017), Yazykovaya kartina mira kak problema antropologicheskoy lingvistiki. In: Filologicheskkiye nauki. 1, 9-16. [Киклевич, А. (2017), Языковая картина мира как проблема антропологической лингвистики. В: Филологические науки. 1, 9-16.]
- КОВШОВА 2013: Kovshova, M. L. (2013), Lingvokul'turologicheskiiy metod vo frazeologii. Kody kul'tury. Moskva. [Ковшова, М. Л. (2013), Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. Москва.]
- КУЛЬПИНА/ТАТАРИНОВ 2011: Kulpina, V. G./Tatarinov, V. A. (2012), Bibliograficheskiye izdaniya Lyublinskogo universiteta. In: Kiklewicz, A./Vazhnik, S. (eds.), Palanistyka – Polonistyka – Polonistyka 2011. Minsk, 528-535. [Кульпина В. Г., ТатаринOV В. А. (2012), Библиографические издания Люблинского университета. В: Киклевич, А./Важник, С. (ред.), Паланістыка – Полоністыка – Polonistyka 2011. Мінск, 528-535.]
- ЛОТМАН/УСПЕНСКИЙ 1971: Lotman, Yu. M./Uspenskiy, B. A. (1971), O semioticheskom mekhanizme kul'tury. In: Trudy poznavkovym sistemam. 5, 144-166. [Лотман, Ю. М./Успенский, Б. А. (1971), О семиотическом механизме культуры. В: Труды по знаковым системам. 5, 144-166.]
- МАСЛОВА 2004: Maslova, V. A. (2004), Kognitivnaya lingvistika. Minsk. [Маслова, В. А. (2004), Когнитивная лингвистика. Минск.]

- Миллер 1972: Miller, G. (1972), Nekotorye prolegomeny k psikholingvistike. In: Leont'ev, A. A. /Sakharnyy, L. V. (eds.), Psikholingvistika za rubezhom. Moskva, 31-44. [Миллер Дж. (1972), Некоторые пролегомены к психоллингвистике. В: Леонтьев, А. А./Сахарный, Л. В. (ред.), Психоллингвистика за рубежом. Москва, 31-44.]
- Мокиенко 2001: Mokiyenko, V. M. (ed.) (2001), Slovar' russkoy frazeologii. Istoriko-etimologicheskii spravochnik. Sankt-Peterburg. [Мокиенко, В. М. (ред.) (2001), Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. Санкт-Петербург.]
- Мокиенко 2007: Mokiyenko, V. M. (2007), Yazykovaya kartina mira v zerkale frazeologii. In: Chlebda, W. (ed.), Frazeologia a językowe obrazy świata przelomu wieków. Opole, 49-66. [Мокиенко, В. М. (2007), Языковая картина мира в зеркале фразеологии. В: Chlebda, W. (red.), Frazeologia a językowe obrazy świata przelomu wieków. Opole, 49-66.]
- Моль 1973: Moles, A. (1973), Sotsiodinamika kul'tury. Moskva. [Моль, А. (1973), Социодинамика культуры. Москва.]
- Павлова/Безродный 2013: Pavlova, A. V./Bezrodnyy, M. V. (2013), Khitrushki i yedinorog: iz istorii lingvonacissizma. In: Pavlova, A. V. (ed.), Ot lingvistiki k mifu: lingvisticheskaya kul'turologiya v poiskakh «etnicheskoy mental'nosti». Sankt-Peterburg, 138-159. [Павлова, А. В./Безродный, М. В. (2013), Хитрушки и единорог: из истории лингвоарциссизма. В: Павлова, А. В. (ред.), От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности». Санкт-Петербург, 138-159.]
- Почепцов 2000: Pochepcov, G. G. (2000), Imidzhelogiya. Moskva. [Почепцов, Г. Г. (2000), Имиджология. Москва.]
- Радченко 1990: Radchenko, O. A. (1990), Yazykovaya kartina mira ili yazykovoye mirosozidaniye? (K voprosu o postulatakh J. L.Veisgerbera). In: IAN OLYa. 5/49, 444-450. [Радченко, О. А. (1990), Языковая картина мира или языковое мирозидание? (К вопросу о постулатах Й. Л. Вайсгербера). В: ИАН ОЛЯ. 5/49, 444-450.]
- Радченко 2014: Radchenko, O. (2014), Antagonizm universalistskogo i idioetnicheskogo podkhodov v sovremennoy filosofii yazyka v Rossii i Germanii. In: Kiklewicz, A. (ed.), Paradymaty filozofii języka, literatury i teorii tekstu. Słupsk, 93-103. [Радченко О. (2014), Антагонизм универсалистского и идиоэтнического подходов в современной философии языка в России и Германии. В: Kiklewicz, A. (red.), Paradymaty filozofii języka, literatury i teorii tekstu. Słupsk, 93-103.]
- Рыльцева 2008: Ryl'tseva, M. V. (2008), Metodicheskii kul'turalizm, sovremennaya filosofiya i arkhitektura. In: Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya. 12 (19), 140-151. [Рыльцева, М. В. (2008), Методический культурализм, современная философия и архитектура. В: Альманах современной науки и образования. 12 (19), 140-151.]
- Рябчикова 2018: Ryabchikova, E. E. (2018), Imagologiya kak razdel literaturovedcheskoy komparativistiki. In: Slovo.ru: baltiyskiy aktsent. 9/2, 52-59. [Рябчикова, Е. Е. (2018), Имагология как раздел литературоведческой компаративистики. В: Слово.ру: балтийский акцент. 9/2, 52-59.]
- Сепир 1993: Sapir, E. (1993), Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kul'turologii. Moskva. [Сепир, Э. (1993), Избранные труды по языкознанию и культурологии. Москва.]
- Серебренников 1988: Serebrennikov, B. A. (ed.) (1988), Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazykovaya kartina mira. Moskva. [Серебренников, Б. А. (ред.) (1988), Роль человеческого фактора в языке. Языковая картина мира. Москва.]
- Страхов 1991: Strakhov, A. B. (1991), Kul't khleba u vostochnykh slavyan: opyt etnolingvisticheskogo issledovaniya. München. [Страхов, А. Б. (1991), Культ хлеба у восточных славян: опыт этнолингвистического исследования. München.]
- Толстой 1995: Tolstoy, N. I. (1995), Yazyk i narodnaya kul'tura: Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike. Moskva. [Толстой, Н. И. (1995), Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Москва.]

- ТРУБЕЦКОЙ 1990: Trubezskoy, N. S. (1990), Vavilonskaya bashnya i smesheniye yazykov. In: IAN OLYa. 2/49, 152-160. [Трубецкой, Н. С. (1990), Вавилонская башня и смешение языков. В: ИАН ОЛЯ. 2/49, 152-160.]
- УСАЧЕВА 2008: Usacheva, V. V. (2008), Magiya slova i deystviya v narodnoy kul'ture slavyan. Moskva. [Усачева, В. В. (2008), Магия слова и действия в народной культуре славян. Москва.]
- ШАФИКОВ 2013: Shafikov, S. (2013), Lingvokul'turologiya, yazyk i natsional'nyu mentalitet. In: Vestnik Bashkirskogo universiteta. 18/3, 763-777. [Шафиков, С. Г. (2013), Лингвокультурология, язык и национальный менталитет. В: Вестник Башкирского университета. 18/3, 763-777.]
- ШАФИКОВ 2019: Shafikov, S. (2019), Yazyk, mental'nost' i «yazykovoy mentalitet». In: Przegląd Wschodnioeuropejski. X/1, in press. [Шафиков, С. (2019), Язык, ментальность и «языковой менталитет». В: Przegląd Wschodnioeuropejski. X/1, в печати.]
- ЯВОРСКАЯ 1992: Yavorskaya, G. M. (1992), Printsipy sotsiolingvisticheskogo podkhoda k izucheniyu yazyka. In: Mel'nichuk, A. S. (ed.), Metodologicheskiye osnovy novykh napravleniy v mirovom yazykoznanii. Kiev, 16-64. [Яворская, Г. М. (1992), Принципы социолингвистического подхода к изучению языка. В: Мельничук, А. С. (ред.), Методологические основы новых направлений в мировом языкознании. Киев, 16-64.]
- ANUSIEWICZ 1994: Anusiewicz, J. (1994), Lingwistyka kulturowa. Zarys problematyki. Wrocław.
- BARTMIŃSKI 1990: Bartmiński, J. (1990), Punkt widzenia, perspektywa, językowy obraz świata. Lublin 1990.
- BARTMIŃSKI 1998: Bartmiński, J. (1998), Podstawy lingwistycznych badań nad stereotypem – na przykładzie stereotypu matki. W: Język a kultura. XII, 63-83.
- BARTMIŃSKI/GRZESZCZAK 2014: Bartmiński, J./Grzeszczak, M (2014), Jak rekonstruować kanon wartości narodowych i europejskich? W: Etnolingwistyka. 26, 22-44.
- BARTMIŃSKI/NIEBRZEGOWSKA 1998: Bartmiński, J./Niebrzegowska, S. (1998), Profile a podmiotowa interpretacja świata. W: Bartmiński, J./Tokarski, R. (red.), Profilowanie w języku i w tekście. Lublin, 211-224.
- BAUDOIN DE COURTENAY 1903: Baudouin de Courtenay, J. N. (1903), Wielka encyklopedia powszechna ilustrowana. T. 33. Warszawa 1903, 278-296. Przedruk: Skarżyński 2016, 161-195.
- BRZEZIŃSKI 1988: Brzeziński J., (red.) 1988, Język osobniczy jako przedmiot badań lingwistycznych. Zielona Góra.
- CHRUSZCZEWSKI 2011: Chruszczewski, P. (2011), Językoznawstwo antropologiczne. Zadania i metody. Wrocław.
- ДАБРОВСКА 2004-2005: Дąbrowska, A. (2004-2005), Współczesne problemy lingwistyki kulturowej. W: Postscriptum. 2-1(48-49), 140-155.
- FINSERAAS 2010: Finseraas, Henning. 2010. What if Robin Hood is a social conservative? How the political response to increasing inequality depends on party polarization. „Socio-Economic Review” 8: 283-306.
- FLEISCHER 1997: Fleischer, M. (1997), Das System der russischen Kollektivsymbolik. Eine empirische Untersuchung. München.
- GARAND 2010: Garand, J. C. (2010), Income Inequality, Party Polarization, and Roll-Call Voting in the U.S. Senate. In: The Journal of Politics. 72(4), 1109-1128.
- GODDARD 2004: Goddard, C. (2004). The ethnopragmatics and semantics of “active metaphors”. In: Journal of Pragmatics. 36, 1211-1230.
- GRZEGORCZYKOWA 2014: Grzegorzycykowa, R. (2014), O dwóch typach badań semantycznych. W: Prace Filologiczne. LXIV/2, 123-139.
- HALL 1980: Hall, S. (1980), Cultural Studies: Two Paradigms. In: Media, Culture, and Society. 2 (1), 57-72.
- HAZAN 1995: Hazan, R. Y. (1995), Center Parties and Systemic Polarization: An Exploration of Recent Trends in Western Europe. In: Journal of Theoretical Politics. 7(4), 421-445.

- КАЙТОХ 2008: Kajtoch, W. (2008): *Językowe obrazy świata i człowieka w prasie młodzieżowej i alternatywnej*, 1. Kraków.
- KIKLEWICZ 2002: Kiklewicz, A. (2002), *Paradygmaty lingwistyczno-filozoficzne w kontekście słowiańskich tradycji kulturowych*. W: Zieliński, B. (red.), *Narodowy i ponadnarodowy model kultury. Europa Środkowa i Półwysep Bałkański*. Poznań, 263-278.
- KIKLEWICZ 2012: Kiklewicz, A. (2012), *Czwarte królestwo. Język a kontekst w dyskursach współczesności*. Warszawa.
- KIKLEWICZ 2013: Kiklewicz, A. (2013), *К проблеме культурной обусловленности научных парадигм: структурализм в славянских лингвистических традициях XX века (польской, русской и чешской)*. W: Kiklewicz, A./Ważnik, S. (red.), *Паланістыка – Полоністыка – Polonistyka 2012*. Мінск 2013; 231-253.
- KIKLEWICZ 2015: Kiklewicz, A. (2015), *W kierunku socjologii językoznawstwa: dywersyfikacja współczesnej wiedzy lingwistycznej w świetle socjologii nauki i teorii paradygmatów*. W: *Biuletyn PTJ*. LXXI, 27-46.
- KIKLEWICZ/WILCZEWSKI 2011: Kiklewicz, A./Wilczewski, M. (2011), *Współczesna lingwistyka kulturowa: zagadnienia dyskusyjne (na marginesie monografii Jerzego Bartmińskiego Aspects of Cognitive Ethnolinguistics)*. W: *Biuletyn PTJ*. LXVII, 164-178.
- MALINOWSKI 2000a: Malinowski, B. (2000), *Dzieła*. T. 8. *Jednostka, społeczność, kultura*. Warszawa.
- MALINOWSKI 2000b: Malinowski, B. (2000), *Dzieła*. T. 9. *Kultura i jej przemiany*. Warszawa.
- MANELIS KLEIN 2006: Manelis Klein, H. E. (2006), *Anthropological Linguistics: Overview*. In: Brown, K. (ed.), *Encyclopedia of Linguistics*. Amsterdam/Boston/Heidelberg etc., 296-304.
- NITSCH 1960: Nitsch, K. (1960), *Ze wspomnień językoznawcy*. Kraków.
- PALMER 1996: Palmer, G. (1996), *Toward a Theory of Cultural Linguistics*. Austin, TX.
- PISARKOWA 1994: Pisarkowa, K. (1994), *Z pragmatycznej stylistyki, semantyki i historii języka*. Wybór zagadnień. Kraków.
- RÓWNIŃSKI 1984: Równiński, C. (1984), *Przestrzeń logosu i czas historii*. Warszawa.
- SARTORI 1976: Sartori, G. (1976), *Parties and party systems: a framework for analysis*. 1. Cambridge/London/New York etc.
- SHARIFIAN 2008: Sharifian, F. (2008). *Distributed, emergent cultural cognition, conceptualisation, and language*. In: Frank, R. M./Dirven, R./Ziemke T. et al. (eds.), *Body, Language, and Mind*. 2: *Sociocultural Situatedness*. Berlin/New York, 109-136
- SHARIFIAN 2016: Sharifian, F. (2016), *Lingwistyka kulturowa*. W: *Etnolingwistyka*. 28, 31-57.
- SKARŻYŃSKI 2016: Skarżyński, M. (red.) (2016), *Materiały do dziejów polskiego językoznawstwa*. II. *Jan Baudouin de Courtenay*. *Teksty mniej znane*. Kraków.
- SZYMAŃSKA 1980: Szymańska, B. (1980), *Co to jest strukturalizm*. Wrocław etc.
- VEREŠČAGIN 2002: Vereščagin, J. M. (2002), *Poskommunistisches „Newspeak“: Ein Erbe des Totalitarismus (Betrachtungen zum Zeitraum zwischen 19./21. August 1991 und 3./4. Oktober 1993*. In: Steinke, K. (Hrsg.), *Die Sprache der Diktaturen und Diktatoren*. Heidelberg, 202- 228.
- WIERZBIKA 1991: Wierzbicka, A. (1991), *Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction*. Berlin.
- ZANIEWSKI и др. 2016: Zaniewski, J./Grinev-Griniewicz, S./Nizhneva, N. (2016), *Antropolingwistyka dzisiaj: wyniki i perspektywy*. W: *Scripta Neophilologica Posnaniensia*. XVI, 157-169.

АННА БАЛАКАЙ / ANNA BALAKAY
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4441-0816>
Kemerovo State University

**РЕЧЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
СОВРЕМЕННОГО БЛОГЕРА
(НА МАТЕРИАЛЕ БЛОГЕРОВ-ВЫШИВАЛЬЩИЦ
РОССИЙСКОГО ВИДЕОХОСТИНГА YOUTUBE)**

**Speech Characteristics of Modern Blogger
(Based on the Material of Bloggers-Embroiderers
of Russian Video Hosting YouTube)**

Ключевые слова: речевая ситуация, речевая характеристика блогера, видеоблог как жанр, рукодельный видеоблог, заимствования в речи вышивальщиц, метафора в вышивальном видеоблоге, эмоциональная тональность речи видеоблогеров-вышивальщиц

KEYWORDS: speech situation, speech characteristic of the blogger, video blog as a genre, handmade video blog, borrowings in the speech of embroiderers, metaphor in embroidery video blog, emotional tone of speech of bloggers-embroiderers

ABSTRACT. The article is devoted to the speech characteristic of the modern videoblogger. The author of the article chose the videoblogs of embroiderers broadcast on the Russian YouTube channel as a material for the study. Since every social role has its own set of language tools, it can be assumed that the speech of the videobloggers of the embroidery channel is characterized by a certain specificity. The particularities of the lexico-phraseological aspect of the speech of bloggers-embroiderers are considered in the article. Analysis is the subject to the professional borrowing, gaining wide positions in the lexical system of the modern Russian language. A special interest is the reinterpretation and the enlargement of the semantic structure of the usual names that generate individual metaphors by bloggers. The article also pays attention to positive, friendly tone of communication of videobloggers-embroiderers supported by the use of stable etiquette formulas.

Развитие интернет-технологий позволило расширить границы исследовательского поиска в том числе и в области исследований языка: в частности, анализу подвергаются проблемы влияния языка и стиля интернет-коммуникации на естественный язык (Мечковская 2006; Клушина 2016); изучаются лингвокультурологические особенности интернет-текстов (Морослин 2009); семантические ротации в сфере интернет-коммуникации (Киклевич

2016; 2017) и другое. Предметом исследования в данной статье являются лексико-семантические особенности речи вышивальщиц-видеоблогеров российского портала YouTube. С развитием в России широкополосного доступа в интернет стал набирать популярность видеохостинг – веб-сервис, позволяющий пользователю интернета загружать и просматривать видео в браузере. Одним из самых популярных видеохостингов в России является сервис YouTube, предлагающий пользователям не только загружать и просматривать видео, но и оценивать, комментировать, добавлять в избранное и делиться видеозаписями совершенно разнообразной тематики.

Тех, кто ведёт собственный видеоблог, называют видеоблогерами или блогерами. Феномену видеоблогинга посвящено в настоящее время также немало исследований (см. Ануфриева 2016; Кириллов 2016; Абросимова 2017).

Блогером может стать абсолютно любой человек, испытывающий потребность поделиться информацией о том, что может заинтересовать других. При этом блог может быть представлен в письменной форме (интернет-дневник) или в устной (видеоблог). По мнению О. И. Дагбаевой,

формат блога поддерживает коммуникативную и информационную функции: читатели получают возможность навигации по сайту, контактов с автором и между собой. Различные средства, такие как мультимедиа и тэги, помогают пользователю легче и быстрее воспринимать и сортировать информацию (Дагбаева 2016, 3).

То же можно сказать и про видеоблоги.

Любительниц домашнего рукоделия объединяют на YouTube различные рукодельные видеоблоги. При этом совсем не обязательно самому быть автором публикации любительского видео, чтобы считать себя частью рукодельного сообщества блогеров, достаточно просто интересоваться рукоделием, подписаться на один или несколько рукодельных каналов и с регулярной периодичностью их просматривать («посещать»).

Рукодельные видеоблоги – это любительские видео, чаще всего небольшого формата, в которых автор-блогер (чаще девушка или молодая женщина), занимаясь тем или иным видом рукоделия, одновременно комментирует процесс работы, или делится рукодельными секретами, проводит мастер-класс, или распаковывает рукодельные подарки и покупки, делая их обзор, или отвечает на вопросы, которые были заданы подписчиками в комментариях к предыдущим видеоблогам и др. Иногда несколько видеоблогеров встречаются и записывают совместный видеоблог, который отличается от других блогов диалогичностью, ведением активной дружеской беседы на тему рукоделия, в то время как пользователь, просматривающий видео, выступает в качестве пассивного участника этой беседы. Рукодельные видеоблоги создают

у подписчика рукодельных каналов иллюзию со-творчества, со-участия в процессе. Поэтому многие рукодельницы просматривают видеоблоги в то время, когда, отдыхая от работы или домашних дел, берут в руки вышивку или вязание. Творчество объединяет, и нередко виртуальное общение приводит к встречам и дружбе блогеров в реальной жизни, обмену рукодельными подарками и созданию совместных проектов.

Если говорить о рукодельном видеоблоге как жанре, то можно отметить некоторые характерные для него черты:

1. устная форма представления материала;
2. монологичность высказывания или «условная» диалогичность – при так называемых «встречах рукодельниц» или создании видеотэгов (от англ. tag – «заметка») – видео, посвящённых ответам на вопросы, заданных подписчиками;
3. спонтанность речевого высказывания;
4. естественность речевого поведения видеоблогера;
5. активная настроенность на зрителя-«коллегу», который увлекается тем же видом рукоделия, что и автор видеоблога.

По мнению О. А. Ярошенко,

речь отдельного человека может содержать в себе черты, которые являются типичными для языковых привычек и особенностей данной социальной среды, и задача исследователя состоит в том, чтобы выявить эти черты и дать им соответствующую социолингвистическую интерпретацию, показывая, что они являются отражением речевых особенностей группы, в которую входит индивид (Ярошенко 2010, 69).

Вышеперечисленные характерные черты жанра, и прежде всего такие как монологичность и естественность, позволяют дать речевую характеристику блогеров-рукодельниц. В данной работе мы остановимся преимущественно на специфике лексико-семантической стороны речи видеоблогеров-вышивальщиц.

Жанр рукодельного видеоблога имеет свои поджанры в зависимости от видов рукоделия: вышивальные видеоблоги, вязальные видеоблоги, видеоблоги, посвящённые шитью, валянию из шерсти, макраме, квиллингу и мн. др.

Один из самых распространённых в современной России видов рукодельного творчества – вышивание, поддерживаемый, кроме прочего, успешным маркетингом: в массовой продаже представлено множество разнообразных наборов для вышивания.

В качестве материала исследования настоящей статьи методом случайной выборки были отобраны 90 видеоблогов за 2015–2018 годы, посвящённых вышиванию. Преимущественную выборку составили видеозаписи вышивальщиц из разных городов России, а также для полноты картины в выборку

включены видеоблоги, снятые украинскими и белорусскими вышивальщицами на русском языке и транслируемые на российском канале YouTube.

Каждой социальной роли соответствует определенный тип речевого поведения, свой набор языковых средств. Речь видеоблогеров вышивального канала также характеризуется определенной спецификой. Ориентация блогера на определённого адресата проявляется уже в первых фразах приветствия:

Здравствуйте, дорогие подписчики и гости канала.
Добрый день, мои дорогие рукодельницы и рукодельники!

Рукодельное творчество свойственно не только женщинам, но и мужчинам, вышивают мужчины не хуже, а порой даже быстрее и аккуратнее женщин, техника мужской вышивки может отличаться от женской, часто мужчины самостоятельно изготавливают различные приспособления, облегчающие и ускоряющие процесс вышивания. Бывает так, что в семье вышивает муж, а жена к вышивке интереса не проявляет. Поэтому обращение не только к рукодельницам, но и к «рукодельникам» в речи блогеров абсолютно оправданно, несмотря на то, что слово «рукодельник», в отличие от «рукодельница», непривычно русской речи, крайне редко встречается в современных толковых словарях русского языка, непременно с пометой «устар.» и имеет несколько сниженную социальную коннотацию. Последнее косвенно подтверждается в частности и тем, что интервью мужчины-вышивальщики дают неохотно и вышивальные видеоблоги почти не ведут – в нашей выборке встретилось только два вышивальщика-блогера, - стесняясь, вероятно, того, что вышивание по традиции в России считается чисто женским занятием. Так или иначе, но видеоблогеры всегда знают своих героев (хоть и не всегда в лицо, но по подписке), учитывают, что среди подписчиков вышивальных каналов встречаются не только женщины, но и мужчины, и обращаются к ним в своих видео:

Спасибо, девочки и мальчики, что подписываетесь на мой канал.

Правда, подобные обращения встретились только в речи видеоблогеров-женщин, мужчины предпочитают общаться без гендерной составляющей:

Приветствую всех любителей моего канала!
Рад приветствовать всех любителей вышивки на своём канале!

Русские бабушки-рукодельницы, решившие заглянуть на вышивальный YouTube, очень удивились бы тому, как много появилось в речи вышивальщиц заимствований, преимущественно англоязычных. Например, почти не используется при вышивке крестом блогерами YouTube традиционный термин

шов назад иголкой, хотя в швейном деле он по-прежнему сохраняется. Вместо привычного описательного наименования вышивальщицы используют термин *бэкстич*, или сокращённо – *бэк* (от англ. *back* и *stitch*) – в вышивке с помощью шва *бэкстич* можно придать чёткие очертания сделанному узору или создать рисунок. В наборах для вышивания очень часто используется *бэкстич*. Освоение англоязычного термина *Back Stitch* русским языком происходит успешно – об этом свидетельствует не только то, что слово уже нашло своё единое выражение в русской графике, но и появление, хоть и окказиональное, производного глагола *бэкать*, т.е. вышивать швом *бэкстич*. Например:

Все крестики я уже отшила, теперь буду только бэкать.
В наборе много бэкстича. Бэкать придётся много.

В английском языке используются и другие номинации со словом *stitch* (*стежок*), однако не все нашли такое же активное отражение в русской речи, как *back stitch*. В русском языке термин *лонгстич* (*длинный стежок*) используется при наименовании вышивки гладью, когда стежок кладётся вертикально или горизонтально ровными рядами толстой нитью по жёсткой канве, эта техника в России пока не сильно распространена, поэтому термин используется редко и ещё не полностью освоен русским языком, отмечается его двоякое написание: *лонгстич* или *лонг стич*. Вместо англ. *cross stitch* (*перекрёстный стежок*) в русском языке используется наименование *счётный крест* – вышивка крестом на чистой канве по схеме со значками, нить кладётся по диагонали слева направо и затем справа налево по квадрату. Вместо англ. *half stitch* (*половина стежка*) в русской речи вышивальщиц сохраняется прежнее исконно русское наименование *полукрест*, когда нить выкладывается по диагонали только слева направо или справа налево в одном направлении. Англ. *full stitch* (*полный стежок*) в русском варианте остается без перевода и в устной речи не используется – опытные вышивальщицы понимают, что это название обычного *креста*. Что касается англ. *quarter stitch* (*четверть стежка*), то в русском варианте это *стежок три четверти* – стежок из угла до центра ячейки в границах полного креста.

С 90-х годов XX века в продаже стали массово появляться готовые наборы для вышивания. Наиболее разработанные техники и схемы, качественные материалы были представлены зарубежными производителями – фирмами «Dimensions» (Америка), «Anchor» (Англия), «Kustom Krafts» (Канада), «Lanarte» (Нидерланды). Юные рукодельницы учились вышивать по этим наборам, а также по англоязычным книгам и видео, а не по российским изданиям, которые качественно уступали зарубежным аналогам. Как следствие – множество заимствований, появившихся первоначально в устной речи вышивальщиц,

а теперь полноправно завоёвывающих позиции в системе русского языка. Много заимствований, прежде всего, при обозначении различных вышивальных техник. *Хардангер* (англ. *hardanger*) – техника вышивки ажурными узорами по типу кружева или мережки. *Петит* (фр. *petit* ‘маленький’), вышивать петитом – вышивка маленькими крестиками, меньше обычного креста в четыре раза; благодаря технике вышивки петитом готовая работа получается более чёткой и прорисованной. *Блэкворк* (англ. *black* ‘чёрный’, *work* – ‘работа’) – техника счётной вышивки, в которой используется только чёрная нить, вышивается обычно по белой или светлой основе. В некоторых видео встречается наименование *блэкворк* и применительно к монотонной вышивке нитью любого тёмного цвета – красной, синей, зелёной – по светлой канве. Это не совсем точно передаёт значение заимствования, однако таким образом возможно расширение семантики термина. *Кординг* (англ. *cording* – ‘шнур’) – техника вышивки витым шнуром. *Семплер* (англ. *sampler* – ‘образец, шаблон’) – стиль вышивки, совмещающий рисунок и текст и являющийся повествованием о событии. *Квакеры* (англ. *quakers* – ‘трясущиеся, трепещущие’, ‘квакеры’) – разновидность семплеров, вышивка нескольких простых узоров в квадратах или ромбах. *Бленд* (англ. *blend* – ‘смешение’) – нить, составленная из нитей разных цветов или оттенков, применяется в вышивке для более плавного перехода между цветами или для замены недостающего цвета.

Техника вышивки постепенно меняется, появляются новые приспособления для вышивания. На смену привычным пальцам – круглым или овальным рамкам, на которые натягивается ткань для вышивки (до сих пор не могут определиться вышивальщицы с формой множественного числа – пальца или пальцы), пришли кю-снапы. *Кю-снапы* (варианты написания: *кью-снапы*, *ку-снапы*, *куснапы*, производные: *снапы*, *снапики*) (англ. *Q-snar*, *snar* – ‘защёлка, кнопка’) – разновидность прямоугольных пялец, разборные, позволяющие менять размер рамки по необходимости; представляют собой четыре соединённые между собой трубки с защёлками по краям. *Кловер* (англ. *clover* – ‘клевер’) – первоначально название японской фирмы «Clover», выпускающей инструменты для рукоделия, в том числе специальный крючок для вышивки; в настоящее время наименование *кловер* стало нарицательным, расширив своё значение, – специальный крючок для вышивки на канве, предположительно то же, что люневильский крючок, крючок для тамбурной вышивки.

Встретились также в речи видеоблогеров два заимствованных наименования, обозначающих вышитое изображение: *превью* и *визор*. *Превью* (англ. *preview* – ‘предварительный просмотр’) – изображение готовой работы на обложке набора для вышивания или в журнале. *Визор* (англ. *visor*, *vizor* – ‘козырёк’, ‘маска’) – небольшая декоративная вышивка на одежде, обычно используется как украшение детали одежды.

Специального словаря современных терминов и понятий рукодельного творчества в России пока не издано, поэтому начинающие вышивальщицы осваивают язык вышивки, руководствуясь отдельными описаниями некоторых терминов на сайтах производителей, по картинкам в инструкции к наборам для вышивания, а чаще всего через общение с блогерами на канале YouTube или в других рукодельных сообществах, где рукодельницы общаются друг с другом. На наш взгляд, создание подобного словаря было бы познавательно с точки зрения лингвистики и полезно не только для практического применения – многие термины и понятия интересны историей своего происхождения, различные прикладные техники связаны с культурой народа, их создавшего. Поэтому словарь рукодельного творчества мог бы стать не столько лингвистическим, сколько энциклопедическим, описание в котором выходит за рамки исключительно языковой составляющей, предполагающим выход в историю и культуру, иллюстрированным, в целом, как вариант словаря «активного типа».

Особый интерес представляет переосмысление и расширение блогерами семантической структуры привычных наименований, порождающие индивидуальные метафоры. Например, слово «ключ» используется вышивальщицами для обозначения значков на схеме с расшифровкой используемого в вышивке цвета ниток; обычно ключ представлен единым списком и расположен после схемы или сбоку от неё; у каждой схемы вышивки свой ключ. Иногда вместо «ключ» употребляют слово «легенда». Уметь расшифровывать схему вышивки – значит уметь «читать схему» – читать при помощи ключа.

Можно заметить, что метафора, касающаяся техники вышивки, как правило, антропоморфна, т.е. соотносится с образом человека и его деятельностью. *Французик* – французский узелок, техника выполнения стежка с предварительным накручиванием нити на иглу. *Алжирский глаз (глазок)* – техника выполнения декоративного стежка, имеющая форму квадрата с незашитым центром и выполняющаяся на условном квадрате канвы. *Донор* (обычно в сочетании «набор-донор») – вышивальный набор, который разбирается на составные материалы, используемые в дальнейшем для вышивки других изображений.

Вышитая работа, над которой долго трудились, сродни новорождённому живому существу. К ней относятся бережно, любят и стремятся поскорее оформить. При оформлении готовой работы тоже есть свои нюансы. Так, очень важно «дать вышивке воздуха (дать вышивке дышать)» – т.е. при оформлении оставить пространство между вышитым изображением и паспарту или рамой.

Когда крестикам или бисеринкам на канве становится «тесно», они начинают *толкаться* или *плясать*: *крестики (бисерины) толкаются (пляшут)*

– вышитые крестики или пришитые близко друг к другу бисерины не составляют ровного ряда из-за недостатка места на канве.

Верный и незаменимый помощник вышивальщицы – живая палитра. Печатная полиграфия не всегда полноценно передаёт цвет ниток или бисера, поэтому любая опытная рукодельница гордится наличием «живой палитры» или мечтает её приобрести (сделать самой). *Живая палитра (живая карта)* – каталог образцов ниток (бисера), составленный по номерам цветов; чем полнее каталог, тем ценнее живая палитра.

К вышивальным метафорам, перекликающимся с повседневными наблюдениями за жизнедеятельностью человека, относится *парковка, парковать* – техника вышивки одновременно разными нитями, по вертикали, горизонтали или диагонали, при этом активной является всегда только какая-то одна нить, пока остальные отложены на канве или в вышивальном органайзере, внешне напоминая припаркованные на стоянке автомобили; *долгострой* – начатый и отложенный на неопределённый срок рукодельный процесс.

А вот метафора, дающая характеристику вышивальщице и организации её рабочего пространства, – зооморфна и связана с запасливым зверьком – хомяком. Хомяк – символ вышивальщицы, имеющей в запасе большое количество новых наборов и материалов для вышивки. *Хомячьи запасы* – запасы рукодельных наборов и материалов для вышивания. *Хомячья норка* – место, где хранятся «хомячьи запасы» рукодельных наборов. С одной стороны, вышивальщица гордится наличием множества рукодельных «запасов» в своей хомячьей норке, с радостью показывает их друзьям, хвастается на канале You Tube, периодически устраивая видеодемонстрации, повышает себе настроение, перебирая и перекладывая вышивальные наборы, мечтая о том, как будет приятно их вышить. Но, с другой стороны, нехорошо, если «хомячьи запасы» не уменьшаются со временем или остаются без изменений, лежат на полке в шкафу и пылятся; ещё хуже, если старые запасы не уменьшаются, а рукодельница не может удержаться от приобретения всё новых и новых. Тогда наступает *хомякоз* (ср.: *варикоз, хондроз, токсикоз*) – своеобразная болезнь рукодельницы, безудержная страсть приобретательства, спасти от которой может только *расхомячка* или *вышивальная диета*. *Расхомячка* – это избавление тем или иным способом от скопившегося в «хомячьей норке» обилия рукодельных запасов: вышивальщица может их подарить, продать, выбросить или применить по назначению – в любом случае после расхомячки полки и коробки должны освободиться от хомячьих запасов рукодельницы. *Вышивальная диета*, по аналогии с обычной диетой, призвана ограничить вышивальщицу в приобретении новых рукодельных товаров.

Злейший враг рукодельщицы – *жаба*. Слово *жаба* (усечение от фразеологического сочетания *жаба душит*) часто употребляется в современном русском жаргоне, означает жадность. *Жаба душит хомяка* – жаль рукодель-

нице тратить деньги на приобретение новых запасов. Есть в русском жаргоне устойчивое выражение *закатать губу* (по смыслу противоположное жаргонному выражению *раскатать губу*) со значением 'против своей воли отказаться от приобретения желаемого'. В рукодельном жаргоне блогеров контаминируются выражения *жаба душит* и *закатать губу* и появляется выражение, свойственное только речи рукодельниц: *хомяк закатал жабу*, что означает 'приобрести рукодельные материалы, несмотря на то, что их уже немало в запасах и острой нужды в приобретении нет'.

В целом, можно отметить, что метафора в речи блогеров-вышивальщиц выполняет преимущественно номинативную функцию (а не экспрессивную, как можно было бы предположить, учитывая, что создателем метафоры чаще выступают женщины), заполняя лакуны обозначения вышивальных реалий. Тем не менее она интересна с точки зрения своей когнитивной составляющей.

Видеоблоги представляют собой виртуальный аналог коммуникативных ситуаций, хоть и имеющих свою специфику, но всё же во многом сходных с реальными ситуациями общения в плане наличия важных коммуникативных составляющих: адресанта и адресата, цели и мотива общения, тональности. Создаются видеоблоги реальными людьми для реальных людей и представляют собой некое сообщество единомышленников, поэтому есть здесь и свои правила поведения, и свой речевой этикет. Нами были отмечены этикетные слова и выражения, используемые блогерами для поддержания речевого контакта в эмоционально положительной тональности в разных ситуациях общения, от приветствия до прощания. В рамках настоящей статьи приведём лишь несколько наиболее типичных примеров этикетных единиц, характерных для речи блогеров-вышивальщиц.

Активная настроенность видеоблогера на зрителя-«коллегу», который так же, как и автор видеоблога, увлечён вышивкой, проявляется в адресных этикетных обращениях: *дорогие рукодельницы и рукодельники, уважаемые любители вышивки*, а также в некоторых других формулах речевого этикета. В деревнях на Руси издавна существовали пожелания хозяйке, выполняющей домашнюю работу, в Словаре речевого этикета отмечены такие единицы: *беленько тебе (вам)* – пожелание стирающей бельё, *маслом цедить, сметаной доить* – хозяйке, доящей корову, *спорынья в стряпню* – пожелание стряпухе, *челночек в основку* – работающим за ткацким станком и др. (Балакай 2007) Есть и в современном вышивальном сообществе блогеров подобные пожелания: *ровных крестиков, лёгких крестиков, шустрой иголки* желают блогеры вышивальщицам. А прощаясь, говорят: *С любовью до последнего крестика!*

Итак, речь вышивальщиц, видеоблогеров российского хостинга You Tube, в целом характеризуется большим количеством заимствованной лексики профессионального характера. Это, вероятно, можно объяснить двумя факторами: ориентацией на западную рукодельную практику и недостатком

лексических средств, обозначающих профессиональные реалии вышивальной сферы, в современном русском языке. Особого внимания заслуживает функция типичной метафоры в видеоблогах вышивальщиц – преимущественно номинативная, заполняющая, как и заимствования, незанятое лексико-семантическое пространство профессиональной речи русских вышивальщиц. Для видеоблогеров-рукодельниц очень важно, чтобы общение прошло в положительной, доброжелательной тональности – от этого во многом зависит количество подписчиков на канал. Как правило, вышивальные видеоблоги призваны заряжать позитивом, потому немаловажное место в речи блогеров занимает не только профессиональная лексика, но и слова с положительной коннотацией, а также знаки вежливости – «этикетные поглаживания». Несмотря на то что видеоблогер не видит своего адресата, в своей речи он использует маркёры вежливости, как и в реальной речевой ситуации.

Библиография

- АБРОСИМОВА 2017: Abrosimova, Ye. Ye. (2017), Videoblogosfera: postroyeniye ontologii predmetnoy oblasti. In: Nauchnyy zhurnal Diskurs. 8 (10), 66-75. [Абросимова, Е. Е. (2017), Видеоблогосфера: построение онтологии предметной области. В: Научный журнал Дискурс. 8 (10), 66-75.]
- АНУФРИЕВА 2016: Anufriyeva, N. A. (2016), Videoblogging kak istochnik zaимstvovannoy leksiki v sovremennom russkom yazyke. In: Obucheniye russkomu yazyku i literature: formy, metody, innovatsii. 8-10. [Ануфриева, Н. А. (2016), Видеоблогинг как источник заимствованной лексики в современном русском языке. В: Обучение русскому языку и литературе: формы, методы, инновации. 8-10.]
- БАЛАКАЙ 2007: Balakay, A. G. (2007), Slovar' russkogo rechevogo etiketa. Moskva. [Балакай, А. Г. (2007), Словарь русского речевого этикета. Москва.]
- ДАГБАЕВА 2016: Dagbayeva, O. I. (2016), Lingvisticheckiye osobennosti frankoyazychnykh blogov Frantsii, Kanady i Severnoy Afriki. Moskva. [Дягбаева, О. И. (2016), Лингвистические особенности франкоязычных блогов Франции, Канады и Северной Африки. Москва.]
- КИКЛЕВИЧ 2016: Kiklewicz, A. (2016), Russkiy yazyk v internete: problema semanticheskogo var'irovaniya slov v srede videokhostinga Youtube. In: Slavia Orientalis. LXV (2), 395-413. [Киклевич, А. К. (2016), Русский язык в интернете: проблема семантического варьирования слов в среде видеохостинга YouTube. В: Slavia Orientalis. LXV (2), 395-413.]
- КИКЛЕВИЧ 2017: Kiklewicz, A. (2017), You Tube protiv «Slovary russkogo yazyka». In: Aktual'nyye problemy stilistiki. 3, 190-197. [Киклевич, А. К. (2017), You Tube против «Словаря русского языка». В: Актуальные проблемы стилистики. 3, 190-197.]
- КИРИЛЛОВ 2016: Кириллов, Д. А. (2016), Видеоблогинг: функции, типология, параметры успешности. In: Pavlova, N. P. (red.), Cherepovetskiye nauchnyye chteniya – 2015. 74-76. [Кириллов, Д. А. (2016), Видеоблогинг: функции, типология, параметры успешности. В: Павлова, Н. П. (ред.), Череповецкие научные чтения – 2015. 74-76.]
- КЛУШИНА 2016: Klushina, N. I. (2016), Internet i yego vliyaniye na sovremennyy russkiy yazyk. In: Volodina N. M./Kobozeva, I. M. (red.), Yazyk i diskurs SMI v XXI veke. Moskva. 68-69.

- [Клушина, Н. И. (2016), Интернет и его влияние на современный русский язык. В: Володина, Н. М./Кобозева, И. М. (ред.), Язык и дискурс СМИ в XXI веке. Москва. 68-69.]
- Мечковская 2006: Mechkovskaya, N. V. (2006), Yestestvennyy yazyk i mezh'yazykovaya refleksiya v vek interneta. In: Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2 (12), 165-185. [Естественный язык и межъязыковая рефлексия в век интернета. В: Русский язык в научном освещении. 2 (12), 165-185.]
- Морослин 2009: Moroslin, P. V. (2009), Yazyk interneta kak ob'yekt lingvisticheskikh issledovaniy. In: Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika. 3, 10-17. [Морослин, П. В. (2009), Язык интернета как объект лингвистических исследований. В: Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 3, 10-17.]
- Ярошенко 2010: Yaroshenko, O. A. (2010), Shtrikhi k rechevomu portretu russkogo intelligenta. In: Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 3 (11), 68-77. [Ярошенко, О. А. (2010), Штрихи к речевому портрету русского интеллигента. В: Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 3 (11), 68-77.]

ЕЛЕНА МАРИНОВА / ELENA MARINOVA
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3860-5606>
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

КОНФЛИКТ НОРМЫ И КОДИФИКАЦИИ В ПЕРИОД ЯЗЫКОВОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ НОВЫХ НЕСКЛОНЯЕМЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Conflict between the Norm and Codification in the Period of Language Instability (a case Study of New Indeclinable Nouns of Russian Language)

Ключевые слова: норма, кодификация, вариантность, род, несклоняемое существительное, лингвистическая аналогия

KEYWORDS: norm, codification, variation, gender, indeclinable noun, linguistic analogy

ABSTRACT: The article deals with the characteristic feature of the period of language instability, namely the conflict between the norm and codification in one of the Russian language areas that is subject to greatest variation. The author analyses establishment of the new norm in the process of assigning grammatical category of gender to borrowed indeclinable nouns. The study of this lexical group shows that approximately half of the new words form gender according to the principle of semantic analogy. This fact allows us to maintain that in the Russian of the XXI c. there is a process of broadening in the sphere of application of the rule about assigning gender to indeclinable inanimate onyms and abbreviations. Previously having a limited sphere of application, now this rule also extends to indeclinable inanimate appellatives. However the action of the “older” norm, according to which indeclinable nouns were assigned neuter gender, is also manifested, creating conditions for word variation.

1. К постановке проблемы

В нашем исследовании норма рассматривается как компонент триады «система – узус – норма», в которой под с и с т е м о й понимаются знаковые единицы общения и закономерности их развития и функционирования; под у з у с о м – реальная речевая практика носителей какого-либо конкретного языка, использующих эту систему; под н о р м о й – объективное свойство языка, проявляющееся в способности отбирать, отсеивать варианты одного

и того же языкового знака. В этом смысле норма зависит и от системы, и от узуса, а результаты нормы как «механизма» выбора вариантов в литературном языке закрепляются в процессе кодификации.

Несколько иной характер взаимодействия имеют норма и кодификация по отношению к правилам письменной речи: здесь характер отношений предполагает сознательное влияние кодификаторов на норму. Однако и в этой, вторичной по отношению к естественному языку знаковой системе возможен конфликт между кодификацией и тем, что выбрала норма. Проявления такого конфликта на современном этапе заслуживают отдельного изучения. В настоящей статье нас интересует прежде всего норма естественного языка, в особенности её становление, формирование на тех языковых участках, где система, во-первых, постоянно получает приток новых единиц и, во-вторых, где она недостаточно строго, недостаточно последовательно работает.

В частности, к таким, «слабым» участкам относится функционирование в русском языке несклоняемых неодушевлённых нарицательных существительных. Ядром в данном разряде являются несклоняемые существительные (НС) на гласный (*евро*), периферией – НС на согласный (*искусство фэншуй*). С конца XX в. новыми единицами пополняются обе группы, активные процессы наблюдаются и в ядре, и на периферии. Особенности одного из них, а именно родовое оформление НС, заметны даже рядовому носителю языка, например, в ситуации, когда одно и то же слово используется в разных родовых значениях в официальных названиях традиционных, нередко международных проектов; ср.: *Венецианская биеннале* и *Волжское биеннале*; *Первый российский международный джамбори* и *III Всероссийская джамбори* (о слёте скаутов) и под. Что же касается обычной (в случае затруднения с выбором варианта) практики обращения к нормативным словарям, она не всегда помогает, поскольку в словарях либо содержатся расхождения в рекомендациях (см. об этом далее), либо интересующее слово отсутствует вовсе.

Рассмотрим особенности грамматического «поведения» новых НС.

2. Родовое оформление новых НС на гласный

У новых заимствований данного класса (всего более 230) всё чаще наблюдаются отклонения от общего правила, согласно которому при отсутствии словоизменения существительное на гласный, за редким исключением, получает признаки среднего рода. По нашим наблюдениям, ок. 50% слов не относятся к существительным среднего рода или же варьируются: наряду с грамматическим значением среднего рода употребляются и в каком-либо другом родовом значении. Например, *пати* ‘вечеринка’, *хэндс-фри* ‘устрой-

ство для громкой связи' (от англ. hands free «свободные руки») используются в русской речи в значениях всех трёх грамматических родов. См.:

Пятничная пати (ИПМ)¹; «Чёрно-белое пати» (название вечера); *Развесёлый пати* (ИПМ); *Подскажите плиз, работает ли какой хэндс фри с панасоником?* (из речи посетителя форума; здесь и далее орфография и пунктуация источников сохраняются. – Е.М.); *Есть штатная хэндс-фри* (объявление); *Хэндс-фри новое* (то же).

Однако большинство варьирующихся НС предстают в речи в значении каких-либо двух родов. Это может быть, наряду со средним родом, мужской, как в случае с *а м а р е т т о*: *Легко пилось амаретто* и *Любимый народом амаретто* (ЭКГ);² *г р а н - п р и*: *Прошлое «Гран-при Испании» также выиграл Райкконен и Гран-при был присуждён...* (ЭКГ); *к а м а р о* 'спортивный автомобиль': *Камаро резко понеслось* и *Американский камаро* (ЭКГ); *р о у д - м у в и* и 'фильм о путешествии героев': *Меланхолическое роуд-муви* и *Комический роуд-муви* (НКРЯ)³; *с е л ф и*: *Последнее селфи* (из устн. речи) и *Хотите сделать неотразимый селфи?* (ИПМ); *с и т и*: *Лондонское сити* и *Московский Сити* (Int.)⁴ и др. Варьируются также средний и женский род – у биеннале (см. примеры выше), *джакузи* (ванна), *тату* и др.: *Джакузи было абсолютно стерильно* и *Смело залезайте в свою джакузи* (ЭКГ); *Ваши тату не понравилось* и *Свежая тату* (ИПМ).

Эти и другие многочисленные примеры свидетельствуют о том, что действующее более-менее устойчиво до конца XX в. правило о среднем роде не исчезло, но его влияние значительно ослаблено и распространяется в основном на существительные с конечным -о. НС на другие гласные могут приобретать признаки любого из трёх родов. Очевидно, действие грамматического правила о среднем роде НС конкурирует с действием принципа смысловой аналогии, которое проявляется в том, что род новому существительному присваивается на основе семантического сходства этого слова с его русским аналогом (соответствием, синонимом, переводом). В результате неологизм получает род не по правилу, а по «наследству». Именно так оформился *м у ж с к о й* р о д *васаби* (по роду слова *соус*); *гала* (ср. *праздник*); *гран-при* (ср. *приз*); *дьюти-фри* (ср. *магазин*); *евро* (ср. *доллар, рубль*); *министроне* (ср. *суп*); *сити* (ср. *район*) и др.; *ж е н с к и й* р о д *биеннале* (ср. *выставка*); *вики* (ср. *технология*); *джакузи* (ср. *ванна*); *секьюрити* (ср. *охрана*) и др.

¹ ИПМ – интернет-поисковые материалы.

² ЭКГ – Электронный корпус русских газет кон. XX – нач. XXI в., проект ЛОКЛЛ МГУ им. М. В. Ломоносова.

³ НКРЯ – Национальный корпус русского языка: www.ruscorpora.ru.

⁴ Int. – материалы электронно-поисковой базы «Integrum».

Особенно заметно действие принципа аналогии в случае с «присвоением» рода разным лексико-семантическим вариантам (ЛСВ) одного и того же многозначного слова. В последние десятилетия намечается тенденция к различению грамматических признаков рода у НС, имеющих или развивающих полисемию. Ранее (до нач. XXI в.) подобное происходило, только если ЛСВ многозначного слова обозначали одушевлённый и неодушевлённый предметы. Например: *боа* 1. 'змея' мужской; 2. 'шарф' средний; *сопрано* 1. 'о голосе' средний; 2. 'о той, кто обладает таким голосом' женский (Крысин 2006). У остальных 80-ти многозначных НС, отражённых в том же словарном источнике, разные ЛСВ имеют один и тот же род. В настоящее время нередко каждый ЛСВ оформляется индивидуально. См.: *Подскажите, где можно достать недорогую фрисби* (ИПМ); *Джон бросил красную «фрисби»* (С. Кинг. Мешок с костями). В этих контекстах *фрисби* как обозначение предмета для игры используется по аналогии со словом *тарелка*. Однако если речь идёт о виде спорта, род слова мужской. Ср.: *Пляжный фрисби* (объявление о развлечениях на пляже); *Впервые в российской спортивной истории пройдёт суточный непрерывный фрисби...* (ЭКГ). Подобным образом ведёт себя слово *барбекю*: род может подстраиваться под значение. См.: *Вкусное барбекю* (о блюде) – ср. *Каменная барбекю* (о решётке, печи) и *Пропустим [...] «романтический барбекю на пленэре»* (ЭКГ) (о пикнике). Таким образом, в случае полисемии слова, род может оформляться под влиянием смысловой аналогии: *фрисби* – женский («летающая тарелочка»), мужской (спорт); *барбекю* – средний (блюдо), женский (решётка, печь) и под.

На наш взгляд, формируется новая норма, которая на самом деле откликнулась на то, что уже существует в с и с т е м е, а потому не противоречит ей. Мы имеем в виду родовое оформление аббревиатур (*МГУ был основан...*; *РПЦ призвала...*) и несклоняемых топонимов (*огромный Токио, красочная Миссисипи*). В современной языковой ситуации в сфере неодушевлённых нарицательных НС начинает действовать тот же принцип, что и у слов названных выше категорий.

3. Кодификация новых НС на гласный

Однако в процессе кодификации эти живые процессы либо не учитываются, либо учитываются, но отражаются непоследовательно. Заметное отставание кодификации от реальной речевой практики приводит к определённым последствиям. Так, в случае необходимости проверить слово, с чем неизбежно сталкиваются представители таких профессий, как редакторы, корректоры,

журналисты, преподаватели, можно получить противоречивую информацию даже на самом авторитетном портале «Грамота.ру». Вот так, например, выглядит поисковая страница этого портала при проверке слова *бибабо*:

Орфографический словарь:

бибабо, нескл., м. и ж.

Большой толковый словарь:

БИБАБО, неизм.; ср. Театральная кукла, надеваемая на руку и приводимая в движение пальцами руки.

Русское словесное ударение:

бибабо́, нескл., ж. и с.

Такие примеры, к сожалению, не единичны даже в отношении старых заимствований, но в большей степени подобный разноречивой касается неологизмов.

С одной стороны, нельзя не заметить стремление современных словарей отразить вариантность слова, тем самым добиваясь объективности в подаче языковых фактов. См.: *амаретто* – средний и мужской (Новые... 2009); *бэкканти* (экстремальный вид спорта) – мужской и средний (Комплексный... 2012); *джамбори* – мужской и средний (Новые... 2009); *камаро* – мужской и средний (Новые... 2009); *кросс-канти* (гонки на велосипедах) – мужской и средний (Шагалова 2010); *личи* (фрукт) – мужской и средний (Шагалова 2010); *мате* (парагвайский чай) – мужской и средний (Русский... 2012); *минестроне* (суп) – мужской и средний (Шагалова 2010); *пати* – средний, женский, мужской (Новые... 2009); *помело* (фрукт) – мужской и средний (Русский... 2012); *прайвеси* (право на неприкосновенность частной жизни) – мужской и средний (Шагалова 2010); *саке* (японская водка) – женский и средний (Русский... 2012); *сити* – мужской и средний (Русский... 2012); *секьюрити* – женский и средний (Русский... 2012); *соджу* (корейская водка) – женский и средний (Шагалова 2010) и др.

С другой стороны, в отношении некоторых НС словари избирают один какой-либо род, несмотря на то что слово по этому признаку варьируется. В итоге каждый словарь даёт свою версию грамматического значения слова. Например: *ауди* – мужской (Новые... 2009; Русский... 2012), женский (Толковый... 1998); *вольво* – мужской (Русский... 2012), женский (Толковый... 1998); *джакuzzi* – средний (Большой... 1998; Большой... 2005; Крысин 2006; Русский... 2012), женский (Новые... 2009), женский и средний (Толковый... 2006); *лего* – мужской (Шагалова 2010), средний (Русский... 2012); *тату* – средний (Русский... 2012; Крысин 2006), женский (Большой... 1998; Толковый... 2006); *тофу* – средний (Русский... 2012), мужской (Большой... 1998; Крысин 2006); *фрисби* – женский (Большой... 1998), мужской (Комментарий... 2012); *фэнтези* – средний (Большой... 1998; Шагалова 2010; Русский... 2012), женский (Толковый... 1998), мужской (Комплексный... 2012) и др.

4. Родовое оформление НС на согласный

В XX в. такая постановка вопроса показалась бы по меньшей мере странной, поскольку несклоняемых неодушевлённых апеллятивов с консонантным исходом в русском языке не существовало. НС на согласный были представлены только одушевлёнными существительными, составлявшими две немногочисленные специфические группы: феминитивы (*мисс, мадам* и др.) и наименования группы лиц – *контрас, коммандос* и др. (Маринова 2018). Естественно, что ни в той, ни в другой группе вопрос о роде возникнуть не мог.

В XXI в. ситуация изменилась. Массовый «обвал» заимствований в русской лексике в некоторой степени затормозил адаптационные механизмы (что, кстати, является одним из признаков языковой нестабильности)⁵, в результате чего начиная с 80-90-х гг. прошлого века постепенно формируется, как было сказано выше, периферийная группа НС на согласный, представленная неодушевлёнными апеллятивами (*искусство фэзишуй*). До указанного периода все подобные заимствования приобретали словоизменительные свойства и оформлялись как существительные мужского рода⁶.

Что показывают наблюдения над современной речью?

Некоторые неодушевлённые иноязычные существительные, оканчивающиеся твёрдым согласным, вопреки языковому «стандарту» используются как НС женского рода. К ним относятся: *грин-кард* ‘вид на жительство’; *демо-тейп* ‘пробная запись новых песен’; *шоу-рум* ‘помещение, площадка для демонстрации одежды’; *нюс-рум* ‘отдел новостей’; *чекинг-лайн* ‘тройка игроков в хоккее’; *дрим-тим* ‘команда из высокооплачиваемых спортсменов’; *ресепшен/ресепшин*; *поул-позишен* ‘стартовая позиция, которую гонщик имеет право выбрать при условии победы в квалификационном заезде’; *сайенс-фикшин* и др.:

Смог получить немецкую грин-кард (ЭКГ); Прослушали только одну демо-тайп (ЭКГ); Предварительный показ в недавно открывшейся шоу-рум (ИПМ); Российский канал внедрил супероснащённую нюсрум (Int.); В своей чекинг-лайн Николай умудрился выдавать партнёрам остроумнейшие передачи (НКРЯ); Шансы на создание новой «дрим-тим» весьма высоки (НКРЯ); От Вашей ресепшен останется наилучшее впечатление (реклама); Пока не удалось завоевать ни одной поул-позишин (ЭКГ); На рынке мировой сайенс-фикшин (ИПМ).

⁵ Признаки нестабильности лексической системы см. в (Толковый... 1998, 8-10).

⁶ Род варьировался (мужской или женский) только у заимствованных существительных, оканчивающихся мягким согласным ([н’], [л’]) – *шампунь, тюль* и проч. В последние десятилетия родовое варьирование существительных на мягкий согласный затухает: новые иноязычные слова, имеющие такую структурную особенность, оформляются как существительные мужского рода и не варьируются (Маринова 2014).

По-видимому, женский род во всех этих примерах п(р)оявился не случайно. Во-первых, сработала аналогия с женским родом слова-аналога, синонима, русского соответствия и под. (ср.: *грин-кард* и *карта*; *демо-тейп* и *запись*; *шоу-рум*, *нюс-рум* и *комната*; *чекинг-лайн* и *линия*; *дрим-тим* и *команда*; *ресепшин* и *рецепция* в том же значении; *поул-позишн* и вариант *поул-позиция*; *сайенс-фикшн* и родовое слово *литература*). Во-вторых, подействовала аналогия с одноструктурными словами – ранее заимствованными одушевлёнными НС на твёрдый согласный, имеющими признаки женского рода. В последнем утверждении легко убедиться, проанализировав контексты, в которых приведённые выше слова используются с падежными окончаниями (такие, более русифицированные варианты, как правило, и побеждают, постепенно вытесняя несклоняемые) в значении существительных мужского рода, что и соответствует норме. См., например: *Открытие мультибрендового шоу-рума* (ИПМ); *Создание каждого нюсрума специфично* (ИПМ) и др.

5. Кодификация НС на согласный

Имена существительные данной группы, так же как и предыдущей (см. п. 2), вызывают определённые затруднения при их словарной фиксации и тем более кодификации, причём даже при кодификации одушевлённых имён – наименований лиц женского пола (!). Так, по данным различных словарей, *вамп* – мужского рода (Крысин 2006), женского (Словарь... 1991), мужского и среднего (Большой... 1998). Однако в речи *вамп* используется только как существительное женского рода (Маринова 2014). Расхождение между родом «на практике» и «словарным» родом обнаруживает и *гёрлфренд*. В одном из словарей слово отнесено к существительным мужского рода (Крысин 2006), но реальные словоупотребления показывают другое: *Наш герой вместе со своей гёрлфренд переселился в новую квартиру* (МК 13.12.2006).

Приблизительно та же картина наблюдается и в словарной фиксации неодушевлённых НС. Например, как существительное женского или среднего рода даётся *от-кутюр* (Русский... 2012). Ср. в речи: *Вам понравится наш от-кутюр* (реклама).

В ряде случаев фиксация рода нового слова в словаре не подкреплена текстовыми иллюстрациями. Однако вряд ли такая «голословная» подача неологизма целесообразна, если речь идёт о нестандартных, непривычных для русского языка употреблениях. Это замечание касается следующих толкований: *фьюжн* (электроджаз) женский и средний (Шагалова 2010) – ср. в речи: *в стиле афроамериканского фьюжн*; *фэнишуй* нескл. мужской и средний (Русский... 2012) и др.

6. Выводы

1. В период языковой нестабильности норма приобретает сверхдинамический характер.
2. Всё чаще грамматическая норма допускает употребление слова в двух вариантах, подобно акцентной норме (*твóрог – творóг* и т.п.). Таким образом, варьирование слова по тому или иному признаку само становится своего рода нормой.
3. Кодификация как никогда более заметно отстаёт от действия нормы, в результате чего неизбежен конфликт.
4. При фиксации новых иноязычных существительных на согласный логично рекомендовать в качестве правильного склоняемый вариант (мужского рода). При фиксации НС на гласный следует отражать конкурирующие варианты. Кодификация только одного из них преждевременна.
5. Тот факт, что в ряде случаев окончательный родовой вариант НС на гласный ещё не утвердился в узусе, означает, что норма не сформировалась. Наблюдение за ней со стороны лингвистической общественности поможет уточнять нормативные грамматические пометы в процессе кодификации.

Библиография

- Большой... 2005: Bol'shoi akademicheskiy slovar' russkogo yazyka (2005). Gorbachevich, K. S. /Gerd, A. S. T. I. Moskva; Sankt-Peterburg. [Большой академический словарь русского языка (2005). Горбачевич, К. С./Герд, А. С. (ред.). Москва/Санкт-Петербург.]
- Большой... 1998: Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka (1998). Kuznetsov, S. A. Sankt-Peterburg. [Большой толковый словарь русского языка (1998). Кузнецов, С. А. (ред.). Санкт-Петербург.]
- Комплексный... 2012: Kompleksnyy normativnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka (2012). Sklyarevskaya G. N./Vaulina, Ye. Yu. (red.). Sankt-Peterburg. [Комплексный нормативный словарь современного русского языка (2012). Складаревская Г. Н./Ваулина Е. Ю. (ред.). Санкт-Петербург.]
- Крысин 2006: Krysin, L. P. (2006), Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov. Moskva. [Крысин, Л. П. (2006), Толковый словарь иноязычных слов. Москва.]
- МАРИНОВА 2014: Marina, Ye. V. (2014), Novyye yavleniya v rodovoy adaptatsii inoyazychnykh imen sushchestvitel'nykh. In: Russkiy yazyk v shkole. 8, 57-65. [Маринова, Е. В. (2014), Новые явления в родовой адаптации иноязычных имён существительных. В: Русский язык в школе. 8, 57-65.]
- МАРИНОВА 2018: Marina, Ye. V. (2018), Ot-sut-stviye slovoizmeneniya u naritsatel'nykh sushchestvitel'nykh na soglasnyy: granitsy yavleniya v sovremenno. W: Przegląd Wschodnioeuropejski. IX/2, 187-195. [Маринова, Е. В. (2018), Отсутствие словоизменения у нарицательных существительных на согласный: границы явления в современной русской речи. W: Przegląd Wschodnioeuropejski. IX/2, 187-195.]
- НОВЫЕ... 2009: Novyye slova i znacheniya: Slovar'-spravochnik pomaterialam pressy i literatury 90-kh gg. T. I. (2009). Butceva, T. N. (red.). Sankt-Peterburg. [Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. (2009). Буцева, Т. Н. (ред.). Т. I. Санкт-Петербург.]

- РУССКИЙ... 2012: Russkiy orfograficheskiy slovar' (2012). Lopatin, V. V./Ivanova, O. Ye. (red.). Moskva. [Русский орфографический словарь (2012). Лопатин, В. В./Иванова, О. Е. (ред.). Москва.]
- СЛОВАРЬ... 1991: Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka (1991). Gorbachevich, K. S. (red.). Moskva. [Словарь современного русского литературного языка (1991). Горбачевич, К. С. (ред.). Москва.]
- ТОЛКОВЫЙ... 1998: Tolkovyy slovar' russkogo yazyka kontsa XX v. Yazykovyye izmeneniya (1998). Sklyarevskaya, G. N. (red.). Sankt-Peterburg. [Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения (1998). Скляревская, Г. Н. (ред.). Санкт-Петербург.]
- ТОЛКОВЫЙ... 2006: Tolkovyy slovar' russkogo yazyka nachala XXI v. Aktual'naya leksika (2006). Sklyarevskaya, G. N. (red.). Moskva. [Толковый словарь русского языка начала XXI в. Актуальная лексика (2006). Скляревская, Г. Н. (ред.). Москва.]
- ШАГАЛОВА 2010: Shagalova, Ye. N. (2010), Slovar' noveyshikh inostrannykh slov. Moskva. [Шагалова, Е. Н. (2010), Словарь новейших иностранных слов. Москва.]

JEKATERINA BLIZNIUK-BISKUP

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8415-9999>

Uniwersytet Warszawski

«РУССКИЕ МУЖИКИ? КАКИЕ ЖЕ, КАК НЕ РУССКИЕ...», ИЛИ ПОЧЕМУ ТРУДНО ПЕРЕВОДИТЬ ГОГОЛЯ

“Russian Muzhiks – Who Else if not Russians...”: Why Gogol is so Difficult to Translate

Ключевые слова: Николай Васильевич Гоголь, перевод, идиостиль, наррация Гоголя, роль нарратора, точка зрения в повествовании, доместикация, форенизация, отражение национальных особенностей

KEYWORDS: Nikolai Gogol, translation, idiostyle, Gogol’s narration, role of narrator, point of view, domestication, foreignization, national local color in translation

ABSTRACT: The author addresses the issue of how peculiarities of Gogol’s narrative style can be retained in the translations of “Petersburg Stories” and “Dead Souls”, with special focus on the attitude of the narrator towards what is reported. The main attention is paid to constructions with the qualifier *russkij* ‘Russian’ referring to phenomena deeply rooted in Russian culture and, on the face of it, serving to highlight the national “local color”. Still, on a closer inspection one finds that, contrary to expectations, relevant constructions reflect alienation of the narrator with respect to reported events, being a kind of exoticisms and thus additionally complicating translation. It is well-advised for Gogol’s translators to be mindful of this special variety of exoticization characteristic of his prose.

Восприятие гоголевского творчества в Польше столь же неоднозначно, как и отношение самого Гоголя к Польше и полякам, которое израильский исследователь М. Вайскопф (2002, 291) определял как сочетание полонофильства и полонофобии. Изначально антипольской с точки зрения идейно-исторического содержания была объявлена повесть «Тарас Бульба» (подробнее см.: Tazbir 2002, 145-169); сам же Гоголь поддерживал творческие и духовные связи с польскими поэтами, писателями и священнослужителями; как подтверждают многие исследования, оказал влияние на польскую литературу (подробнее об этом: Н.В. Гоголь и славянские литературы 2012); известно также, что предки Гоголя были польской национальности (Золотусский 1979, 8-9). Интерес к творчеству Гоголя в Польше был всегда. Его произведения

вызывали и положительные отзывы, и полное неприятие, как в случае массовых студенческих манифестаций против повести «Тарас Бульба», проходивших в пятидесятую годовщину со дня смерти писателя (Sielicki 1985, 17). Первые переводы гоголевских сочинений на польский язык появляются еще при жизни писателя; в XX веке к ним обращаются такие выдающиеся литераторы-переводчики, как Е. Вышомирский, Ю. Тувим, Вл. Бронецкий и др.; в настоящее время интерес к произведениям Гоголя также не угасает: в 2002 году появляется перевод повести «Тарас Бульба» А. Земного, в 2001 г. – Е. Шота (на средства самого переводчика!); в 2000 г. издаются повести «Нос» и «Шинель» в переводе Я. Партыки; в 2014 выходит перевод поэмы «Мертвые души» В. Длуского, а в 2016 г. – К. Тура. Как видим, сегодня над одним и тем же гоголевским произведением практически одновременно работают несколько польских переводчиков. В чем сила притяжения Гоголя? «Желание создать новый перевод обычно вызывают шедевры или книги, представляющие собой самобытную литературную ценность, не банальные в своей художественности и языке, – пишет В. Длуский. – Это от любви к оригиналу, от восхищения им рождается в переводчике стремление самостоятельно воссоздать его на польском языке» (Dłuski 2017; перевод Е. Б.-Б.).

К гоголевским шедеврам, как можно судить, будут обращаться новые поколения переводчиков, пытаясь разгадать их художественную загадку. Для переводчика они – трудная и очень интересная задача, своего рода творческое испытание, поскольку главным в них является не сюжет, а сам процесс повествования, моделирования текста. Как отмечал В. В. Набоков, анализируя повесть «Шинель», «подлинный сюжет (как всегда у Гоголя) – в стиле, во внутренней структуре этого трансцендентального анекдота» (Набоков 1996, 121). Список трудностей, с которыми сталкиваются переводчики, достаточно длинен: это регионализмы и индивидуальное словотворчество, говорящие фамилии, множественные синтаксические и лексические тавтологии, плеоназмы, повторы, различные инверсии и мн. др. – словом, такие «неровности» языка оригинала, которые вызывают переводческий страх при их передаче на другой язык, поскольку сохранение их в тексте может быть отнесено на счет некомпетентности самого переводчика. Гоголя трудно переводить еще и потому, что в его стиле особенно наглядно и «концентрированно» отразились особенности русской языковой картины мира и русского менталитета. На это в свое время обратил внимание Ф. М. Достоевский, с разочарованием оценивая перевод на французский язык, выполненный при участии И. С. Тургенева¹:

¹ Речь идет о сборнике «Русские повести Гоголя» («Nicolas Gogol. Nouvelles russes»), вышедшем в Париже в 1845 г., в который вошли «Вий», «Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска» и «Старосветские помещики». Переводы были выполнены И. С. Тургеневым и С. А. Гедеоновым, однако на титульном листе в качестве переводчика напечатано имя Луи Виардо, который

И что же? Вышла из этого перевода такая странность, что я, хоть и предчувствовал заранее, что Гоголя нельзя передать по-французски, все-таки никак не ожидал такого исхода. [...] Словом, все характерное, все наше национальное по преимуществу (а стало быть, все истинно художественное), по моему мнению, для Европы незнаваемо (Достоевский 2006, 259-260).

Бесспорно, если говорить о таких сочинениях, как «Мертвые души» или «Петербургские повести», описывающих российскую действительность, Гоголь в них является мастером отражения русского национального колорита – от бытовых описаний до ментальных особенностей. Однако с какой позиции (с какого угла зрения) преподносится в этих произведениях все национальное и чувствует ли нарратор общность с описываемой действительностью? Ответ на этот вопрос поможет разобраться в тонкостях перевода гоголевского повествования и указать на одну из причин его загадочности и труднопереводимости.

В любом художественном тексте происходящее описывается с какой-то точки зрения, события кем-то увидены и рассказаны, поэтому способ повествования напрямую зависит от фигуры самого нарратора (рассказчика, повествователя), которую при переводе нельзя недооценивать. В нарратологии хорошо известно, что автор и нарратор – это совершенно разные ипостаси, автор не всегда вкладывает в уста нарратора собственные убеждения, их точки зрения могут совпадать или совершенно различаться. На первый взгляд, гоголевский нарратор очень хорошо знает изображаемую российскую действительность, чувствует общность с ней и с русским читателем, о чем свидетельствует, в частности, при описании тех или иных явлений частое использование местоимения *наш* или таких выражений, как *по обыкновению*, *как говорят*, *обычно*, *как обыкновенно бывает*, *как всегда*, *по нашему обычаю*, *что называют на Руси*, *у нас на Руси* и т.п., которые, по словам Ю. В. Манна, «возводят описываемый предмет в общенациональный ранг» и «обволакивают изображаемое особой атмосферой субъективно-близкого, знакомого» (Манн 1996, 249).

Однако при внимательном рассмотрении эта общность оказывается мнимой или по крайней мере сомнительной. Она рассеивается при номинации и описании (парадоксально!) типично русских явлений. Описывая русскую жизнь и быт, нарратор делает это так же, как говорит о немцах или французах – словно никогда не относил себя к их обществу, а смотрит на происходящее издалека, отстраняется от изображаемого. К примеру, при перечислении

корректировал французский перевод и внес много своих исправлений. Возможно, по этой причине Достоевский написал, что «француз, не знающий ничего по-русски, переводит нашего Гоголя» (Достоевский 2006, 259).

публики на Невском проспекте в одноименной повести он ставит в один ряд заезжего чудака (т.е. иностранца), англичанку и русского артельщика (здесь и далее в примерах интересующие нас конструкции выделены – Е. Б.-Б.):

- (1) ...какой-нибудь заезжий чудака, которому все часы равны, какая-нибудь длинная высокая англичанка с ридикулем и книжкой в руках, какой-нибудь артельщик, русский человек в демикотоновом сюртуке с талией на спине...

В некоторых случаях подчеркивание национальной специфики вполне резонно – благодаря этому максимально обобщаются описываемые явления и показывается русский характер: герои «Петербургских повестей» следуют *русскому правилу* («Невский проспект»), говорят *с чувством русского*, им в голову приходят мысли, пробегающие *часто в русской голове* («Портрет»); русский человек у Гоголя обладает *самородным дарованием* («Портрет»), пьет, как *всякий порядочный русский мастеровой* («Нос») и др. В «Мертвых душах» определение *русский* зачастую нарочито подчеркивается при сравнении с другими народами:

- (2) А уж куды бывает метко все то, что вышло из глубины Руси, где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких иных племен, а всё сам-самородок, живой и бойкий русский ум ... [...] Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слово *брита*; легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово *француз*; затейливо придумает свое, не всякому доступное, умно-худощавое слово *немец*; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепело, как метко сказанное *русское слово*.

Ю. В. Манн отмечал, что в подобных случаях наглядно проявляется отношение самого Гоголя (подчеркнем – не нарратора) к описываемой действительности, когда он видит Россию «в целом и со стороны», «всю, во всей ее „громаде”» (Манн 1996, 245). Здесь, по выражению исследователя, художественный угол зрения совпадает с реальным, поскольку Гоголь, как известно, трудился над поэмой за границей. В гоголевской наррации, однако, есть гораздо больше примеров, в которых цель использования определения *русский* не так очевидна. Нарратор нередко не просто смотрит на происходящее со стороны, а словно отстраняется от него, воспринимает как чужое. К примеру, в «Петербургских повестях» он оказывается таким же гостем (в отличие от «Вечеров на хуторе близ Диканьки» или «Миргорода»), каким был сам Гоголь в Петербурге.

Некоторые исследователи² задавались вопросом, зачем указывать национальность русских персонажей и строить плеонастические сочетания типа *русские мужики, русский народ, русский человек* («Мертвые души», «Невский проспект»), *русские купцы, молодые русские бабы* («Портрет»), *русские избы* («Записки сумасшедшего») и др. «Какие же, как не русские? Не в Австралии ж происходит действие!», – писал А. Белый, анализируя подобные определения в «Мертвых душах» (Белый 1996, 95). Не совсем ясно, например, зачем в следующем предложении из повести «Портрет» лишний раз указывать на русский характер высказывания, если читателю и так должно быть понятно, что речь идет о русской пословице:

- (3) Вино несколько зашумело в голове, и он вышел на улицу живой, бойкий, по русскому выражению: черту не брат.

При наличии определения *русский* в данном случае высказывание звучит как экзотическое или же произнесенное для иностранца, производит подобный нарративный эффект, как в переводном тексте, ср. (Ст. Бачиньский):

- (4) Wino szumiało mu trochę w głowie, więc wyszedł na ulicę żywy, sprężysty w edług rosyjskiego określenia „czortu nie brat”.

В современном переводоведении известны две основные стратегии передачи труднопереводимой лексики и различных иноязычных вкраплений, сигнализирующих о чужой реальности: доместикация (с англ. *domestication*) и форенизация (с англ. *foreignization*) (см.: Venuti 1995; 2-изд. 2008). В первом случае переводчик осваивает (одомашнивает) текст, адаптируя его к знаниям, действительности читателя, благодаря чему произведение воспринимается как написанное соотечественником или современником. При форенизации сохраняются заимствованные элементы (экзотизмы, имена, идиомы и др.), тем самым передается национальная идентичность оригинального текста. В приведенном выше примере выделенная нами конструкция и в оригинале, и в переводе звучит как инородная, сохраняющая иноязычную культурную форму. Ср. с другим, «одомашненным» переводом Е. Бженчковского, в котором определение *русский* опускается и предлагается нейтральный эквивалент *jak się to mówi* (русс. ‘как говорится’):

- (5) Wino nieco zaszumiało mu w głowie, wyszedł na ulicę ożywiony, dziarski, jak się to mówi: z diabłem za pan brat.

² С. А. Венгерова (1911–1913), А. Белый (1996, 1-е изд. 1934), Ю. В. Манн (1996), В. В. Набоков (1996).

Нарратор в «Петербургских повестях» описывает российскую действительность и население вчуже и о с т р а н е н н о, словно смотрит глазами иностранца. В таких случаях налицо моделирование остранинной точки зрения нарратора в том смысле, в каком понимал остранинение³ В. Б. Шкловский и русские формалисты. По Шкловскому, при остранинении как особом приеме затрудненного, длительного восприятия действительности вещи описываются как первый раз увиденные, тем самым выводятся «из автоматизма восприятия» и превращаются из привычных в странные. В этом и заключается основной закон искусства: «не приближение значения его <образа – Е. Б.-Б.> к нашему пониманию, а создание особого восприятия предмета, создание „виденья” его, а не „узнаванья”» (Шкловский 1929, 15-18). Гоголевский нарратор смотрит на описываемую действительность как на нечто чужеродное, увиденное впервые или же непривычное, подобно тому, как делает это один из персонажей повести «Портрет» – аристократическая дама, любительница итальянской живописи, которая долгое время провела за границей и теперь дистанцируется от русской обстановки. Она восклицает при виде картин художника Чарткова, изображающих русский быт: «Ах, мужичок! Lise, Lise, мужичок в русской рубашке! смотри: мужичок!». Похоже реагирует на изображаемое и гоголевский нарратор, что напрямую связано с отношением самого писателя к русской жизни, по выражению Венгерова, «как к чему-то чуждому, поздно узанному и потому бессознательно этнографически окрашенному» (цит. по: Манн 1996, 243). Парадоксально, но в переводах нередко польские фразы звучат не так отчужденно, как некоторые гоголевские. Приведем фрагмент из «Невского проспекта»:

- (6) По улицам плетется нужный народ; иногда переходят ее русские мужики, спешащие на работу, в сапогах, запачканных известью, которых и Екатерининский канал, известный своею чистотою, не в состоянии бы был обмыть. В это время обыкновенно неприлично ходить дамам, потому что русский народ любит изъясняться такими резкими выражениями, каких они, верно, не услышат даже в театре. [...] Русский мужик говорит о гривне или о семи грошах...

Ср. с переводом Е. Вышомирского:

- (7) Ulicami wlecze się lud pożyteczny: śpiesząc do pracy, idą chłopi rosyjscy w butach zapakanych wapnem, którego nie byłby w stanie zmyć nawet kanał Katarzyny, znany ze swej czystości. O tej porze nie przystoi wychodzić damom, albowiem

³ В литературе распространено написание этого термина с одной буквой *н*, сам Шкловский настаивал на написании остранинения с двойным *нн*.

l u d r o s y j s k i lubi się posługiwać takimi jaskrawymi zwrotami, jakich damy nie usłyszą zapewne nawet w teatrze. [...] C h ł o p r o s y j s k i mówi o półrublówce albo o kilku miedziakach...

Более экзотическую для польского языка версию при переводе словосочетания *русский мужик* предлагает В. Длуский в «Мертвых душах» – *ruski mužyk*, аргументируя свой выбор тем, что многое изменилось со времени создания старых переводов, словосочетание *ruski mužyk* прочно вошло в польский языковой обиход и у современного читателя уже нет проблем с пониманием его значения и дополнительных коннотаций: «Если Гоголь кое-где хочет сказать о крепостных, то пишет „крестьянин”, а в слове „мужик” есть особая, именно русская черта» (Dłuski 2014; перевод Е. Б.-Б).

Бесспорно, словосочетания *chłop rosyjski* и особенно *ruski mužyk* в польских переводах являются экзотизмами и используются для подчеркивания местного колорита и сохранения стереотипных представлений о национальных особенностях. Словосочетание *русский мужик* у Гоголя также несет в себе элемент чужеродности. Такие особенности о с т р а н е н н о й точки зрения гоголевского нарратора трудно поддаются полной передаче на другой язык, поскольку некоторые его выражения звучат как уже фореинизированные, т.е. переведенные на русский. Для того чтобы придать тексту более естественное звучание, в некоторых случаях переводчики опускают кажущиеся лишними эпитеты, как в примере с проанализированной ранее конструкцией *по русскому выражению: черту не брат* или в следующем высказывании из повести «Записки сумасшедшего»:

- (8) На улицах не было никого; одни только бабы, накрывшись полами платья, да р у с с к и е к у п ц ы под зонтиками, да курьеры попадались мне на глаза.
- (9) Na ulicach — pustki: spotykałem jedynie baby, osłaniające głowy połami swego odzienia, k u p ó w pod parasolami, no i doróżkarzy. (Е. Вышомирский)

Иной раз гоголевские конструкции с эпитетом *русский* не просто звучат как тавтологические, или, как их называл В. В. Набоков, «типично гоголевский плеоназм» (Набоков 1996, 74), а являются оксюмороном, как в следующем примере из повести «Шинель»:

- (10) Воротничок на нем был узенький, низенький, так что шея его, несмотря на то что не была длинна, выходя из воротника, казалась необыкновенно длинною, как у тех гипсовых котенков, болтающих головами, которых носят на головах целыми десятками р у с с к и е и н о с т р а н ц ы.

Сочетание противоречащих друг другу понятий в выделенной нами конструкции ставит переводчиков в тупик, о чем говорит неоднородность их версий:

- (11) ... niczym szyja owych gipsowych kociaków, co to kiwają głowami, sprzedawanych na ulicach przez domokrązców. (Е. Вышомирский)
- (12) ... jak u owych gipsowych kotków kiwających łebkami, jakich całe dziesiątki obnoszą na głowie rosyjscy cudzoziemcy [autor ma prawdopodobnie na myśli wędrownych handlarzy, rekrutujących się przeważnie spośród mniejszości narodowych. (Г. Карский)] .
- (13) ... jak u tych kotków z gipsu, które kiwają głową i są sprzedawane tuzinami przez Rosjan cudzoziemców. (Ст. Бачинский)
- (14) ... jak u tych gipsowych kotków, które całymi dziesiątkami kupują w Rosji cudzoziemcy. (Я. Партыка)

В переводе (12) с выражением сомнения дается подстрочный комментарий ‘автор вероятно имеет в виду бродячих торговцев’; в (13) калькируется русская конструкция, смысл которой на польском языке не совсем понятен; в (14) полностью искажен смысл исходного текста (по-русски буквально ‘как у гипсовых котят, которых целыми десятками покупают в России иностранцы’); в (11) налицо стратегия доместикации с опущением «неудобного» в данном случае эпитета *русский*, что, как нам кажется, дает наиболее понятную и не отягощающую читательское восприятие польскую версию *domokrązcy* (русск. ‘уличные торговцы, разносчики’).

Еще одним повторяющимся эпитетом, содержащим элемент остранинного восприятия нарратора, является прилагательное *чудный*, которое А. Белый назвал гоголевским излюбленным, употребляемым в двух смыслах: в прямом как *дивный* и в переносном как *странный, чудной, дикий* (Белый 1996, 223). В анализируемых произведениях используется преимущественно второе значение, кроме повести «Рим», где все описываемое представлено как нечто прекрасное, чудесное: чудное согласие, чудный праздник, чудная модель, чудные плиты и др. К примеру, в повести «Нос» нарратор, присматриваясь поближе к чиновничьему сословию, обобщает увиденное эпитетом *чудная*:

- (15) Но Россия такая чудная земля, что если скажешь об одном коллежском асессоре, то все коллежские асессоры, от Риги до Камчатки, непременно примут на свой счет.

Лексема *чудная* здесь, без сомнения, использована в значении ‘странная’, что можно понять и непосредственно из контекста, и на основании обозначенных нами нарративных особенностей остранинной точки зрения. Один из переводов (Е. Вышомирского) предлагает нам такой же семантический вариант, как в оригинале: *Rosja jest ziemią tak przedziwną* (русск. ‘Россия

– такая странная земля’); в другом (Я. Партыки) – *Rosja to taki wspaniały kraj* (русск. ‘Россия – это такой замечательный край’) – отсутствует понимание особенностей точки зрения нарратора, что ведет к неверной интерпретации повествовательной ситуации и, как следствие, искажению при переводе.

Понимание роли нарратора и позиции, с которой он воспринимает описываемую действительность, как мы убедились на примерах, при интерпретации и переводе произведения имеет немаловажное значение. Упущение обозначенных нами нарративных особенностей гоголевского повествования может приводить в переводе к искажению идейно-художественного содержания произведения, нарративным модификациям или по крайней мере к неправильному определению значения полисемантических слов. Гоголевский нарратор при описании русских явлений проявляет себя как лицо, принадлежащее другой национальной среде, т.е. нарратив в некоторых своих моментах звучит как фореинизированный, а то, что непосредственно характеризует русскую жизнь или характеры, оказывается своего рода экзотизмами в тексте оригинала. Это одно из обстоятельств, делающих Гоголя столь труднопереводимым автором.

Библиография

- БЕЛЫЙ 1996: Belyu, A. (1996), *Masterstvo Gogolya: Issledovaniye*. Moskva. [Белый, А. (1996), *Мастерство Гоголя: Исследование*. Москва.]
- ВАЙСКОПФ 2002: Vayskopf, M. (2002), *Syuzhet Gogolya. Morfologiya, ideologiya, kontekst*. Moskva. [Вайскопф, М. (2002), *Сюжет Гоголя. Морфология, идеология, контекст*. Москва.]
- ВЕНГЕРОВ 1913: Vengerov, S. A. (1913), *Sobraniye sochineniy*. T. 2. Sankt-Peterburg. [Венгеров, С. А. (1913), *Собрание сочинений*. Т. 2. Санкт-Петербург.]
- ГОГОЛЬ 1984: Gogol', N. V. (1984), *Sobraniye sochineniy v 8 tomakh*. T. 3, 5. Moskva. [Гоголь, Н. В. (1984), *Собрание сочинений в 8 томах*. Т. 3, 5. Москва.]
- ДОСТОЕВСКИЙ 2006: Dostoyevskiy, F.M. (2006), *Zapiski o russkoy literature* Moskva. [Достоевский, Ф. М. (2006), *Записки о русской литературе*. Москва.]
- ЗОЛОТУССКИЙ 1979: Zolotusskiy, I. (1979), *Gogol'*. Moskva. [Золотусский, И. (1979), *Гоголь*. Москва.]
- МАНН 1996: Mann, Yu. V. (1996), *Poetika Gogolya. Variatsii k teme*. Moskva. [Манн, Ю. В. (1996), *Поэтика Гоголя. Вариации к теме*. Москва.]
- Н. В. ГОГОЛЬ И СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ 2012: N. V. Gogol' i slavyanskiye literatury (2012). Budagova, L. N. (otv. red.). Moskva. [Н. В. Гоголь и славянские литературы (2012). Будагова, Л. Н. (отв. ред.). Москва.]
- НАБОКОВ 1996: Nabokov, V. (1996), *Lektsii po russkoy literature. Chekhov, Dostoyevskiy, Gogol', Gor'kiy, Tolstoy, Turgenev*. Moskva. [Набоков, В. (1996), *Лекции по русской литературе. Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев*. Москва.]
- ШКЛОВСКИЙ 1929: Shklovskiy, V. V. (1929), *O teorii prozy*. Moskva. [Шкловский, В. В. (1929), *О теории прозы*. Москва.]
- DŁUSKI 2014: Dłuski, W. (2014), *O wszystkim z kulturą. Wywiad W: Radio Dwójka*: <http://www.polskieradio.pl/8/3664/Artykul/1183927,Gogol---genialny-pisarz-ktory-nie-umie-po-rosyjsku> [dostęp 22.07.2014]:

- DŁUSKI 2017: Dłuski, W. (2017), Nie ma musu. W: Znak. Luty, 741: <http://www.miesiecznik.znak.com.pl/nie-ma-musu/> [dostęp 2.06.2018].
- GOGOL 1927: Gogol, N. (1927), Płaszcz, tłum. S. Baczyński. W: Portret. Warszawa, 83-126.
- GOGOL 1956: Gogol, M. (1956), Opowiadania, tłum. J. Brzęczkowski, J. Tuwim, J. Wyszomirski. Warszawa.
- GOGOL 1983: Gogol, M. (1983), Szynel. Opowiadania, tłum. J. Tuwim, J. Wyszomirski. Warszawa.
- GOGOL 1988: Gogol, M. (1988), Płaszcz, tłum. G. Karski. Rzeszów.
- GOGOL 2000: Gogol, M. (2000), Szynel i inne opowiadania, tłum. J. Partyka. Kraków.
- GOGOL 2009: Gogol, M. (2009), Martwe dusze, tłum. W. Broniewski. Wrocław.
- GOGOL 2014: Gogol, M. (2014), Martwe dusze, tłum. W. Dłuski. Kraków.
- GOGOL 2016: Gogol, M. (2016), Martwe dusze, tłum. K. Tur. Hajnówka.
- SIELICKI 1985: Sielicki, F. (1985), Klasycy dziewiętnastowiecznej literatury rosyjskiej w Polsce międzywojennej. Warszawa.
- TAZBIR 2002: Tazbir, J. (2002), Posłowie. W: N. Gogol. Taras Bulba. Warszawa, s. 145-169.
- VENUTI 1995: Venuti, L. (1995), The Translator's Invisibility: A History of Translation. New York.

ИРИНА ПУШКАРЕВА / IRINA PUSHKAREVA

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2161-4039>

Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University

МЕДИАОБРАЗ ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ГОРОДСКОЙ ГАЗЕТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТЫ «КУЗНЕЦКИЙ РАБОЧИЙ») ¹

The Media Image of Language in the Modern Russian Newspaper (on the Material of the City Newspaper “Kuznetskiy Rabochiy”)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиадискурс, медиаобраз, газетно-публицистический текст, региональное издание, аксиологическая семантика

KEYWORDS: media discourse, media image, newspaper publicistic text, regional edition, axiological meaning

ABSTRACT: The article represents features of the media image of language in the city newspaper. Semantic and stylistic characterization of the use of the lexeme ‘language’ in the newspaper text reveals the specificity of the media image. The material for the semantic and stylistic analysis of the interpretative field of the concept ‘language’ is the Russian mass city newspaper “Kuznetskiy rabochiy” (Novokuznetsk). Content analysis of the newspaper texts of 2002–2018 revealed regularities of the actualization of the semantics of the lexeme ‘language’ in the contexts. In the newspaper texts, the language is realized, primarily, as a system of the verbal means used to express the national identity, to increase the level of education and spiritual culture, and to improve the mutual understanding. In some degree, the language policy controls and corrects the state of this system. The newspaper texts demonstrate that the speech behavior of a modern person realizes not only the harmonious (the topic of creativity) but also the incorrect use of the language system (lie, verbal aggressiveness, errors, lack of the language taste). The estimation is explicated through the language game, the use of phraseological units, epithets, iterations, and antitheses. These devices create the meliorative contexts as well as the pejorative ones. The most emphasized semantic aspect “Language and national identity” is formed in the newspaper texts, primarily, due to the discourse specificity of the regional edition. One of the local historical dominants of the regional edition is tied to the topic of the destiny of the small nation. Apart from the materials about the Shor language, the main semantic aspect of the media image of language in the examined newspaper texts of the 21st century is the aspect “language and education”.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кемеровской области в рамках научного проекта № 18-412-420001.

1. Постановка проблемы. Теоретическая база исследования

В формировании ценностной картины мира современника важную роль играют масс-медиа. Исследователи акцентируют доминирование «принципа ценностной ориентированности содержания» в публицистическом дискурсе» (Абдикеримова 2015, 206), подчёркивают роль СМИ в «формировании медиакартины мира в сознании массового адресата» (Анненкова 2011, 13):

Современные СМИ не только являются ретрансляторами тех ценностей, которые уже сложились и давно существуют в обществе, но и формируют новую ценностно-оценочную парадигму в сознании массового адресата (Анненкова 2011, 15). СМИ формируют особую медийную аксиосферу – условную сферу массмедийной информации, которая представляет ценностные доминанты общества и осуществляет аксиологическое влияние на реципиентов (Кузнецова 2012, 137).

С точки зрения идеального состояния речевой культуры масс-медиа, медиатекст «выступает одним из объединителей нации, способствует воспитанию гражданских чувств человека, развитию его кругозора» (Купина/Матвеева 2013, 231-232). Эта роль особенно важна в информационную эпоху, когда именно СМИ «готовы выполнить социальную миссию утверждения ценностных доминант, что может благоприятствовать консолидации общества» (Кузнецова 2012, 136). Согласно утверждению В. И. Карасика, в наше время медиадискурс «в значительной мере превращается в ведущий фактор политической и культурной консолидации общества» (2014, 218).

Учёными осознаётся также проблема власти СМИ над обществом. Так, для Ж. Бодрийяра (2015) с масс-медиа непосредственно связана «потеря смысла» в современном мире, поскольку СМИ наполнены ирреферентными по своей природе симулякрами. Д. Матисон (2013, 14) формулирует основную идею своей работы как «обеспокоенность властью институтов медиа, которую они обрели посредством способов использования в них языка».

Обратимся к такому явлению, связанному с трансляцией определённых ценностных представлений в масс-медиа, как медиаобраз. Медиаобраз – «закодированное в медийном тексте ценностное представление автора о медиаобъекте, имеющее диалогический (полилогический) характер и вызывающее ценностную реакцию адресата» (Хочунская 2013, 93) (см. также о понятии медиаобраза: Богдан 2007; Галинская 2013). Рассмотрим медиаобраз с семантико-стилистической точки зрения, учитывая особенности его воплощения в журналистских текстах, на материале городской газеты «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк). Семантико-стилистический метод является основным для стилистических исследований, поскольку он направлен

на изучение проблемы «адекватности выражения оттенкам смысла» (Кожина/Дускаева/Салимовский 2012, 33).

Представим результаты анализа семантико-стилистических особенностей медиаобраза языка. В целом частота употребления слова *язык* (332,2) в газетной публицистике значительно выше, чем, например, соответствующие показатели лексических репрезентантов триады великих ценностей Добро – Истина – Красота: *правда* (175,5), *красота* (94,7), *истина* (66,1), *добро* (59), *благо* (38) (Ляшевская/Шаров 2009). Выбор материала исследования связан с научным интересом к специфике регионального медиадискурса, в аксиосфере которого взаимодействуют надрегиональная и собственно региональная составляющие. Так, О. А. Воронова (2007, 6) пишет о важной коммуникативной роли городской газеты в информационном пространстве города и приводит подтверждающие данные опроса россиян.

В ходе анализа газетных текстов были выявлены оценочные коннотации, сопровождающие словарное значение лексемы *язык*, и приёмы их актуализации. Сплошная выборка публикаций газеты 2002–2018 гг. позволила обнаружить 3028 словоупотреблений (Кузнецкий рабочий 2018). Первостепенное значение в газетном тексте имеет заголовочный оним – библионим: заголовок газетно-публицистического текста привлекает внимание читателя, ориентирует его в информационном пространстве издания, приобщает к его оценочной программе (Арнольд 2009, 347; Матвеева 1990, 84; Руженцева 2012, 34 и др.). Поэтому в настоящем исследовании именно на основе сплошной выборки по заголовкам сформирована эмпирическая база исследования. Для семантико-стилистического анализа были отобраны контексты материалов, заголовки которых включают слово *язык* (44 публицистических и 3 рекламных текста; всего 372 словоупотребления).

2. Результаты исследования

В аспекте актуализации в газетных текстах семантики слова *язык* можно говорить о преобладании значения ‘система вербальных и невербальных средств, передающих определённую информацию’ (95,6% текстов; в толковых словарях – язык²). Именно эта семантика становится основой для формирования содержательного плана медиаобраза языка в городской газете.

В рассмотренных материалах преобладают контексты, актуализирующие семантику ‘вербальные средства’ (79,1% текстов, содержащих лексему *язык*). Неоднократно слово *язык* употребляется и для обозначения невербальных средств (18,6% текстов). Представлен один материал, в котором наблюдается пограничный случай.

2.1. Медиаобраз языка как системы невербальных средств. Вербально-невербальная составляющая медиаобраза языка

В воплощении темы невербального языка преобладает антропоцентрический подход: создаются образы талантливых людей, занимающихся искусством и спортом, при этом актуализируется эстетическая и телеологическая оценка. В большей части текстов ключевую роль играют смыслы общения, понимания, искусства (мастерства). Причём в центре подобных публикаций находится не образ человека, который приобщает к постигнутому им искусству других, а образ человека, совершенствующегося в каком-то искусстве и общающегося на языке этого искусства с другими посвящёнными: наш современник постигает язык танца, цирка, музыки, граффити, спортивной игры и даже общения с вином (преобладает синтагма *язык + N₂* со значением определительных отношений). Образ современного человека, который совершенствуется, осваивая эти различные языки, передают лексические репрезентанты *самовыразиться, самосовершенствоваться, совершенствоваться, совершенство, открыть, мастерство*, например:

- (1) Признанием мастерства [дирижёров] Сергея и Марии стало и приглашение поступать в Новосибирскую консерваторию, ведь в этом году они заканчивают обучение в училище искусств («Язык музыки в жестах», 14.01.2006).
- (2) По мнению художницы, простого увлечения недостаточно. Здесь нужно постоянно самосовершенствоваться, нужно постоянно рисовать на стенах. Поэтому о вдохновении речь заходит не часто, но иногда под биты хип-хоп музыки оно посещает («Они говорят на одном языке», 30.07.2015).

Акцент на теме самосовершенствования соответствует значимости высшего уровня потребностей известной пирамиды А. Маслоу.

Другая важная смысловая доминанта – тема взаимопонимания людей, приобщённых к какому-либо искусству, мастерству. Она неоднократно передаётся устойчивым выражением *говорить на одном языке*, а также эксплицируется словами *понятный, воспринимать, говорить*, например:

- (3) Как оказалось, возраст – не главное в хип-хоп культуре: здесь все остаются ребятами. Даже своих кумиров, нью-йоркскую команду «FX», участникам которой уже почти 70 лет, Катана называет «ребятами». Дело все в том, что они *говорят на одном языке* – языке граффити («Они говорят на одном языке», 30.07.2015).
- (4) Совершенствуется исполнительская техника. Хотя, конечно, понятно, что нет предела совершенству, – с улыбкой отвечает Анна. – Но мы уже можем воспринимать испанцев, *говорить с ними на одном языке* танца («На одном языке танца», 13.04.2013).

Отметим случай не атропоцентрических, а техноцентрических акцентов в воплощения семантики невербального языка. Так, в заметке *На одном языке* (15.11.2014) речь идёт об *информационной системе жилищно-коммунального хозяйства*, которая *позволит всем организациям «говорить на одном языке»*. Соответственно, здесь актуализирована утилитарная и телеологическая оценка. Отражение техноцентрического аспекта в контекстах со словом *язык* соответствует кругу актуальных вопросов и характеру мышления человека в эпоху высоких технологий.

Вербально-невербальная составляющая медиаобраза языка значима в материале *Почему бы именно России не положить конец ожесточенной информационной войне, признав язык ненависти летальным оружием?* (21.02.2015). Статья посвящена актуальным проблемам современной коммуникации – роли в ней масс-медиа и такому проявлению речевой агрессии, как информационная война (Сковородников/Копнина 2016). Ключевую роль в смысловой организации текста играет выражение *язык ненависти*, которое используется не только в заголовке, но и в тексте:

- (5) Давно пора признать: *язык ненависти* приводит к таким же смертельным последствиям, что и залпы артиллерии; Тут уже и в России озаботились своей позицией в информационной войне и стали активно осваивать *язык ненависти* – правда, не столько в отношении Запада, сколько в отношении Украины и др.

Проблемный характер изложения подчёркнут неоднократным использованием в тексте вопросительных предложений. Этическая, нормативная и телеологическая оценка в статье создаётся противопоставлением реального и идеального состояния, когда реальному положению дел (*язык ненависти в СМИ*) противопоставлено то, которое мыслится как справедливое, правильное и целесообразное:

- (6) [...] способность видеть друг в друге людей; братские народы, связанные тысячелетиями общей истории; отказаться от его [языка ненависти] использования.

Критическая позиция журналиста обусловила преобладание пейоративных контекстов, которые экспрессивно передают деструктивную природу языка ненависти. В статье использовано также выражение *слова ненависти*:

- (7) Слова ненависти заслоняют собой способность видеть друг в друге людей, братские народы, связанные тысячелетиями общей истории. Вместо этого появляются «фашисты», «бандеровцы», «куски мяса» – нелюди, с которыми можно поступать как угодно.

Автор не только продолжает многовековой разговор о силе слова, о его созидательном и разрушительном влиянии на человека и отношения людей, но и приводит примеры тех слов, которые В. Н. Суздальцева, характеризуя язык СМИ, называет «слова-жупелы» – «слова, которые называют нечто пугающее»:

Таких слов сравнительно немного, но их воздействующая сила очень велика. Их образопорождающие и оценочные свойства в политическом дискурсе обусловлены их местом в ассоциативно-вербальной сети: теми историческими, культурными и психоэмоциональными ассоциациями, которые они вызывают (Суздальцева 2017, 205).

Конструктивность позиции журналиста основана, на наш взгляд, на способности не соотносить с полярными оценками оппозицию «свое» – «чужое», а выделять в каждом компоненте этой оппозиции мелиоративную и пейоративную зону, например:

(8) Российские политики неоднократно выступали с идеей, что наша страна – лишь догоняющий в гонке пропаганды и оскорблений: мы были вынуждены начать свою линию информационной войны в ответ на абсолютную необъективность Запада и Украины. Надо сказать, в последнее время Россия вполне преуспела в освоении этой технологии.

Экспрессивный эффект в тексте создаёт регулятивная структура, в которой заголовочная формулировка повторяется в последнем абзаце, чётко выражая оценочную позицию автора:

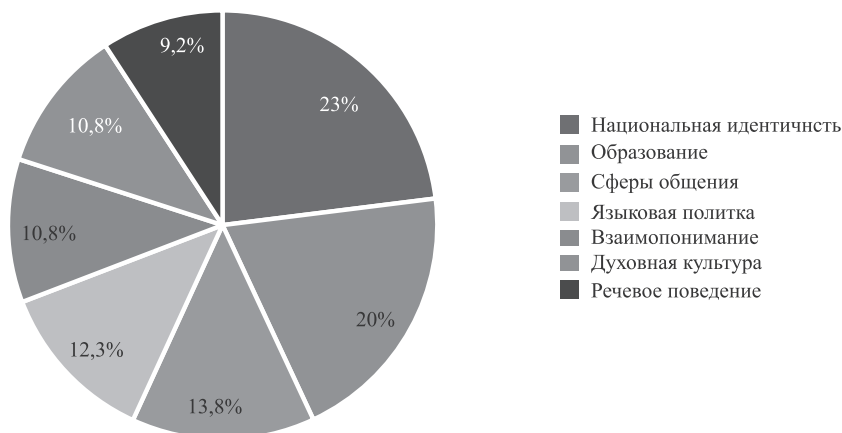
(9) Почему бы именно России не положить конец ожесточенной информационной войне? Признать *язык ненависти* летальным оружием, отказаться от его использования.

Инфинитивные структуры создают акцент на потенциальном действии, парцелляция позволяет вынести приговор языку ненависти, определив его через гипероним *летальное оружие*, ранее уже включённый в ассоциативно-вербальную структуру текста.

2.2. Медиаобраз языка как системы вербальных средств

Как уже отмечалось, центральное место среди публикаций, заголовки которых содержат слово *язык*, занимают актуализирующие семантику 'система вербальных средств'. В политематическом информационном пространстве газеты сосуществуют различные смысловые аспекты, соотносённые с контекстами употребления лексемы *язык* – см. диаграмму, в которой приведены процентные данные об актуализации различных смысловых аспектов:

Смысловые аспекты, соотноимые с лексемой язык в значении 'система вербальных средств'

В репрезентации этих смысловых аспектов медиаобраза языка участвуют прежде всего синтагмы со связью согласования и определительными отношениями – *родной (универсальный, иностранный, чужой, незнакомый, шершавый, сибирский, мой, свой, наши) язык* – и синтагмы со связью управления, в которых слово *язык* управляется глаголами (*сохранить родной язык, знать язык, изучать язык, любить язык, подвергнуть госнадзору язык рекламы, говорить на языке, думать на языке, любить на языке*) или именами существительными (*борьба за чистоту языка, судьба языка, драка языками*). Большим разнообразием отличаются репрезентанты определительных отношений, указывающие на принадлежность языка какому-либо народу: в рассмотренных публикациях сибирской городской газеты упоминаются такие языки, как *русский, шорский, английский, немецкий, французский, молдавский, румынский, испанский, китайский, греческий, латинский, старославянский*. Среди наименований языка встречаются как однокомпонентные (*латынь*), так и многокомпонентные (*наречие племени мумба-юмба, языки местных народов, перифразы язык Шиллера и Гёте, великий и могучий*).

При многообразии аспектов осмысления языка, эксплицированных в данных контекстах, можно говорить о смысловой доминанте медиаобраза языка в рассмотренных материалах: 23% текстов данной группы представляют аспект «Язык и национальная идентичность», который существует в региональном газетном тексте и самостоятельно, и во взаимодействии с другими направлениями разговора о языке. Специфика регионального медиадискурса определяет значимость в городской газете не только материалов о русском языке, но и о шорском языке (9,2% текстов рассматриваемой группы) – языке коренного населения юга Кемеровской области, при этом краеведческая доминанта «Судьба шорского народа» может являться в публикации как

основной темой, так и дополнительной. Краеведческие доминанты – темы, которые формируются в региональном медиадискурсе, связаны с осознанием и выражением региональной идентичности и актуализированы системой стилистических средств и приёмов. Для публикаций, актуализирующих тему сохранения шорского языка, характерно использование антропонимов, называющих учёных, творческих представителей народа, эргонимов, именующих различные организации, библионимов и экзотизмов, являющихся знаками шорской культуры. В целом в публикациях о связи языка и национальной идентичности значимы такие виды оценки, как этическая, телеологическая, эстетическая, нормативная.

В рассмотренных материалах актуализированы также проблема лингвистического образования, в том числе изучения иностранного языка как способа размыкания горизонтов познания, вопросы языковой политики, темы взаимопонимания и духовной культуры, различные аспекты речевого поведения, прежде всего негативного, и специфики определённых дискурсивных сфер (количественное соотношение смысловых аспектов представлено в диаграмме). Предметом обсуждения в газете становится использование языка в эстетическом дискурсе, медиакоммуникации, рекламе, административно-правовой сфере, спортивном дискурсе, что свидетельствует о значимости данных сфер в коммуникативном пространстве современного социума.

Характер оценки зависит от смыслового аспекта, эксплицированного в контексте с лексемой *язык*, однако в целом можно реконструировать мелиоративный образ нашего современника, который уважает и изучает культуру не только своего народа, понимая, что язык – это выражение души народа, инструмент приобщения к культуре, повышения уровня образования и способности понимать другое (другого человека, другой тип культуры). Этот идеальный современник чужд речевой агрессии, стремится к искренней, богатой и правильной речи. Медиатексты формируют также мелиоративный образ государства, языковая политика которого направлена на создание условий для развития языков всех народов в многонациональной среде, для повышения уровня образования, для интенсификации языковых контактов в поликультурном мире, для исключения речевой агрессии на уровне межличностного и межгосударственного общения. Пейоративные контексты связаны с интерпретацией случаев отступлений от уровня должного отдельным человеком, организацией, обществом в целом, государством (государствами). Если говорить о дискурсивных сферах, для которых характерны подобные отступления, то в газетных материалах отмечаются медиадискурс и реклама.

Актуализация оценки в публикациях, эксплицирующих различные смысловые аспекты, соотносимые с медиаобразом языка, осуществляется

с помощью языковой игры, использования фразеологизмов, эпитетов, повторов, антитез. Данные приёмы создают как мелиоративные, так и пейоративные контексты, например:

- (10) А крохи эти – драгоценнее иных романов и написаны *чудесным* русским языком. В чем мы вам предлагаем убедиться. А прочитав, уже со знанием дела говорить, что и у нас могут писать мастерски выразительно (о творчестве кузбасского прозаика В. Мазаева, 15.05.2008).
- (11) А вот интересно, какой будет статистика непослушания, если с таким же тщанием – по-взрослому! – подвергнуть госнадзору *шершавый* язык рекламы на предмет его соответствия российскому законодательству? (02.06.2015).

Нестандартная лексическая сочетаемость создаёт прагматический эффект, привлекая внимание читателя к смыслам, порождаемым необычным контекстом. Так, в заглавие публикации о гастролях новокузнецкого кукольного театра «Сказ» в США вынесено высказывание американской девочки:

- (12) Мне захотелось выучить *сибирский* язык (27.06.2013).

Желание выучить несуществующий язык соотносится с мыслью журналиста об объединяющей силе искусства:

- (13) – Особенно восхищались дети, абсолютно не знакомые с театром, они брали в руки кукол, тискали их. Одна девочка, – сказал Юрий Алексеевич, – после встречи призналась, что теперь будет изучать *сибирский* язык.

В этом контексте, где особенно значим образ ребёнка (устах младенца глаголет истина), желание выучить язык есть проявление стремления понять другое, стать к нему ближе.

Языковая игра в большей степени характерна для пейоративных контекстов, поскольку её использование органично в наполненных иронией критических материалах. Эффект «обманутого ожидания» возникает благодаря нестандартной лексической сочетаемости, трансформации устойчивых выражений, игровой актуализации омонимии и многозначности. Например, в статье «*Маты только на языке*» (12.08.2006) актуализированы не только категоричная отрицательная оценка, связанная с устойчивым выражением *Только (одни) маты на языке*, но и лейтмотив публикаций – тема несоответствия слова и дела: речь идёт о плохой оснащённости школ спортивным инвентарём.

3. Заключение

Таким образом, семантико-стилистический анализ употребления слова *язык* в современном газетном тексте позволяет судить о специфике медиаобраза языка. Язык в публикациях городской газеты «Кузнецкий рабочий» предстаёт прежде всего как система вербальных средств, служащих для выражения национальной идентичности, повышения уровня образования и духовной культуры, улучшения взаимопонимания. Состояние этой системы в какой-то степени контролируется и корректируется языковой политикой. К сожалению, в речевом поведении современника проявляется не только гармоничное (тема творчества), но и некорректное использование системы языка (ложь, речевая агрессия, ошибки, отсутствие языкового вкуса). Наиболее выраженный в рассмотренных публикациях смысловой аспект «Язык и национальная идентичность» формируется, на наш взгляд, во многом благодаря дискурсивной специфике регионального издания, в котором одна из краеведческих доминант связана с темой судьбы малочисленного народа. Без учёта материалов о шорском языке лидирующую позицию в рассмотренных газетных публикациях XXI века занимает такой смысловой аспект медиаобраза языка, как «язык и образование».

Библиография

- АБДИКЕРИМОВА 2015: Abdikerimova, G. (2015), *Kategoriya otsenki kak sostavlyayushchaya kartiny mira v sredstvakh massovoy informatsii*. W: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. VI/1, 197-206. [Абдикеримова, Г. (2015), Категория оценки как составляющая картины мира в средствах массовой информации. W: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. VI/1, 197-206.]
- АННЕНКОВА 2011: Annenkova, I. V. (2011), *Mediadiskurs XXI veka. Lingvofilosofskiy aspekt yazyka SMI*. Moskva. [Анненкова, И. В. (2011), Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. Москва.]
- АРНОЛЬД 2009: Arnol'd, I. V. (2009), *Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk*. Moskva. [Арнольд, И. В. (2009), *Стилистика. Современный английский язык*. Москва.]
- БОГДАН 2007: Bogdan, E. N. (2007), *Mediaobraz Rosii kak sredstvo konsolidatsii obshchestva: strukturno-funktsional'nye kharakteristiki: avtoreferat dissertatsii... kandidata filologicheskikh nauk*. Moskva. [Богдан, Е. Н. (2007), Медиаобраз России как средство консолидации общества: структурно-функциональные характеристики: автореферат диссертации... кандидата филологических наук. Москва.]
- БОДРИЙЯР 2015: Baudrillard, J. (2015), *Simulyakry i simulyatsii*. Moskva. [Бодрийяр, Ж. (2015), *Симулякры и симуляции*. Москва.]
- ВОРОНОВА 2007: Voronova, O. A. (2007), *Mestnaya gazeta. Modeli i tipazhi*. In: *Tipologiya periodicheskoy pechati*. Moskva, 60-78. [Воронова, О. А. (2007), Местная газета. Модели и типаж. В: *Типология периодической печати*. Москва, 60-78.]
- ГАЛИНСКАЯ 2013: Galinskaya, T. N. (2013), *Ponyatie mediaobraza i problema ego rekonstruktsii v sovremennoy lingvistike*. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudartstvennogo universiteta*. 11 (60), 91-94. [Галинская, Т. Н. (2013), Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции

- в современной лингвистике. В: Вестник Оренбургского государственного университета. 11 (60), 91-94.]
- КАРАСИК 2014: Karasik, V. I. (2014), Kommunikativnaya tonal'nost' mediadiskursa. In: Diskurs i stil': teoreticheskie i prikladnye aspekty. Moskva, 218-230. [Карасик, В. И. (2014), Коммуникативная тональность медиадискурса. В: Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты. Москва, 218-230.]
- КОЖИНА/ДУСКАЕВА/САЛИМОВСКИЙ 2012: Kozhina, M. N./Duskaeva, L. R./Salimovskiy, V. A. (2012), Stilistika russkogo yazyka. Moskva. [Кожина, М. Н./Дускаева, Л. Р./Салимовский, В. А. (2012), Стилистика русского языка. Москва.]
- КУЗНЕЦКИЙ РАБОЧИЙ 2018: Kuznetskiy rabochiy – novokuznetskaya gorodskaya gazeta. In: <http://www.kuzrab.ru> [accessed 05.06.2018]. [Кузнецкий рабочий – новокузнецкая городская газета. В: <http://www.kuzrab.ru> [доступ 05.06.2018].]
- КУЗНЕЦОВА 2012: Kuznetsova, T. V. (2012), K probleme opredeleniya aksiologicheskoy sushchnosti SMI. In: Stilistika zavtrashnego dnya. Moskva, 136-150. [Кузнецова, Т. В. (2012), К проблеме определения аксиологической сущности СМИ. В: Стилистика завтрашнего дня. Москва, 136-150.]
- КУПИНА/МАТВЕЕВА 2013: Kupina, N. A./Matveyeva, T.V. (2013), Stilistika sovremennogo russkogo yazyka. Moskva. [Купина, Н. А./ Матвеева, Т. В. (2013), Стилистика современного русского языка. Москва.]
- ЛЯШЕВСКАЯ/ШАРОВ 2009: Lyashevskaya, O. N./Sharov, S. A. (2009), Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka). Moskva. In: http://dict.ruslang.ru/freq.php?act=show&dic=freq_freq&title=Частотный список лемм [accessed 05.01.2016]. [Ляшевская, О. Н./Шаров, С. А. (2009), Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). Москва. В: http://dict.ruslang.ru/freq.php?act=show&dic=freq_freq&title=Частотный список лемм [доступ 5.01.2016].]
- МАТВЕЕВА 1990: Matveyeva, T. V. (1990), Funktsional'nyye stili v aspekte tekstovykh kategoriy: Sinkhronno-sopostavitel'nyu ocherk. Sverdlovsk. [Матвеева, Т. В. (1990), Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск.]
- МАТИСОН 2013: Matison, D. (2013), Media-diskurs. Analiz media-tekstov. Khar'kov. [Матисон, Д. (2013), Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов. Харьков.]
- РУЖЕНЦЕВА 2012: Ruzhentseva, N. B. (2012), Bazovyye tsennosti mezhnatsional'nogo diskursa v zagolovkakh pervoy russkoy gazety v Afrike. In: Politicheskaya lingvistika. 4 (42), 34-39. [Руженцева, Н. Б. (2012), Базовые ценности межнационального дискурса в заголовках первой русской газеты в Африке. В: Политическая лингвистика. 4 (42), 34-39.]
- СКОВОРОДНИКОВ/КОПНИНА 2016: Skovorodnikov, A. P./Kopnina, G. A. (2016), Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya. In: Politicheskaya lingvistika. 1 (55), 42-50. [Сковородников, А. П./Копнина, Г. А. (2016), Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия. В: Политическая лингвистика. 1 (55), 42-50.]
- СУЗДАЛЬЦЕВА 2017: Suzdal'tseva, V. N. (2017), Obraz vlasti v sovremennykh rossiyskikh SMI: verbal'nyu aspekt. Moskva. [Суздальцева, В. Н. (2017), Образ власти в современных российских СМИ: вербальный аспект. Москва.]
- ХОЧУНСКАЯ 2013: Khochunskaya, L.V. (2013), Fenomen mediaobraza: sotsial'no-psikhologicheskii aspekt. In: Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika. 2, 91-95. [Хочунская, Л. В. (2013), Феномен медиаобраза: социально-психологический аспект. В: Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2, 91-95.]

TETYANA PETROVA

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9534-9891>

Kharkiv National Agrarian University named after V. V. Dokuchaev

MELIORATION TERMINOLOGY IN UKRAINIAN SCIENTIFIC PICTURE OF THE WORLD

KEY WORDS: the picture of the world, the linguistic picture of the world, the natural and scientific pictures of the world, the melioration picture of the world, the scientific concept, the unified scientific picture of the world, the scientific cognition of the world

ABSTRACT: The subject of the study is the features, functions and structure of the Ukrainian scientific picture of the world and its component – the picture of the world of melioration science. The theoretical basis of the research is the thesis of the foreign and Ukrainian scholars on the scientific picture of the world as a consolidated and structured system of universal scientific knowledge. The methods of the research are the following: a method of structural and functional analysis of the concept, a method of definition analysis, a comparative method and a method of quantitative analysis. It has been found that the scientific picture of the world is a system of concepts that represents the scientific cognition of the world. The functions of the scientific picture of the world are usually identified as heuristic, synthetic, methodological, systematising and world outlook creating. The unified scientific picture of the world consists of the following types: humanitarian, natural, social and technical ones. The format of the scientific picture of the world expressed by the terminology of melioration belongs to the natural sciences picture of the world. The contributors to the melioration picture of the world are the subsystems of its sub-sectors, namely: water, land, chemical, technical, phytomelioration and others. The modern melioration picture of the world is largely formed by means of international terms (about 70%), and to a lesser extent by the genuine (national) vocabulary (30%).

1. Introduction

In contemporary terminology studies, the focus is on the notions of «the picture of the world», «the linguistic picture of the world» and «the scientific picture of the world». The notion of «the picture of the world» (hereinafter referred to as the PW) arose in physics in the nineteenth century and at the beginning of the twentieth century it was used in philosophy. Depending on the degree of generalisation of the results of comprehension of the world, scientists distinguish different types of the world pictures. For instance, I. Zaremska (2011, 397ff.) offers the linguistic, conceptual and naive pictures of the world. In our opinion, the linguistic and the naive pictures of the world are phenomena of the different order. That is why, we support the view of M. Ginzburg (2012), who stated that the cognition

of the real world can be realised in two basic forms: everyday and scientific ones and, accordingly, it is possible to consider the everyday and scientific (special) pictures of the world.

Modern understanding of the notion of «the picture of the world» (as a worldview of every person and ethnicity, the result of perception and comprehension of the surrounding world) has got an interdisciplinary and integral character and is studied in the humanities, primarily in linguistics, as the world perception is embodied in the linguistic picture of the world through the language means. As is known, the language is a special form of human mental activities, which has its own system of thinking units (language signs) codification, helping categorise links and relationships existing in reality. The language reflects the national character, traditions, culture, and customs of the people as well as their moral and ethical values. A human being perceives the picture of the world through the native language. «The objective world in a language is organised and categorised according to the physiological and psychological properties of a human cognitive apparatus» (Sydiachenko 2011, 253). The linguistic picture of the world as the reflection of everyday world cognition is the primary formative factor of any specialised scientific world picture.

Once, V. von Humboldt, whose ideas are associated with the origin of linguistic and philosophical grounds of the concept of “the linguistic picture of the world”, drew attention to the national content of language and thinking, the influence of a language on the formation of the system of notions and values and the development of national thinking (Gumbol’dt 1985, 324). However, a number of Ukrainian (Filon 2013; Ginzburg 2012; Selivanova 2006; Zaremska 2011 etc.) as well as foreign scholars (Bartmiński 2005; Chomsky 1995; Errington 2010; Kasymova 2011; Levinson 1997; Wadas-Woźny 2010; Zinken 2008; Wohlfart 1996 etc.) state that the notion of the linguistic picture of the world has significantly expanded over the past several decades and has undergone some blurring in its explanation. Thus, Selivanova explains the notion of «the linguistic picture of the world» as

the representation of objects, phenomena, facts, real situations, value orientations, life strategies and behaviour patterns in language signs, categories and speech phenomena which is the semiotic result of the conceptual representation of the reality in the ethno-consciousness (Selivanova 2006, 365).

According to Zaremska, the features of the linguistic picture of the world are as follows:

the specific qualification of certain subject areas; uneven conceptualisation of reality fragments depending on their significance for a particular ethnic group; availability of concept names; specific orientation of subject areas for a certain sphere of communication; specific combinatorics of associative features of concepts (Zaremska 2011, 399).

The development of certain scientific terminology and, consequently, the terminology system or its subsystem as well as the emergence of new special vocabulary and its development contribute to the emergence of new segments in the scientific picture of the world and, accordingly, in the linguistic picture of the world. These processes attract attention of linguists, terminologists and industry professionals.

However, the scientific picture of the world as an independent linguistic issue is not sufficiently researched yet. Some works of Ukrainian scholars are focused on the study of individual parts of the scientific picture of the world, for example, techno-scientific (Hinzburh 2012) and political scientific (Krymets 2014) pictures of the world. Much more attention to the scientific pictures of the world is given by foreign scholars, in particular to astronomical (Danilova 2008a), biological (Danilova 2009b), geographic (Danilova 2008b), geological (Danilova 2008c), ecological (Danilova 2009c), informational (Danilova 2009d), chemical (Danilova 2009a) ones. The need for a holistic description of the melioration picture of the world as a constituent of the scientific picture determines the relevance of our study.

The aim of the paper is to present the structure of melioration picture of the world by means of defining the correlation of national and international units of its terminology. To reach this aim it is also necessary to outline the structure of the scientific picture of the world, highlighting its features and functions; to establish the components of the melioration picture of the world; to analyse the structure of the melioration picture of the world; to clear up the specifics of the interaction of the melioration picture of the world with other world pictures.

The methods of the research are the following: a method of structural and functional analysis of the concept, a method of definition analysis, a comparative method and a method of quantitative analysis.

2. Results

2.1. The scientific picture of the world

The scientific picture of the world (hereinafter the SPW) is a consolidated and structured system of universal scientific knowledge viewed as a system of theoretical concepts, ideas, hypotheses, principles and theories. The SPW represents a rational model of the world cognition which contributes to integrating and systematising the specific knowledge gained in various fields of scientific research. In recent years the SPW is rapidly developing which is facilitated by the active scientific work of industry specialists, technological progress, the comprehensive scientific and informational space, etc.

The features of the SPW comprise its systematic character, integrability, objectivity, universality, variability and dynamism which are conditioned by constant development, addition or correction of scientific knowledge. The SPW directs and guides the scientific cognition of the world. Taking into account the specificity of the SPW we distinguish its functions (which are conditioned by the functions of theoretical knowledge, i.e. epistemological ones), namely: heuristic, synthetic, methodological, systematising and world outlook forming.

2.2. The structure of the scientific picture of the world

Scholars single out various components of the SPW, in particular, M. Ginsburg distinguishes scientific concepts, laws, principles and theories as «the bricks» of the SPW (Hinzburh 2012). We believe that the basic components of the SPW are the scientific systems of certain branches of knowledge with their subsystems (sub-branches), terminological and semantic groups where the branch concepts are their scientific structural units.

Different types of the SPW have subtypes in accordance with the objects of the cognition and study. Thus the humanitarian scientific PW (scientific disciplines about the ways of reflection of the real world in human consciousness) are divided into literary, linguistic and artistic ones; the natural scientific PW (natural sciences studying the structure and properties of living and inanimate nature transformation) is divided into astronomical, biological, geological, geographical, medical, agricultural, physical, chemical and others; the socio-scientific PW (sciences studying human society as a whole and its individual subsystems, their structure, development, etc.) comprises economic, jurisprudence, sociological and other PsW; the technical-scientific PW (sciences that study the laws of the technologies development and the ways of their use) – into architectural, construction, geodesic, energy, transport, etc. (Hinzburh 2012). All these types of the SPW are its elements. Accordingly, the unified scientific picture of the world consists of humanitarian, natural, social and technical scientific pictures of the world.

Special attention is paid to the natural scientific PW, in particular its formant represented by the notions of the melioration industry of the national economy, which task is to improve the natural and climatic factors in order to optimise the climate, soil and hydrological conditions, damaged and technogenic lands, landscapes, urban areas, water-logged lands and agricultural lands with unfavourable water and air regimes, as well as chemical and physical properties prone to a harmful mechanical action of winds and water (Hladun 2015, 121).

3. The structure of the melioration picture of the world

Today, according to various sources, it is possible to distinguish from 30 to 80 different types (sub-sectors) of melioration, like water, land, climatic, crop-technical, landscape, physical, chemical, etc. The modern melioration PW can be supplemented with new pictures of the world and its sub-sectors, for example, phytomelioration, ecological melioration and others.

The melioration PW is an imaginary field with the nucleus and periphery, where the core consists of basic notions that systematise the knowledge about natural formations, territories, processes, measures, plant communities, natural materials, rocks, etc., and the periphery, including concepts that denote phenomena, factors, certain changes, stable links between components of something, certain features and properties, associations and groups, indicators and attributes of the evaluation of something, the magnitude or extent of something, etc.

Ginzburg determines the general structure of the PW of any science, in which he singles out two main parts: the methodological (instrumental) foundation, i.e. notions, methods, laws and principles of other sciences, it primarily concerns philosophical and mathematical grounds and the proper theoretical basis, i.e. fundamental concepts, methods, laws, principles and basic theories (Ginzburh 2012).

Viewing melioration SPW as a structured unity with its nucleus and periphery and taking into account Ginzburg's scientific ideas, we acquire the grounds to define the methodological basis of the melioration SPW, consisting of such concepts, laws and principles as *analysis, analogy, type, dynamics, evolution, zone, coefficient, construction, crisis, method, monitoring, norm, principle, project, process, region, regime, resource, structure, synthesis, system, technology, type, cycle, factor, fund, form and scale*. The listed concepts are selected from melioration dictionaries (Hladun 2015; Puzik 2016) and verified with the concepts used in various sources of natural sciences (Hospodarenko 2010; Zemlerobstvo 2008; Nazarenko 2018; Tiulenieva 2014). We believe that these concepts, laws and principles belong to general scientific world pictures of most natural sciences.

The study of melioration terminology allows us to state that the above mentioned general scientific concepts, which are mostly philosophical ones, in the melioration PW may get complicated as well as can undergo some changes (see table 1).

As we can see from the table, the definition of melioration terms is based on general scientific concepts thus forming the periphery of the melioration PW. The examples given above show that the important language sources of the terms of general scientific notions are primarily Latin and Greek.

The core of the melioration picture of the world is represented by genuine national melioration terms (30%) and foreign terms (70%) to define natural formations (*slope, cavity, ravine*), territories (*lands, pastures, water-logged lands, arable*

Table 1. General scientific and melioration concepts

Philosophy	Melioration
<i>Structure</i> (lat. <i>structura</i> – structure, placement, order) – a method of natural connection between the components of objects and phenomena of the nature and society, thinking and cognition, a set of connections between the parts of the whole insuring its unity; the internal structure of something (Filosofskiyi entsyklopedychnyi slovnyk: entsyklopediia 2002, 611).	<i>The structure of the soil</i> – a set of individual particles or aggregates, from which the soil forms and to which it naturally breaks in the state of physical maturity (lumps). Each aggregate (lump) is a complex of mechanical aggregates connected into macro (diameter more than 0.25 mm) and micro aggregates (less than 0.25 mm) by organic-mineral colloids, plant roots, detritus (Puzik 2016, 183).
<i>Norm</i> (Latin <i>norma</i> is a rule, a model, a measure, a law derived from the ancient Greek and means a temple, a scale, a rule) – as the term used for the first time in the construction business – “justice of an angle”. The interpretation of N. as a law has both prescriptive and descriptive character, which reflects not only what should be but also what is, the basis of what is contained in the nature and in a human being, (Filosofskiyi entsyklopedychnyi slovnyk: entsyklopediia 2002, 433).	<i>The rate of drainage</i> – the magnitude of reducing the level of groundwater in the water-logged lands, which provides favourable conditions for growing crops and does not damage the natural soil processes as well as limits the impact of melioration on the ecological stability of agricultural lands (Hladun 2015, 139).

lands, etc.), climatic zones (*agrarian steppe, forest steppe, polissya, steppe, water protection zone, etc.*), processes (*erosion, oxidation, etc.*), measures (*slope afforestation, irrigation, coastal build-up, terracing of the slopes, etc.*), plant communities (*adventitious plants, aquacoenosis, acidophils, desert flora, etc.*), natural materials and rocks (*clay, gravel, humus, sand, deluvial formations*) and others. These terminological and semantic groups of concepts constitute the basis for understanding the melioration picture of the world.

4. The melioration picture of the world and the related scientific pictures of the world

Some pictures of the world of natural disciplines have a common theoretical basis, so the boundaries of their pictures are vague. In addition, some of their scientific concepts can migrate within the scientific space. A significant number of structural units of such disciplines as agrochemistry, soil science, agriculture, forestry, plant growing, horticulture and meteorology enrich the terminology of the melioration scientific picture of the world. We should note here that the process of re-terminologisation, i.e. the use of terminological units from other sciences or branches of knowledge with a partial change in their semantics, is one of the most productive ways of melioration terminology formation. Let us compare the definitions of some concepts of related sciences of the natural world picture and the definitions of the concepts of the melioration PW (see table 2).

Table 2. Re-terminologisation in the definitions of the notions of the related natural sciences PW in the melioration PW

Agrochemistry	Melioration
<i>Soil liming</i> is the introduction of calcium and magnesium into the soil in the form of carbonates, oxides or hydrocarbons to neutralise its acidity. This is the basic and most radical way of improving the properties of acidic soils (Hospodarenko 2010, 50).	<i>Soil liming</i> is a method of chemical melioration of acid soils in order to replace in the absorbing complex the exchangeable ions of hydrogen and aluminium for the calcium ions. It is used to improve the conditions of plantations (Hladun 2015, 34).
Pedology (Soil Science)	Melioration
<i>Sanding</i> is a way to improve the water-physical properties of the soil through simplification of its granulometric composition; sanding means to enrich the top layer of the soil with sand. Sanding is used in vegetable growing, gardening and flowering (Nazarenko 2018).	<i>Sanding</i> is a way to improve the water and physical properties of peat soils by enriching them with mineral soil – sand. It is one of the types of structural soil melioration. It increases bearing properties of soils, resistance to deflation, improves the water regime. For well and poorly humused peats the rates of application are 200–300 and 300–400 m ³ /ha, respectively (Hladun 2015, 155).
Agriculture	Melioration. Forest Melioration
<i>Tillage</i> is a mechanical action on the soil by means of the working organs of soil cultivating machines and tools to optimise the soil conditions for growing crops (Zemlerobstvo. Terminy ta vyznachennia 2008, 8).	<i>Tillage</i> is a mechanical, chemical and thermal cultivation of the soil to provide favourable conditions for the growth of trees and shrubs during forestation and reforestation (Hladun 2015, 142).
Meteorology	Melioration
<i>Microclimate</i> is a climate of a small area like a slope of a mountain, a woodland, a forest, a city area, etc. Of course, these are the features of the climate which make it different from the general climatic characteristics (Tiulenieva/Kozii 2014, 199).	<i>Microclimate</i> is a combination of climatic indicators of small areas or artificially made new areas (forests, slopes, shores, lakes) that are different from other areas or territories and which are formed in the land surface layer of air under the influence of heterogeneity of the underlying surface. It is determined by the relief, the roughness of the terrain, radiation balance, the level of pollution of the atmosphere and composition of the neighbouring lands (Hladun 2015, 126).

The melioration PW, being in close interaction with other related natural pictures of the world, is enriched primarily by the terms of agrochemistry, soil science, agriculture and meteorology. Their terms which become the components of the analysed SPW are supplemented with the melioration content. These concepts build up the core of the melioration PW since they determine the main methods, laws and principles of the science of melioration.

5. The melioration picture of the world and other scientific pictures of the world

The analysed PW reflects the influence of other scientific pictures of the world, for example, the economic one. The melioration PW borrows the structural units of the PW of the science of economics (*accounting, profit, etc.*) to create the melioration

terms to identify the indicators and actions (for example, *agro-forest-melioration profit, accounting for forestation*), etc. Let us consider the change of the definition of the economic concept of “profit” when entering the conceptual corps of the melioration PW (see table 3).

Table 3. Re-terminologisation in the definition of the economic concept of «profit» from the economic PW to the melioration PW

Economics	Melioration
<i>Profit</i> – the excess of income from the sale of goods and services over the costs of production and sale of these goods; one of the most important indicators of the financial results of the economic activity of an enterprise or an entrepreneur. Profit is calculated as the difference between the proceeds from the sale of the product of economic activity and the amount of the costs of the production factors for this activity in monetary terms (Zavadskiy 2006, 247).	The <i>profit</i> of agroforestry melioration is a part of a pure profit of an agrarian enterprise of various forms of ownership, obtained as a result of the melioration influence of protective forest stands on the adjacent territories within their melioration protection. It is determined by the formula: $P_a = V_a - V_l - C_{dap}$, where P_a – profit of agroforestry melioration, V_a – the value of additional production in the directions of economic activity; V_l – the value of the lost products from the areas occupied by forest plantations; C_{dap} – costs for the development of additional products (gathering, transportation, storage, etc.). It is calculated per 1 hectare of the total area, per 1 linear km of forest strips, per 100 hectares of protected arable land, etc. (Hladun 2015, 9).

As we see, the economic PW is a «donor» of certain concepts which partially change its semantics becoming the structural units of the melioration PW and acquiring melioration content. Thus, the types of the SPW, in particular, socio-scientific and natural sciences interact on the basis of a common object of study – the development of human economic activity. This confirms the fact that the scientific pictures of the world coexist not separately but in a close connection and their boundaries are open and flexible.

6. National and international units in the melioration picture of the world

The issue of the existence and interaction of national and international units in the scientific picture of the world is important and unexplored. We are convinced that the special language of any scientific picture of the world is to be developed, first of all, on the specific national ground but it must not be isolated from the outer influences.

According to our observations, despite the fact that scientific and linguistic (everyday) pictures of the world have some qualitative and quantitative differences, the boundary between them is vague and not stable. Besides they are open and it causes the interpenetration of linguistic units. Thus, the vocabulary of the everyday picture of the world, namely the genuine linguistic units penetrate

into the terminology of the melioration PW thus becoming its structural units. We believe that it is due to the features of the melioration PW: since the ancient times Ukraine has had a developed agriculture, therefore, the essential basis for the formation of a special language of the analysed PW is the national vocabulary. Being a linguistic means of the scientific cognition of the world the national vocabulary is terminologised and denotes a wide range of scientific concepts. For example, the names of some actions and states (*care, growing, drying*); plants and their parts (*root, plant, trunk, grass*); some natural phenomena (*rain, frost, drought*); places and space (*crevice, pasture, hollow*); land areas (*lawn, oak wood, garden, agricultural lands*); water objects and their parts (*swamp, scour, lake, river*); substances or materials (*clay, sand*); object properties and objects (*viability, fertility, yield*); soil types (*saline soil, salt marsh*), etc.

Let us analyse the conceptual and terminological specialisation of the semantics of a commonly used language unit of *land*. Thus, its everyday meaning «the upper layer of the earth's crust» (Slovník ukraïnskoi movy: u 20 t.) is terminologised acquiring the status of a special and fundamental unit of the melioration terminology system «lands» (in plural) and denoting the scientific concept of «the territories that are cultivated and used for growing agricultural crops». The scientific concept which is considered in the melioration PW makes up the family-type relations, in particular: *lands – eroded lands; erosion dangerous lands; water-logged lands; inconvenient lands; non-agricultural lands; ruined lands; reclaimed lands; agricultural lands; deserted lands; irrigated lands; non-irrigated lands* (Hladun 2015, 76-77). Thus, as a result of the interaction of everyday and scientific pictures of the world the latter acquires the national colouring, since it is represented through the national worldview and world outlook, in particular, through genuine language units with the specialised semantics that form the conceptual core of the melioration PW.

In our work the «international units of the scientific picture of the world» are considered as foreign units, that is international terms or terms with inter-ethnic or international components that are used with the same meaning in most European languages. Here belong, as we have mentioned above, the general scientific linguistic units of Greek and Latin origin, which have international status describing the methodological background of the melioration PW. It is easy to identify the terms with international components, as they migrate from one SPW to another, do not require translation and denote the concepts of a wide variety of knowledge fields. In the language of the melioration PW we distinguish the following foreign-language elements: 1) r o o t m o r p h s: *agro-* (*agrobiogeocoenosis, agrozonning, agrotetase, agrophytocoenosis*); *bio-* (*biogeocoenosis, bioindicator, biomass, biomorph, biosynthesis, biosphere, biofilter, biocoenosis, biocoenology, etc.*); *geo-* (*geocobiot, geomorphology*); *hydro-* (*hydrophytes*); *zoo-* (*zoo melioration*); *photo-* (*photosynthesis*); *phyto-* (*phytocoenosis, phytocoenopopulation, phytophagous, phytoparasitic, phytomass, phytoclimate, phytodesign, phytoindication, phytome-*

lioration, *phytocoenology*); *-coenosis* (*agrocoenosis*, *aquacoenosis*, *biogeocoenosis*, *vitocoenosis*, *florocoenosis*, *fruitocoenosis*); *-cides* (*acaricides*, *herbicides*, *insecticides*, *pesticides*); 2) *pre*fixes: *auto-* (*autotrophs*); *macro-* (*macroelements*, *macrorelief*, *macrofactors*); *mega-* (*megacity*); *micro-* (*microassociation*, *microclimate*, *microrelief*, *microflora*); *nano-* (*nanorelief*); 3) *su*ffixes: *-log* (*y*) (*autecology*, *biocoenology*, *geomorphology*); *-phag* (*entomophagus*, *phytophagus*); *-phil* (*s*) (*ephemerophils*, *acidophils*) and others.

At the present stage of the melioration PW development we observe a close interaction of national and international units. As a result, hybrid terminology units are produced in which both genuine and international morphs are used, for example: 1) *two-component* – *agrosteppe*, *biodamage*, *biodiversity*, *geocurrents*; 2) *three-component* – *agrophytocoenosis*, *biogeocoenosis*, etc. In the terminology of the melioration PW we observe the predominance of international units and elements, primarily of Greek origin. International units expand the core of the concept field of the melioration PW. The national units, in our opinion, have a greater potential for building up the conceptual core of the melioration picture of the world.

7. Conclusions

The scientific picture of the world is a system of scientific concepts that represent the scientific world perception. According to the object of its study, the scientific discipline of melioration is a part of a group of scientific disciplines that form the natural sciences picture of the world. The terminology system of the science of melioration represents a scientific picture of the melioration world. The components of the melioration picture of the world are the subsystems of its sub-sectors. The melioration PW is an imaginary field with the core (the basic concepts that systematise the knowledge about natural formations, territories, processes, measures, plant communities, natural materials, rocks, etc.) and periphery (concepts that denote phenomena, factors, certain changes, stable connections between components of something, features and properties, etc.). The melioration PW is open and exists in close interaction with the adjacent natural world pictures, enriching its conceptual core, first of all, with the concepts of agrochemistry, soil science, agriculture and meteorology. The modern melioration PW is also largely replenished by international units (about 70%) and, to a lesser extent, by genuine national vocabulary (30%). The description of the melioration PW in the entire set of its components supplements the knowledge of the natural and scientific PW as an element of a holistic scientific picture of the world.

References

- BARTMIŃSKI 2005: Bartmiński, J. (2005), *Koncepcja językowego obrazu świata w programie slawistycznych badań porównawczych*. W: *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*. 40, 259-280.
- CHOMSKY 1995: Chomsky, N. (1995), *Language and Nature*. In: *Mind, New Series*. 104/413, 1-61.
- DANILOVA 2008a: Danilova, V. S./Kozhevnikov, N. N. (2008a), *Osnovaniya astronomicheskoy kartiny mira*. In: *Vestnik JaGU*. 5/4, 95-100. [Данилова, В. С./Кожевников, Н. Н. (2008а), *Основания астрономической картины мира*. В: *Вестник ЯГУ*. 5/4, 95-100.]
- DANILOVA 2008b: Danilova, V. S./Kozhevnikov, N. N. (2008b), *Osnovaniya geograficheskoy kartiny mira*. In: *Vestnik JaGU*. 5/1, 68-72. [Данилова, В. С./Кожевников, Н. Н. (2008b), *Основания географической картины мира*. В: *Вестник ЯГУ*. 5/1, 68-72.]
- DANILOVA 2008c: Danilova, V. S./Kozhevnikov, N. N. (2008c), *Osnovaniya geologicheskoy kartiny mira*. In: *Vestnik JaGU*. 5/3, 88-92. [Данилова, В. С./Кожевников, Н. Н. (2008c), *Основания геологической картины мира*. В: *Вестник ЯГУ*. 5/3, 88-92.]
- DANILOVA 2009a: Danilova, V. S./Kozhevnikov, N. N. (2009a), *Himicheskaja kartina mira i ee polozhenie v sisteme fundamental'nyh disciplinarnykh ontologij*. In: *Vestnik JaGU*. 6/2, 106-111. [Данилова, В. С./Кожевников, Н. Н. (2009а), *Химическая картина мира и ее положение в системе фундаментальных дисциплинарных онтологий*. В: *Вестник ЯГУ*. 6/2, 106-111.]
- DANILOVA 2009b: Danilova, V. S./Kozhevnikov, N. N. (2009b), *Osnovaniya biologicheskoy kartiny mira*. In: *Vestnik JaGU*. 6/1, 111-116. [Данилова, В. С./Кожевников, Н. Н. (2009b), *Основания биологической картины мира*. В: *Вестник ЯГУ*. 6/1, 111-116.]
- DANILOVA 2009c: Danilova, V. S./Kozhevnikov, N. N. (2009c), *Jekologicheskaja kartina mira*. In: *Vestnik JaGU*. 6/3, 113-119. [Данилова, В. С./Кожевников, Н. Н. (2009c), *Экологическая картина мира*. В: *Вестник ЯГУ*. 6/3, 113-119.]
- DANILOVA 2009d: Danilova, V. S./Kozhevnikov, N. N. (2009d), *Jetapy stanovlenija informacionnoj kartiny mira*. In: *Vestnik JaGU*. 6/4, 109-112. [Данилова, В. С./Кожевников, Н. Н. (2009d), *Этапы становления информационной картины мира*. В: *Вестник ЯГУ*. 6/4, 109-112.]
- ERRINGTON 2010: Errington, J. (2010), *Linguistics in a Colonial World: A Story of Language, Meaning, and Power*. New York.
- FILON 2013: Filon, M. I./Krymets, O. M. (2013), *Naukova kartyna svitu u filosofskomu y lnhvistychnomu vymirakh*. In: *Terminolohichni visnyk*. 2 (1), 50-55. [Філон, М. І./Кримець, О. М. (2013), *Наукова картина світу у філософському й лінгвістичному вимірах*. В: *Термінологічний вісник*. 2 (1), 50-55.]
- Filosofskyi entsyklopedychnyi slovnyk: entsyklopediia 2002: *Filosofskyi entsyklopedychnyi slovnyk: entsyklopediia* (2002) (Chief Ed. V. I. Shynkaruk). Kyiv. [Філософський енциклопедичний словник: енциклопедія (2002); голов. ред. В. І. Шинкарук. Київ.]
- GUMBOL'DT 1985: Gumbol'dt, fon V. (1985), *Yazyk i filosofiya kul'tury*. Moskva. [Jazyk i filosofija kul'tury [Гумбольдт, фон В. (1985), *Язык и философия культуры*. Москва.]
- HINZBURH 2012: Hinzburh, M. (2012), *Naukova kartyna svitu yak zasib intehruvaty ta systematyzuvaty fakhovi znannia*. In: *Visnyk Natsionalnoho aviatsiinoho universytetu*. Ser.: *Filosofiiia. Kulturolohiia*. 2, 9-17. In: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Vnau_f_2012_2_4 [access 7.04.2018]. [Гінзбург, М. (2012), *Наукова картина світу як засіб інтегрувати та систематизувати фахові знання*. В: *Вісник Національного авіаційного університету*. Сер.: *Філософія. Культурологія*. 2, 9-17. В: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Vnau_f_2012_2_4 [доступ 7.04.2018].]
- HLADUN 2015: Hladun, H. B./Boiko, T. O./Strelchuk, L. M. (2015), *Lisovi melioratsii ahrolandshaftiv. Terminolohichni slovnyk. Kherson*. [Гладун, Г. Б./Бойко, Т. О./Стрельчук, Л. М. (2015), *Лісові меліорації агроландшафтів. Термінологічний словник*. Херсон.]
- HOSPODARENKO 2010: Hospodarenko, H. M. (2010), *Ahrokhimiiia: pidruchnyk*. Kyiv. [Господаренко, Г. М. (2010), *Агрохімія: підручник*. Київ.]

- KASYMOVA 2011: Kasymova, O. (2011), Les i sad v russkoy yazykovoy kartine mira. W: Przegląd Wschodnioeuropejski. 2, 465-470. [Касымова, О. (2011), Лес и сад в русской языковой картине мира. W: Przegląd Wschodnioeuropejski. 2, 465-470.]
- KRYMETS 2014: Krymets, O. (2014), Spetsyfika pobudovy u prezentatsii hnostychnykh obraziv spetsialno-naukovoi kartyny svitu politolohii. In: Visnyk Natsionalnoho universytetu «Lvivska politehnika», ser. «Problemy ukrainskoi terminolohii». 791, 118-121. [Кримець, О. (2014), Специфіка побудови й презентації гностичних образів спеціально-наукової картини світу політології. В: Вісник Національного університету «Львівська політехніка». Проблеми української термінології. 791, 118-121.]
- LEVINSON 1997: Levinson, S.C. (1997), From outer to inner space: Linguistic categories and non-linguistic thinking. In: E. N. Pederson, J. (Ed.), With language in mind: the relationship between linguistic and conceptual representation. Cambridge, 13-45.
- NAZARENKO 2018: Nazarenko, I. I./Polchyna, S. M./Nikorych, V. A. (2018), Hruntoznavstvo. Terminolohichni slovnyk z hruntoznavstva ta heohrafii hruntiv. In: http://geoknigi.com/book_view.php?id=775 [access 7.10.2018]. [Назаренко, І. І./Польчина, С. М./Нікорич, В. А. (2018), Грунтознавство. Термінологічний словник з грунтознавства та географії ґрунтів. В: http://geoknigi.com/book_view.php?id=775 [доступ 7.10.2018].]
- PUZIK 2016: Puzik, V. K./Hladun, H. B./Petrova, T. O./Kucheriaviy, V. S./Dudyn, R. B./Levus, T. M. (2016), Sadovo-parkove hospodarstvo ta fitomelioratsii: terminolohichni slovnyk-dovidnyk. Kharkiv. [Пузік, В. К./Гладун, Г. Б./Петрова, Т. О./Кучерявий, В. С./Дудин, Р. Б./Левусь, Т. М. (2016), Садово-паркове господарство та фітомеліорації: термінологічний словник-довідник, Харків.]
- SELIVANOVA 2006: Selivanova, O. O. (2006), Suchasna linhvistyka: terminolohichna entsyklopediia. Poltava. [Селіванова, О. О. (2006), Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. Полтава.]
- Slovnuk ukrainskoi movy: y 20 t.: Slovnuk ukrainskoi movy: u 20 t. Vol. 1-8 (A – MISHURNYI). In: <http://lcorp.ulif.org.ua/ExpLS/> [access 12.12.2018]. [Словник української мови: у 20 т. Т. 1-8 (А – МІШУРНИЙ) [доступ 12.12.2018].]
- SYDIACHENKO 2011: Sydiachenko, N. H. (2011), Kontseptsiiia movnoi kartyny svitu Yezhy Bartmynskoho. In: Studia Linguistica. 5, 251-258. [Сидяченко, Н. Г. (2011), Концепція мовної картини світу Єжи Бартмінського. В: Studia Linguistica. 5, 251-258.]
- TIULENIEVA 2014: Tiulenieva, V. O./Kozii, I. S. (2014), Osnovy meteorolohii i klimatolohii. Sumy. [Тюленєва, В. О./Козій, І. С. (2014), Основи метеорології і кліматології. Суми.]
- VADAS-VOZ'NY 2010: Vadas-Voz'ny, Kh. (2010), Yazykovaya kartina mira i perevod: oshibki i zabluzhdeniya. W: Przegląd Wschodnioeuropejski. 1, 493-508. [Вадас-Возьны, Х. (2010), Языковая картина мира и перевод: ошибки и заблуждения. W: Przegląd Wschodnioeuropejski. 1, 493-508.]
- ZAREMSKA 2011: Zaremska, I. M. (2011), Movna kartyna svitu yak obiekt linhvistychnykh doslidzhen. In: Naukovyi chasopys Natsionalnoho pedahohichnoho universytetu imeni M.P. Drahomanova, ser. 10, Problemy hramatyky i leksykolohii ukrainskoi movy. 7, 396-402. [Заремська, І. М. (2011), Мовна картина світу як об'єкт лінгвістичних досліджень. В: Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М.П. Драгоманова. Серія 10: Проблеми граматики і лексикології української мови. 7, 396-402.]
- ZAVADSKYI 2006: Zavadskyi, Y. S./Osovska, T. V./Yushkevych, O. O. (2006), Ekonomichni slovnyk. Kyiv. [Завадський, Й. С./Осовська, Т. В./Юшкевич, О. О. (2006), Економічний словник. Київ.]
- Zemlerobstvo. Terminy ta vyznachennia 2008: Zemlerobstvo. Terminy ta vyznachennia (2008): DSTU 4691:2006. Kyiv. [Землеробство. Терміни та визначення (2008): ДСТУ 4691:2006. Київ.]
- ZINKEN 2008: Zinken, J. (2008), Linguistic pictures of the world or language in the world? Metaphors and methods in ethnolinguistic research. W: Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury. 20, 51-62.
- WOHLFART 1996: Wohlfart, G. (1996), Martin Heidegger. In: Borsche, T. (Ed.), Klassiker der Sprachphilosophie. Von Platon bis Noam Chomsky. München, 385-399.

АЛЛА А. КАМАЛОВА / ALLA A. KAMALOVA

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5165-9516>

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

ГЕННАДИЙ И. БЕРЕСТНЕВ / GENNADY I. BERESTNEV

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1783-6253>

Immanuel Kant Baltic Federal University

**ЭМОЦИИ КАК ПРЕДМЕТ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)**

**Emotions as an Object of Linguistic Study
(on the Material of the Russian Language)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвистика, психология, эмоции и чувства, эмоции в языке и тексте, русский язык

KEYWORDS: linguistics, psychology, emotions and feelings, emotions in language and discourse, the Russian language

ABSTRACT: Emotions attract attention of specialists in various fields of knowledge. Thus, linguists delineate the methods of emotions representation in language and discourse. Analysis of scientific publications reveals certain gaps in emotions study and contradictory opinions on the subject as well. The present survey focuses on problems related to emotions study in the context of psychology and linguistics methods. As a result, we postulate absence of a common definition for emotions, absence of non-contradictory inventory of emotional states and absence of criteria for delineation of *emotion* and *feeling* concepts. The article discusses the functions of the words *emotion* and *feeling*, outlines vocabulary related to emotions in the Russian language world image, and characterizes means of emotions representation in language and discourse. The article draws attention to study of emotions in cognitive and culturological linguistic dimensions; it may be useful while compiling linguistic and psychological dictionaries of emotions.

В сущности, интересует нас в жизни одно: наше психическое содержание... Все ресурсы человека – искусство, религия, литература, философия и исторические науки – все это соединяется, чтобы бросить луч света на этот мрак.

И. П. Павлов

1. Введение (Из истории изучения эмоций)

60-е годы XX века знаменуются концептуальной перестройкой российской психологии под влиянием достижений кибернетики, теории информации, физиологии нервной деятельности, успехов в области нейрофизиологии. А с начала 70-х годов в российской лингвистике наблюдается обостренный интерес к изучению лексики, отражающей психическую жизнь человека. В этих исследованиях решаются различные задачи, они детерминированы, как, впрочем, и сам интерес к данной теме, общими тенденциями развития лингвистики, а также положением дел, сложившимся в научном познании психических процессов.

Первоначально такого рода лингвистические исследования проводились на базе ономаσιологического и структурного подхода, с конца же 80-х годов интерес языковедов смещается в сторону когнитивистики, со второй половины 90-х – лингвокультурологии. Анализ научной литературы по данной теме свидетельствует о разработке следующих проблем: лингвистами изыскиваются способы адекватного толкования психологических состояний с помощью метаязыка (Иорданская 1974), изучается полисемантическая глаголов со значением психических состояний (Якубова 1986), описываются эмоции и чувства как концепты, их место в «наивной» (языковой) картине мира (Пеньковский 1991; Камалова 1994; Апресян 1995; Урысон 1995; Арутюнова 1997; Степанов 1997) и способы концептуализации психологических состояний (Радышкевич 1995), изыскиваются универсальные, общечеловеческие прототипы описания чувств (Вежбицкая 1996), наконец, уделяется внимание феномену телесности с точки зрения интерпретации внешних проявлений эмоций (Калимуллина 2007), а также синтаксическим свойствам эмотивных глаголов (Kiklewicz 2018; 2019). Заметим, что это далеко не полный перечень тем.

2. Об определении понятия «эмоция» и классификации эмоций

Эмоции, как и другие психические явления, понимаются в литературе по-разному. Сравнивая, например, дефиниции понятия «эмоция», которые мы находим в работах К. Изарда (1980) и С. Ю. Головина (1998), можно прийти

к выводу, что ни одно из определений не является единственно верным. В психологии и психиатрии сложилась традиция различать следующие виды психических процессов (состояний): чувство, настроение, аффект, переживание, ощущение, эмоция. Базой их различения является анализ типовых ситуаций, при котором учитываются участники ситуации, время и степень проявления процесса, его внешнее проявление и др. Наибольший интерес психология проявляет именно к эмоциям, которые изучаются с эволюционной, психоаналитической, структурной, органической и др. точек зрения.

Несмотря на множество работ, посвященных эмоциям, можно констатировать, что научно обоснованной теории, объясняющей пути распознавания различных проявлений психической жизни, не существует. И если следовать общей логике познания, характеристика эмоций, чувств и т.п. на основе конкретного подхода не может быть признана удовлетворительной, так как человек представляет собой систему систем – разнообразных взаимосвязанных состояний и процессов (физических, физиологических, психических, социальных, культурных), протекание которых детерминировано, с одной стороны, культурно-историческими условиями, с другой – субъективными способностями и возможностями индивида.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что попытки дать определение конкретной эмоции, характеризовать и классифицировать палитру психических состояний, процессов и реакций человека сталкиваются с мощным сопротивлением материала и традицией употребления соответствующих терминов. В современных работах психологов термин *э м о ц и я* может пониматься в широком и узком смысле. Эмоции в узком их понимании относятся к простейшим психическим состояниям, связанным с удовлетворением органических потребностей. Однако в других работах, напротив, термин *ч у в с т в о* функционирует для именования элементарных потребностей; эмоции противопоставляются чувствам по признаку «непосредственное переживание». При таком подходе эмоция – это реакция на ситуацию, а чувство – субъективное проявление, укоренившееся в психике человека. Наконец, эмоциям, в отличие от чувств, приписывается яркое внешнее выражение.

Другая проблема заключается в том, что не существует бесспорного перечня эмоций. Количество эмоций по разным источникам колеблется в большом диапазоне, характеризуясь как базовые или не базовые. Опираясь на существующие теории, можно обобщить знания об эмоциях и назвать наиболее актуальные или оригинальные свойства эмоций. Например, эмоции – это психические реакции, для которых характерно следующее:

- 1) формируются как под влиянием реальных ситуаций, событий, так и под влиянием воспоминаний о пережитом или ожидаемом;
- 2) характеризуются как положительные, отрицательные, нейтральные;
- 3) различаются по интенсивности;

4) обладают активностью (стенические) или пассивностью (астенические), оказывая или не оказывая влияние на силы человека, мобилизуя или не мобилизуя его к деятельности;

5) способны к обобщению и коммуникации (могут передаваться между людьми и животными);

6) мимическая реакция на эмоцию является подсознательной и не зависит от социальной и расовой принадлежности.

Конкретное свойство из вышеназванных может соответствовать или не соответствовать той или иной теории. В данном случае это лишь попытка характеризовать эмоции, опираясь на некоторые их проявления. Заметим, что в работах специалистов встречаются оригинальные наблюдения над эмоциями, например: эмоции обладают феноменом «эмоционального заражения» людей и животных или выявляются национально ориентированные эмоции (например, японское *ваби-саби*).

По поводу ситуации, сложившейся в области изучения эмоций, В. К. Вилюнас писал:

Большую путаницу в психологию эмоций вносят терминологические расхождения. В какой-то мере они заложены уже в повседневном языке, позволяющем нам называть, например, страх эмоцией, аффектом, чувством или даже ощущением или объединять под общим названием чувств такие различные явления, как боль и иронию, красоту и уверенность, прикосновение и справедливость. Но это свидетельствует о том, что феноменологический материал, объяснить который призвана теория эмоций, не обладает отчетливо различимыми признаками, которые могли бы обеспечить некоторую единую изначальную его группировку и упорядочивание (Вилюнас 1984, 5).

Написано это в 80-е годы XX века, однако сегодня изложенная выше ситуация коренным образом не изменилась. И тем не менее определенные прорывы в изучении эмоций как психических процессов наблюдаются. Так, например, интерес представляет опыт описания возникновения эмоций и выведение «формулы эмоции». В работе П. В. Симонова теория «формула эмоции» опирается на информацию о потребностях субъекта, возможности удовлетворения потребностей, силу и качество потребностей и др. (1981, 19ссл.).

3. Эмоции в лингвистической традиции

При лингвистическом обращении к эмоциям необходимо различать проблемы именовании эмоций в языке и способы их описания в речи. В связи с этим Л. Г. Бабенко пишет:

Эмоции имеют двоякий способ обнаружения в языке. Во-первых, они проявляются в языке как эмоциональное сопровождение, эмоциональная окраска, возникающая в результате прорыва в речь говорящего его эмоционального состояния в виде эмоциональных оценок... Во-вторых, эмоции отражаются языковыми знаками как объективно существующая реальность, подобная любой другой наблюдаемой реальности (Бабенко 1989, 3).

Можно, таким образом, говорить о языке описания и языке выражения эмоций. Также необходимо отметить, что в российской лингвистике существуют два термина: *лексика эмоций* (ориентирована на объективацию психических состояний в языке) и *эмоциональная лексика* (выполняет экспрессивную и прагматическую функцию, ее связывают с термином «эмотивность») (Шаховский 1987).

Свойства эмоций выявляются на базе различных отношений, представленных ситуациями, сценами, сценариями.

Эмоциональные концепты задаются ситуациями, типичными для известных переживаний, и эти ситуации могут быть описаны посредством ментальных сценариев. Я полагаю, что мы в самом деле интерпретируем наше эмоциональное состояние при помощи таких сценариев, и моя гипотеза подтверждается тем, что эмоциональные концепты, выражаемые в различных языках, очень хорошо моделируются при помощи таких сценариев (Вежбицкая 1996, 337).

Свойства эмоций как реальное проявление психической реакции лингвисты обнаруживают прежде всего в художественных текстах. В текстах-скриптах аналитического типа могут быть заложены сценарии, опираясь на которые, возможно выявить содержание подобных концептов. Примером текста-скрипта может служить описание гнева в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», где гнев представлен в виде сценарной структуры (Камалова 1998, 248ссл.). Заметим, что к художественным текстам, содержащим описание эмоциональных состояний, нередко апеллируют в своих работах психологи. К. Леонгард по этому поводу пишет:

Многие писатели, как известно, являются превосходными психологами. Будучи весьма наблюдательными, они обладают способностью проникновения во внутренний мир человека. К тому же их литературный дар помогает облечь увиденное и воспринятое в прекрасную языковую форму (2000, 242).

Лингвисты, обращаясь к способам объективации психической жизни, также обращаются к художественным текстам, к описаниям психической жизни персонажей. По нашим наблюдениям, интерес к данной проблеме активи-

зировался в XXI веке. В качестве примера назову диссертационную работу И. С. Баженовой (2004), посвященную обозначению эмоций в художественном тексте.

Лингвистическое описание эмоций, помимо собственно научного интереса, имеет прикладное значение, а именно – способствует разработке лексикографирования эмоций в словарях различных типов. В связи с последним заметим, что материалы интернета свидетельствуют об активном интересе к эмоциональной сфере, к вербальному ее отражению и содержат информацию о проектах подобных словарей и словарных материалах (Смирнов 2011). Идея о способности эмоций к обобщению и коммуникации получила развитие в исследовании эстетических эмоций и созданию словаря эстетических эмоций (Ражников 2013). Открытие национально ориентированных эмоций вдохновило Т. Ломаса на создание *The Positive Lexicography Project*, задача которого – собрать «добрые чувства» народов мира, с целью приобщения к ним всех желающих. В качестве национально ориентированных положительных эмоций называются, например, арабское *Tarab* – экстаз, очарование, вызванные прослушиванием национальной музыки, японское *Shinrin-Yoku* – удовольствие от купания в лесу (буквально или образно) (Robson 2017).

4. Эмоции в языковой картине мира

Слова *эмоция* и *чувство* различаются длительностью функционирования в русском языке. Слово *чувство* в древнерусском языке известно с X века, оно заимствовано из старославянского, образовано с помощью суффикса *-ств-* от *чоувъ* «способность чувствовать» > «тот, кто обладает этим», восходящего к *чуоти* «чувствовать, слышать, ощущать, познавать» + суффикс *-в-* (Шанский 1975), ср. русское *чують*.

Чувство и его однокорневые слова с древнейших времен выполняли функцию выражения различных психических процессов. Неудивительно, что в современном русском языке *чувство* – многозначное слово. Данный факт объясняет, почему в русском языке *чувство* употребляется при описании различных проявлений психической жизни: *чувство голода, сонливости, стыда, гордости, благородства, ненависти, любви, солидарности, прекрасного, зависти* и т. д. Семантическая структура слова *чувство* в лингвистических словарях описывается неоднозначно: фиксируется от пяти (Ожегов/Шведова 1997), шести (Ушаков 1940) до семи значений (МАС 1999).

Слово *эмоция*, согласно материалам «Историко-этимологического словаря русского языка», восходит к латинскому языку – *emoveo* «потрясаю, волну»; русским языком заимствовано посредством французского и функционирует с конца XIX века (Черных 1994, 448). Современные толковые словари тол-

куют его как «душевное переживание, чувство» (Ожегов 1997, 910). Данный факт невозможно однозначно квалифицировать как неразличение эмоций и чувств, так как толкование не есть семантика слова, а способ соотнесения значения слова с другим, близким или соотносимым по значению словом или понятием. Истории слова *эмоция* в европейских языках посвящена работа Н. А. Дмитриевой (2014).

Слова *эмоция* и *эмоциональный* обычно используется для специальных целей в широком и узком значениях как для разнообразных психических состояний и процессов, так и для собственно эмоций как психических реакций. Слова *чувство* и *чувствовать* многозначны и многофункциональны, длительное время они употреблялись в разных стилях русской речи для выражения различных психических реакций, в том числе и эмоциональных. Логично думать, что слово *чувство* как наиболее раннее по происхождению и потому функционально универсальное замещает слово *эмоция*, более позднее по происхождению и «неродное» по форме.

Трудности, которые испытывают лингвисты при классификации названий эмоций, отражены в результатах лингвистических классификаций. М. А. Крючкова выделяет 9 лексико-семантических групп, С. Н. Цейтлин – 12, И. И. Валуйцева – 22, Л. Н. Сахарчук – 29 (см. подробнее: Камалова 1994).

О трудностях лексикографического толкования эмоций пишет Ю. Д. Апресян (1993), предлагая строить толкование слов, обозначающих эмоции, на базе сценария их возникновения и развития, основа которого – «наивная картина мира». Структуру толкования составляют следующие параметры: 1) восприятие или умственное представление некоторого положения вещей; 2) оценка данного положения вещей; 3) собственно эмоция как результат этой оценки – положительная или отрицательная; проявление эмоции в 4) неподконтрольных субъекту физиологических реакциях (*бледность*, *дрожь*), 5) желаниях (*спрятаться*, *сжаться*), 6) моторной активности (*вскокить*), 7) речевой деятельности (*кричать*).

Ч. Филлмор предлагает при описании и классификации эмоций обращаться к сценическому описанию эмоциональных реакций:

Некоторые эмоциональные слова, думается, могут быть охвачены единичными сценами в том смысле, что называемые ими социальные состояния относительно просты и обладают свойствами, которые могут проявляться в некоторый данный момент времени. В качестве таких, связанных с единичными сценами эмоций, можно назвать *excitement* 'возбуждение', *anger* 'гнев', *peacefulness* 'спокойствие', *joy* 'радость' (Филлмор 1988, 108).

Бабенко (1989), классифицируя данную лексику, учитывает следующие характеристики: эмоциональное состояние, становление эмоционального состояния, эмоциональное воздействие, внешнее выражение эмоций, эмоци-

ональная характеристика, эмоциональное качество. Представляется, однако, что рекомендации нуждаются в коррекции из-за многозначности лексики и необходимости разграничения лексико-семантических вариантов. В этом случае в качестве критерия манифестации принимается закономерность сочетаемости. Сравним, например, слово *бояться* в значении 'испытывать страх' в синтагматическом ряду [субъект одушевл. – состояние – объект в родит. падеже] (*бояться волков, бояться темноты* и под.) и тот же глагол в значении 'опасаться, беспокоиться, тревожиться' с сочетаемостной моделью [субъект одушевл. – состояние – винит. объекта с предлогом *за* или инфинитив] (*бояться за брата, бояться наскучить*).

Вопрос о том, где «живут» эмоции, не праздный. В. А. Плунгян отмечает, что

языки современного европейского культурного ареала обнаруживают безусловное единство в том, что касается центральной роли сердца как средоточия эмоций; вместе с тем в отношении других органов наблюдаются некоторые расхождения... печень успешно конкурировала с сердцем, служа вместилищем воинской доблести, ярости, сильных страстей и под. (1991, 154).

Понимание сердца как вместилища эмоций и чувств как символа души восходит к библейской традиции: в Евангелии оно обнимает собой не только психику человека, но и физиологические проявления и потребности (Мф., 12:40; Лука, 21:34). Библейская традиция получила дальнейшее развитие в древнерусской литературе. В текстах церковнославянской письменности наблюдается тенденция к абстрактному представлению действительности, соотносимой с психической жизнью человека. Выявлены образные описания эмоций, которые становятся клишированными речевыми единицами, например: *сърдце ми горитъ* (Сказание о Борисе и Глебе), *очима бо плачутся со мною, а сърдцем смеють ми ся* (Моление Даниила Заточника) и т.п. (Камалова 1994, 93ссл.).

Тема «сердце» с середины XVIII века активно разрабатывается в святоотеческой литературе. В русской художественной литературе прослеживается библейская образная система в отображении эмоций, а также та, которая сложилась в древнерусской литературе. Метафорическое осмысление сердца мотивирует дальнейшее развитие образа: эмоции и чувства предстают в виде существ, которые *мучают, грызут, сжигают* сердце. Сердце предстает «вместилищем», где живут страсти, мысли, желания, что позволяет сравнивать его с домом, сосудом и др. Поскольку сердце предстает в образе сосуда, то чувства видятся в образе жидкости, которые способны *переполнять сердце, кипеть в сердце* и т. п. (Камалова 1998, 254ссл.).

Если на уровне языковой системы удастся хоть в какой-то степени очертить значения и ономазиологическое соответствие лексике эмоций, то изучение их воплощения в речи осложняется за счет нестереотипных ситуаций

и индивидуальных реакций, а также многообразия одновременно переживаемых состояний, взаимодействия их с желаниями и волей, их оценки субъектом и обществом.

В стремлении приблизиться к реальности, говорящий не называет эмоции, а описывает наблюдаемые телесные реакции, т.е. визуальные шаблоны поведения, характерные для человека в стереотипных ситуациях.

В разговорной и художественной речи при описании эмоций наблюдается взаимодействие лексики различных семантических групп и полей: *вскрикнуть от неожиданности, вздрогнуть от страха, прыгать от радости, плакать/покраснеть от стыда* и под. В то же время лексика эмоций в речи способна выполнять неизосемическую функцию, выступать в специфической роли: *веселость* и *веселый* в речи может функционировать как выражение эмоции, описание характера и поведения индивида, а также как характеристика глаз, голоса.

Лексика эмоций по своим функциональным свойствам может быть классифицирована по трем разрядам: слова, объективирующие психические реакции – «именующие» (*удивление, гнев, страх* и под.); слова, выражающие эмоции – «предидирующие» (*удивляться, гневаться, расстраиваться* и под.); слова, косвенно передающие информацию о психологических состояниях, – «обслуживающие», и именно им отводится главная роль в референции. В функции «обслуживающих» активно используются глагольные метафоры, существенно обогащающие эмоциональную палитру и помогающие представить способ протекания эмоции. С помощью метафор возможно передать «скорость» развития психических реакций (*страх напал, гнев вспыхнул, раздражение ширилось*); «силу» переживаний (*клокотать, пылать, взорваться* – о гневе); «глубину» (*захлестнуть, наполниться* – о радости). Указанные семантические параметры свойственны положительным и отрицательным эмоциям, именно они обладают градацией, для нейтральных реакций это менее свойственно: про удивление, квалифицируемое как нейтральная эмоция, нельзя сказать, что оно *вспыхнуло, терзало, клокотало*.

Приведенные примеры демонстрируют универсальность способов отражения эмоций в языковой системе, которая во многих случаях «не нуждается в подкреплении извне, со стороны других знаковых систем выражения субъективной информации» (Калимуллина 2007, 176сл.).

5. Заключение

Психика человека отражает физические, психические, социальные, культурные, духовные проявления субъекта. Соответственно, конкретные проявления психических реакций не могут быть дефинированы с позиций

и установок какого-либо одного научного подхода. Соответственно, теория эмоций, несмотря на многочисленные усилия ученых по их определению и классификации, находится в развитии.

Не менее сложно этот вопрос представлен в лингвистических исследованиях. Наблюдения над семантикой и функционированием лексики эмоций в русском языке позволяет сделать вывод о том, что в языковой картине мира психическая жизнь человека представлена как сложная система взаимодействующих и взаимообусловленных психических реакций. Данные языка не противоречат современным специальным знаниям об изучаемом предмете, но в то же время языковые (лексические) знаки образуют самостоятельную систему. В связи со сказанным представляется актуальным обращение к сравнительному анализу вербальной системы эмоций конкретного языка и невербальной знаковой системы, характерной для проявления эмоций в данной культуре. Это было бы значимо для понимания и описания языкового материала в лингвокультурологическом аспекте, а также для практики лексикографирования эмоций.

Библиография

- АПРЕСЯН 1995: Apresyan, Yu. D. (1995), *Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya*. In: *Voprosy yazykoznavaniya*. 1, 37-67. [Апресян, Ю. Д. (1995), *Образ человека по данным языка: попытка системного описания*. В: *Вопросы языкознания*. 1, 37-67.]
- АПРЕСЯН/АПРЕСЯН 1993: Apresyan, Yu. D./Apresyan, V. Yu. (1993), *Metafora v semanticheskom predstavlenii emotsiy*. In: *Voprosy yazykoznavaniya*. 3, 27-35. [Апресян, Ю. Д./Апресян, В. Ю. (1993), *Метафора в семантическом представлении эмоций*. В: *Вопросы языкознания*. 3, 27-35.]
- АРУТЮНОВА 1997: Arutyunova, N. D. (1997), *O styde i stuzhe*. In: *Voprosy yazykoznavaniya*. 2, 58-69. [Арутюнова, Н. Д. (1997), *О стыде и стуже*. В: *Вопросы языкознания*. 2, 58-69.]
- БАБЕНКО 1989: Babenko, L. G. (1989), *Leksicheskiye sredstva oboznacheniya emotsiy v russkom yazyke*. Sverdlovsk. [Бабенко, Л. Г. (1989), *Лексические средства обозначения эмоций в русском языке*. Свердловск.]
- БАЖЕНОВА 2004: Bazhenova, I. S. (2004), *Oboznacheniya emotsiy v khudozhestvennom tekste (Pragmaticheskiy aspekt)*. Dissertatsiya. Moskva. [Баженова, И. С. (2004), *Обозначение эмоций в художественном тексте (Прагматический аспект)*. Диссертация. Москва.]
- ВЕЖБИЦКАЯ 1996: Wierzbicka, A. (1996), *Yazyk. Kul'tura. Poznaniye*. Moskva. [Вежицкая, А. (1996), *Язык. Культура. Познание*. Москва.]
- ВИЛЮНАС 1984: Vilyunas, V. K. (1984), *Osnovnyye problemy psikhologicheskoy teorii emotsiy*. In: *Vilyunas, Yu. B./Gippenreyter, V. K. (red.), Psikhologiya emotsiy: teksty*. Moskva, 3-18. [Вилюнас, В. К. (1984), *Основные проблемы психологической теории эмоций*. В: *Вилюнас, Ю. Б./Гиппенрейтер, В. К. (ред.), Психология эмоций: тексты*. Москва, 3-18.]
- ГОЛОВИН 1998: Golovin, S. Yu. (1998), *Slovar' prakticheskogo psikhologa*. Minsk. [Головин, С. Ю. (1998), *Словарь практического психолога*. Минск.]
- ДМИТРИЕВА 2014: Dmitriyeva, N. A. (2014), *K voprosu o proiskhozhdenii slova «emotsiya» v russkom, angliyskom, frantsuzskom i ital'yanskom yazykakh*. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Lingvistika»*. 2, 93-98. [Дмитриева, Н. А. (2014), *К вопросу о происхождении слова «эмоция» в русском, английском, французском*

- и итальянском языках. В: Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2, 93-98.]
- ИЗАРД 1980: Izard, K. (1980), *Emotsii cheloveka*. Moskva. [Изард, К. (1980), *Эмоции человека*. Москва.]
- ИОРДАНСКАЯ 1870: Iordanskaya, L. N. (1970), *Popytka leksikograficheskogo tolkovaniya gruppy russkikh slov so znacheniyem chuvstv*. In: *Mashinnyu perevod i prikladnaya lingvistika*. 13. Moskva, 3-26. [Иорданская, Л. Н. (1970), *Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувств*. В: *Машинный перевод и прикладная лингвистика*. 13. Москва, 3-26.]
- КАЛИМУЛЛИНА 2007: Kalimullina, L. A. (2007), *Verbal'naya i neverbal'naya znakovaya eksplikatsiya vnutrennikh perezhivaniy*. In: Ibragimova, V. L. (red.), *Semanticheskiye, grammaticheskiye i kognitivnyye kategorii yazyka*. Ufa, 172-180. [Калимуллина, Л. А. (2007), *Вербальная и невербальная знаковая экспликация внутренних переживаний*. В: Ибрагимова, В. Л. (ред.), *Семантические, грамматические и когнитивные категории языка*. Уфа, 172-180.]
- КАЛИМУЛЛИНА 2013: Kalimullina, L. A. (2013), *Semioticheskaya sushchnost' neverbal'nogo emotsional'nogo koda i spetsifika ego nominatsii (na materiale slavyanskikh yazykov)*, In: *Przeglad Wschodnioeuropejski*. IV, 533-546. [Калимуллина, Л. А. (2013), *Семиотическая сущность невербального эмоционального кода и специфика его номинации (на материале славянских языков)*. В: *Przeglad Wschodnioeuropejski*. IV, 533-546.]
- КАМАЛОВА 1994: Kamalova, A. A. (1994), *Formirovaniye i funktsionirovaniye leksiki so znacheniyem psikhicheskogo sostoyaniya v russkom literaturnom yazyke*. Arkhangel'sk. [Камалова, А. А. (1994), *Формирование и функционирование лексики со значением психического состояния в русском литературном языке*. Архангельск.]
- КАМАЛОВА 1998: Kamalova, A. A. (1998), *Semanticheskiye tipy predikatov sostoyaniya v sistemnom i funktsional'nom aspektakh*. Arkhangel'sk. [Камалова, А. А. (1998), *Семантические типы предикатов состояния в системном и функциональном аспектах*. Архангельск.]
- ЛЕОНГАРД 1981: Leongard, K. (1981), *Aktsentuirovannyye lichnosti*. Kiev. In: <http://ncpz.ru/lib/1/book/37chapter> [dostup 10.02.2017]. [Леонгард, К. (1981), *Акцентуированные личности*. Киев. В: <http://ncpz.ru/lib/1/book/37chapter> [доступ 10.02.2017].]
- МАС: MAS: Evgen'yeva, A. P. (red.), (1999), *Slovar' russkogo yazyka*, V 4 t. Moskva. [Евгеньева, А. П. (ред.), (1999), *Словарь русского языка*, В 4 т. Москва.]
- ОЖЕГОВ 1997: Ozhegov, S. I./Shvedova, N. Yu. (1997), *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Moskva. [Ожегов, С. И./Шведова, Н. Ю. (1997), *Толковый словарь русского языка*. Москва.]
- ПЕНЬКОВСКИЙ 1991: Pen'kovskiy, A. B. (1991), *Radost' i udovol'stviye v predstavlenii russkogo yazyka*. In: Arutyunova, N. D./YAnko, T. E. (red.), *Logicheskij analiz yazyka. Kul'turnyye kontsepty*. Moskva, 375-383. [Пеньковский, А. Б. (1991), *Радость и удовольствие в представлении русского языка*. В: Арутюнова, Н. Д./Янко, Т. Е. (ред.), *Логический анализ языка. Культурные концепты*. Москва, 375-383.]
- ПЛУНГЯН 1991: Plungyan, V. A. (1991), *K opisaniyu afrikanskoj «naivnoy kartiny mira» (lokalizatsiya oshchushcheniy i ponimaniye v yazyke dogon)*. In: Arutyunova, N. D./YAnko, T. E. (red.), *Logicheskij analiz yazyka. Kul'turnyye kontsepty*. Moskva, 154-159. [Плунгян, В. А. (1991), *К описанию африканской «наивной картины мира» (локализация ощущений и понимание в языке догон)*. В: Арутюнова, Н. Д./Янко, Т. Е. (ред.), *Логический анализ языка. Культурные концепты*. Москва, 154-159.]
- РАДЫШКЕВИЧ 1995: Radyshkevich, I. I. (1995), *Chleneniye kontseptual'nogo prostranstva otritsatel'nykh emotsional'nykh sostoyaniy (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka)*. In: Semerikova, Z. V. (red.), *Kontseptualizatsiya i kognitivnoye modelirovaniye mira*. Vypusk 430. Moskva, 15-30. [Радышкевич, И. И. (1995), *Членение концептуального пространства отрицательных эмоциональных состояний (на материале современного английского языка)*. In: Semerikova, Z. V. (red.), *Kontseptualizatsiya i kognitivnoye modelirovaniye mira*. Vypusk 430. Moskva, 15-30.]

- В: Семерикова, З. В. (ред.), Концептуализация и когнитивное моделирование мира. Выпуск 430. Москва, 15-30.]
- РАЖНИКОВ 2013: Razhnikov, V. G. (2013), Postizheniye sushchnosti esteticheskikh emotsiy i khudozhestvennykh perezhivaniy (avtorskiy slovar' i metodika ego primeneniya). In: Vestnik kafedry YUNESKO «Muzykal'noye iskusstvo i obrazovaniye». 3, 54-63. [Ражников, В. Г. (2013), Постижение сущности эстетических эмоций и художественных переживаний (авторский словарь и методика его применения). В: Вестник кафедры ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование». 3, 54-63.]
- СИМОНОВ 1981: Simonov, P. V. (1981), Formula emotsii. In: Simonov, P. V. Emotsional'nyy mozg. Moskva, 19-23. [Симонов, П. В. (1981), Формула эмоции. В: Симонов, П. В. Эмоциональный мозг. Москва, 19-23.]
- СМИРНОВ 2011: Smirnov, A. V. (2011), Slovar' «chuvstv». In: <http://www.gestalt-life.ru/forum/inde.php?showtopic=2306/Lj> [dostup 06.02.2017]. [Смирнов, А. В. (2011), Словарь «чувств». В: <http://www.gestaltlife.ru/forum/inde.php?showtopic=2306/Lj> [доступ 06.02.2017].]
- СТЕПАНОВ 1997: Stepanov, YU. S. (1997), Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Moskva. [Степанов, Ю. С. (1997), Константы. Словарь русской культуры. Москва.]
- УРЫСОН 1995: Uryson, E. V. (1995), Fundamental'nyye sposobnosti cheloveka v naivnoy kartine mira. In: Voprosy yazykoznaniiya. 3, 3-16. [Урысон, Е. В. (1995), Фундаментальные способности человека в наивной картине мира. В: Вопросы языкознания. 3, 3-16.]
- УШАКОВ 1940: Ushakov, D. N. (red.). (1940), Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 4. Moskva. [Ушаков, Д. Н. (ред.). (1940), Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 4. Москва.]
- ФИЛЛМОР 1988: Fillmore, Ch. (1988), Freymy i semantika ponimaniya. In: Petrov, V. V./Gerasimov, V. I. (red.), Novoye v zarubezhnoy lingvistike, XIII. Moskva, 52-90. [Филлмор, Ч. (1988), Фреймы и семантика понимания. В: Петров, В. В./Герасимов, В. И. (ред.), Новое в зарубежной лингвистике, XIII. Москва, 52-90.]
- ЧЕРНЫХ 1994: Chernykh, P. Ya. (1994), Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka. Moskva. [Черных, П. Я. (1994), Историко-этимологический словарь современного русского языка. Москва.]
- ШАХОВСКИЙ 1987: Shakhovskiy, V. I. (1987), Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme russkogo yazyka. Voronezh. [Шаховский, В. И. (1987), Категоризация эмоций в лексико-семантической системе русского языка. Воронеж.]
- ЯКУБОВА 1986: Yakubova, V. G. (1986), O leksiko-semanticheskoy grupe glagolov so znacheniyem chuvstv. In: Russkiy yazyk v shkole. 4, 8-13. [Якубова, В. Г. (1986), О лексико-семантической группе глаголов со значением чувств. В: Русский язык в школе. 4, 8-13.]
- КІКЛЕWІCZ 2018: Kiklewicz, A. (2018), Valentnye svoystva mental'nykh i emotivnykh glagolov (na materiale sovremennogo russkogo yazyka). W: Prace Filologiczne. LXXII, 149-165. [Kiklewicz, A. (2018), [Валентные свойства ментальных и эмотивных глаголов (на материале современного русского языка). W: Prace Filologiczne. 2018, LXXII, 149-165.]
- КІКЛЕWІCZ 2019: Kiklewicz, A. (2019), Realizaciya propozicional'nogo argumenta: klauzal'naya – imennaya – nulevaya (na materiale russkikh emotivnykh glagolov). In: Filologicheskiye nauki. 1, 9-21. [Kiklewicz, A. (2019), Реализация пропозиционального аргумента: клаузалная – именная – нулевая (на примере русских эмотивных глаголов). В: Филологические науки. 1, 9-21.]
- ROBSON 2017: Robson, D. (2017), The 'untranslatable' emotions you never knew you had. In: <http://www.bbc.com/future/story/20170126-the-untranslatable-emotions-you-never-knew-you-had>.

RECENZJE, OMÓWIENIA

ТЕТЯНА КОСМЕДА, ОЛЕНА ГОМЕНЮК
Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

Р. Тимошук, В. Сосновський, М. Яскот, Ю. Ганошенко, *Лексикон польської та української активної фразеології*, Варшава: KJV Digital Sp. z o. o., 2018; 309 с.

Вихід у світ нової лексикографічної праці – завжди значна подія в житті національної лінгвоспільноти, тому, безперечно, видання *Лексикону польської та української фразеології* (далі *Лексикону*), укладеного Р. Тимошуком, В. Сосновським, М. Яскотом і Б. Ганошенком, – важлива подія і для української, і для польської лінгвокультури. Праця науковців розрахована не лише на мовознавців, перекладачів, студентів філологічних спеціальностей, а й на всіх, хто прагне краще оволодіти українською та польською мовами, підвищити рівень своєї мовної та комунікативної компетенції. Розглядуваний *Лексикон* – друга в історії українсько-польської та польсько-української фразеолографії ХХІ століття спроба створення двомовного фразеологічного словника, здійснена після виходу у світ *Короткого українсько-польського словника усталених виразів: еквіваленти слова, фразеологізми, прислів'я та приказки* (Познань/Харків, 2017), укладеного Т. Космедою, О. Гоменюк і Т. Осіповою.

Лексикон складається зі вступу (с. 7-30), польсько-української (с. 31-148) та українсько-польської (с. 149-268) частин, репрезентації фразеологізмів, індексу польських (с. 269-287) й українських (с. 288-306) фразеологічних одиниць, літератури (с. 307), а також інформації про авторів (с. 308-309). Простежуємо невідповідність назв підрозділів, зокрема «Індекс польських фразеологічних одиниць» та «Індекс українських фразеологічних одиниць» містять в алфавітному порядку не перелік усталених виразів, як це повинно мало б мати місце, а перелік слів, що є ключовими для виокремлених й описаних укладачами одиниць.

У Вступі викладено авторську концепцію – підґрунтя репрезентації фразеологізмів: описано особливості добору матеріалу та принципи тлумачення, визначено актуальність і новизну, обсяг (понад 1000 одиниць). Зауважимо, що польсько-українська й українсько-польська частини *Лексикону* відрізняються за змістом: вони «формувався незалежно одна від одної», однак «активні для двох мов фразеологічні одиниці ввійшли в обидві частини» (Тимошук 2018, 28). Увагу зосереджено на усталених виразах, що активно функціують у сучасних українській та польській мовах. Щоб відібрати матеріал для словника, укладачі провели анкетування (на жаль, про нього міститься недостатня

інформація); крім того, залучено мову ЗМІ. Мета словника – запропонувати фразеологізми, що найуживаніші в повсякденному спілкуванні. Це вирізняє аналізований *Лексикон* від інших видань подібного типу. Однак нечітко визначені ключові критерії для окреслення статусу поняття «активна» фразеологія. Доцільно було б додати до критеріїв відбору фразеологічного матеріалу й чинник частотності його вживання. Потрапили до реєстру рецензованого словника й сленгові фразеологізми, що характеризуються високою частотністю вживання в сучасному молодіжному мовленні.

У *Лексиконі* застосовано алфавітний спосіб розміщення матеріалу як найбільш зручний і популярний. Графічне оформлення словникових статей має естетичний та приємний для сприйняття вигляд. Схема опису фразеологізмів має традиційний вигляд: *реєстрова одиниця* → *значення* → *ілюстративний матеріал* / *еквівалент реєстрової одиниці* → *значення* → *ілюстративний матеріал*. Під час опису через скісну ризку за необхідності подано варіативні компоненти. Значення фразеологізмів, як стверджують укладачі, «представлені за допомогою якомога простіших синтаксичних конструкцій» (Тумошук 2018, 21). Однак ці конструкції не завжди репрезентують чіткість, стрункість і ясність інтерпретації, непослідовно розкривають повноту семантики та не фіксують прагматичної інформації, проте факт наявності ілюстративного матеріалу, що передає значення кожного фразеологізму, заслуговує на схвалення. Однак у трактуванні поняття *нульової еквівалентності* вбачаємо певну категоричність. Напр., до польської ідіоми *groch z kapustą* ('wtedy, gdy rzeczy są niejednorodne, bardzo różne, niemające ze sobą nic wspólnego') запропоновано описовий еквівалент: 'розгартіяш, безлад' (с. 55), однак цей фразеологізм має відповідник *gorox z kapustou*, що означає: «що-небудь таке, в чому важко розібратися; щось невпорядковане, незрозуміле, наплутане і т. ін.» (Bilopozhenko 2008, 162). Згідно з класифікацією М. Добровольського, на яку орієнтуються укладачі, це абсолютний еквівалент, що, можливо, характеризується меншою частотністю вживання, але функціонує в українській мові та зафіксований у словниках. Стилістичні помітки подано, на жаль, не до всіх реєстрових одиниць і не зрозуміло, чому пропонуються лише три їхні типи: *сленг.* – сленгове, *кол.* – колоквіальне, *вulg.* – вульгарне. Ремарку *кол.* – «колоквіальне» вважаємо некоректною, оскільки такого слова в українській мові не існує. Традиційно використовують термін *розмовний*. Крім того, залучено позначку *przysł.* – *przysłowie* / *прик.* – *приказка*, але не подано критеріїв розрізнення виокремлених одиниць, а для пересічного носія мови це не настільки важливо. То чи є потреба в таких помітках? У тексті *Лексикону* (метамовна частина) інколи простежуємо порушення орфографічних і стилістичних норм сучасної української мови, що, напр., стосується ігнорування необхідності чергувань приєменників *у – в, з – із* чи префіксів *у – в* у словах, де такі чергування необхідні, а також сполучників чи сполучних слів *що*

– який, і – й та ін., напр.: *побити горишки* ‘тоді, коли хтось з кимось перебуває у конфлікті’ замість ‘тоді, коли хтось **із** кимось перебуває у конфлікті’ (с. 49); *відняло / віднімає (комусь) мову* ‘тоді, коли хтось втрачає здатність говорити під впливом сильних емоцій’ замість ‘тоді, коли хтось утрачає здатність говорити під впливом сильних емоцій’ (с. 89) та ін.

Утім, загалом уважаємо, що *Лексикон* знайде своїх користувачів, буде їм корисний, він певним чином збагатив і теорію фразеографії, і фразеографічну практику, а виявлені недогляди легко можна буде усунути під час перевидання праці.

Бібліографія

- Білоноженко/Гнатюк/Дятчук 2008: Bilonozhenko, V./Hnatyuk, I./Dyatchuk, V. et al. (2008), *Slovník frazeologizmů ukrajinského jazyka*. Kyiv. [Білоноженко, В./Гнатюк, І./Дятчук, В. et al. (2008), Словник фразеологізмів української мови. Київ.]
- КОСМЕДА/ГОМЕНЮК/ОСІПОВА 2017: Kosmeda, T./Gomeniuk, O./Osipowa, T. (2017), *Krotkyj ukrajins'ko-pol's'kyj slovník ustalenykh vyraziv: ekvivalenty slova, frazeologizmu, prysliv'ya*. Poznan'/Kharkiv. [Космеда, Т./Гоменюк, О./Осіпова, Т. (2017), Короткий українсько-польський словник усталених виразів: еквіваленти слова, фразеологізми, прислів'я та приказки. Познань / Харків.]
- МИХАЙЛОВА/ЄСИПЕНКО 2018: Mykhaylova, T./Yesypenko, D. (2018), *Blyz'ki, podobni, netotozhni: paremiyni ta frazeolohichni perlyny u «Krotkomu ukrajins'ko-pol's'komu slovníku ustalenykh vyraziv»*. In: *Dyvoslovo*. 09 (738), 64. [Михайлова, Т./Єсіпенко, Д. (2018), Близькі, подібні, нетотожні: паремійні та фразеологічні перлини у «Короткому українсько-польському словнику усталених виразів». В: *Дивослово*. 09 (738), 64.]
- ТИМОШУК/СОСНОВСЬКИЙ/ЯСКОТ 2018: Tymoshuk, R./Sosnowski, W./Jaskot, M. et al. (2018), *Leksykon pol's'koj ta ukrajins'koj aktyvnoji frazeologiji*. Varshava. [Тимошук, Р./Сосновський, В./Яскот, М. et al. (2018), Лексикон польської та української активної фразеології. Варшава.]

INFORMACJA DLA AUTOREK/AUTORÓW

1) Preferowany edytor tekstu: Microsoft Word 2007, 2010 i późniejsze wersje. Ustawienia strony: papier A4; marginesy: górny, dolny, lewy, prawy 2,5 cm; nagłówek i stopka 1,5 cm. Nagłówki na pierwszej stronie — inne.

2) Na pierwszej stronie: po lewej — imię i nazwisko autora (kapitaliki). Pod imieniem i nazwiskiem autora — numer ORCID, w kolejnym wierszu — nazwa reprezentowanej instytucji (np. Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie). Czwarty wiersz — tytuł artykułu; czcionką Times New Roman 14 pkt., pogrubiony, wersaliki, akapit wyśrodkowany. Odstęp przed 12 pkt., po 24 pkt. Po tytule artykułu podaje się (czcionką Times New Roman 12 pkt.): tytuł artykułu w języku angielskim (pogrubiony). W kolejnych akapitach (czcionką Times New Roman 10 pkt.): wyrazy kluczowe (5-7 wyrazów) w języku artykułu, wyrazy kluczowe w języku angielskim, abstrakt – 500-1000 znaków (ze spacjami).

3) Tekst główny. Czcionka Times New Roman 12 pkt. Akapit: wyrównanie — wyjustowany; interlinia 1,5 wiersza; pierwszy wiersz — wcięcie 1 cm (ustawia się automatycznie w oknie dialogowym Format/Akapit/Specjalne/Pierwszy wiersz).

Wszystkie wyznaczone fragmenty tekstu, np. wprowadzane terminy, podajemy w f o r m a c i e r o z s t r z e l o n y m: Format/Czcionka/Odstępy między znakami/Rozstrzelony/2,0 pkt. Nie zaleca się użycia w tym celu **pogrubienia** ani podkreślenia.

4) Numery stron — góra strony, do środka. Czcionka numerów stron — Times New Roman 10 pkt.

5) Do tworzenia przypisów bibliograficznych należy zastosować s y s t e m h a r w a r d z k i, polegający na odniesieniu do określonej pozycji zamieszczonej w bibliografii. Odniesienia te powinny być zamieszczane w tekście, np.: (Nowak 1999, 10) lub (Nowak/Kowalski 2000, 145 i n.). Proszę unikać rozpisywania tytułów książek i artykułów w tekście — należy stosować jedynie odsyłacze do bibliografii (jak wyżej). Pełne dane bibliograficzne prosimy podać w wykazie literatury przywoływanej (bibliografii), zamieszczonej na końcu artykułu (zob. p. 9).

6) Przypisy dolne (numerowane) prosimy wykorzystywać jedynie w celu zamieszczenia komentarzy, reminiscencji, uwag itp. Prosimy nie nadużywać tej formy prezentacji informacji. Format przypisów dolnych: czcionka Times New Roman 10 pkt., akapit: wyrównanie — wyjustowany; interlinia co najmniej 10 pkt; pierwszy wiersz — wcięcie 1 cm (ustawia się automatycznie w oknie dialogowym Format/Akapit/Specjalne/Pierwszy wiersz).

7) Cytaty ujmujemy w cudzysłów (nie kursywą). Cytaty objętością trzy wiersze i więcej prosimy podawać jako tekst blokowy:

Czcionka — Times New Roman 10 pkt., akapit — wyjustowany; pierwszy wiersz — brak wcięcia; wcięcia od lewej i od prawej 1 cm; interlinia 1,5 wiersza. Odstęp od tekstu głównego — przed i po 12 pkt. Fragmenty opuszczone należy oznaczyć trzema kropkami w nawiasach kwadratowych [...] (wzór tekstu blokowego).

8) Wszystkie imiona własne przywoływanych lub cytowanych badaczy podajemy w formie inicjałów: R. Jakobson, A. Nagórko, D. Szumska itd. Przy ponownym wspomnieniu autora inicjał imienia się nie powtarza — podaje się tylko nazwisko.

9) Na końcu artykułu zamiesza się listę bibliograficzną. Wykaz prac powinien być uporządkowany alfabetycznie według nazwisk autorów, a w przypadku powtarzającej się daty wydania publikacji tego samego autora, według daty utworów w porządku chronologicznym (do tej samej daty dodaje się litery małe, np. 2000a, 2000b, 2000c). W przypadku prac anonimowych lub dokumentów bez autora (np. stron WWW) w bibliografii należy podać fragment tytułu — jedno lub dwa słowa umożliwiające odnalezienie i identyfikację źródeł, np. (Russia's Population 2013). Wzór listy bibliograficznej (czcionka Times New Roman 10 pkt):

- Awdiejew, A. (1999), Standardy semantyczne w gramatyce komunikacyjnej (teoria i zastosowanie). W: Awdiejew, A. (red.), Gramatyka komunikacyjna. Warszawa / Kraków, 33-68.
- Bartmiński, J. (1973), O języku folkloru. Wrocław etc.
- Bartmiński, J./Niebrzegowska S. (1998), Profile a podmiotowa interpretacja świata. W: Bartmiński, J. (red.), Profilowanie w języku i tekście. Lublin, 211-224.
- Bednarczuk, L. (1991), Uwagi o funkcjach języka (Głos w dyskusji nad referatem R. Grzegorzczukowej „Problem funkcji języka i tekstu w świetle teorii aktów mowy”). W: Język a kultura. IV, 29-30.
- Beličová, H. (1984), Ke vstahu tzv. povrchoých a hloubkových větných významů. W: Československa rusistika. XXIX/4, 148-157.
- Polański, K. (red.) (1995), Encyklopedia językoznawstwa ogólnego. Wrocław etc.
- Jäkel, O. (2013), Hypotheses Revisited: The Cognitive Theory of Metaphor (Applied to Reli-gious Texts). W: [dostęp 15 maja 2013]. Dostępny w World Wide Web: <<http://www.metaphorik.de>>.

Źródła naukowe, zapisane cyrylicą, powinny zostać dodatkowo przetransliterowane. W tym celu prosimy używać serwisu internetowego: <https://www.ushuaia.pl/transliterate>. Proszę wybrać opcję transliteracji: **rosyjski BGN-PCGN**. Po notacji w formie oryginalnej (cyrylickiej) następuje, zapisana w nawiasach kwadratowych, wersja przetransliterowana. Bibliografia powinna być zapisana zgodnie ze wzorcem:

- Фонарев, А. Р. (1998), Психология личностного становления профессионала. Москва. [Fonarev, A. R. (1998), Psichologiya lichnostnogo stanovleniya professionala. Moskva.]
- Норман, Б. Ю. (1994), Грамматика говорящего. Санкт-Петербург. [Norman, B. J. (1994), Grammatika govoryashchego. Sankt-Peterburg.]
- Киклевич, А. (2019), Реализация пропозиционального аргумента: клаузальная – именная – нулевая (на примере русских эмотивных глаголов). W: Филологические науки. 1, 9-21. [Kiklewicz, A. (2019), Realizaciya propozitional'nogo argumenta: klauzal'naya – imennaya – nulevaya (na primere russkikh emotivnykh glagolov). In: Filologicheskiye nauki. 1, 9-21.]

W przypadku zapisanych alfabetem cyrylickim tekstów, będących tłumaczeniami, nazwisk autorów nie należy transliterować — powinny one zostać zapisane w postaci oryginalnej, np.:

Сартр, Ж.-П. (1993), Проблема метода. Москва. [Sartre, J.-P. (1993), Problema metoda. Moskva.]

10) Między tabelami, rycinami, diagramami itp. a tekstem głównym stosować odstęp 12 pkt: FORMAT/AKAPIT/ODSTĘPY PRZED 12 pkt.

11) Zaleca się numerację wszystkich rozdziałów i podrozdziałów. Prosimy przy tym nie używać domyślnej numeracji, tzn. domyślnych list numerowanych.

12) Automatyczne dzielenie wyrazów.

13) W tekście głównym kontrola bękartów i wdów: FORMAT/AKAPIT/PODZIAŁY WIER-SZA I STRONY/KONTROLA BĘKARTÓW I WDÓW.

14) Objętość artykułu: od 20000 do 25000 znaków (z odstępami).

15) Aby przeciwdziałać przypadkom „ghostwriting”, „guest authorship”, redakcja czasopisma stosuje odpowiednią procedurę, przyjętą w polskim środowisku nauk humanistycznych. Autorki i autorzy są proszeni o wypełnienie i przesłanie na adres Redakcji Oświadczenia o oryginalności artykułu. Druk Oświadczenia znajduje na stronie internetowej czasopisma.

16) Artykuł przedstawia się w formie elektronicznej na jeden z adresów:

akiklewicz@gmail.com

aleksander.kiklewicz@uwm.edu.pl